

МИНИСТРЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ТИПОЛОГИИ

Сборник научных трудов

В ы п у с к 6

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2017

УДК 81'32(082)
ББК 81.1
П78

Научный редактор –
доктор филологических наук, профессор *А. А. Кретов*

Проблемы компьютерной лингвистики и типологии : сборник научных трудов. Вып. 6 / под ред. А.А. Кретьова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2017. – 246 с.
ISBN 978-5-9273-2601-3

Сборник посвящен проблемам автоматического анализа, синтеза и обработки звучащей речи и текстов на естественном языке. Предложенные программы не только облегчают работу лингвистов по извлечению необходимой информации из текста, но и являются также вариантами формального представления подсистем языка.

Сборник составлен по материалам Всероссийской научной конференции «Проблемы компьютерной и типологической лингвистики», организованной и проведенной Отделением теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии и Научно-методическим центром по компьютерной лингвистике Воронежского государственного университета и посвященной памяти ректора Воронежского государственного университета Владимира Тихоновича Титова.

Для лингвистов, филологов и специалистов по автоматизации процесса представления знаний.

УДК 81'32(082)
ББК 81.1

ISBN 978-5-9273-2601-3

©Воронежский государственный университет, 2017
©Оформление. Издательский дом ВГУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Баева Е.И.</i> АНАЛИЗ КОРПУСОВ ЗВУЧАЩЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕЧИ: МЕТОДЫ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ	5
<i>Безрукова И.С., Побегайло И.В.</i> ГИПЕРКОНЦЕПТ CASA/FAMIGLIA И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА .	8
<i>Бессарабова Г. А.</i> ФЕНОМЕН ИРОНИИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)	13
<i>Величкова Л.В., Абакумова О.В.</i> МЕХАНИЗМ КОНТРАСТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ	16
<i>Воропаева И.В.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ И АКУСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СИГНАЛОВ	22
<i>Грабовская М.А.</i> ОПИСАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СЛОВ <i>БЛАГОДАРСТВОВАТЬ</i> И <i>БЛАГОДАРЯ</i>	29
<i>Кашкин Е.В.</i> К ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: ГОРНОМАРИЙСКИЙ ГЛАГОЛ <i>KEĀĹ</i> 'ИДТИ, УХОДИТЬ'	36
<i>Лысенко Н.И.</i> АНТРОПОНИМЫ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ БЕНИТО ПЕРСА ГАЛЬДОСА «ДВОР КАРЛОСА IV»	47
<i>Мордашова Д. Д.</i> В РИТМЕ ВАЛЬСА: ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВРАЩЕНИЯ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	52
<i>Мурашкина О.В.</i> К ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	65
<i>Пантелеева И.М.</i> ПРИЗНАК СУХОЙ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	68
<i>Петроченко Е.В.</i> ТОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ МАРКЕР ЯЗЫКА ГОВОРЯЩЕГО	79
<i>Печникова В.М.</i> ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗОН 'ЧИСТЫЙ' И 'ГРЯЗНЫЙ': ТИПОЛОГИЯ ПРЯМЫХ И ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	85
<i>Полицына Е.В., Полицын С.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ДВУХУРОВНЕВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТА В ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА	98
<i>Попова Д.А.</i> ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ МЕНТЕФАКТОВ-ПРОДУКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ...	105
<i>Попова Т.Г.</i> НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ:МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ...	110
<i>Поречный А.С.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПОИСКА ПОНЯТИЙ С ПОМОЩЬЮ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ИЗ ТЕКСТА	115
<i>Романова К.И.</i> ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ ПАДЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ПОЛЬСКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ	126
<i>Рыжова Д.А., Ершов И.А., Мельник А.А.</i> АВТОМАТИЧЕСКИЙ СБОР ДАННЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ	131
<i>Савельева А.Ю.</i> ГЛАГОЛЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗОН 'ТОЛКАТЬ' И 'ТЯНУТЬ' В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	142
<i>Сбоев А.Г. , Д.В. Гудовских, И.А. Молошников, А.В. Наумов</i> МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВБРОСОВ В ИНТЕРНЕТ ИСТОЧНИКАХ	152

<i>Сибирева А. А.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ АРЕАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ.....	158
<i>Стекольников Н. В.</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ДИСТРИБУТИВНОГО АНАЛИЗА ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНВАРИАНТА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА.....	182
<i>Студеникина К. А.</i> ГЛАГОЛЫ СТУКА И УДАРА В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	186
<i>Стырина С. К.</i> “НЕ РЕБЕНОК, А ЧУДО”: РУССКАЯ КОНСТРУКЦИЯ “НЕ Y, А X” И ЕЕ АНАЛОГИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	194
<i>Суханова А. С.</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЛИДЕРОВ ПАРТИЙ «MOVIMENTO 5 STELLE» (ИТАЛИЯ) И «RODEMOS» (ИСПАНИЯ).....	203
<i>Суханова М. В.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ОБОРОТОВ КАСАТЕЛЬСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУСИСТОВ И ИСПАНИСТОВ	209
<i>Тужикова Д. Б.</i> ОЙКОНИМЫ С ТОПООСНОВОЙ «ВОЗВЫШЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП РЕЛЬЕФА».....	216
<i>Филипаци Ю. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОГА НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТЯЖЕННЫХ ТЕКСТОВ (ПРОЦЕДУРЫ АВТОМАТИЗАЦИИ)	220
<i>Филиппова Т. Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	223
<i>Черепанова О. Д.</i> ОЗВУЧИВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СИНТЕЗА «ТЕКСТ-РЕЧЬ» С ПОМОЩЬЮ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ.....	226
<i>Шарандин А. Л.</i> ГИБРИДНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ МОДЕЛЕЙ АНАЛИЗА, СИНТЕЗА И КОРРЕКЦИИ	235
<i>Шигина И. Е.</i> ОТ А ДО Я, ИЛИ РУССКИЙ АЛФАВИТ И ЗВУКИ РЕЧИ ПО-НОВОМУ	243

АНАЛИЗ КОРПУСОВ ЗВУЧАЩЕЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕЧИ: МЕТОДЫ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ©

Аннотация: статья посвящена проблеме корпусов итальянской звучащей речи и их анализу. Автор описывает методы транскрибирования невербальной составляющей и специальные программы для этого.

Ключевые слова: корпус, итальянская речь, невербальное поведение, транскрипция, AVI, CIT, CLIPS.

Analysis of corpora of spoken Italian: methods of transcription of nonverbal component

Abstract: the paper discusses the corpora of spoken Italian and analyzing them. The author describes methods of transcription of nonverbal component and software tools to support the transcription process.

Key words: corpus, spoken Italian, nonverbal behavior, transcription, AVI, CIT, CLIPS.

На сегодняшний день одним из важнейших типов языковых ресурсов являются корпуса звучащей речи, которые также называют речевыми базами данных. Последний термин обычно используется для обозначения любых, как правило, больших, наборов лингвистических данных и описаний, представленных в электронном виде и специально организованных для разработки, совершенствования и оценки систем и алгоритмов обработки речевого и языкового материала в лингвистических технологических приложениях. Иногда к языковым ресурсам относят также и компьютерные программы, которые обеспечивают создание, сбор, организацию и управление собственно лингвистическими ресурсами. Рассмотрим более подробно основные корпуса звучащей итальянской речи.

1. AVI

AVI (Archivio del Parlato Italiano) – проект по сбору итальянской звучащей речи, начиная с 1997 года, находится под руководством проф. F. Albano Leoni, а изначально носил название AVIP (Archivio delle Varietà di Italiano Parlato). В данном проекте принимало участие более 8 институтов, включая лингвистическую лаборатория Высшей Нормальной школы в г. Пиза (Scuola Normale Superiore di Pisa), Межведомственный центр по анализу и синтезу знаков в Неаполе (CIRASS), университет Федерико II и Восточный университет в Неаполе, Политехнический институт в Бари и Университет в Пьемонте. Цель проекта была создать корпус живой речи, прежде всего для лингво-фонетического анализа. В корпусе удалось собрать региональное звучание речи жителей Неаполя, Пизы, Флоренции, Бари, Бриндизи.

2. CIT

Корпус телевизионного итальянского языка (Il Corpus di Italiano Televisivo) представляет собой собрание затранскрибированных текстов телевизионных передач в электронном формате (за исключением фантастики, фильмов, телесериалов, сериалов и

т.д.). Анализируются лексические и грамматические характеристики итальянского языка телевидения. Состоит из 250.000 слов и в дальнейшем планируется расширение корпуса до 500.000 слов. Проект начался в августе 1998 и предполагает задействовать другие корпуса итальянского языка, созданные в последнее время, для лингвистического анализа современного итальянского языка посредством компьютерной и корпусной лингвистики.

3. CLIPS

Лингвистические корпуса разговорного и письменного итальянского языка, представляют собой аудиокорпус разговорного языка различных категорий: диалогический, озвученный, телевизионный разговорный, телефонные разговоры. Это второй из восьми проектов под общим названием "Linguistica computazionale: ricerche monolingui e multilingui", финансируемых Министерством образования. Содержит около 100 часов звучащей речи, разделенной на мужские и женские голоса. Записи были выполнены в пятнадцати различных итальянских регионах: Бари, Бергамо, Болонья, Кальяри, Катандзаро, Флоренция, Генуя, Лечче, Милан, Неаполь, Палермо, Парма, Перуджа, Рим, Венеция. Для каждой местности было отобрана звучащая радиотелевизионная речь, диалогическая, речь непрофессиональных дикторов, телефонные разговоры, и речь двадцати профессиональных дикторов, зачитанная перед специальной камерой.

Во второй половине XX века многие ученые пришли к выводу, что во время создания корпуса звучащей речи важно правильно транскрибировать также невербальные аспекты, то есть то, что говорящие делают со своим телом и где они находятся в момент речи [Birdwhistell, 1970; Goodwin, 1984; Kendon, 2004 и др]. Перед учеными возник ряд вопросов: во-первых, как разделять движения жестовые от нежестовых, какие действия являются мотивированными другими. И, во-вторых, как обозначать начало и конец момента, когда новые объекты вступают во взаимодействие. Таким образом, одна из наиболее сложных задач это воссоздать не только сам жест с помощью серии фотографий, но и соединить его с речью, которую воспроизводит говорящий в данный момент. Так, в начале предпринимались попытки графической системы записи движений и жестов. В 1978 Адам Кендон ввел понятие «significant gestures» и использовал условные обозначения выражения лица. С начала 1970-х этой проблемой начал заниматься американский ученый Чарльз Гудвин (Charles Goodwin), который потом защитил диссертацию, основанную на анализе видео. Он создал нотационную систему, которая отражает направление движения взгляда говорящих. Взгляд изображается над речью. Непрерывная линия обозначает, что на адресата направлен особый взгляд. Точный момент, когда взгляд достигает адресата, обозначается левой квадратной скобкой. Многоточие обозначает, что говорящий обращает свой взгляд на кого-то, а запятые обозначают, что взгляд говорящего удаляется от адресата. Таким образом, транскрипт фокусируется на разговоре, дополняя его деталями действия. Профессор римского университета Алессандро Дуранти, начиная с 1997 года, продолжает традицию исследования коммуникативных актов совместно с грамматическими единицами, уделяя больше внимания жестам в речи. Изучением жестов с помощью новейших компьютерных программ занимается консорциум NITE, который уже собрал и проанализировал различные нотационные системы, включающие проксемику, кинетику и мимику [Serenati, 2002]. Ученые используют в своих анализах описания, сопровождающиеся символами, обозначающими форму рук (BLAG), заимствованную из специально разработанного языка глухонемых (HamNoSys). Следует заметить, что подобное описание не совсем легкое для восприятия и нуждается в специальном оборудовании.

НИАТ (*h alb- i nterpretative A rbeits- T ranskription*) [Ehlich, 1993], ещё одна нотационная система, которая кроме кинетики занимается просодикой и наслоениями, используя в базовой версии комментарии для описания невербальной коммуникации. В другой версии используется модель, разработанная Гудвином. Уделяется особое внимание части тела, участвующей в действии, природе движения и его длительности.

Невербальному явлению дается минимальная характеристика, например, «улыбается», и эта характеристика выравнивается по долготе речи, во время которой происходит.

о -----улыбается ----- о

Знаки “о” обозначают начало и конец действия. Таким образом, НИАТ используется в лингвистике и, в частности, в функционально-прагматическом анализе дискурса и диалогическом анализе на немецком языке. Эта система транскрипции была разработана лингвистами Йохеном Рехейном и Конрадом Элихом. В некоторых моментах система совпадает с транскрипциями, разработанными Гейл Джефферсон.

Нотационная система, разработанная другим ученым, одним из основателей кинесики Birdwhistell [Бердвистел, 1970], настолько детальна, что трудна в чтении. В случае, если описываемые действия короткие (например, моргнуть), они описываются, используя знак “%” для обозначения места, где оно произошло. Этот знак был выбран из-за сходства с двойным “о” и линией между ними из предыдущего примера.

Таким образом, мы видим, что на сегодняшний день всё больше исследователей приходит к мнению, что «современная лингвистика должна стать лингвистикой корпусов», тем более, что современные технологии стремительно развиваются. Поэтому мы полностью согласны с высказыванием профессора О.О. Борискиной, «что корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя... это – требование времени, связанное с новым качеством лингвистической реальности и отвечающее потребностям современного общества» [Борискина, 2015, с. 27]. Кроме того, анализ корпусов звучащей итальянской речи возможно включить в методику обучения итальянскому языку. В этом случае ученики получают возможность самостоятельно классифицировать данные корпуса.

Литература

1. Birdwhistell, Ray L. Kinesics and context: Essays on body motion communication / Ray L. Birdwhistell. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 1970. – 338 p.
2. Goodwin C. Audience diversity, participation and interpretation [Электронный ресурс] / C. Goodwin. – Режим доступа: http://www.sscnet.ucla.edu/clic/cgoodwin/86aud_diver.pdf (дата обращения: 14.11.17).
3. Goodwin C. The Interactive Construction of a Sentence in Natural Conversation. Everyday Language: Studies in Ethnomethodology [Электронный ресурс] / C. Goodwin. – Режим доступа: http://www.sscnet.ucla.edu/clic/cgoodwin/79inter_sent.pdf (дата обращения: 14.11.17).
4. Jefferson G. Glossary of transcript symbols with an introduction [Электронный ресурс] / G. Jefferson. – Режим доступа: http://www.liso.ucsb.edu/liso_archives/Jefferson/Transcript.pdf (дата обращения: 14.11.17).
5. Kendon A. Gesture. Visible Action as Utterance / A. Kendon. – Cambridge University Press, 2004. – 400 p.
6. Борискина О.О. Корпусные исследования языка : мода или необходимость / О.О. Борискина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 24 – 27.

Баева Екатерина Игоревна
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии
Воронежского государственного университета.

E-mail: *katybaev@yandex.ru*

Baeva Ekaterina Igorevna

Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Roman Philology of Voronezh State University.

E-mail: *katybaev@yandex.ru*

УДК 811.131.1

А. С. Безрукова, И. В. Побегайло
(Воронеж)

ГИПЕРКОНЦЕПТ CASA/FAMIGLIA И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА©

Аннотация: статья посвящена анализу наполняемости концептов Casa (дом) и Famiglia (семья) в итальянской лингвокультуре (посредством семантико-когнитивного анализа лексем-репрезентантов, и их внутрисистемных отношений на базе словарных статей) и функционированию этих концептов в публицистическом дискурсе итальянского языка.

Ключевые слова: гиперконцепт, семья, дом, публицистический дискурс, итальянский язык.

Hyperconcept Casa/Famiglia and its representation in publicistic discourse of the Italian language

Abstract: the article is devoted to analysis of the occupancy of concepts Casa (house) and Famiglia (family) in the Italian linguistic culture (by means of semantic-cognitive analysis of lexemes-representatives, and their internal relations on the basis of dictionary entries) and the functioning of these concepts in journalistic discourse of the Italian language.

Key words: hyperconcept, home, family, publicistic discourse, Italian language.

Концепты Дом/Casa и Семья/Famiglia принадлежат к числу важнейших культурных концептов, без которых немислимо построение картины мира – концептуальной и языковой. В нашем исследовании мы воспользовались термином «гиперконцепт» под которым понимается ментально-языковая единица, возникающая на пересечении нескольких концептуальных слоев двух (и более) самостоятельно зафиксированных концептов [Кострубина, 2001, с. 36].

Изучение функционирования и структуры данного гиперконцепта проводилось на материале итальянских периодических издания: *La Repubblica*, *Corriere della Sera*, *Il Sole 24 Ore*, *Il Libero*, *La Gazzetta dello Sport*, а также словарных статей толковых, фразеологических словарей и словарей синонимов. Обращение к публицистическому дискурсу итальянского языка объясняется тем, что публицистика, как максимально открытая и доступная большому количеству читателей сфера, является отражением языковых и социальных процессов, происходящих в обществе. Как известно, доминирующей функцией публицистического текста является социальная оценочность. В нашем случае предпочтение было отдано письменной форме публицистического текста,

---

© Безрукова А. С., Побегайло И. В., 2017

т.е. газетной и журнальной, в которой особую роль играет прагматическое значение слова и подчеркнутая экспрессивность.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров из итальянских газет, нужно понять, что такое «дом» для картины мира итальянца.

Согласно этимологическому словарю слово *casa* происходит от латинского *casa*, что означает «*saranna, casupola*» то есть «хижина, лачуга». В этом же словаре отмечается «*per l'edificio adibito ad abitazione il latino ha domus, rimasto solo nel nostro duomo (= casa di Dio)*» («что касается здания для жилья, в латыни существовало слово «*domus*», которое перешло в итальянский язык только в качестве «*duomo*» – храма, то есть «Божьего дома»).

Дом в сознании любого народа гораздо больше, чем просто здание. Анализ словарных дефиниций лексемы *casa* позволяет выявить основные семы, отражающие ее значение и образующие ядро концепта:

- строение, возведенное человеком для жилья, разделенное на комнаты (может иметь несколько этажей);
- место проживания одного человека или семьи;
- учреждение, где определенные категории людей могут находиться какое-то время в связи с обстоятельствами или по каким-то причинам;
- группа людей, которые находятся в одной среде, в одном окружении;
- фирма, предприятие, промышленная или торговая компания;
- каждая клетка шахматной доски;
- каждое из 12 зодиакальных созвездий [Devoto G., Oli G., 2009].

Лексема *casa* в значении «дом-здание, дом-строение» в словаре стоит на первом месте, то есть встречается наиболее часто, это именно то значение, которое приходит носителю языка непосредственно в голову первым, составляя основу для развития других производных от него значений. И публицистика, как отражение мира общества, не исключение.

Репрезентацию данного значения в публицистическом дискурсе мы можем наблюдать в свете произошедших землетрясений в Италии в период, который мы взяли для анализа газет. Соответственно, тема устойчивых и надежных конструкций обсуждалась и освещалась очень широко. *Se guardiamo poi alle case rurali in America, non si è mai smesso di costruire col legno, ma fino ad oggi mancavano le tecnologie adatte a sfidare le altezze di città* [La Repubblica, 13 сентября 2016, p. 21]. – Если мы посмотрим на сельские дома в Америке, то их всегда строили из дерева, но до сих пор нет технологии, способной бросить вызов городским высоткам. *Ci sono, purtroppo, anche delinquenti che pensano di lucrare sulle tragedie, allora è fondamentale la vigilanza sulle case* [Libero, 3 ноября 2016, p. 2]. – Есть, к сожалению, и негодяи, которые думают только о том, чтобы нажиться на трагедиях. Значит, очень важно установить надзор за домами.

Дальнейшее развитие номинативно-непроизводного значения «*casa-costruzione*», согласно словарным дефинициям, получает значение «*casa-abitazione*» (дом-жилье). *Non avevo programmato nulla, ma certo non potevo chiudere le porte a chi non aveva più una casa* [Corriere della Sera, 3 ноября 2016, p. 12]. – Я ничего не планировал, но, конечно же, не мог закрыть двери перед теми, кто остался без дома. *A tarda sera è arrivata a casa del capitano la polizia per raccogliere la sua testimonianza* [Corriere della Sera, 17 октября 2016, p. 38]. – Поздно вечером в дом капитана приехала полиция для сбора показаний.

Далее лексема «*casa*», согласно толковому словарю итальянского языка, приобретает значение «*casa-famiglia*» (дом-семья). Часто оно представлено в устойчивых сочетаниях типа *amico della casa, atmosfera di casa, nostalgia di casa, fare gli onori di casa, le abitudini di casa mia, sentirsi come a casa propria*. *Ricordate Tanguy, commedia di Étienne Chatiliez del 2001? Descrive gli aspetti psicologici e sociologici dei figli ormai adulti che non vogliono andarsene da casa* [Il Sole 24 Ore, 23 октября 2016, p. 19]. – Помните «Танги»,

комедию Этьена Шатилье, вышедшую в 2001? В фильме раскрываются психологические и социологические причины, по которым дети не хотят уходить из дома (из семьи).

La nazionale ci ha costretto a stare lontani da casa e insieme: la fatica ci ha uniti. Lo sport non ti fa pensare ai problemi [La Repubblica, 17 октября 2016, р. 39]. – Войдя в состав национальной сборной, мы были вынуждены находиться далеко от дома (от семьи) и держаться вместе, трудности сплотили нас. В спорте ты не думаешь о проблемах.

В итальянском языке значение слова «casa» может расширяться до понятия «paese, patria». *Se non possiamo mantenerli in casa nostra, allora paghiamoli per restare a casa loro* [Libero, 6 октября 2016, р. 13]. – Если мы не можем поддерживать их в нашей стране, то давайте дадим им денег, чтобы они оставались в своей стране. «Дом» – это и малая родина: город, область, регион. *Governatore, il Canton Ticino vuole rimandare a casa 60 mila lombardi con un referendum contro i frontalieri...* [Libero, 3 октября 2016, р. 5]. – Губернатор, кантон Тичино хочет отправить домой 60 тысяч ломбардцев с помощью референдума против работников – жителей приграничной зоны... Не забывают итальянцы и о том, что планета Земля – это тоже дом для человечества. *In occasione della giornata mondiale di preghiera per la cura del creato, celebrate il 1 settembre sul tema “Usiamo misericordia verso la nostra casa comune”, Papa Francesco ha proposto di aggiungere alle opere di misericordia corporali e spirituali della tradizione Cristiana un’ottava opera tanto fisica, quanto spirituale: la cura della casa comune* [Il Sole 24 Ore, 11 сентября 2016, р. 1]. – По случаю Всемирного дня молитвы о защите Божьего творения, празднуемого 1 сентября под лозунгом «Будем милосердны к нашему Общему Дому», Папа Франческо предложил добавить к телесным и духовным милосердным делам христианской традиции, восьмое дело скорее более физическое, чем духовное: забота о нашем общем доме.

Для итальянского языка значение «дом» как «учреждение, общественное заведение» является очень продуктивным. Популярно в газетном жанре и использование лексемы «casa» в значении «фирма, предприятие, компания». *Verosimilmente la sindaca, non sapendo a quale santo votarsi per governare Roma, ha scelto la copertura della casa comunale per essere più vicina al cielo nel chiedere lumi* [Libero, 3 октября 2016, р. 23]. – Вероятно, что мэр, не зная, что предпринять для управления Римом, выбрала крышу муниципалитета, чтобы быть ближе к небу, прося озарения. Популярно в газетном жанре и использование лексемы «casa» в значении «фирма, предприятие, компания»: «*Siamo profondamente impegnati e attenti all’Europa, come dimostra anche il nostro nuovo crossover compatto CHR*», *ha detto il numero uno della Casa giapponese* [Corriere della Sera, 3 октября 2016, р. 44]. – «Мы очень основательно и внимательно относимся к европейскому рынку, что и демонстрирует наш новый компактный кроссовер CHR» – отмечает глава японской автомобильной компании.

Освещение актуальной политической ситуации в стране и за ее пределами и формирование общественного мнения – это одна из основных целей публицистики. Соответственно, существенный пласт лексики концепта casa также имеет широкое распространение в данной тематике публицистического дискурса. Например, использование лексемы casa в значении «партия, штаб партии». Особый случай употребления лексемы casa в политическом контексте, когда высказываются нелестные мнения в сторону политиков. *Noi ripetiamo, con Matteo Salvini: non ne possiamo più di Renzi, mandiamolo a casa* [Libero, 5 ноября 2016, р. 21]. – Мы с Маттео Салвини повторяем: мы больше не можем выносить Ренци, уберем его (отстраним).

Любопытно отметить, что из рассматриваемых периодических изданий, газеты о спорте являются абсолютным лидером в употреблении лексемы casa. В каждом выпуске она встречается от 40 до 60 раз, при среднем показателе 31 раз на газету, где спорт – это не основная тема. Основное значение «игра дома, на своем поле»: *Spalletti ha vinto tutte le ultime 11 partite in casa, campionato scorso incluso, ovvio* [La Gazzetta dello Sport, 13 декабря 2016, р. 2]. – Спаллетти выиграл все последние 11 домашних матчей и также, соответственно, прошлый чемпионат.

Обратившись к словарным дефинициям лексемы *casa*, мы увидели, что на первом месте стоит значение «строение, конструкция», то есть это то понятие, которое чаще других вкладывается итальянцами в изучаемое слово. Проанализировав ежедневные периодические издания в количестве 219 газет, мы получили следующие результаты:

- всего лексема *casa* встретила нам 6 854 раза;
- при этом 2 536 раз, что составляет 37%, приходится на значение «*casa-abitazione*», а на значение «*casa-costruzione*» всего 1 302 или 19%;
- следующее по частотности значение «*il campo della propria sede*» (свое поле) – 891 слово или 13%. На политическую тематику приходится 8% или 548 употреблений.

Перейдем к рассмотрению концепта *Famiglia*. Слово *familia* (собирательное от *famulus* "раб") первоначально означало "челядь", а в дальнейшем стало обозначать также "дом" как совокупность "господина" и "домашних". Толковый словарь итальянского языка *Devoto-Oli* дает следующие значения слова «*famiglia*»:

- социальная ячейка, состоящая из двух и более индивидов, которые живут в одном доме и обычно связаны между собой брачными или родственными узами;
- группа людей одного происхождения, связанных кровным родством и традициями;
- группа людей, работающих в одном доме или в сопровождении важной персоны;
- группа людей, связанных идеальной или эмоциональной связью или вытекающей из физической или духовной схожести, также группы животных и растений;
- в мафиозной организации, группа людей, связанных групповой поручкой и беспрекословно подчиняющихся приказам главаря (крестного отца);
- в лингвистике (для тех, кто занимается генеалогической классификацией языков), совокупность языков, исторически относящихся к общему прототипу [*Devoto G., Oli G., 2009*].

Первое и основное значение лексемы «*famiglia*» – семья, семейство. *Le aggiungo che 4 di Pieris e dintorni sono andati in Nazionale, di cui due della stessa famiglia, io e mio zio Tortul* [*La Gazzetta dello Sport*, 9 декабря 2016, р. 16]. – Я вам даже скажу, что из Пьери и окрестностей 4 человека попали в национальную сборную, а двое из них даже из одной семьи – я и мой дядя Тортул.

Следующее значение, реализацию которого мы видим в публицистическом дискурсе – это «династия, род». *Nata a Montevarchi ma cresciuta a Laterina, piccolo Comune della provincial di Arezzo dove la sua famiglia risiede da generazioni* [*Corriere della Sera*, 13 декабря 2016, р. 9]. – Родилась в Монтеварки, но выросла в Латерине, небольшой коммуне в Ареццо, где проживает уже несколько поколений ее семьи (рода).

Распространенное значение у лексемы *famiglia* «группа людей, объединенных общими интересами», например, партия. «*Se potessi votare in Italia, voterei per Matteo Renzi anche se non fa parte della mia famiglia politica*», *ha spiegato l'uomo politico democristiano* [*Il Sole 24 Ore*, 30 ноября 2016, р. 8]. – Если бы я мог голосовать в Италии, проголосовал бы за Маттео Ренци, даже если он не принадлежит к моей политической семье» – объяснил политик из христианско-демократической партии.

Кроме того, лексему «*famiglia*» в публицистике можно встретить в лингвистическом, биологическом, географическом контексте, когда семьей называют группу, совокупность чего-либо: слов, островов, животных и т.п. *Dopo i tumori solidi – polmone, melanoma, rene e vescica, testa e collo – l'immunoterapia si dimostra efficace anche contro l'altra grande famiglia di malattie oncologiche: quella dei tumori del sangue e delle vie linfatiche* [*La Repubblica*, 30 ноября 2016, р. 32]. – После серьезных раковых опухолей – легких, почек и мочевого пузыря, меланомы, опухоли мозга и шейного отдела позвоночника – иммунотерапия представляется эффективной так же против другой большой группы онкологических заболеваний: рака крови и лимфатических сосудов.

К сожалению, в Италии до сегодняшнего дня существует такое явление, как мафия. Отражая национальную картину мира и актуальные проблемы, периодические издания содержат статьи о криминальных группировках и кланах, которые также используют лексему *famiglia* для обозначения сложной криминальной организации со своей иерархией и кодексом поведения. *Giuseppe Morello, alias "Artiglio", "Mignolo" e "Jackun Dito". Fondatore e capo della prima famiglia mafiosa di NewYork, e "capo dei capi" della mafia Americana fino al 1910* [Il Sole 24 Ore, 11 сентября 2016, p. 41]. – Джузеппе Морелло, или Коготь, Мизинец и Джек-Палец (в России известен под прозвищем Хваткая Рука). Основатель и глава первой мафиозной семьи Нью-Йорка, и «босс боссов» американской мафии до 1910 года.

И, конечно, говоря о том, что планета Земля – это наш дом, то, соответственно, человечество – это одна большая семья. *È di questa ricchissima tradizione di fede e di vita che Papa Francesco si sta facendo voce autorevole e credibile per i tempi complessi, che l'intera famiglia umana sta oggi vivendo* [Il Sole 24 Ore, 11 сентября 2016, p. 21]. – Именно эту богатейшую традицию веры и жизни провозглашает Папа Франческо в эти трудные времена, которые переживает сегодня человечество.

Статистика употребления лексемы *famiglia* на материале итальянских газет в количестве 219 дает нам следующие данные:

- общее количество употребления лексемы – 3 723;
- абсолютное большинство составляют примеры со значением «семья, семейство» – 2 755 примеров или 74%;
- значение «династия, род» получило 316 примеров, что составляет 8,5%
- в значении «группа людей, объединенных общими интересами» – 149 примеров или 4%.

Проанализировав итальянские периодические издания, мы увидели, что публицистический дискурс имеет свои особенности в оперировании значениями, которые вкладываются авторами статей (журналистами) в те или иные лексемы. Так мы увидели, что традиционно наиболее употребляемое значение лексемы *casa* «дом-строение», в газетном контексте уходит на второй план, а основным становится значение «дом-жилье». Кроме того, можно наблюдать расширение значений до таких, которые не зафиксированы в словарях. Таким образом, можно утверждать, что итальянская публицистика расширяет национальную концептосферу.

Работая над итальянскими газетами, мы также увидели, что концепт *casa* в публицистическом дискурсе является более многогранным, чем концепт *famiglia*.

Также можно наблюдать теснейшую ассоциативную и дифференционную связь концептов *Casa* и *Famiglia*, их сходство в ментальном пространстве и даже их взаимозаменяемость, что говорит о моделировании гиперконцепта *Casa – Famiglia*.

Литература

1. Кострубина Е.А. Гиперконцепт Семья/Дом – Family/Номе в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Кострубина. – Омск, 2011. – 236 с.
2. Devoto G. Il Devoto-Oli Vocabolario della lingua italiana / G. Devoto, G. Oli. – Milano: Le Monnier, 2009.
3. Corriere della Sera. – 2016. – lunedì 3 ottobre. – №38.
4. Corriere della Sera. – 2016. – lunedì 17 ottobre. – №40.
5. Corriere della Sera. – 2016. – giovedì 3 novembre. – №262.
6. Corriere della Sera. – 2016. – martedì 13 dicembre. – №296.
7. Il Sole 24 Ore. – 2016. – domenica 11 settembre. – №250.
8. Il Sole 24 Ore. – 2016. – domenica 23 ottobre. – №292
9. Il Sole 24 Ore. – 2016. – mercoledì 30 novembre. – №329.

10. La Gazzetta dello Sport. – 2016. – venerdì 9 dicembre. – №291.
11. La Gazzetta dello Sport. – 2016. – martedì 13 dicembre. – №294.
12. La Repubblica. – 2016. – martedì 13 settembre. – №217.
13. La Repubblica. – 2016. – lunedì 17 ottobre. – №40.
14. La Repubblica. – 2016. – mercoledì 30 novembre. – №284.
15. Libero. – 2016. – lunedì 3 ottobre. – №273.
16. Libero. – 2016. – giovedì 6 ottobre. – №276.
17. Libero. – 2016. – giovedì 3 novembre. – №304.
18. Libero. – 2016. – sabato 5 novembre. – №306.

Безрукова Алина Сергеевна

выпускница кафедры романской филологии Воронежского государственного университета 2017г.

E-mail: alina-shtogrina@mail.ru

Bezrukova Alina Sergeevna,

Graduate of the Department of Romance Philology 2017, Voronezh State University

E-mail: alina-shtogrina@mail.ru

Побегайло Ирина Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета

E-mail: Pobegaylo@list.ru

Pobegaylo Irina.Valentinivna,

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance Philology of Voronezh State University

E-mail: Pobegaylo@list.ru

УДК 811.134.2 ' 373. 21

Г. А. Бессарабова
(Воронеж)

ФЕНОМЕН ИРОНИИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ **(на материале испанского языка)©**

Аннотация: статья посвящена феномену иронии в разговорной речи. Маркерами ее выражения в испанском языке являются выразительные, морфосинтаксические средства языка, а также поведенческие особенности коммуникантов.

Ключевые слова: коннотация, имплицитная модальность, имплицитное отрицание.

THE PHENOMENON OF IRONY IN THE COLLOQUIAL SPEECH **(based on examples of Spanish language)**

Abstract: this article is devoted to the linguistic phenomenon of irony. In Spanish irony is marked by expressive, morphosyntactic means of language along with the particular aspects of behaviour of those involved in the communication.

Key words: connotation, implicit modality, implicit negation.

Если шутка прячется за серьезное – это ирония;
если серьезное за шутку – это юмор.
(Артур Шопенгауэр, немецкий философ)

Ирония может трактоваться по-разному, но в целом мы исходим из того, что ирония – это признак остроумия и смекалки, это добрая улыбка над недостатками. Именно данная черта была присуща Владимиру Тихоновичу Титову. Таким мы его и помним: добрым, веселым, энциклопедически образованным. С ним всегда было легко общаться. Он был ироничен к себе, к коллегам, к студентам. Памяти так рано ушедшему от нас коллеге посвящается данная статья.

Общеизвестно, что ирония – понятие многоплановое: в стилистике и риторике ирония определяется как вид тропа, в литературоведении – как одна из форм комического, то есть как вид юмора, занимающий место между сатирой и пародией; в философии ирония рассматривается как категория эстетическая, нравственная.

Основным механизмом существования иронии в разговорной речи является игра со смыслами, в которой истинным является не прямое значение высказывания, а противоположное ему, подразумеваемое говорящим опосредованно и выражаемое им различными языковыми способами. Согласно О.Л. Заболотневой, ирония характеризуется наличием выраженного и скрытого смыслов, связанных отношением соппротивоположности или отрицания [Заболотнева, 2013, с. 85]. Таким образом, ирония – это имплицитная модальность или имплицитное отрицание. Ее модальная сущность заключается в том, что в объективном плане эксплицитное значение (буквальный смысл) высказывания вступает в конфликт со значимым фоном и перечеркивается как несоответствующий действительности, т.е. меняется на противоположный. А в субъективном плане скрытая отрицательная оценка отменяет буквально положительную. Данное свойство иронии позволяет говорящему выражать личностное, эмоционально окрашенное отношение к жизненному пространству. Особую выразительность иронии в испанской разговорной речи придают утвердительные высказывания с явным негативным смыслом (1) и, наоборот, отрицательные предложения приобретают ироничное утвердительное значение (2):

(1) *¡Venga, hombre! Pues sí que tú lo haces bien.*

– *Mi marido trabaja un montón de horas y además me ayuda en casa.*

– *Igualito que el vago mío*

(2) *Otra vez te has equivocado. Chico, no se te va una.*

Has suspendido cinco asignaturas, pero está claro que no necesitas estudiar.

Следует отметить, что не менее важным считается и то, что ирония тесно связана с оценочностью, что объясняется неподготовленностью устно-разговорной речи. Ирония является отличительной чертой речевого поведения коммуникантов. Она устанавливает особую связь между отправителем речи и адресатом. Осознание иронического смысла предполагает понимание собеседником того, что отправитель речи намеренно оформляет свое видение объективной ситуации действительности как ироническое.

В определенных ситуациях он может благодарить (1), восхвалять (2), поздравлять с удачей человека, который в действительности этого явно не заслуживает:

(1) *Gracias por tu ayuda, no sé qué hubiera hecho sin ti.*

(2) *¡Qué maravilla de corte de pelo! A ver si me das la dirección de tu peluquera.*

(3) *¡Enhorabuena, chico! Eres un as para los negocios.*

Анализ современной языковой ситуации показывает, что частотность использования выразительных средств языка и, в частности, фигур, в речевом общении возрастает. Употребительность образных средств в устно-разговорной речи, таких как сравнение и метафора зависит от индивидуальности коммуникантов, темы разговора и ситуации общения. Для этой сферы особенно характерна эмоциональность выражения, которая сказывается на свойствах образности:

Nadas la mitad que los peces, solo hacia abajo

Eres tan veloz como una tortuga.

Hablas como un libro.

Tiene un cerebro que no le cabe en la cabeza.

В разговорной речи маркерами иронии могут быть морфосинтаксические средства. К ним можно отнести, в первую очередь, намеренное употребление в препозиции некоторых слов, главным образом, качественных прилагательных, имеющих различное лексическое значение в зависимости от их положения по отношению к существительному: *bueno, bonito, dichoso, fino, fresco, menudo, santo, valiente, etc.* Мы здесь имеем в виду, что из многочисленных форм, которыми пользуется ирония, самой распространенной и самой элементарной представляется антифразис – употребление слова в значении, прямо противоположному его обычному смыслу. Ирония или антифразис, несомненно, составляет одно из существенных средств для передачи субъективной отрицательной модальности [Зеликов, 2005, с. 89]. Антифразис помогает заменить и использовать рассогласование между формой и смыслом сообщения. В предикативной функции указанные прилагательные, стоящие в препозиции по отношению к глаголу, приобретают явную ироническую коннотацию.

¡Menudo negocio! Hemos perdido hasta la camisa.

*Mejor cállate, que **valiente** erudito estás tú hecho.*

¡Fresca estás tú si piensas que lo voy a hacer yo todo!

Ироническую коннотацию придают высказываниям и прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

*¿Has visto que **delgadita** está Marta? Solo pesa ochenta y cinco kilos.*

Другими маркерами являются препозитивные неопределенные местоимения, наречия:

¡Cualquiera se fía de ese embustero!

No quisiste venir con nosotros, tú te lo has perdido. ¡Poco bien que nos lo hemos pasado!, а также существительные и местоимения, стоящие перед глаголами со значением гипотетического будущего времени:

¡Qué locura! Humor tendría yo para eso.

¡A mí me podía venir con esas monsergas!.

Особую ироничность высказыванию придают и глаголы в повелительном наклонении со значением предупреждения, совета:

*Sí, **tú riéte**, que ya vendrá Paco con la rebaja.*

*Tú **fiáte** de éstos y verás lo que te pasa.* В них негативный смысл скрывается за внешней положительной формой высказывания. Подобный смысл заключается и в конструкции *ir + infinitivo*:

Tú, pornogastar, nobebesniagua. – Bueno, me vas a enseñar tú como hay que llevar un negocio.

¡Me van a venir a mí, a estas alturas, con danzas y chirimías!

Ирония характерна и для риторических высказываний. Помимо интеррогативности они выражают упрек, жалобу с особым ироничным оттенком:

¿Tú no podías haberme encontrado una bici un poco peor?

¿Por qué no te traes también un baúl, y así te dejamos todo el coche para tí?

¿Yo? La primera vez que veo a una persona, igual que si nos conociéramos de toda la vida... – ¡Conque igual que si nos conociéramos de toda la vida, eh?;

¿Qué haces? – Estoy cepillándote los pantalones.– ¿Así que cepillándome los pantalones?

Ирония проявляется и в утвердительных высказываниях, особенно, когда говорящий не доверяет словам своего собеседника или они являются для него не очень убедительными. В этом случае возрастает роль интонации:

- *Otra vez ha llegado usted tarde.– Ha sido el tráfico, que estaba fatal.*

- *Ya, el tráfico, como siempre.*

- *Te aseguro que hemos colaborado todos. – Todos, no me cabe duda. Y seguro que tú más que nadie.*

Итак, ирония наиболее эффективна, когда она тонкая, почти неуловимая. Если ирония очевидна, она может показаться грубой.

Литература

1. Заболотнева О.Л. Лингвокогнитивные средства выражения иронии в художественном дискурсе (на примере произведений С.Ахерн) / О.Л. Заболотнева // Вестник Челябинского государственного университета № 24 (315) Филология. Искусствоведение. – Вып.82. – 2013. – С.84-85

2. Зеликов М.В. Синтаксис испанского языка: Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания / М.В. Зеликов. – СПб. : КАРО, 2005. – с. **нужно общее кол-во страниц!**

Бессарабова Галина Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета

E-mail: begalina53@ mail.ru

Bessarabova Galina Andreevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Roman Philology Department, The Voronezh State University

E-mail: begalina53@ mail.ru

8(473) 252-24-63

УДК 811.1'23:159.922.7

Л.В. Величкова, О.В. Абакумова
(Воронеж)

МЕХАНИЗМ КОНТРАСТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ©

Аннотация: статья посвящена описанию механизма исследования детской звучащей речи. Для анализа параметров детской речи используется аудитивный метод исследования. В качестве ведущих признаков выбраны характеристика ритмических групп и движение мелодики на ударных слогах. В статье описывается методика проведения эксперимента и анализа звучащей детской речи. Сопоставляются полученные на материале ряда языков данные о характеристике ритмических групп, движения

мелодики на ударных слогах и частотности ударностей. Делается попытка экспериментальным путем проследить универсальный и национально специфический характер параметров детской звучащей речи в четырех неблизкородственных языках: русском, немецком, испанском и болгарском.

Ключевые слова: детская звучащая речь, эмоциональный характер речи, экспрессивные средства, ритмические и мелодические параметры речи, ритмическая группа, аудитивный анализ, восходящая и нисходящая мелодика, частотность ударностей, универсальные и национально – специфические признаки.

The mechanism of contrast research of children's sounding speech

Abstract: the article is devoted to the description of the mechanism of studying children's sounding speech. For the analysis of the parameters of children's speech, an audit method is used. As the leading signs, the characteristic of rhythmic groups and the movement of melodies on stressed syllables are chosen. The article describes the methodology of the performance of the experiment and analysis of children's speech sounding. The data on the characteristics of rhythmic groups, the movement of the melodics on stressed syllables, and the frequency of stresses obtained on the basis of a number of languages are compared. By an experimental approach, an attempt is made to follow up the universal and nationally specific character of the parameters of children's sounding speech in four not closely related languages: Russian, German, Spanish and Bulgarian. Key words: auditive analysis.

Key words: children's sounding speech, emotional character of speech, expressive means, rhythmic and melodic parameters of speech, rhythmic group, auditory analysis, ascending and descending melody, frequency of stresses, universal and nationally specific features.

В настоящее время звучащая речь является малоисследованной формой функционирования языка, хотя следует отметить, что интерес исследователей к этому явлению в последние десятилетия в лингвистике и психолингвистике заметно возрастает. При этом большое значение имеет разработка механизма исследования звучащей речи. Это в полную меру относится к детской речи, которая все чаще выступает как объект исследования лингвистов, психолингвистов и нейролингвистов. Исследования детской речи проводились преимущественно на лексическом и грамматическом уровнях, в настоящее время внимание исследователей переносится на материал звучащей речи.

Выражение эмоциональности в звучащей речи имеет ряд особенностей, обуславливающих необходимость отдельных исследований. Обращение к детской речи продиктовано принятием положения об *эмоциональной основе* речи по концепции Е.Н. Винарской.

Закономерным является обращение исследователей к *супрасегментным* параметрам детской речи. Делается попытка описания параметров детской звучащей речи с точки зрения характеристики речевого ритма, мелодики. Для анализа мелодических параметров используется аудитивный метод исследования. Материал звучащей речи позволяет проследить процесс становления речевой способности, в котором ритмико-мелодические параметры играют ведущую роль. Они усваиваются в так называемый доречевой период и образуют основу для развития единиц других уровней языка. Этот период имеет эмоциональный характер, это проявляется в выделении на этапах раннего онтогенеза из речи взрослых национально – специфических признаков речи на просодическом уровне. Формируются реакции на них и на следующих этапах происходит освоение речевых элементов с признаками экспрессивных средств родной речи.

К изучению звучащей речи с позиции теории эмоциональности одна из немногих обратилась Е.Н. Винарская [Винарская, 1987]. В качестве значимых рассматриваются следующие параметры речи: ритмическая структура, мелодика, интонационные жесты

(образы), тембровая характеристика слогов, слоговая динамика. В наших исследованиях анализ проводился на материале аудиозаписей речи детей нескольких возрастных ступеней раннего онтогенеза. Процедура аудитивного анализа экспериментального материала носила индивидуальный характер. Аудиторы – эксперты пользовались апробированной ранее схемой, разработанной при Научно-методическом центре фонетики (руководитель проф. Л.В. Величкова). Каждому аудитору предлагалась для прослушивания аудиокассета с текстами детской речи и задания.

Задания аудитору:

1. Отметьте паузы: малая - ξ; средняя - //; большая - /.
2. Отметьте в каждой фразе ребенка ударный слог (или слоги).
3. Определите направление движения мелодики на ударных слогах.
4. Определите характер выраженной эмоции, т.е. каждый отдельный текст знаком /э+/, /э-/ с точки зрения положительной или отрицательной эмоции; отсутствие выраженной эмоции /н-/.

Для исследования детской звучащей речи используются следующие методы:

- наблюдение за детьми во время игры;
- беседы с детьми;
- аудитивный анализ высказываний детей;
- лингвистическое и математическое (или статистическое) описание полученных результатов.

Предлагаемый механизм исследования позволяет выделить универсальные и национально специфические признаки в речи детей, в данном случае, на русском, испанском, немецком и болгарском языках, а также в речи детей билингвов.

Первое исследование было проведено на базе ясли-сада № 40 г. Воронеж и колледжа им. San Claudio г. Леона (Испания) с практически здоровыми детьми (в терминологии теории психологии) в возрасте 3-7-ми лет, которое обеспечило возможность проследить реакцию детей на эмоционально окрашенную речь. При определении характера выраженной ребенком эмоции было предложено пользоваться шкалой эмоциональных состояний К. Изарда [Изард, 1999].

Национальная специфика определяет параметры звучащей речи на ранних этапах речевого онтогенеза. Была сделана попытка экспериментальным путем проследить универсальный и национально специфический характер параметров детской звучащей речи в двух неблизкородственных языках: русском и испанском. Экспериментальное исследование позволило установить зависимость ритмико-интонационных параметров от характера выраженных эмоциональных состояний (интереса, радости, горя/страдания, страха).

Анализ результатов исследования мелодических параметров русской и испанской детской звучащей речи позволяет заключить, что:

- вся детская речь носит эмоциональный характер, что подтверждает тезис Е.Н. Винарской (1987) об эмоциональной основе речи;
- универсальным является преобладание положительных эмоций и в русской и в испанской детской речи, выражение которой имеет восходящий характер тона голоса в ударных слогах фразы;
- национально специфическим является поведение мелодических знаков на ударных слогах:
  - в речи русских детей при выражении положительных эмоций наблюдается как повышение тона голоса, так и понижение, а в речи испанских детей наблюдается только повышение мелодики на ударных слогах;
  - отрицательная эмоция в речи русских детей может быть выражена только нисходящим тоном голоса на ударных слогах, в речи испанских детей выражение отрицательной эмоции носило единичный характер;

В контрастивном плане с психолингвистической точки зрения настоящее исследование представляло собой попытку определить параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи. Данные, полученные в ходе экспериментального исследования и представленные в выводах, могут быть использованы при построении моделей раннего обучения, как русскому, так и испанскому языкам.

Также был проведен психолингвистический эксперимент, который показал возможность выявления тенденции восприятия русскоязычными детьми иноязычной звучащей речи. В эксперименте участвовало 20 русскоязычных детей, и было использовано 40 аудиозаписей иноязычной эмоционально окрашенной речи. Возраст детей составлял 9-10 лет, что позволило нам проследить реакцию восприятия детей раннего школьного возраста на эмоционально окрашенную иноязычную звучащую речь.

В среднем в 65% случаях данные эксперимента, проведенного с носителями русского языка, совпадали с адекватной оценкой эмоциональных состояний звуковых фрагментов. Данные результаты дополняют характеристику восприятия иноязычной эмоционально окрашенной речи в работах, в которых рассматривается пара языков испанский/русский [Абакумова, 2009].

Исследование супrasegmentных и segmentных параметров звучащей немецкой эмоционально окрашенной речи позволяет сделать следующие выводы:

1. Ритмические параметры сигнализируют общее эмоциональное напряжение речи, однако они не ответственны за выражение определенных эмоциональных состояний.

2. Нарушение закономерностей распределения ударных слогов в сторону увеличения дистанций создает впечатление положительных эмоциональных состояний у русскоговорящих детей.

3. В немецкой экспрессивной речи нарастание напряженности сопровождается убыстрением темпа речи, в ударных слогах с отрицательной эмоциональной кульминацией напряжение маркируется преимущественно восходящей мелодией. Для положительных эмоциональных состояний характерно нисходящее движение мелодического знака. Эти данные обнаруживают противоположную тенденцию зафиксированной в русском языке и обуславливают восприятие немецкой речи русскими детьми.

4. В экспериментальном материале с различной эмоциональной окраской получает интенсивную реализацию дифференциальный признак немецкого консонантизма «lenis», однако признак «fortis» влияет на характер восприятия эмоционально окрашенной немецкой речи. Высокая степень реализации данного признака воспринимается носителями русского языка негативно, что соотносится с эмоциональной функцией признака «глухость» в его интенсивном звукоподражательном выражении.

5. По результатам анализа протяженности РГ на эмоционально окрашенных участках звучащего текста (в группах положительных и отрицательных эмоций) наблюдается максимальное количество РГ протяженностью от 1 до 12 слогов.

6. Сравнение частотности фразовых ударений в группах эмоциональных состояний показало, что доля ударных слогов на отрицательно эмоционально окрашенных участках в среднем превышает этот показатель на участках речи с положительной окраской.

7. Исследование темповых характеристик показало, что на эмоционально окрашенных участках средний темп речи выше по сравнению с участками речи с минимальным выражением эмоционального состояния (215 слогов в минуту) и в группах положительных и отрицательных эмоций составляет 275 и 240 слогов в минуту соответственно. При этом в группе положительных эмоций средний темп речи на 35 слогов в минуту выше по сравнению с темпом речи при положительном эмоциональном состоянии. Влияние данного параметра на восприятие русскоязычными детьми немецкой эмоционально окрашенной речи в ходе экспериментального исследования выявлено не было.

8. Наряду с увеличением средней интенсивности речи наблюдается также колебание интенсивности речи на эмоционально окрашенных участках звучащего текста по сравнению с речью в относительно нейтральном эмоциональном состоянии.

9. Аудитивный анализ тембральных характеристик показал, что фрагменты из групп положительных и отрицательных эмоций были оценены как противоположные с точки зрения их тембральной окраски. Большинство гласных на участках речи с выраженными положительными эмоциями были оценены как открытые и «светлые», в группе речевых фрагментов с выраженными отрицательными эмоциями – как закрытые и «темные».

Также была сделана попытка произвести описание становления облика слова в раннем речевом онтогенезе в двух языках. Объектом исследования явились аудиозаписи звучащей русской и испанской спонтанной речи детей 3-х лет.

При описании развития облика слова в раннем речевом онтогенезе были выделены следующие закономерности:

- становление облика слова начинается вслед за формированием ритмических параметров, составляющих основу процесса формирования фонетического облика слов;
- типы слов в своём становлении обнаруживают закономерности, относящиеся к протяженности слова в слогах (односложные, двусложные и трехсложные в данной последовательности) и месту ударного слога;
- замена незнакомых фонем уже знакомыми фонемами;
- наблюдаются процессы, свидетельствующие о недостаточно сформированных закономерностях фонотактики.

Фонотактика – наиболее сложное явление в процессе становления звуковой системы родного языка, именно трудностями реализации сочетания фонем обусловлены многочисленные ошибки в речи ребёнка. В каждом языке действуют определенные правила сочетания фонем. В процессе становления облика слов у ребенка на первый план выходит их ритмическая характеристика. Сочетания фонем формируются с учетом последовательности развития фонологической системы языка и «удобства» реализации сочетаний на данном уровне развития артикуляционной базы родного языка.

Для получения наиболее полного представления о процессе речевого развития детей билингвов, несомненно, требуется многолетнее наблюдение за их речью. В настоящее время имеется очень мало работ, использующих *лонгитюдный подход* (лат. longus – длинный, долгий) то есть, метод, на основе которого ведется длительное периодическое наблюдение над одними и теми же лицами или социальными группами. В нашем исследовании применяется лонгитюдный метод анализа речи ребёнка – девочки (в возрасте 3 лет в начале исследования и затем в возрасте 4 лет); мама ребенка является носителем русского, папа – носителем испанского языка. На основе составленной транскрипции была сделана первая попытка описания речи Алины, её фразы на русском языке в 4 года увеличились в объёме, лексика стала богаче. Девочка говорила связным текстом, старалась произносить слова в медленном темпе, нараспев. При этом незнакомые русские слова заменялись испанскими. В произношении гласных звуков наблюдалась тенденция к квантитативному выделению ударного слога. Также стоит отметить, что в некоторых случаях происходила замена русского звука «е» в соответствующей позиции на открытый «э», звука «ы» на «и». Что касается согласных звуков, то здесь прослеживалось явное влияние испанской фонетики, чаще всего это встречалось при произношении звуков «л», «ч», «д», «ж», «щ», «р». В целом, наши наблюдения за речью ребенка билингва показали, что:

- речь ребёнка протекает на фоне речи мамы;
- наблюдается переход с ритма одного языка на другой;
- реализация конца фразы, в том числе и русской, происходит по правилам испанского языка (повышение тона голоса в заударной позиции);

– каждое отдельно реализованное слово на родном и неродном языке представляет собой слово – фразу;

– в русских словах частично отсутствует редукция, они имеют самостоятельную мелодическую характеристику на фоне испанской речи.

Проведенный анализ речевого развития ребёнка билингва на двух возрастных этапах (3-4 года) позволил нам сделать следующие выводы:

– в речи ребёнка в двуязычной семье наблюдается смешение языков, это проявляется в неразличении языков, которыми он «владеет», то есть ребёнок пользуется двумя языками как одним; различие языков складывается только к 4 годам;

– ребёнок билингв выбирает те лексические единицы из его активного словаря, которые легче произносятся, то есть экономнее в отношении произносительных усилий и/или короче в ритмическом плане;

– ошибки, допускаемые ребёнком билингвом, по характеру соответствуют ошибкам одноязычных детей на разных уровнях языка;

– отмечается перенос закономерностей (параметров речи и языковых единиц, в том числе эмоционально окрашенных) одного языка в другой, это касается ритмико-интонационных параметров, грамматических структур и лексических единиц.

Была также сделана попытка экспериментальным путем проследить универсальный и национально специфический характер параметров детской звучащей речи в трех неблизкородственных языках: русском, испанском и болгарском. Объектом исследования явились видеозаписи звучащей речи детей 4-5-ти лет.

Анализ результатов исследования мелодических параметров русской, испанской и болгарской детской звучащей речи позволяет заключить, что:

– *универсальным* является преобладание в русской и испанской детской речи положительных эмоций, выражение которых имеет восходящий характер тона голоса в слогах;

– *национально специфическим* является поведение мелодических знаков на ударных слогах:

– в речи русских детей при выражении положительных эмоций наблюдается как повышение тона голоса, так и понижение;

– в речи испанских детей наблюдается только восходящая мелодика на ударных слогах,

– в болгарской детской речи мелодические признаки выражены наименее ярко среди сопоставляемых языков, средством выражения ударности является интенсивность, ударение носит динамический характер;

– отрицательная эмоция в речи русских детей может быть выражена только нисходящим тоном голоса на ударных слогах, в речи испанских детей выражение отрицательной эмоции носило характер единичных высказываний, в экспериментальном материале болгарской речи отрицательных эмоций не выявлено.

Анализ результатов исследования параметров детской звучащей речи позволяет заключить, что:

– эмоциональный характер детской речи составляет основу речевой деятельности, что подтверждает некоторые имеющиеся данные, в первую очередь представленные Е.Н. Винарской;

– национальная специфика определяет параметры звучащей речи уже на ранних этапах речевого онтогенеза;

– эмоциональность передаётся системой средств звучащей речи (ритмическими и мелодическими параметрами), в каждом отдельном языке;

– детская речь рельефно отражает систему средств звучащей речи на родном языке;

– возможна неадекватность восприятия детьми эмоциональности, выраженной средствами неродного языка;

– при построении модели раннего обучения необходимо учитывать эмоциональный характер детской речи и её универсальные и национально специфические признаки.

Данное исследование является частью научного проекта, разработанного при НМЦ фонетики в Воронежском государственном университете. Для комплексного метода исследования детской звучащей речи на основе данных аудитивного анализа может быть использован акустический анализ.

Литература:

1. Abakumova O. Rhythmische Parameter als Indikatoren der Emotionalität der Kinderrede / O. Abakumova // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. – Woronesh, 2009. – № 5. – S. 48-53.

2. Абакумова О. В. Эмоциональная основа речи и проблема раннего обучения неродному языку / О. В. Абакумова // Иностранные языки в современной социокультурной ситуации. – Б.м., 1999. – 36 с.

3. Величкова Л.В. Системное описание речевого ритма (на материале русского языка). / Л.В. Величкова – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С.80–88.

4. Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. / Е.Н. Винарская. – М., 1987. – 158 с.

5. Изард К. Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 1999. – 460 с.

Величкова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета,

E-mail: luvel1@mail.ru

Velichkova Ludmila. Vasilievna

Doctor of Philology, Professor of Roman Department in Voronezh State University,

E-mail: luvel1@mail.ru

Абакумова Ольга Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета,

E-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Abakumova Olga Vasilievna,

Candidate of Philology, Associate professor, Voronezh State University,

E-mail: olga.abakumova16@gmail.com

УДК 811.112.223:152.942

И.В. Воропаева
(Воронеж)

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ И АКУСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СИГНАЛОВ©

Аннотация: статья посвящена проблеме восприятия эмоционально окрашенной звучащей немецкой речи. Исследования особенностей восприятия звучащей речи связаны с проблемами автоматического распознавания речевых сигналов. В центре рассмотрения находится акустический параметр «динамический диапазон» как маркер нарастания или спада эмоциональности.

Ключевые слова: восприятие, звучащая речь, эмоциональность, экспрессивные средства, эмоции, речевой сигнал, акустический параметр, динамический диапазон, звуковой редактор

Emotional perception of speech and acoustic interpretation of speech signals

Abstract: the paper considers the issue of emotionally coloured German speech perception. Research into oral speech perception peculiarities is related to problems of automatic voice recognition. The domain of interest is such acoustic feature as “intensity range”, which marks the increase or decrease in emotional intensity.

Key words: perception, oral speech, emotionality, expressive means, emotions, speech signal, acoustic feature, intensity range, voice editor.

Ученых всегда интересовал вопрос о том, как люди воспринимают смысл сообщения, передаваемого другими людьми с помощью органов артикуляции. Исследуя процесс восприятия речи в целом, ученые пытаются ответить на вопрос о том, как непрерывный речевой сигнал разбивается на отдельные дискретные единицы, называемые звуками речи. «Процесс этот не прост, так как между планом выражения, т.е. акустическими единицами – звуками речи, и планом содержания нет взаимнооднозначного соответствия» [Абрамов, 2004, с. 20]. Восприятие лежит в основе порождения речи, считают ученые И.М. Сеченов (1952), В.К. Вилюнас (1976), И.А. Вартамян (1988); ученые Московской лингвистической школы, взгляды которых на речевую деятельность восходят к работам Л.С. Выготского и к концепции деятельности А.Н. Леонтьева (1950 – 1970 гг.): А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Т.В. Рябова-Ахутина, И.А. Зимняя, А.А. Залевская и другие. В настоящее время усилия многих исследователей направлены на создание стройной модели восприятия речи человеком.

По словам Л.Р. Зиндер, «восприятие, которое нужно рассматривать как первый этап декодирования речи, является не чисто физиологическим процессом, а скорее фонетическим в том смысле, что оно определяется языковой системой» [Зиндер, 1979, с. 33]. Так объясняется социальная обусловленность процесса восприятия, что определяет его «уникальность». Изучая процесс восприятия, по мнению ученого, можно проникнуть в «объективные отношения, существующие в системе данного языка» [Зиндер, 1979, с. 34].

Исследования особенностей восприятия звучащей речи ведутся под углом зрения, во-первых, психофизиологических процессов; во-вторых, с позиций изучения восприятия речевых единиц, представляющих определенную фонологическую систему (психолингвистический подход к восприятию); ведутся исследования, связанные с проблемами автоматического распознавания речевых сигналов.

В настоящее время все более актуальным становится психолингвистический подход к исследованию процессов порождения и восприятия речи. Методы, которые складывались в экспериментальной фонетике, на сегодняшний момент недостаточны для исследования звучащей речи. Л.В. Величкова констатирует, что, благодаря использованию акустической техники в исследованиях звучащей речи, собраны обширные данные о параметрах звуков и супrasegmentных признаках. «Одним из значимых выводов из обработки этих данных явился следующий: объективные (инструментальные) данные о параметрах звучащей речи не равны данным об этих параметрах в восприятии речи и, следовательно, не имеют лингвистического значения.

Иными словами, необходимо их «переосмысление» через субъективный фактор восприятия и порождения речи человеком» [Величкова, 2007, с. 20].

Вопрос о языковых средствах для выражения эмоциональности речи, составляет особый интерес исследователей в области лингвистики и психолингвистики. Эта проблематика рассматривается с различных позиций. Но в основном – с позиций стилистики текста, семантики, лексики и синтаксиса. В качестве языкового выражения эмоциональности текста рассматривается эмотивная стилистика текста и экспрессивный синтаксис [Шаховский, 1983, 1991, 1994]; эмоциональная нагрузка слов [Мягкова, 1983] и соотношение эмоционального компонента с предметно-логическим значением слова [Звегинцев, 1957; Гридин, 1990; Стернин, 1994]; исследуются формально-языковые характеристики звучащей речи в состоянии эмоционального напряжения [Носенко, 1975]. Такой подход был обусловлен тем, что долгое время в лингвистике исследование эмоционального фактора происходило на базе письменного текста, и в поле зрения исследователя попадала эмоционально окрашенная лексика.

Но данная проблематика, а именно проявление эмоциональной сферы человека в речевой деятельности, касается не только семантической структуры слова, но также фонетических особенностей ее проявления в речи: роли сегментных и супraseгментных средств в формировании эмоционально окрашенной речи, а также вопросов, связанных с производством и восприятием звучащей речи. «Экспрессивно-стилистическую окраску слов правомерно трактовать как призму, сквозь которую воспринимается “смысл”, связанный с соответствующим звуковым комплексом» [Шмелев, 2003, с. 140].

Состояние эмоциональной напряженности, переживаемое говорящим, отражается, как замечает Э.Л. Носенко «в первую очередь на тех звеньях речевого потока, которые в наименьшей мере осознаются говорящим в процессе речи или не осознаются вообще» [Носенко, 1975, с. 71]. Этими звеньями речевого потока является звуковая организация высказывания, или моторная реализация высказывания, так как согласно концепции А.Н. Леонтьева (1968), на низшем уровне осознания в иерархии уровневой организации речи находится реализация моторной программы высказывания: вокальный, или звуковой канал. Он и выходит из-под бессознательного контроля и выдает состояние говорящего. К числу моторной реализации высказывания, сигнализирующей о наличии у говорящего состояния эмоциональной напряженности, относятся:

- 1) колебания частоты основного тона и интенсивность речевого сигнала;
- 2) перепады темпа речи;
- 3) возрастание темпа артикуляции;
- 4) ошибки в артикуляции (смазанность), как следствие возрастания ее темпа;
- 5) изменение латентного периода в реакции на реплику.

Пространство и формы восприятия очень многообразны. Мы же ограничим себя пространством восприятия звучащей речи и характером ее восприятия, и зададимся вопросом, какую функцию (роль) выполняют (играют) единицы сегментного уровня, а именно дифференциальные признаки гласных фонем, при восприятии эмоционально окрашенной звучащей речи. Ведет ли нарушение реализации дифференциальных признаков гласных фонем к искажениям в восприятии: смысловом и эмоциональном?

Проблема исследования эмоционального восприятия иноязычной речи распадается на ряд проблем, касающихся как процессов восприятия, так и проявления интерференции на разных уровнях звучащей речи. В этом направлении проводятся исследования НМЦ фонетики под руководством проф. Величковой Л.В. В данной статье затрагивается проблема экспрессивных средств выражения эмоционально окрашенной звучащей речи. К таким средствам наряду с элементами супraseгментного уровня: ритмико-интонационные параметры относятся элементы сегментного уровня: дифференциальные признаки гласных фонем. В своем исследовании мы обращаемся к различным речевым жанрам и стилям. В фокусе нашего рассмотрения находится спонтанная речь, подготовленная речь

(выступление, доклад), сценическая речь в таких ее проявлениях как звучащие рэп-тексты, Standup, театральные монологи, звучащие поэтические и прозаические тексты.

Мы предполагаем, что ритмико-интонационные единицы, а именно, ритмические группы, ударность и паузация наряду с комплексами дифференциальных признаков гласных фонем обладают экспрессивной функцией и могут являться одним из показателей соотношения эмоционального восприятия с конкретной эмоцией. При этом мы также имеем ввиду, что частотность реализуемых ритмических групп различной продолжительности, усиление/ослабление темпоральных характеристик, усиление/ослабление интенсивности звучания, а также частотность реализации тех или иных комплексов дифференциальных признаков гласных фонем, определенным образом коррелирует с реализацией звучащих текстов различных стилей и является компонентом инвентаря фонетических стилей национальной речи (русской или немецкой).

В данной статье мы хотели бы описать часть экспериментального исследования на эмоциональное восприятие звучащей немецкой речи носителями немецкого и русского языков на сегментном уровне.

С целью проверки выдвинутого нами предположения о том, что частотность реализации того или иного комплекса дифференциальных признаков гласных фонем немецкого языка является маркером эмоциональности и выражения определенной базовой эмоции, был проведен психолингвистический эксперимент, состоящий из нескольких этапов. Для проведения эксперимента необходимо наличие достаточного количества видеозаписей на немецком языке и количества информантов-участников эксперимента как на русском, так и на немецком языке. В эксперименте приняли участие 40 носителей русского языка (далее – НРЯ) и 40 участников эксперимента – носителей немецкого языка (далее – ННЯ). Группа носителей русского языка была представлена студентами 1–5 курсов, изучающими немецкий язык, среди которых была группа (10 человек) начинающих изучение немецкого языка; преподавателями немецкого языка в вузе, а также представителями других профессий, не имеющих отношения к немецкому языку: музыкант, продавец, строитель и домохозяйка. Группа носителей немецкого языка была представлена студентами 1–3 курсов Института речеведения и фонетики г. Галле (ФРГ), Института славистики г. Галле (ФРГ), художником, учителями средней школы, пенсионерами.

Эксперимент проходил поэтапно и состоял из трех этапов. В данной статье мы остановимся только на первом этапе, который включал в себя подбор корпуса исследования и компьютерную обработку данных. На втором этапе после выбора экспериментального материала нам представлялась существенной классификация секвенций по выраженности в них базовых эмоций. На третьем этапе нашего эксперимента мы анализировали сегментный уровень звучащих секвенций на немецком языке.

В качестве основы для выбора корпуса исследования послужили цифровые видеозаписи 6 фильмов на немецком языке общим звучанием 12 часов (0 мин.): «Die fetten Jahre sind vorbei» (120 мин.), «Knall hart» (90 мин.), «Im Juli» (90 мин.), «Dresden» (240 мин.), «Alles auf Zucker» (90 мин.), «Das Leben der anderen» (90 мин.). Фильмы относились к разным жанрам. В качестве объекта исследования выбраны звучащие секвенции, или участки фраз, соответствующие выражению базовых эмоций. Методом сплошной выборки из общего объема прослушанного материала были вырезаны фрагменты, или микроконтексты, соответствующие выражению базовых эмоций (всего 30 фрагментов). Далее из этих фрагментов были вырезаны небольшие элементы, секвенции, которые выражали все эмоции, соотносимые с базовыми (всего 67 секвенций). Обращение к отдельным участкам фраз (секвенциям) было обусловлено предварительным экспериментом, в результате которого информанты–носители немецкого и русского языков – фиксировали проявление эмоций на интенсивно звучащих участках речи. Нам

представляется, что объем материала отражает частотность самих эмоциональных выразительных комплексов в звучащей речи и является достаточным.

Выбранный экспериментальный материал на немецком языке в виде цифровой аудиозаписи без транскрипта был предложен для прослушивания участникам эксперимента, которые выступали в качестве экспертов-информантов. Перед участниками эксперимента были поставлены следующие задачи:

1. Определить *эмоциональную окраску, или эмоциональность*, каждой звучащей секвенции, поставив знак эмоционального характера звучащего текста: «0», «+», «-», где «0» – нейтральный вариант; «+» – положительный вариант; «-» – отрицательный вариант.

2. Определить характер выраженности *эмоции* в данных звучащих секвенциях следующим образом: в случаях положительной эмоциональной окраски – как *радость*, в случае отрицательной эмоциональности как – *гнев, страх и горе*. Выбор эмоций не ограничивался только предложенным списком. Эксперты могли по собственному мнению указать эмоцию, наименование которой не входило в список.

В ходе эксперимента был проведен отбор инвентаря выразительных средств звучащей речи, маркированы участки речи с повышенной интенсивностью звучания. Была проведена классификация выделенных участков звучащей речи (секвенций) в зависимости от выраженности в них базовых эмоций согласно концепции Е.Н. Винарской (2003). Е.Н. Винарская вводит термин «основная эмоциональная модальность», тем самым показывая, что из большого набора эмоций можно выделить основные эмоции, характеризуя их как эмоциональные модальности, или основные установки на эмоциональность. Каждая из выделенных ею модальностей может содержать большой ряд эмоций. Таким образом, в понимании Е.Н. Винарской эмоциональная модальность – не есть конкретная эмоция. В настоящее время в теории эмоциональности все чаще употребляется термин «*базовые эмоции*», и термины «эмоциональные модальности» и «базовые эмоции» становятся синонимами. Термин «базовые эмоции» является психолингвистическим термином, а термин «эмоциональные модальности» относится к нейропсихологии.

Для анализа и последующей интерпретации данных, полученных в ходе эксперимента, были использованы аудитивные, акустические (компьютерная обработка), фонологические и статистические методы исследования экспрессивных средств звучащей речи.

Задача эксперимента состояла в выявлении соотношения между дифференциальными признаками гласных фонем и базовыми эмоциями (*гнев/страх, горе и радость* по Е.Н. Винарской) при восприятии немецкой звучащей речи носителями немецкого и русского языков. Существующее исследование Е.Н. Винарской на базе русского языка дает нам возможность сопоставления и соотнесения данных.

Секвенции были смонтированы при помощи программы Windows Movie Maker. Подборка была представлена с сохранением последовательности эпизодов из видеоматериалов в виде аудиозаписи, состоящей из 67 секвенций в формате wav. с использованием профессионального звукового редактора программы Sound Forge v.6.0. Выбор исследуемого материала в формате видео был обусловлен тем, что сочетание визуального и звукового ряда дает нам большую объективность при оценке эмоций.

Выделенные звучащие участки фраз (секвенции) включают в себя одну или две лексические единицы. Например: „*Figuren!*“, „*Na, los!*“, „*Was?*“, „*Spinnst du?*“, „*Jaund?*“, „*Bullen!*“, „*Wartemal!*“, „*Leo!*“, ... *sienieder!*“, „... *in Ruhe!*“, „... *egal!*“, „...*michrunter!*“, „...*ödes Leben!*“, „*meine Schuld!*“, „*Penner!*“, „*Gehe!*“ и т.д. Данные участки фраз были выделены участниками эксперимента как наиболее эмоциональные по интенсивности их произнесения. Необходимо подчеркнуть тот факт, что мы рассматривали не семантические, а звуковые противопоставления. Иными словами, нам интересны не смысловые противопоставления сами по себе, а звуковые оппозиции (противопоставления) звучащей речи, с помощью которых передается смысл и

эмоциональная окраска произносимого. Речь при этом идет не о символической ценности фонемы как таковой, а о ценности дифференциальных признаков фонем.

На данном этапе нам представлялось необходимым проверить данные, полученные эмпирическим путем от информантов носителей как русского, так и немецкого языков относительно выраженной эмоциональности, с использованием профессионального звукового редактора программы Sound Forge v.7.0. по акустическому параметру «динамический диапазон» или «интенсивность звучания» на определенных, выбранных нами аудитивно участках звучания.

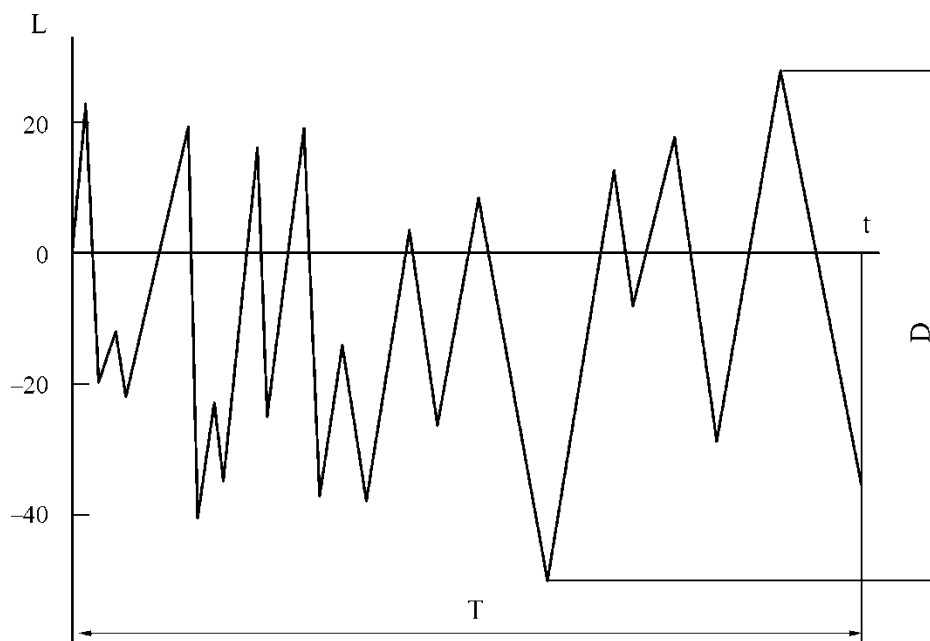

Рисунок 1. Зависимость уровня сигнала от времени

Понятие динамический диапазон составляет разность между минимальным и максимальным уровнями (по мощности) звучания. Сама по себе интенсивность звучания, или громкость звука, определяется только как субъективный параметр. Но на практике уровни громкости также измеряются в децибелах. Динамические диапазоны разных акустических сигналов существенно различаются. Для речи как вида акустического сигнала динамический диапазон составляет 25–35 дБ [Загуменнов, 2004, с. 32-33]. Речь, интенсивность звучания которой находится в пределах 25–35 дБ, воспринимается как понятная, спокойная, лишенная динамических всплесков. Речь, интенсивность звучания которой лежит за пределами указанных цифр, дифференцируется как интенсивно звучащая. Мы предполагаем, что акустически такая речь является эмоционально окрашенной. Уровень акустического сигнала изменяется во времени (рисунок 1).

Кривая акустического сигнала – это зависимость между временем звучания (t) и уровнем сигнала (L). Амплитуда колебаний между всплесками в направлении от 25 дБ к 0 дБ, т. е. вверх по прямой L , – возрастание силы звука, или громкости, и от 35 дБ к 100 дБ, т. е. вниз по прямой L , – убывание громкости – есть динамический диапазон. Точки 0 дБ и 100 дБ – критические точки, за пределами которых происходит искажение голоса и возникают сложности в адекватности восприятия речи.

В нашем случае интенсивность звучания отражает эмоциональную окрашенность звучащих секвенций согласно предварительному эксперименту. Как показал акустический анализ, изменение эмоциональной окрашенности звучащих секвенций совпадает с изменениями показателя интенсивности, или громкости, звучания.

Мы проверили звучащие секвенции по показателю интенсивности звучания и сравнили показатель динамического диапазона для речи, в пределах которого речь

воспринимается как спокойная и понятная, с соответствующими акустическими параметрами звучащих секвенций, выбранных эмпирическим путем. С этой целью все речевые отрезки были преобразованы в режим монозвучания с помощью акустической программы Sound Forge v. 6.0. Затем был проведен акустический анализ звучащих секвенций, который показал, что динамический диапазон, или интенсивность звучания находится в пределах 20 дБ для секвенций № 1–30 и 33–5,5 дБ – для секвенций № 31–65, т. е. ниже уровня 25–35 дБ, когда речь воспринимается как спокойная, лишенная динамических всплесков. Мы допускаем небольшие погрешности в определении динамического диапазона, что связано с качеством уровня записи. Полученные данные свидетельствуют об отклонении от нормативного уровня динамического диапазона речи.

Интенсивность звучания выбранных секвенций соотносится со спадом или нарастанием эмоциональности, что было подтверждено не только визуально, но и акустически при помощи компьютерной обработки. При изменении интенсивности выражения базовых эмоций следует ожидать закономерных и системных изменений средств для их выражения, которые затрагивают сегментный уровень. Формальные признаки являются причиной соотнесения эмоционального восприятия с конкретной эмоцией.

Данный этап психолингвистического эксперимента на восприятие звучащей иноязычной (немецкой) речи был вызван необходимостью в объективности при оценке эмоциональности и интерпретации эмоционального восприятия звучащей немецкой речи, как наивными носителями немецкого языка, так и наивными носителями русского языка.

Литература

1. Абрамов В. Е. Вариативность звучащей речи : проблемы восприятия / В. Е. Абрамов. – Самара : Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2004. – 235 с.
2. Величкова Л. В.. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи / Л. В. Величкова // Вопросы психолингвистики. – М., 2007. – С. 20-27.
3. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
4. Винарская Е. Н. Выразительные средства текста : учеб. пособие / Е. Н. Винарская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 171 с.
5. Загуменнов А. П. Шаг за шагом : компьютерная обработка звука / А. П. Загуменнов. – М. : NTPress, 2004. – 504 с.
6. Зиндер Л. В. Общая фонетика / Л. В. Зиндер. – М. : Высш. шк., 1979. – 311 с.
7. Леонтьев А. А. Теория речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
8. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности / Э. Л. Носенко. – Днепропетровск : Днепропетровск. гос. ун-т, 1975. – 132 с.
9. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 243 с.

*Воропаева Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкой филологии факультета
Романо-германской филологии Воронежского Государственного Университета
E-mail: voropaeva05@mail.ru*

*Irina Vrina Viktorovna,
Candidate of Philology, Lecturer, German Philology Department, Faculty of Romance and
Germanic Philology, Voronezh State University*

М.А. Грабовская
(Москва)

ОПИСАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СЛОВ БЛАГОДАРСТВОВАТЬ И БЛАГОДАРЯ©

Аннотация: статья посвящена изменениям, произошедшим со словами *благодарствовать* и *благодаря*. Для анализа были использованы словари и корпус. Глагол *благодарствовать* в современном языке употребляется как синоним слову *спасибо*. Используются четыре формы этого глагола: личные формы первого лица единственного и множественного числа, императивные формы второго лица единственного и множественного числа. Форма «благодарствуйте» была образована от личной формы глагола и местоимения второго лица единственного числа. Предлог *благодаря* был образован от деепричастия глагола *благодарить*. После этого образования глагол *благодарить* изменил требуемый им падеж. Предлог *благодаря* требует дательного падежа кроме слова *Бог*, для которого возможно два падежа.

Ключевые слова: история языка, история русского языка, русский язык

Description of the words *blagodarstvovat' 'to thank'* and *blagodarya 'thanks to'*

Abstract: the paper discusses the changes happened with the words *blagodarstvovat' 'to thank'* and *blagodarya 'thanks to'*. For the analysis dictionaries and the corpus were used. The verb *blagodarstvovat' 'to thank'* in the modern language is used as a synonym to the word *spasibo 'thank you'*. Four forms of this verb are used: personal forms of the first person singular and plural, imperative forms of the second person singular and plural. Form *blagodarstvujte 'thank you'* (second person plural imperative form) was formed from the personal form of the verb and second person singular pronoun. Preposition *blagodarya 'thanks to'* was formed from the participle of the verb *blagodarit' 'to thank'*. After this formation verb *blagodarit' 'to thank'* changed the case it required. Preposition *blagodarya 'thanks to'* requires dative case with exception to the word *Bog 'God'* for which two cases are possible.

Key words: history of language, history of the Russian language, the Russian language

В данной работе рассмотрены изменения, произошедшие со словами *благодарствовать* и *благодаря*. Мы определим значения этих слов в современном русском языке и возможные причины изменений, произошедших с этими словами. Для глагола *благодарствовать* мы опишем не только изменения в употреблении, но и ограничения в управлении этого глагола. Мы сделаем сравнение этого глагола с глаголом *благодарить*. Предлог *благодаря* и глагол *благодарить* имеют разное управление несмотря на возникающую гипотезу о возникновении предлога *благодаря* путем переосмысления деепричастия *благодаря* глагола *благодарить*. Таким образом, наша цель – выявить причину различного управления предлога *благодаря* и глагола *благодарить*¹.

1. *Благодарствовать*

© Грабовская М.А., 2017

¹ Автор данной статьи благодарен С.А. Бурлак за комментарии к первой версии работы.

1.1. Толкование глагола *благодарствовать*

Сначала мы опишем значение глагола *благодарствовать*, используя словарь. Слово *благодарствовать* согласно [Ожегов, Шведова, 1992] имеет два значения: «то же, что *благодарить*» и «благодарствуйте. Спасибо, благодарю. Не хотите ли отобедать? – Благодарствуйте, я сыт». Ко второму значению дан пример, чтобы пояснить сочетаемость этого глагола в этом значении. Дана именно императивная форма. Авторы словаря полагают, что императив глагола *благодарствовать* по значению равен слову *спасибо*. Стоит отметить, что в словарной статье этого глагола так же указано образование форм единственного числа первого и второго лиц («-ствую, -ствуешь»), как указано для всех остальных глаголов. Указано, что глагол несовершенного вида, «стар.». Глагол *благодарить* в этом словаре имеет два значения. Первое значение указано с сочетаемостью «кого (что) за что». Значение: «будучи внутренне обязанным кому-н., испытывать и выражать чувство благодарности, признательности». Второе значение дано с сочетаемостью «кого (что)». Значение: «вежливыми словами, жестами выражать свою признательность за что-н.». При этом в качестве одного из примеров для второго значения написано «Благодарю вас, спасибо!», что очень похоже на пример к глаголу *благодарствовать*.

Мы считаем, что глагол *благодарить* можно считать синонимом слову *спасибо*, но это не указано в качестве значения. Автор статьи считает, что это связано с наличием полной парадигмы глагола *благодарить*. Глагол же *благодарствовать* имеет устойчивую форму в императиве, для которой в качестве значения указана неизменяемая устойчивая форма выражения благодарности. Таким образом, глагол *благодарствовать* является синонимом глаголу *благодарить* и слову *спасибо* (только императивная форма). Стоит не забывать про пометку, что слово вышло из употребления. Но мы считаем, что сейчас *благодарствовать* часто употребляется в качестве синонима слову *спасибо*. При этом мы считаем, что это может быть не только императивная форма, но и личная форма первого лица единственного и множественного числа. Мы рассмотрим это в последующих частях статьи.

1.2. Согласование глагола *благодарствовать*

В современном языке *благодарствовать* скорее является синонимом слову *спасибо*, чем слову *благодарить*. Слово *благодарствовать* имеет ограниченный контекст. Кажется, пример (1) является недопустимым, а пример (2) – допустимым:

(1) **Я благодарствую тебе за подарок.*

(2) *Благодарствуй! Хороший подарок!*

Есть и другие допустимые грамматические формы. В примере (2) слово *благодарствую* согласуется с говорящим. Но рассматриваемый нами глагол может согласоваться не только с говорящим, но и со слушающим. В основном корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ] есть и примеры (которых значительно меньше), где слово *благодарствовать* согласуется не с говорящим, а со слушающим:

(3) — *Как квасить — так один, а как работать — так всем миром?*

— *Благодарствуйте. Попросишь меня теперь!..* [Евгений Прошкин. *Эвакуация* (2002)]

(4) *Больше власти для слова, душа моя, память, надежда, Я пришел говорить о пр остых, но забытых вещах, Благодарствуй — теперешний ветер, свистящий в ушах, Благ одарствуй— любовь, если стал я сильнее, чем прежде.* [Александр Сопровский. «Я в тебя и в твою любовь верил как в звезды...» (письма Татьяне Полетаевой) (1975) // «Знамя», 2011]

Таким образом, глагол *благодарствовать* может согласовываться как с говорящим, так и со слушающим. Стоит отметить, что не все формы возможны. Так, рассматриваемые нами примеры на согласование со слушающими – формы императива второго лица. Формы же второго лица не в императиве, наоборот, кажутся автору статьи невозможными. Мы рассмотрели этот глагол в основном корпусе [НКРЯ].

В корпусном поиске (основной корпус [НКРЯ]) при вводе лексемы «благодарствовать» выдается 575 вхождений. При точном поиске слова «благодарствую» выдается 292 вхождения, «благодарствуйте» – 159 вхождений, «благодарствуй» – 54 вхождения, «благодарствуем» – 42 вхождения, «благодарствую» – 6 вхождений, «благодарствует» – 5 вхождений (1 вхождение – 1725 год, 1 вхождение – 1888 год, 2 остальных – первая половина 20 века), «благодарствуют» – 1 вхождение (1858 год), «благодарствуешь» – 0 вхождений, «благодарствуете» – 0 вхождений. Таким образом, в рассматриваемых рамках корпуса практически все формы – личные формы первого лица единственного и множественного числа, императивные формы второго лица единственного и множественного лица. При этом в корпусе нет ни одного вхождения личных форм второго лица. Таким образом, единственным возможным вариантом согласования со слушающим являются императивные формы. В следующем разделе мы рассмотрим это изменение парадигмы глагола *благодарствовать*.

1.3. Изменение парадигмы глагола *благодарствовать*

Рассмотрим значения глагола *благодарствовать* в [Огиенко, 1914], чьей целью является описание трудных слов и синонимов (на момент написания словаря). В этом словаре часто нет толкований (или они краткие), но есть другие особенности употребления (например, управление глагола). Значение глагола *благодарствовать* в [Огиенко, 1914, с. 18] описано в одно слово – *благодарить*. При этом дается пример из произведения А.С. Пушкина:

(5) *Старушонка хлѣб поймала, «благодарствую» сказала.*

В примере (5) глагол «благодарствовать» согласуется по лицу и числу с говорящим. В словарной статье после примера (5) написано: «Благодарствуйте=спасибо». Далее дано три примера (примеры (6) и (7) из творчества И.С. Тургенева; пример (8) – М.Ю. Лермонтова), в каждом из которых *благодарствуйте* употребляется как *спасибо*. Мы рассмотрим следующие примеры из словаря:

(6) *Благодарствуйте, что сдержали слово.*

(7) *Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу. – Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.*

(8) *Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю? Закричалъ я ему въ окно. – Благодарствуйте, что-то не хочется.*

В примерах (6-8) согласование глагола происходит со слушающим, а не с говорящим.

В третьем издании словаря Даля [Даль, 1903] написано о замене форм *благодарствуешь* и *благодарствуете* на *благодарствуй* и *благодарствуйте*. Стоит отметить, что это написано только в третьем издании словаря, но не в первых двух [Даль, 1863] и [Даль, 1880]. Остальная часть одинакова во всех трех изданиях. Эта одинаковая часть содержится в словарной статье, которая называется «*Благодарствовать* или *благодарить*» [Даль, 1863, с. 81]. Там описана сочетаемость («кого, на чемъ или за что») и само толкование, которое одинаково для этих слов и заключается в желании блага, выражении благодарности. Отличающаяся часть написана в отдельной словарной статье «*Благодарствовать*», следующей за статьями «*Благодарствовать* или *благодарить*». В этой словарной статье написано значение («оказывать добро, благотворить») и выражения «благодарствуй» и «благодарствуйте», которые по данным словаря появились вместо прежних выражений «благодарствуешь» и «благодарствуете». Этим и объясняется результаты нашего поиска в [НКРЯ], описанные в предыдущем разделе.

До этого мы назвали формы «благодарствуй» и «благодарствуйте» императивными. Но изначально они такими не являлись. Далее мы опишем процесс образования этих форм от личной формы глагола *благодарствовать* по словарю [Дьяченко, 1899, с. 40-41]. Согласно этому словарю форма «благодарствуйте» (согласование с говорящим) образовалось от двух слов «благодарствую ты». Изначально эти два слова писались отдельно друг от друга. В качестве примера в словаре дана фраза

«благодарствую тя, Господи», которая согласно словарной статье часто встречается в летописях. В начале рассматриваемого нами изменения произошло слияние слов «благодарствую» и «тя». Потом «ю» перешло в *й* по примеру чай вместо чаю и по аналогии с приветствиями: здравствуй, прощай, а окончание *я* превратилось в *е* по аналогии с теми же приветствиями во множ. числѣ: здравствуйте, прощайте». Таким образом, образование формы «благодарствуйте» произошло в результате слияния слов «благодарствую» и «тя» и последующего перехода *ю* в *й*, и *я* в *е*. В [Срезневский, 1893] дано раздельное употребление. В словаре Фасмера [Vasmer, 1950-1959, с. 170] значение слова дается как «спасибо». Указано, что это форма является сокращением от «благодарствую».

Мы считаем, что форма «благодарствуй» появилась как результат реинтерпретации формы «благодарствуйте». Форма «благодарствуйте» была реинтерпретирована не как сочетание личной формы глагола, а как императив во множественном числе (по аналогии с «здравствуйте» и «прощайте»). Форма «благодарствуй» образовалась как императив в единственном числе по аналогии с единственным числом императивов «здравствуй» и «прощай».

В рамках дальнейшей работы над этим проектом планируется поиск временных рамок перехода «благодарствую тя» в «благодарствуйте». В качестве метода исследования мы рассматриваем поиск в письменных документах исходной фразы «благодарствую тя» (разумеется, и в других орфографических вариантах), поиск промежуточных этапов перехода фразы «благодарствую тя» в форму «благодарствуйте», появление формы «благодарствуйте». Отдельным предметом поиска может стать поиск времени появления формы «благодарствуй», сравнение времени появления этой формы и форм типа «здравствуй».

2. Благодаря

2.1. Толкование предлога *благодаря*

Сначала мы дадим определение предлогу *благодаря*. В [Ожегов, Шведова, 1992] написано, что предлог *благодаря* требует дательного падежа (в словаре даны и вопросы этого падежа). В качестве значения даны другие предлоги: *из-за, по причине, вследствие*. Рассмотрим примеры из основного корпуса [НКРЯ]:

(9) *Однако за два года, благодаря своей тяге к знаниям, выучила неплохо английский, да и другое. [коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)]*

(10) *Во многом благодаря их усилиям были созданы сначала организационные основы деятельности Комитета, а затем развернута важная работа по адаптации его деятельности к новым задачам и требованиям борьбы с террористической угрозой. [А.В. Конузин. Интервью по вопросам КТК // «Дипломатический вестник», 2004]*

Стоит отметить, что у предлога *благодаря* есть значение благодарности. И как видно из примеров (9-10), причины, вводимые этим предлогом, – положительные.

2.2. Образование предлога *благодаря*

Мы выдвигаем гипотезу об образовании предлога *благодаря* (который требует управления в дательном падеже) от деепричастия *благодаря* (глагол *благодарить*). Это соответствует информации из словарей. В [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 56-57] помимо управления предлога (дательный падеж) и ситуаций его употребления («при указании причин, вызывающих желательный результат», невозможность употребления «при резком противоречии между исходным лексическим знач. предлога ... и указанием отрицательной причины») указана схема образования этого предлога. Эта схема поясняет отсутствие возможности употребления этого предлога в контексте отрицательной причины, за которую нельзя поблагодарить. Указанная в словаре схема: «от глагола *благодарить* – деепричастие *благодаря*, перешедшее в предлог». Таким образом, авторы словаря считают, что предлог получил часть значения от глагола. В [Шведова, 1980] предлог *благодаря* относится к разряду простых отглагольных предлогов. Таким образом,

с использованием словаря и грамматики мы убеждаемся в верности нашей гипотезы об образовании предлога *благодаря* от глагола *благодарить*. Но возникает вопрос о различном управлении предлога и глагола.

2.3. Управление предлога *благодаря* и глагола *благодарить*

Указанное в словаре управление предлога *благодаря* – дательный падеж. Для дальнейшего обсуждения нам потребуется информация об управлении глагола *благодарить*. В словаре [Огиенко, 1914, с. 17] в статье глагола *благодарить* написано, что слово употребляется не с дательным падежом («какъ въ древнее время»), а с винительным. Здесь мы можем говорить об изменениях, произошедших с управлением глагола. Во всех трех изданиях словаря Даля [Даль, 1863; 1880; 1903] управление глагола *благодарить* – «кого, на чем, за что» [Даль, 1863, с. 81]. Ранее мы уже рассматривали толкование и управление глагола *благодарить* в [Ожегов, Шведова, 1992]. Этот глагол требует винительного падежа. В этом же словаре указано, что предлог *благодаря* требует дательного падежа. Таким образом, на основании данных словарей мы можем сделать вывод о том, что сейчас существует различие в управлении между глаголом и предлогом (сейчас глагол употребляется с винительным падежом, а предлог употребляется с дательным падежом).

Из данных словарей мы знаем, что предлог *благодаря* употребляется с дательным падежом. Но в [Огиенко, 1914] *благодаря* имеет два вхождения: с дательным падежом и с родительным падежом. До этого мы приводили значение и управление из первой статьи, где прямо в словарной статье делается акцент, что предлог употребляется не с родительным падежом, а с дательным. Так же отмечено, что предлог употребляется в контекстах, где «дѣйствительно есть, за что благодарить». Во второй же словарной статье предлога *благодаря* написано, что предлог употребляется с родительным падежом, но только в выражении «благодаря Бога» [Огиенко, 1914, с. 17]. Но в основном корпусе [НКРЯ] есть примеры употребления слова *Бог* в дательном падеже после предлога *благодаря* («благодаря Богу»). В основном корпусе [НКРЯ] по поиску ««благодаря» PR на расстоянии 1 от «бога»» («благодаря» – это предлог, на расстоянии одного слова от которого расположено слово «бога») было найдено 290 вхождений в 197 документах. В том же основном корпусе [НКРЯ] по поиску ««благодаря» PR на расстоянии 1 от «богу»» («благодаря» – это предлог, на расстоянии одного слова от которого расположено слово «богу») было найдено 41 вхождение в 39 документах. Таким образом, употребление формы «Богу» (слово *Бог* в дательном падеже) так же является возможными. Эта форма употребляется реже и является исключением из правила употребления слова *Бог* после рассматриваемого нами предлога (в [Огиенко, 1914] написано, что предлог употребляется со словом *Бог* в родительном падеже). Мы предполагаем возможность употребления предлога с этим словом в дательном падеже по подобию всех остальных слов. Стоит отметить, что при просмотре дат создания текстов, где слово *Бог* употреблено в дательном падеже, и текстов, где слово *Бог* употреблено в родительном падеже, нельзя назвать употребление в дательном падеже поздней инновацией. Для определения времени появления этой формы нужны более ранние материалы. В рамках последующей работы можно посмотреть и характеристики текстов, в которых употребляется дательный падеж. Выбор падежа может зависеть от наличия или отсутствия религиозной тематики текста. Но это не было рассмотрено в рамках данной работы, поэтому может быть только гипотезой для проверки в рамках следующих этапов проекта.

2.4. Две гипотезы различного управления предлога *благодаря*

В данной статье мы рассмотрим две гипотезы различного управления глагола *благодарить* (и соответственно деепричастия *благодаря*) и предлога *благодаря*. Глагол *благодарить* (и деепричастие *благодаря*) требует винительного падежа, предлог *благодаря* – дательного падежа. Наша первая гипотеза – первоначальное управление глагола *благодарить* – дательный падеж. Это согласуется с данными словаря [Огиенко, 1914, с. 17], где в словарной статье глагола *благодарить* написано его управление: «съ вин. п., а не

съ дат. п. (какъ въ древнее время)». Автор данной статьи склонен согласиться с этой гипотезой. Но для получения полной картины и для возможности рассмотрения всех возможных (как думает автор статьи) вариантов, далее будет рассмотрена вторая гипотеза различного управления описываемых нами глагола и предлога.

Вторая гипотеза заключается в том, что управление предлога *благодаря* изменилось уже после образования предлога от деепричастия. Другими словами, сначала образовался предлог *благодаря* от деепричастия *благодаря* (и предлог, и деепричастие требуют винительного падежа). И уже после этого происходит изменение управления предлога *благодаря* с винительного падежа на дательный, а глагол *благодарить* (и деепричастие *благодаря*) не меняет свое управление (винительный падеж). В качестве аргументов к этой гипотезе выступают данные из [Огиенко, 1914]. В этом словаре есть словарные статьи для предлога *благодаря*. В одной написано, что предлог требует дательного падежа, в другой написано, что с родительным падежом предлог употребляется только в сочетании «благодаря Бога». И в рамках аргументации может быть предположение о сохранении формы «Бога» (не являющейся формой дательного падежа) как отсутствие изменения, произошедшего с предлогом в сочетании с остальными существительными. В качестве второго доказательства второй гипотезы о том, что управление предлога изменилось после его образования от деепричастия, мы можем рассмотреть работу С. Бирцер [Birzer, 2008]. Автор этой работы пишет о том, что предлог *благодаря* не является результатом реинтерпретации, потому что глагол *благодарить* (и его деепричастие «благодаря») мотивирует винительный падеж, а не дательный. С. Бирцер пишет об отсутствии изменений в управлении глагола *благодарить* (пишет, что всегда был аккумулятив). Но С. Бирцер ссылается только на одну летопись, при этом дан пример со словом Бог, что, как мы выяснили ранее, является исключением. Выше мы говорили о том, что глагол *благодарить* раньше имел другое управление, дательный падеж. Поэтому мы склонны не согласиться с мнением автора данной статьи. Мы считаем, что из-за реинтерпретации деепричастия *благодаря* был образован предлог *благодаря*. То, что предлог образовался в результате перехода деепричастия *благодаря* в предлог, написано в [Розенталь, Теленкова, 1914]. Мы считаем, что это произошло до изменения управления глагола *благодарить*, поэтому предлог *благодаря* и требует дательного падежа. В дальнейшем предлог полностью отделился от глагола (не утратив значения «благодарности») и не поменял падеж, когда это сделал глагол.

3. Заключение

В данной работе были рассмотрены глагол *благодарствовать* и предлог *благодаря*. В современном языке предлог *благодаря* используется как синоним слова *спасибо*. Глагол *благодарствовать* несет значения глагола *благодарить* и слова *спасибо* (всего у глагола два значения). Сейчас употребляются четыре формы глагола *благодарствовать*: две личные формы (согласование с говорящим) и две формы в императиве (согласование со слушающим). Личные формы – формы первого лица единственного и множественного числа («благодарствую», «благодарствуем»). Императивные формы – формы второго лица единственного и множественного числа («благодарствуй», «благодарствуйте»). Форма «благодарствуйте» образована путем слияния глагола в форме первого лица единственного числа «благодарствую» и местоимения «тя», последующего перехода *ю* в *й*, и *я* в *е*.

Предлог *благодаря* образован путем переосмысления от деепричастия *благодаря* (глагол *благодарить*). Раньше глагол *благодарить* требовал дательного падежа. И предлог *благодаря* был образован до изменения управления глагола с дательного падежа на винительный падеж. Поэтому предлог *благодаря* имеет отличное от глагола *благодарить* управление. В современном языке глагол требует винительного падежа, предлог – дательного падежа. Существует исключение, когда предлог *благодаря* требует родительного падежа. Исключение – сочетание «благодаря Бога». По корпусным данным было выяснено, что возможно употребление «благодаря Бога» и «благодаря Богу». Мы

считаем, что последний вариант – более поздний, потому что в [Огиенко, 1914] была указана форма «благодаря Бога». Автор статьи предполагает появление формы «благодаря Богу» как начало процесса исчезновения исключения «благодаря Бога», слияния двух управлений в одно.

В качестве продолжения работы над проектом планируется датировка перехода «благодарствую тя» в «благодарствуйте» путем поиска в письменных документах исходного раздельного написания глагола и местоимения, промежуточных этапов образования формы «благодарствуйте» и поиска самой конечной формы. Планируется поиск времени появления формы «благодарствуй» и сравнение времен появления этой формы и форм типа «здравствуй». В дальнейшем мы планируем определить временные рамки появления предлога *благодаря*, поиск управления глагола *благодарить*. Планы включают и рассмотрение рукописей, написанных в других регионах и в другое время по сравнению с источником С. Бирцер [Birzer, 2008]. Можно попробовать выяснить, почему при описании формы «благодаря Бога» в [Огиенко, 1914] написано о родительном, а не о винительном падеже, ведь глагол *благодарить* (от которого образован предлог *благодаря*) требует винительного падежа. Отдельного рассмотрения заслуживает и гипотеза о выборе падежа для слова *Бог* после предлога *благодаря* на основе наличия или отсутствия религиозного контекста.

Литература

1. Birzer S. The Development of Prepositions from Converbs as Reanalysis: Counterevidence from Russian and Turkish / S. Birzer // Manuscript, University of Regensburg. – 2008.
2. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, the Russian version: Maks Fasmer / M. Vasmer // Etimologicheskii slovar russkogo iaz'ika. – 1950–1958. – С. 170.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – СПб., 1863. 4 – 688 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – СПб., – 1880. – 688 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М., 1994. – 1903. – С. 226.
6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко // М. : Рипол Классик, 1899. – С. 40–41.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>
8. Огиенко И. И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи / И. И. Огиенко. – М. : Рипол Классик. – 1914. – С. 17–18.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН Ин-т рус. яз. ; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd. – 1992.
10. Розенталь Д. Э. Словарь трудностей русского языка / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова // Айрис-пресс – 2003. – С. 56–57.
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: А-К. / И. И. Срезневский. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 95.
12. Шведова Н. Ю. Русская грамматика : в 2 т. / Н. Ю. Шведова. – 1980. – Т. 1. – С. 706.

Грабовская Мария Андреевна,
студент школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: magrabovskaya@gmail.com

Grabovskaya Maria Andreevna,
student of School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher
School of Economics.
E-mail: magrabovskaya@gmail.com

УДК 811.511.151 81'37

Е. В. Кашкин
(Москва)

К ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: ГОРНОМАРИЙСКИЙ ГЛАГОЛ *KEÄŠ* 'ИДТИ, УХОДИТЬ'^{©2}

Аннотация: в статье рассматривается грамматикализация глагола *keäš* 'идти, уходить' в составе сложных глагольных комплексов в горномарийском языке. Обсуждается лексическая сочетаемость глагола *keäš* в таких конструкциях. Рассматриваются развиваемые им семантические эффекты.

Ключевые слова: горномарийский язык, грамматикализация, сложные глагольные комплексы, глаголы перемещения.

Grammaticalization of motion verbs in typology: the case of Hill Mari *keäš* 'to go, to leave'

Abstract: this article deals with the grammaticalization of the verb *keäš* 'to go, to leave' in compound verbal constructions in Hill Mari. I discuss the lexical combinability of *keäš* in these constructions, as well as some semantic effects it develops.

Key words: Hill Mari, grammaticalizaion, compound verbal constructions, motion verbs.

Работа посвящена горномарийским сложным глагольным комплексам с грамматикализированным глаголом *keäš* 'идти, уходить'. Горномарийский язык относится к финно-угорской группе и распространен, наряду с луговым марийским, преимущественно в Республике Марий Эл. Мы опираемся на данные восточных говоров, распространенных в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово). Материал собран нами в полевых условиях в рамках экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2016-2017 гг³. Мы работали с информантами методом анкетирования, а также анализировали корпус экспедиционных текстов (на текущий момент его объем составляет около 20 тыс. словоупотреблений). Корпусные примеры сопровождаются в тексте статьи соответствующей пометой. Примеры, полученные при анкетировании, никак специально не помечаются.

В горномарийском языке продуктивны сложные глагольные комплексы, состоящие из конверба (на *-än / -ән* для первого спряжения и на *-en* для второго спряжения⁴)

© Кашкин Е. В., 2017

² Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-06-00184.

³ Подробнее о проекте см. <http://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁴ Эти показатели материально совпадают с показателями второго прошедшего времени (в данной статье последние глоссируются как PFV), однако не могут принимать маркеры лично-числового

смыслового глагола⁵ и грамматикализованного финитного глагола. Так, в (1) и (2) смысловыми глаголами являются *koštaš* ‘сушить’ и *amalaš* ‘спать’, употребленные в форме конверба, а финитные глаголы *šändäš* и *keäš* выражают различные аспектуальные модификации этих смысловых глаголов – комплетив (достижение предела процесса) в (1) и вхождение в состояние в (2).

(1) *män'* *vârgem-äm* *košt-en* *šänd-en-äm*
я бельё-ACC сушить-CVB сажать-PFV-1SG

‘Я высушил бельё (букв.: суша посадил)’.

(2) *izi* *ädäräš* *amal-en* *ke-n*
маленький девочка спать-CVB идти-PFV

‘Маленькая девочка заснула (букв.: спя ушла)’.

Конструкции описанного типа демонстрируют синтаксическую слитность – так, они не могут быть разорваны какими-либо другими составляющими (3), а их компоненты не могут подвергаться перестановке (4).

(3) a. *püergä* *toma-m* *stroj-en* *šänd-en*
мужчина дом-ACC строить-CVB сажать-PFV

b. **püergä* *stroj-en* *toma-m* *šänd-en*
мужчина строить-CVB дом-ACC сажать-PFV

‘Мужчина построил дом’.

(4) a. *ärvezä* *pu-m* *šel-än* *sänd-äš*
парень дрова-ACC колоть-CVB сажать-PRET

b. **ärvezä* *pu-m* *šänd-äš* *šel-än*
парень дрова-ACC сажать-PRET колоть-CVB

‘Парень наколот дрова’.

В работах наших предшественников (см. в особенности [Пенгитов и др. (ред), 1961, с. 202–216]; [Серебренников, 1960, с. 190–199]; [Driussi, 1992-1993]; [Хонти, 2013]) обсуждался базовый набор значений сложных глагольных комплексов в марийских языках, а также некоторые их морфосинтаксические свойства. Однако не получал подробного освещения вопрос о лексико-семантических ограничениях на смысловый глагол при различных грамматикализованных предикатах. Именно на этом аспекте проблемы мы и концентрируемся в нашем исследовании. В данной статье он будет освещен на примере глагола *keäš* ‘идти, уходить’. О синтаксисе сложных глагольных комплексов в горномарийском языке и возможных путях их анализа в терминах теории структуры события см. [Дьячков ms.]. Более широкий теоретический фон по данной проблематике доступен в [Гращенков, 2015].

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1 обсуждается исходная семантика глагола *keäš*. Раздел 2 посвящен его употреблению в составе сложных глагольных комплексов. Здесь последовательно рассматриваются семантические классы глаголов, с которыми сочетается *keäš*, и интерпретация таких конструкций, ограничения на использование *keäš*, а также развиваемые им семантические эффекты. В разделе 3 подводятся итоги.

1. Исходная семантика

Рассмотрим исходную семантику глагола *keäš*. Он имеет два базовых класса употреблений. Во-первых, этот глагол описывает удаление субъекта перемещения откуда-либо (что соответствует русскому эквиваленту *уйти / уходить*), как в (5). Во-вторых, он может обозначать направленное движение куда-либо (как русский глагол *идти* в некотором подмножестве своих употреблений), чаще с эксплицитным указанием

согласования, во втором прошедшем времени имеющиеся в ненулевом виде во всех формах кроме 3 л. ед. ч.

⁵ При некоторых глаголах конверб имеет нулевой показатель, см. подробнее [Саваткова, 2002, с. 234].

конечной точки, как в (6). В примерах типа (7), не имеющих значения удаления откуда-либо и не содержащих четкого указания на конечную точку, глагол *keäš* встречается, но допускается не всеми информантами. В имеющемся корпусе естественных текстов примеры без эксплицитно выраженной конечной точки тоже встречаются, см. (8).

(5) *kâ-štâ* *d'ir'ektâr?* – *tädä* *uže* *ke-n* / *kej-en*⁶
 который-IN директор он уже идти-PFV идти-PFV

‘Где директор? – Он уже ушел’.

(6) *tän'* *kâ-š* *kej-et?*
 ты который-ILL идти-NPST.2SG

‘Ты куда идешь?’

(7) *ärvezä* *ašked-eš* / *ke-ä* *dä* *mârâ-m* *mâr-a*
 Мальчик идти-NPST.3SG идти-NPST.3SG и песня-ACC петь-NPST.3SG

‘Мальчик идет и поет песню’.

(8) *ke-ä* - *ke-ä* *ärväž* *šagârtem-äm* *už-eš*
 идти-NPST.3SG идти-NPST.3SG лиса сорока-ACC видеть-NPST.3SG
dä *vârs-aš* *tängül-eš*
 и ругать-INF ругать-NPST.3SG

‘Идет-идет лиса, видит сороку и ругать начинает’. [Корпус]

В целом, однако, в корпусном материале для прямых употреблений глагола *keäš* более частотны контексты с выраженной конечной точкой. Примеров типа (7) – (8), где участник с такой семантикой не выражен, в корпусе нашлось 37, примеров типа (6) с эксплицитно выраженной конечной точкой – 68. В дополнение к ним имеется 16 примеров, где при глаголе *keäš* выражен инфинитив с целевым значением (9), и 6 примеров с выражением цели дативом (10). Последние две группы, по-видимому, близки семантически примерам с конечной точкой, поскольку в них выражены смежные с ней участники – действие, совершение которого планируется по достижении конечной точки, либо объект-цель, находящийся в конечной точке.

(9) *onar* *kol* *kâč-aš* *ke-ä*
 Онар рыба ловить-INF идти-NPST.3SG

‘Онар идет ловить рыбу’. [Корпус]

(10) *ves* *kečä-n* *eče=ät* *väd-län* *ke-ä*
 другой день-GEN еще=ADD вода-DAT идти-NPST.3SG

‘На другой день она опять пошла за водой’. [Корпус]

2. Употребление в сложных глагольных комплексах

2.1 Переходность

Глагол *keäš* как вершина сложного глагольного комплекса сочетается с непереходными глаголами (11). Его употребление с переходными глаголами как вершины сложного глагольного комплекса в нашем материале не отмечено, см. (12).

(11) *trük* *amasa pač-âlt-â* / *pač-âlt* *ke-š*
 вдруг дверь открывать-MED-PRET.3SG открывать-MED.CVB идти-PRET

‘Вдруг открылась дверь’.

(12) *trük* *vas'a amasa-m pač-â* / **pač-âñ* *ke-š*
 вдруг Вася дверь-ACC открывать-PRET.3SG открывать-CVB идти-PRET

‘Вдруг Вася открыл дверь’.

В тех примерах, где лексема *keäš* сочетается с переходными глаголами, она не подвергается грамматикализации, сохраняя исходную семантику перемещения. Так, в (13) ее употребление возможно, поскольку ситуация выгона скота в поле предполагает перемещение Агенса вслед за Пациенсом. В примере (14), где такого перемещения не

⁶ При словоизменении глагол *keäš* может иметь как основу *ke-*, так и основу *kej-*, ср. их параллельную фиксацию и в [Саваткова, 2008, с. 88].

происходит и речь идет прототипически о словесной каузации, глагол *keäš* не используется.

- (13) *män ä vol'âk-âm nâr-âškâ pokt-en lâkt-âm*
я скот-ACC поле-ILL гнать-CVB извлекать-PRET.1SG

/ *pokt-en ke-š-âm*
гнать-CVB идти-PRET-1SG

‘Я выгнал скот в поле’.

- (14) *erg-em-ân täng-vlä-žä-m män' pôrt gäs*
сын-POSS.1SG-GEN друг-PL-POSS.3SG-ACC я дом EL
pokt-en lâkt-âm / *pokt-en ke-š-âm
гнать-CVB извлекать-PRET.1SG гнать-CVB идти-PRET-1SG

‘Я выгнал друзей сына из дома’.

2.2 Классы контекстов

Лексема *keäš* в составе сложных глагольных комплексов может сочетаться с различными группами глаголов и выражать в соответствии с этим разные оттенки значения. Первая группа – это **глаголы перемещения** (например, *kârgâžäš* ‘бежать’, *jogaš* ‘течь’, *kuzäš* ‘подниматься’, *väsäs* ‘лететь’, *čongeštäs* ‘лететь’⁷). Конверб таких глаголов описывает в рассматриваемой конструкции способ перемещения, а глагол *keäš* указывает на удаление субъекта, как и в своем прямом значении⁸. Иллюстрации описанного класса употреблений можно найти в (15) – (16).

- (15) *kek-vlä šokšâ vâr-âš väs-en-ät / väs-en ke-n-ät*
птица-PL теплый место-ILL лететь-PFV-3PL лететь-CVB идти-PFV-3PL

‘Птицы улетели в теплые края’.

- (16) *pečkä gäs cilä väd jog-en ke-n*
бочка EL весь вода течь-CVB идти-PFV

‘Из бочки утекла вся вода’.

Заметим, кроме того, что сочетания *keäš* с глаголами перемещения представляют собой синтаксически слитные комплексы, ср., например, невозможность вставки обстоятельств между их компонентами:

- (17) a. *lotka gäs-ân piš jäle väd jog-en ke-n*
кадка EL-FULL очень быстро вода течь-CVB идти-PFV
b. **lotka gäs-ân väd jog-en piš jäle ke-n*
кадка EL-FULL вода течь-CVB очень быстро идти-PFV
c. **väd piš jäle jog-en lotka gäs-ân ke-n*
вода очень быстро течь-CVB кадка EL-FULL идти-PFV

‘Из кадки очень быстро утекла вода’.

Ключевой класс употреблений глагола *keäš*, в котором он уже, очевидно, отрывается от исходного значения, объединен семантикой **вхождения в новое состояние**, необязательно связанное с физическим перемещением. Смысловые глаголы, с конвербами которых сочетается *keäš*, могут быть в этом случае различны. В частности, это значение реализуется в его сочетании с глаголом *amalaš* ‘спать’, описывающим собственно **состояние**, в которое входит субъект (18). Интересно, что других глаголов состояния, встраивающихся в конструкцию с *keäš*, нами на данный момент не выявлено.

- (18) *izi ädäräš amal-en ke-n*
маленький девочка спать-CVB идти-PFV

‘Маленькая девочка заснула’.

⁷ Лексико-семантические различия между двумя последними глаголами из списка пока не исследовались подробно, однако для целей настоящего обсуждения этот вопрос нерелевантен.

⁸ Заметим, однако, что, как показано в (15), возможно и выражение семантики удаления глаголом, специфицирующим способ движения, без введения в конструкцию глагола *keäš*.

Чаще, однако, смысловые глаголы в конструкциях с *keäš* описывают **предельный процесс**, результатом которого является новое состояние (некоторый теоретический фон см., в частности, в [Татевосов, 2016, с. 74–79, 175–183]). Так, глагол *port'altaš* ‘портиться’, использующийся в этой конструкции, описывает предельный процесс, в результате которого субъект входит в результирующее состояние ‘быть испорченным’ (19). Аналогично, завершением процессов *âžargaš* ‘зеленеть’ и *jakšargaš* ‘краснеть’ являются соответственно состояния субъекта ‘быть зеленым’ и ‘быть красным’ (20).

(19) *patâl port'-alt ke-n, kel-eš*
 сметана портить-MED.CVB идти-PFV быть.нужным-NPST.3SG
šu-en kolt-aš
 бросать-CVB посылать-INF

‘Сметана испортилась, надо выбросить’.

(20) *pirä to âžar-g-en ke-ä, to jakšar-g-en ke-ä,*
 волк то зеленый-DETR-CVB идти-NPST.3SG то красный-DETR-CVB идти-NPST.3SG
i cilä sigaret-äm šäv-äl lăkt-eš
 и все сигарета-ACC плевать-ATT.CVB извлекать-NPST.3SG

‘Волк то зеленеет, то краснеет, и выплевывает все сигареты’. [Корпус]

Другими примерами смысловых глаголов указанного типа служат лексемы *šolaš* ‘кипеть’, *temäš* ‘наполняться’, *šđlaš* ‘таять’, *šđränäš* ‘таять, растапливаться’, *koškaš* ‘сохнуть’, *klovojemäš* ‘синеть’, *pašaš* ‘размножаться, плодиться (о животных)’, *peledäš* ‘цвести’ (в последнем случае конструкция с *keäš* имеет значение ‘отцветать’)⁹. Отметим при этом, что глагол *keäš* в сочетании с наименованиями предельных процессов не может обозначать вхождение в этот процесс (‘закипеть’, ‘начать таять’ и пр.). Для выражения такой семантики используются другие средства, как, например, конструкции с глаголом *təngäläš* ‘начинать’ или, как в (21a), конструкция с инфинитивом смыслового глагола *šolaš* ‘кипеть’ и финитной формой глагола *pəraš* ‘входить’. В свою очередь в (21b), где тот же глагол *šolaš* ‘кипеть’ использован в конструкции с *keäš*, выражается семантика исчезновения воды в результате кипения, т. е. семантика наступления результирующего состояния отсутствия воды.

(21) a. *väd šol-aš pər-en*
 вода кипеть-INF входить-PFV

‘Вода закипела’.

b. *mən' mond-en-äm čajn'ik gišan, tə-štə vət-š=ät*
 я забывать-PFV-1SG чайник о тот-IN вода-POSS.3SG=ADD
cilä šol-än ke-n
 весь кипеть-CVB идти-PFV

‘Я забыл про чайник, там вода вся выкипела’.

Пример, который может показаться исключением из сформулированной закономерности, представлен в (22), где конструкция *pižän keäš* (букв.: зацепившись уйти) выражает семантику вхождения в процесс – ‘загореться’:

(22) *pört piž-än kej-en, jört-aš jəle šukâ edem*
 дом цепляться-CVB идти-PFV тушить-INF быстро много человек
rog-än-en ke-n-ät
 собирать-ANTC-CVB идти-PFV-3PL

‘Дом загорелся, тушить быстро собралось много народу’.

Однако глагол *pižäš* не является, что важно, наименованием процесса горения. Исходно он описывает возникновение контакта между некоторыми сущностями, как в (23) – (24). В том числе этот глагол может указывать и на возникновение контакта между

⁹ К этому же списку примыкает и глагол *jđlaš* ‘гореть’, имеющий акциональную интерпретацию неопредельного процесса. Глагол *keäš* добавляет в его случае указание на исчерпание ситуации горения.

огнем и Пациенсом процесса горения – см. (25). Тем самым, для семантики этого глагола важна идея некоторой точки, служащей началом для возникновения нового состояния – и именно подобное изменение свойств его участников (а точнее, состояние, являющееся результатом этого изменения) маркируется глаголом *keäš* в (22). Как мы увидим далее, лексема *keäš* выполняет такую функцию в сочетании и с некоторыми другими смысловыми глаголами.

(23) *jalaš terve-n-em pisän piž-än*
штаны на-FULL-POSS.1SG осот цепляться-PFV

‘К моим штанам прицепился осот’.

(24) *kok ängär mändär-nä-räk ikväreš piž-ät*
два ручей даль-IN2-CMPR вместе цепляться-NPST.3PL

‘Два ручья недалеко сливаются’.

(25) *Pört-em тыл ниж-äiw¹⁰*
дом-LAT огонь цепляться-PRET

‘Дом загорелся (букв.: В дом / в доме огонь зацепился)’. [Саваткова, 2008, с. 201].

Глагол *keäš* сочетается с некоторыми глаголами результата – в понимании [Rapraort Novav, Levin, 1998] такие глаголы обозначают определенный результат, но для их семантики не важно, каким именно способом он был достигнут (последнее, в свою очередь, значимо для глаголов способа, которым в цитируемой работе противопоставлены глаголы результата). В рассматриваемом нами случае результатом является переход субъекта в новое состояние. В частности, *keäš* сочетается с конвербами глаголов *jamaš* ‘теряться’, *pâdârgaš* ‘ломаться’, *kolaš* ‘умирать’, *pâdeštäš* ‘лопаться, взрываться’, см. некоторые примеры в (26) – (27).

(26) *vas'a-n mašinä-žä pâdârg-en ke-n*
Вася-GEN машина-POSS.3SG ломаться-CVB идти-PFV

‘У Васи машина сломалась’.

(27) *pač-em-än kok pâstâl-žâ gäc kâč-ä dä šükšä*
хвост-POSS.1SG-GEN два перо-POSS.3SG EL ловить-IMP и гнилой
tangata terve-n sev-äl. män' kol-en kej-em
пень на-FULL бить-ATT.IMP я умирать-CVB идти-NPST.1SG

‘У хвоста за два пера меня схвати и о гнилой пень меня ударь. Я умру’. [Корпус]

2.3 Ограничения на конструкцию с *keäš*

Глагол *keäš* не сочетается с такими глаголами, в семантике которых не заложена точка наступления нового состояния субъекта. Во-первых, это наименования **непредельных процессов**: *popaš* / *šajâštaš* ‘говорить’, *pat'kaš* ‘капать’, *vârsaš* ‘ругать’, *mâraš* ‘петь’, *šiškäš* ‘свистеть’, *vaštâlaš* ‘смеяться’, *stučaš* ‘стучать’, *järäš* ‘улыбаться’, см. некоторые иллюстрации:

(28) **ädärämäš šajâšt ke-n mar-la*
женщина говорить-CVB идти-PFV мари-EQU

Ожидаемое значение: ‘Женщина заговорила / перестала говорить по-марийски’.

(29) **daša män'-äm už-än kolt-en=ät, jär-en ke-n*
Даша я-ACC видеть-CVB посылать-PFV=ADD улыбаться-CVB идти-PFV

Ожидаемое значение: ‘Даша меня увидела и заулыбалась / перестала улыбаться’

(30) **ädäräs vaštâl ke-n*
девочка смеяться-CVB идти-PFV

Ожидаемое значение: ‘Девочка засмеялась / перестала смеяться’.

Во-вторых, это **экспериментальные глаголы** (*päläš* ‘знать’, *ängälaš* ‘понимать’, *lüdäš* ‘бояться’, *jarataš* ‘любить’, *orlanaš* / *obižäjältäš* ‘обижаться’, *cidejäš* ‘удивляться’, *jasälanaš* / *karštaš* ‘болеть’ – см. (31) – (32)), а также **предикаты индивидуального уровня**, описывающие сущностное свойство субъекта, изменение которого предполагает

¹⁰ Пример приведен в литературной орфографии в соответствии с источником.

качественное изменение и самого субъекта, в отличие от предикатов стадиального уровня, за которыми стоят изменяющиеся ситуации, не связанные с неотъемлемыми свойствами субъекта (подробнее об этом противопоставлении см. [Carlson, 1977], [Татевосов, 2016, с. 52-59]). В число предикатов индивидуального уровня входят и многие экспериенциальные глаголы (как *päläš* ‘знать’, *jarataš* ‘любить’ и др.), но ими этот список не исчерпывается, ср. (33) – (34). Это ограничение пересекается и со сформулированной в разделе 2.2 закономерностью о том, что лексема *keäš* практически не встречалась нам в сочетании с глаголами состояния, за исключением глагола *amalaš* ‘спать’.

(31) *män’ *ängäl-en* *ke-š-äm:* *šoläšt-aš*
 я понимать-CVB идти-PRET-1SG воровать-INF
a-k jarê
 NEG.NPST-3 быть.возможным

Ожидаемое значение: ‘Я понял: воровать нельзя’.

(32) *ädäräš *lüd-än* *ke-n* *kogo* *pi* *gäc-än*
 девочка бояться-CVB идти-PFV большой собака EL-FULL

Ожидаемое значение: ‘Девочка испугалась большую собаку’.

(33) **os’otr* *jäl-äštâ* *äl-en* *ke-n*
 осетр Волга-IN жить-CVB идти-PFV

Ожидаемое значение: ‘Осетр поселился в Волге /исчез из Волги’.

(34) *män*’ *purê* *li-n* *šänz-än-äm* / *li-n *ke-n-äm*¹¹
 Я добрый быть-CVB садиться-PFV-1SG быть-CVB идти-PFV-1SG

‘Я стал добрым’.

2.4 Семантические эффекты

Во многих случаях глагол *keäš* в составе сложных глагольных комплексов сохраняет семантику отдаления, присущую его исходному значению ‘уходить откуда-л.’. Он регулярно используется с глаголами, описывающими исчезновение или потерю функциональности, в то время как его сочетаемость с глаголами противоположной семантики оказывается затруднена. Так, в (35) и (37) глагол *keäš* сочетается с конвербами глаголов *jamaš* ‘теряться’ и *pädârgaš* ‘ломаться’, но в (36) и (38) он не может образовать конструкций со значениями ‘найтись’ и ‘заработать (начать работать)’. В (39) лексема *keäš* оказывается несовместима со значением ‘проснуться’, ср. уже упомянутое ранее ее употребление в конструкции *amalen keäš* ‘заснуть’ (букв.: спя уйти).

(35) *män*’-*än* *košel’ok-em* *jam-än* *ke-n*
 я-GEN кошелек-POSS.1SG теряться-CVB идти-PFV

‘У меня кошелек потерялся’.

(36) *ostatka-eš *košel’ok* *mo-alt* *ke-n*
 остаток-LAT кошелек находить-MED.CVB идти-PFV

Ожидаемое значение: ‘Наконец-то кошелек нашелся’.

(37) *mämnän* *t’el’evizâr-na* *pädârg-en* *ke-n*
 мы.GEN телевизор-POSS.1SG ломаться-CVB идти-PFV

‘У нас телевизор сломался’.

(38) *trük *t’el’evizâr* *rovotaj-en* *ke-n*
 вдруг телевизор работать-CVB идти-PFV

Ожидаемое значение: ‘Вдруг телевизор заработал’.

(39) *män’ *tagaçê* *irê* *šiz-än* *ke-n-äm*
 я сегодня рано просыпаться-CVB идти-PFV-1SG

Ожидаемое значение: ‘Я сегодня рано проснулся’.

Глагол *keäš* по крайней мере в некоторых контекстах предполагает длительность нового состояния, в которое переходит субъект. В этом смысле показательны его

¹¹ С какой-либо другой интерпретацией конструкция *lin kenäm* тоже невозможна, как и другие конструкции с *keäš* в (31) – (34).

сочетания в различных контекстах с глаголом *kälmäš* ‘замерзать’. В (40a) глагол *kälmäš* описывает переход воды в новое (твердое) агрегатное состояние, и такая семантика может быть выражена сочетанием с *keäš*. В примере же (40b), где лексемой *kälmäš* кодируется ощущение экспериенцера, не предполагающее существенного изменения его внутренних свойств, использование грамматикализованного глагола *keäš* запрещено. Однако глагол *keäš* становится возможным в (40c), где субъектом тоже является человек, но имеющий, в отличие от (40b), явные пациентивные свойства и переходящий в качественно новое состояние.

- (40) a. *ükš-äkt-en, rekä-štä väd kälm-en ke-n*
охлаждаться-CAUS-PFV река-IN вода замерзать-CVB идти-PFV
‘Похолодало, вода в реке замерзла’.
- b. **mäñ’ kälm-en ke-n-äm, svitâr-âm či-em*
я замерзать-CVB идти-PFV-1SG свитер-ACC надевать-NPST.1SG
Ожидаемое значение: ‘Я замерз, надену свитер’.
- c. *vas’a šärgä-škä jükšä ašked-än dä kälm-en ke-n*
Вася лес-ILL пьяный идти-PFV и замерзать-CVB идти-PFV
‘Вася пошел в лес пьяный и замерз’.

Интересным семантическим эффектом глагола *keäš*, развивающимся по крайней мере в некоторых идиолектах, является идея быстрого перехода в новое состояние (что отмечалось и в [Серебренников, 1960, с. 193]). Так, этот глагол свободно используется в примерах типа (41a-43a), где эксплицитно указана высокая скорость наступления нового состояния. Однако в примерах (41b-43b), в которых новое состояние наступает уже с меньшей скоростью, употребление глагола *keäš*, как правило, отвергается носителями.

- (41) a. *ärvezä päšä-n käräk-äš kuz-en ke-n*
мальчик быстрый-GEN гора-ILL подниматься-CVB идти-PFV
‘Мальчик быстро поднялся на горку’.
- b. *??t’ot’a käräk-äš nelä-n kuz-en ke-n*
старик гора-ILL тяжелый-GEN подниматься-CVB идти-PFV
‘Старик с трудом поднялся на горку’.
- (42) a. *paj maklaka jäle šäl-en ke-n*
мясо кусок быстро таять-CVB идти-PFV
‘Кусок мяса оттаял быстро’.
- b. *??paj maklaka olen šäl-en ke-n*
мясо кусок медленно таять-CVB идти-PFV
Ожидаемое значение: ‘Кусок мяса оттаял медленно’.

- (43) a. *värgem väc minut-äštä košk-en ke-n*
белье пять минута-IN сохнуть-CVB идти-PFV
‘Белье за пять минут высохло’.
- b. *??načkä pogodä-štä värgem kok sutka-štä vele košk-en ke-n*
сырой погода-IN белье два сутки-IN только сохнуть-CVB идти-PFV
‘В сырую погоду белье высохло только за двое суток’.

Заметим, однако, что параметр скорости оказывается релевантен для глаголов способа, описывающих предельные процессы, но нерелевантен для глаголов результата, фокусирующих некоторую точку наступления нового состояния (и этот факт в работах предшественников уже не отмечен). Примеры (44a) и (45a) предполагают быстрое наступление нового состояния, а примеры (44b) и (45b), напротив, длительную дистанцию во времени до наступления нового состояния. Однако во всех этих случаях глагол *keäš* свободно допускается опрошенными носителями.

- (44) a. *t’ot’a infarkt dono kol-en ke-n, vrač*
дед инфаркт с умирать-CVB идти-PFV врач
tol-än=at šo-kt-äde
приходить-CVB=ADD достигать-CAUS-NEG.PFV

‘Старик умер от инфаркта, врач даже прийти не успел’.

b. *t'ot'a šukâ jasâlan-âmâ pašteḱ kol-en ke-n*
 старик много болеть-PTCP.PASS/NMLZ после умирать-CVB идти-PFV

‘Старик умер после долгой болезни’.

(45) a. *nasos-âm šând-en-nâ vele âl'â, jâle pâdârg-en ke-n*
 насос-ACC сажать-PFV-1PL только RETR.IPFV быстро ломаться-CVB идти-PFV

‘Насос только поставили, он быстро сломался’.

b. *nasos koklâ i rovotaj-en, a tengečâ pâdârg-en ke-n*
 насос двадцать год работать-PFV а вчера ломаться-CVB идти-PFV

‘Насос 20 лет работал, а вчера сломался’.

Объяснение указанного свойства глаголов результата основывается на том, что для их семантики, согласно [Rappaport Novav, Levin, 1998], не релевантен ни сам путь к достижению нового состояния, ни какие-либо характеристики этого пути. Это подтверждается, в частности, примерами типа (46a), где глаголом *kolaš* ‘умирать’ нельзя описать процесс, не приведший к достижению кодируемого этим глаголом результата. В свою очередь глаголы способа типа *koškaš* допускаются в подобных контекстах (46b), и в их случае центральным семантическим компонентом оказывается именно процесс, характеристики которого и модифицируются в нашем случае глаголом *keäš*.

(46) a. **vas'a uže kol-en, no vrač-vlâ tädâ-m âtar-en-ät*
 Вася уже умирать-PFV но врач-PL тот-ACC спасти-PFV-3PL

Ожидаемое значение: ‘Вася уже умирал, но врачи его спасли’.

b. *vârgem (izi-š) košk-en, no eče lâvârgâ-rak*
 белье маленький-ADV сохнуть-PFV но еще сырой-CMPR

‘Белье (немного) посохло, но еще сырое’.

В сочетании со стативным глаголом *amalaš* ‘спать’ глагол *keäš* тоже может указывать как на быстрое, так и на долгое наступление нового состояния, см. (47). Формы глагола *amalaš* без добавления *keäš*, однако, в принципе не могут выражать вхождение в состояние.

(47) a. *mân'â piš kogo-n jangâl-en-âm, sedândon*
 я очень большой-GEN уставать-PFV-1SG поэтому

jâle amal-en ke-n-âm
 быстро спать-CVB идти-PFV-1SG

‘Я очень устала, поэтому быстро заснула’.

b. *mân'â račang-âp-am - račang-âp-am,*
 я ворочаться-PFV-1SG ворочаться-PFV-1SG

irok ve-kâ-lâ vele amal-en ke-n-âm
 утро сторона-ILL2-EQU только спать-CVB идти-PFV-1SG

‘Я ворочалась-ворочалась, только к утру заснула’.

3. Некоторые итоги

Подведем итог нашему обсуждению горномарийских конструкций с грамматикализованным глаголом *keäš*. В типологическом исследовании [Майсак, 2005, с. 170–176] описана грамматикализация лексем со значениями ИДТИ / УХОДИТЬ в перфективные маркеры, и в этом смысле проанализированная нами модель в целом вполне предсказуема. В то же время, горномарийские конструкции с *keäš* демонстрируют ряд частных семантических эффектов, остающихся за кадром в «глобальных» типологических обобщениях. Так, исходная семантика отдаления от исходной точки часто сохраняется и в грамматикализованных употреблениях глагола *keäš* (ср., допустим, его сочетаемость с глаголами ‘сломаться’ или ‘потеряться’, но не с глаголами ‘работать / заработать’ или ‘найтись’). Эта же идея отдаления может имплицитно и семантику перехода в некоторое длительное состояние (ср. наиболее показательный пример с глаголом *kâlmâš* ‘замерзнуть’, конверб которого сочетается с *keäš* в том случае,

если замерзла река или человек замерз насмерть, но не сочетается в экспериенциальных контекстах).

Интересен и вопрос о том, откуда берется семантика быстрого перехода в новое состояние, возникающая в конструкциях с *keäš*. Наша гипотеза состоит в том, что вершина сложного глагольного комплекса уточняет акциональную интерпретацию смыслового глагола в контексте, а также добавляет идею интенсификации¹², которая может быть реализована по-разному и вводит акцент на разные элементы ситуации в зависимости от семантики конструкции в целом. В этой связи нужно пояснить, что многие марийские глаголы (и сочетающиеся с *keäš*, и другие) относятся к так называемому слабому предельному акциональному классу, т. е. их перфективная форма может иметь как интерпретацию вхождения в результирующее состояние, так и процессную интерпретацию (соответствующие горномарийские данные приведены в [Дьячков, 2017], ср. также аналогичные наблюдения о лугомарийском глаголе, сделанные в [Татевосов, 2002]). Например, предложение (48a) может значить и то, что снег растаял, и то, что снег находился в процессе таяния, но еще не растаял до конца. В свою очередь предложение (48b) однозначно указывает – именно в силу наличия глагола *keäš* – на достижение предела процессом таяния и на то, что субъект вошел в результирующее состояние ‘быть растаявшим’.

(48) a. *lām šäl-en*
снег таять-PFV

‘Снег растаял / таял’.

b. *lām šäl-en ke-n*
снег таять-CVB идти-PFV

‘Снег растаял’.

Что касается интенсификационных эффектов, то они, по нашим данным, развиваются и у многих других горномарийских глаголов, служащих вершинами сложных глагольных комплексов. Так, глагол *šalgaš* ‘стоять’ развивает семантику фреквентатива – хабитуалиса, при котором делается акцент на частое осуществление действия (49). Глагол *šändäš* ‘сажать, ставить’ может выделять, помимо прочего, сатуративную семантику, когда субъект оказывается насыщен и даже пресыщен каким-либо ресурсом (50).

(49) a. *vas'a äl-ä xala-štâ, šäre-n*
Вася жить-NPST.3SG город-IN частый-GEN
tol-ân šalg-a ävä-žä do-kâ
приходить-CVB стоять-NPST.3SG мать-POSS.3SG у-ILL2

‘Вася живет в городе, к матери часто приезжает’.

b. *vas'a kăžät äl-ä xala-štâ, ävä-žä do-kâ*
Вася сейчас жить-NPST.3SG город-IN мать-POSS.3SG у-ILL2
šoen tol-eš / *tol-ân šalg-a
редко приходит-NPST.3SG приходит-CVB стоять-NPST.3SG

‘Вася сейчас живет в городе, к матери редко приезжает’.

(50) *vas'a eče jü-n šänd-en, orodâ gan' li-n*
Вася еще пить-CVB сажать-PFV дурак как стать-PFV

‘Вася опять напился, как дурак стал’.

В случае же глагола *keäš* идея интенсификации, связанной с высоким значением какого-либо признака, затрагивает, в силу его исходного значения перемещения и мотивированного им значения перехода в новое состояние, именно скорость данного перехода. Представляется, что более детальное исследование интенсификационной семантики марийских сложных глагольных комплексов и ее взаимодействия с

¹² Заметим, что значения такого типа выделены и в [Гращенков, 2015, с. 59–94] для сложных глагольных комплексов в тюркских языках, в том числе в ареально близких с горномарийским.

лексической семантикой элементов конструкции могло бы стать перспективной задачей их дальнейшего исследования.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ADD–аддитивная частица; ADV–адвербиализатор; ATT–аттенуатив; CAUS – каузатив; CMPR–компаратив; CVB – конверб; DAT–датель; DETR–детранзитивизатор; EL – элатив; EQU – экватив; FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; ILL2 –второй (старый) иллатив; IMP–императив; IN – инессив; INF–инфинитив; IPFV–имперфективность; LAT – латив; MED–медий; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; PFV – перфектив (2-е прошедшее время); PRET – претерит (1-е прошедшее время); PTCL – частица; PTCP.PASS – пассивное причастие; RETR – ретроспективный сдвиг; SG – единственное число.

Литература

1. Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация / П. В. Гращенков. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 264 с.
2. Дьячков В. В. Сложные глагольные комплексы в горномарийском языке. Рукопись доклада на семинаре горномарийской экспедиции МГУ / В. В. Дьячков – М.: МГУ, 2017.
3. Дьячков В. В. Акциональная база глаголов горномарийского языка : рукопись / В. В. Дьячков – М.: МГУ, 2017.
4. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
5. Пенгитов И. Т. Современный марийский язык. Морфология / И. Т. Пенгитов, И. С. Галкин, Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. – 324 с.
6. Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка / А. А. Саваткова. – Savariae : Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. – 292 с.
7. Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 404 с.
8. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Б. А. Серебренников. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 300 с.
9. Татевосов С. Г. Теория акциональности и марийский глагол / С. Г. Татевосов // Лингвистический беспредел : сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой ; под общ. ред. А. Е. Кибрика ; ред.-сост. Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич. – М.: Издательство Московского университета, 2002. – С. 95–105.
10. Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности / С. Г. Татевосов. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 568 с.
11. Хонти Л. К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона / Л. Хонти // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 2 (9). – С. 109–113.
12. Carlson G. Reference to kinds in English. PhD dissertation / G. Carlson. – Amherst : University of Massachussets, 1977.
13. Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis / P. Driussi // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 1992–1993. – № 16/17. P. 59–105.
14. Rappaport Hovav M. Building verb meanings / M. Rappaport Hovav, B. Levin // The projection of arguments: lexical and compositional factors, ed. by M. Buttand, W. Geuder – Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97–133.

*Кашкин Егор Владимирович,
кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и
лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
E-mail: egorkashkin@rambler.ru*

*Egor Kashkin,
Candidate of Philology, scholar in V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Department of corpus linguistics and linguistic poetics.
E-mail: egorkashkin@rambler.ru*

УДК 811.134.2 ' 373.23

Н. И. Лысенко
(Воронеж)

АНТРОПОНИМЫ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ БЕНИТО ПЕРСА ГАЛЬДОСА «ДВОР КАРЛОСА IV»©

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования испанских антропонимов, их связь с идейно-художественным содержанием романа, выражающаяся в ряде специфических функций, приобретаемых антропонимами в художественном тексте.

Целью работы является анализ основных структурных и семантико-функциональных особенностей испанских антропонимов; выявление прагматического потенциала онимов, рассмотрение места и роли антропонимов в структуре художественного произведения.

Ключевые слова: литературная ономастика, антропонимы, фамилии, прозвища, формы имени, этимология.

Anthroponyms of the secondary characters in the work of Benito Perez Galdos "The Court of Carlos the IVth"

Abstract: the article examines the peculiarities of the Spanish personal names, their relationship with the ideological and artistic content of the novel, expressed in a number of specific functions acquired by anthroponyms in a literary text.

The aim is to analyze the main structural and functional features of semantic – spanish anthroponyms; identify potential pragmatic of onyms, review the role and place of the anthroponyms in the structure of the work.

Key words: literary onomastics, anthroponims, surnames, nicknames, etymology, forms of names.

Роман Бенито Переса Гальдоса «Двор Карлоса IV», второй из серии «Национальные эпизоды», посвящен двум основным событиям осени 1807 г. – вступлению французских войск в Испанию и так называемому Эскориальскому заговору, организованному наследником престола Фердинандом против королевской четы.

Значительная часть событий, описываемых в романе, происходит в среде актеров, и Гальдос подробно рассказывает об их нравах, а также борьбе, развернувшейся вокруг путей развития испанского театра.

Изучение языка художественной литературы невозможно без исследования имен собственных, заключенных в том или ином тексте. Имя наделяется автором богатством и разнообразием ассоциативных связей, которые раскрываются в контексте произведения.

В художественном тексте имя собственное, его смысл и форма, ситуации его использования никогда не бывают случайными, поскольку антропонимы, в совокупности с языком и стилем произведения, занимают особое место в системе художественно-изобразительных средств, служащих для создания художественных образов, а также для выражения авторского замысла [Рылов, 2010, с.100]. Появление той или иной формы именования определяется сюжетно-тематическим содержанием текста, его ведущими идеями, законами жанра и стилистической системой в целом [Корнева, 2010, с. 181]. Поэтому литературный оним, будучи важным элементом художественной структуры, отражает содержательно-концептуальную и имплицитную информацию произведения.

Литературные антропонимы, функционирующие в романе довольно многочисленны и разнообразны. Среди них можно выделить антропонимы первого плана (имена сюжетных, действующих персонажей) и второго плана (имена внесюжетных персонажей), а также имена исторических лиц. Остановимся подробнее на антропонимах второй группы.

Характерной особенностью данных антропонимов является их этимология, призванная подчеркнуть какую-либо черту характера или внешности персонажей. Один из таких примеров – *дон Хуан де Маньяра (Juan de Mañara)*, дамский угодник и ловелас. В данном романе автор актуализирует, в основном, ассоциацию своего персонажа с известным героем-любовником доном Жуаном. Гальдос описывает его, как завсегдатая салонов, принадлежавшего низшим слоям общества. Однако, дону Хуану одинаково были рады и в гостиных вельмож. Это был человек недалекий, «ученость которого ограничивалась познаниями в геральдике, бое быков и фехтовании. Излюбленным его занятием было волочиться за женщинами, знатными или из народа, «в гостиных или на танцульках» [Гальдос, 1970, с. 79].

В то же время является этимологически прозрачной и фамилия женского обольстителя, образованная от испанского «*маñего*» – ловкий, хитрый, пронырливый [RAE, Moliner, 2000, p.875], что указывает на характерные черты персонажа, которые помогают ему сделать головокружительную карьеру в короткий срок от королевской гвардии до Муниципалитета Мадрида.

Заслуживают внимания именование еще одного персонажа – точильщика *Пакорро Чинитаса (Pacorro Chinitas)*, чье мнение о происходящих в Испании событиях главный герой Габриель Арасели считает «авторитетнейшим» и так отзывается о точильщике, как о человеке с природным здравым смыслом; он казался главному герою умнее всех, кого он знал, а его речи верхом мудрости.

На наш взгляд, Гальдос вкладывает в уста этого простого человека правдивую и взвешенную оценку исторических событий, желая тем самым подчеркнуть, что даже уличный точильщик понимает всю сложность положения Испании перед предстоящим вторжением французов.

Интересен тот факт, что в первом произведении данной серии Эпизодов – «Трафальгар», автор отводит обличающую роль донье Франсиске. Именно из ее уст звучит справедливая критика за всю необдуманность и поспешность решений, принятых испанскими адмиралами во время Трафальгарского сражения.

Гальдос не случайно именуется этих двух персонажей родовой парой имен – Франциска и Пакорро, где последнее является дериватом от имени Франсиско.

Гипокористический вариант данного имени *Paco/a* (от *Phranciscus*) восходит к древнеберийскому *Rassiaecus* [Albaigés, 2008, p.156]. Как видно, данный вариант имеет ярко выраженные латинское окончание *-us*, соответствующее второму склонению, мужского рода, единственного числа и корень *pac-* (или *pac*), что переводится с латинского языка, как «мир» (*pac*, *pacis*). В то время как *Francisca* происходит от итальянского *Francesco*, что переводится как «французский». Возможно предположить, что в случае с данной героиней автор актуализирует значение «французский», т.к. на тот период Испания при поддержке Франции принимает битву при Трафальгарском сражении против англичан. В то время как в событиях, описанных в романе «Двор Карлоса IV», Испания находится на пороге вторжения наполеоновских войск и последующей войны за независимость. В этом случае актуализируется другое значение имени – «мир без войны» – *raz*.

Кроме того, для точильщика Гальдос выбирает дериват гипокористического имени – Пакорро, который делится на основу «Пако» и суффикс «-рро» (*Pacorro* => *Расо-рто*).

Следует отметить, что суффиксы нередко имеют оценочно-стилистическое значение, указывая на отношение говорящего к обозначаемому явлению или объекту [Арутюнова, 2007, с.33]. Употребление данного суффикса несет стилистически сниженный, пренебрежительный оттенок [RAE; Santana Suárez, p.144].

Это подтверждает и выбор фамилии героя – *Chinitas*, которая не зарегистрирована в словаре испанских фамилий. Вероятно, за основу автор берет междометие «*chin*», которым обычно в Испании подзывают свиней (RAE). Таким способом Гальдос маркирует низкое социальное положение героя.

Еще одним представителем данной группы является *дон Селестино Сантос дель Мальвар* (*Celestino Santos del Málvar*). Он с юных лет принял духовный сан и был человеком простодушным и добрым. Как характеризует его автор: «... *varón simplísimo y benévolo, pero el más desgraciado de su clase, pues no tenía rentas, ni capellanía, ni beneficio alguno*» [Galdós, p.7]. (... вероятно самый незадачливый из священников – ни ренты, ни капеллании, ни каких-либо бенефиций!).

Скромность, доверчивость и безграничная кротость в немалой мере были причиной того, что дон Селестино много лет прозябал в нищете, несмотря на свою ученость. В течение четырнадцати лет он писал прошения Князю Мира, который приходился ему земляком и даже другом детства, но ему никак не удавалось получить места, причем долгие годы ожидания нисколько не ослабили его наивной доверчивости.

Антропоним героя можно классифицировать, как семантически прозрачный. Согласно значениям двух источников [García Gallarín, 1998, p.111; Albaigés, 2008, p.93] *Celestino* – это «небесный, божественный». Особенно красноречиво говорит сочетание имени и первого компонента фамилии – *Celestino Santos*, что при условии согласования существительных в единственном числе, мужского рода, можно было бы толковать, как «небесный святой». Несомненно, автор указывает на доброту священника, но также и на его неземную наивность. Дон Селестино долгое время ждет назначения прихода, прозябая в нищете и наивно полагая, что получит назначение на будущей неделе. «Так сказал чиновник в министерстве» [Galdós, p.37], – часто повторяет он.

Кроме того, оттенок слабохарактерности персонажу добавляет и тот факт, что более употребителен женский вариант этого имени – Селестина [Рылов, 2010, с.164].

Эту же характеристику подтверждает наличие второго компонента фамилии *del Malvar*, в котором выделяется корень *malva* – «мальва». Название вышеупомянутого цветка употребляется по отношению к человеку послушному, покорному, тихому [María Moliner, 2000, p. 865].

Таким образом, использование антропонимов с прозрачной внутренней формой позволяет акцентировать внимание читателя на определенной черте персонажа и увидеть его более полный портрет.

При рассмотрении антропонимов внесюжетных героев следует подчеркнуть, что их основной характерной чертой является наличие большого количества прозвищ и «говорящих» имен. Если одни автор употребляет для именованя рыночных торговцев и владельцев низкосортных салонов, то есть представителей низкостатусной социальной среды, то другие используются для именованя персонажей, имеющих более высокий социальный статус – служителей церкви, лавочников и ремесленников.

Следует иметь в виду, что характер взаимоотношений персонажей и их статус и положение в разных микрогруппах весьма убедительно демонстрируется не только с помощью описаний, но и с помощью разнообразных форм именованя, меняющихся в зависимости от ситуации общения [Корнева, 2010, с. 192].

Относительно прозвища одной из представительниц данной группы – *Милашки (Primorosa)* – стоит отметить, что, согласно словарю Марии Молинер, оно скорее должно переводиться, как *Ловкачка*, женщина, обладающая мастерством, ловкостью [Moliner, 2000, р. 1124], которые применялись героиней в спорах и драках. Это была высокая, сильная женщина, способная одним ударом свернуть скулу противнику. В романе «19 марта и 2 мая» Милашка – одна из первых жителей Мадрида, которая встанет на баррикады, защищать родной город от наполеоновских войск. При именовании данной героини автор использует исключительно прозвище, маркируя таким образом ее низкий социальный статус, которым также обладают и товарки Милашки – *Полония Кабатчица (Poloniala Aguardentera)* и *Хулиана Зеленица (Julianala Naranjera)*.

В случаях такого рода автор не ограничивается использованием только прозвищ, указывающих на род занятий их обладателей. Дополнительный колорит образам таких персонажей придают имена. Так, например, *Полония* – это святая мученица, подвергшаяся агрессии и потерявшая зубы [Albaigés, 2008, с. 255]. Данная ассоциация вполне возможна с внешним обликом героини, учитывая род ее деятельности. То же самое можно сказать и о *Хулиане Зеленице*: существительное «*juliana*» имеет значение «суп из сушеных овощей» [Moliner, 2000, р. 802] или «специальный способ нарезки – тонкой соломкой» (RAE), что вызывает ассоциации с худым человеком.

Социальный статус аббата *Лино Крохобора (Lino Paniagua)* выше, чем у последних, что подтверждается обращением к нему главного героя – *дон Лино Крохобор (don Lino Paniagua)*, который также обладает говорящей фамилией. С испанского языка *Paniaguado* можно перевести как приживальщик, нахлебник, т.е. человек, живущий за чужой счет, а также незаслуженно получающий привилегии в ущерб другим [Moliner, 2000, р. 1014]. И, действительно, оказавшись втянутым в разговор о Годое, аббат старается поспешить с покупками и убраться из лавки, получая вдогонку упрек о несправедливо выпрошенном у Князя Мира денежном вознаграждении.

Давая имя священнику (*Lino* производное от *Angelino* – «ангел» [Faure Sabater, 2007, р. 127], Гальдос тем самым стремился подчеркнуть социальную роль персонажа – слуга церкви. Однако при сочетании имени и фамилии – *Lino Paniagua*, очевидна ирония автора.

Таким образом, внесюжетные персонажи играют важную роль и создают особую атмосферу в романе. Большинство форм их именованя являются этимологически прозрачными и подчеркивают род занятий или актуализируют особенности характера их референтов.

Использование антропонимов с прозрачной внутренней формой позволяет, помимо номинативной функции антропонимов, актуализировать их характеризующую функцию, призванную акцентировать внимание читателя на определенной черте персонажа и способствующую дать его более полный портрет.

В совокупности все эти имена создают неповторимый колорит своего времени и отражают реальное функционирование испанской антропонимической системы определенной эпохи.

В заключение отметим следующее. Среди антропонимов второстепенных героев большая часть принадлежит онимам с прозрачной этимологией, которые помимо назывной функции выполняют также характеризующую функцию.

Антропонимы внесюжетных персонажей также включают этимологически прозрачные имена и прозвища. Несмотря на то, что Гальдос уделяет мало внимания раскрытию их образов, он дает им яркие запоминающиеся имена. Фактически это имена-характеристики, которые призваны поставить акценты, выделить черты характера и внешности персонажей, а также маркировать их социальный статус. Такой способ именования персонажей является характерной особенностью литературы критического реализма.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что существуют определенные закономерности в выборе форм именования персонажей в зависимости от их роли и места в структуре художественного произведения. В романе отражены основные типы имен и фамилий, реально существующие в антропонимиконе Испании описываемой исторической эпохи. Автор использует гипокористические формы имени, тем самым показывая близкие, доверительные отношения между персонажами. На социальный статус героев может указывать этикетная форма обращения, в то время как для лиц неблагородного происхождения автор использует прозвища, либо сочетания прозвища и имени.

Большинство антропонимов обладают прозрачной этимологией, что отвечает стремлению Гальдоса – крупнейшего представителя критического реализма в Испании – выразить свое ироническое (отрицательное) отношение к персонажам. В именах своих героев автор пытается показать реальную действительность, где каждый человек наделен положительными и отрицательными качествами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования : (на материале испанского языка) / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 288с.
2. Корнева В.В. Монография. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов : монография / В.В. Корнева. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 389 с.
3. Корнева В.В. Фразеологизмы с компонентом антропонимом в контексте художественного произведения и особенности их перевода / В.В. Корнева // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 11 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – С. 140-147
4. Лысенко Н.И. Функционирование имени собственного в произведении Бенито Переса Гальдоса «Трафальгар» / Н.И. Лысенко // *Universum Romanum*: сб.ст. участников I Междунар. науч.-практ. конф. 21-22 окт. 2010г. Пятигорск: ПГЛУ, – 2010. – С. 194-201.
5. Лысенко Н.И. Антропонимическое пространство романа Бенито Переса Гальдоса «Хуан Мартин эль Эмпесинадо» / Н.И. Лысенко // *Вестник ВГТУ*, Т. 9, № 3.2. Воронеж: ВГТУ, – 2013. – С. 167-171.
6. Перес Гальдос Б. Двор Карлоса IV. / Б. Перес Гальдос – М.: Художественная литература, – 1970. – 431 с.
7. Рылов Ю.А. Монография. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. / Ю.А. Рылов // Воронеж: ВГУ, – 2010. – 389 с.
8. Albaigés J.M. *El gran libro de los nombres*. Madrid: Editorial Planeta, 2008. P. 367.
9. Faure Sabater, Roberto. *Diccionario de nombres propios*. Madrid: Espasa Calpe, 2007. P. 861.
10. García Gallarín C. *Los nombres de pila españoles*. Madrid: Ediciones del Prado, 1998. P. 377.
11. Moliner M. *Diccionario de uso del español*. Madrid: Editorial Gredos, 2000. P. 1503.

12. Pérez Galdós, Benito. La Corte de Carlos IV: [сайт]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/la-corte-de-carlos-iv--0/html/ff34fcc8-82b1-11df-acc7-002185ce6064_3.html. P. 209 (дата обращения: 21.06.2014).

13. RAE. [сайт]. URL: <http://lema.rae.es/drae/?val=juliana> (дата обращения: 21.06.2014).

*Лысенко Наталья Ивановна,
преподаватель кафедры романской филологии, факультета РГФ, Воронежского
государственного университета.*

E-mail: natly23@mail.ru

Natalia Lysenko,

*Lecturer of the Department of the Romance Philology of the Faculty of the Romance and
Germanic Philology of the Voronezh State University.*

E-mail: natly23@mail.ru.

УДК 811.511.1, 811.511.151

Д. Д. Мордашова
(Москва)

В РИТМЕ ВАЛЬСА: ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВРАЩЕНИЯ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ^{©13}

Аннотация: в статье рассматривается семантическое поле вращения в горномарийском языке. Выделяется инвентарь глаголов с семантикой вращения и качения, а также фреймов, которые описывают данные глаголы. Обсуждаются как стандартные, так и нетривиальные в типологическом отношении особенности горномарийского поля вращения.

Ключевые слова: глаголы вращения, лексическая типология, семантика, горномарийский язык.

In the beat of a waltz: the domain of rotation in Hill Mari

Abstract: this paper considers the domain of rotation in Hill Mari. Semantic features of rotation verbs are taken into account and evaluated from the typological perspective.

Key words: verbs of rotation, lexical typology, semantics, Hill Mari language.

1. Введение: глаголы вращения как подкласс глаголов способа движения

Семантическое поле глаголов движения занимает значимую нишу в лексической типологии. В течение последних 30 лет были проведены многочисленные исследования этой лексической зоны, начиная с работы [Talmy, 1985], охватывающей глаголы движения в целом, и заканчивая проектами, занимающимися частными их подгруппами, такими как глаголы плавания [Майсак, Рахилина (ред.), 2007], дейктические глаголы типа 'приходить' / 'уходить' [Wälchli, 2006], глаголы падения [Кашкин, Плешак, 2015].

© Мордашова Д. Д., 2017

¹³ Исследование поддержано грантом РФФИ 16-06-00536а.

Глаголы вращения рассматриваются в качестве одной из подгрупп глаголов способа движения. Они описывают ситуацию, при которой предмет совершает многочисленные обороты по круговой траектории вокруг заданной точки (ориентира) или же, оставаясь на месте, движется вокруг самого себя [Круглякова, 2010, с. 41]. При этом важно отметить, что глаголы вращения имеют ряд существенных отличий от глаголов движения как таковых. Во-первых, в ситуации вращения невозможно выделить начальную и конечную точки движения (источник и цель), хотя для глаголов движения данные валентности стандартны, ср. *ехать из Петербурга в Москву*. Это означает, что в случае вращения имеет место движение без перемещения. Во-вторых, для глаголов вращения, по типологическим данным, оказывается нерелевантным параметр среды, в которой происходит вращение, хотя этот параметр является определяющим при выборе глаголов движения в целом, поскольку он задаёт способ движения (ср. *плавать, летать, карабкаться* и т. д.).

В работе [Круглякова, 2010], выполненной в рамках фреймового подхода к лексической типологии [Рахилина, Резникова, 2013], были выявлены основные лексико-семантические параметры, определяющие выбор глагола в зоне вращения. В качестве основополагающего противопоставления предлагается *ось вращения: внешняя* (вращение вокруг ориентира: планеты вращаются вокруг Солнца) и *внутренняя* (вращение вокруг своей оси: юла крутится). Глаголы при этом могут быть чувствительны к количеству оборотов, которые производит субъект вращения (однократные: машина объехала дом кругом vs. многократные, ср. примеры ситуаций выше).

Ориентир при внешней оси вращения может быть *вещественно выраженным* (лодка кружит вокруг острова), а может и отсутствовать: в этом случае следует обращать внимание на *траекторию*, по которой происходит вращение – *круговую* (люди в хороводе), *вихреобразную* (листья в вихре) или *спиралеобразную* (машина на горном серпантине). Для круговой траектории может быть немаловажным наличие *вертикальной дистанции* между ориентиром и субъектом вращения и её протяжённость (ср. кружение ястреба над добычей и мух над тарелкой).

Для внутренней оси вращения релевантным оказывается параметр *плотного контакта с плоскостью* (вращение юлы vs. качение мяча). В зоне вращения без контакта с плоскостью могут различаться глаголы, выбирающие одушевлённый или неодушевлённый субъект соответственно, причём в последнем случае существенными оказываются скорость (высокая: вентилятор vs. низкая, позволяющая различить отдельные обороты: лопасти мельницы) и механичность вращения (потенциально бесконечное, равномерное вращение: турбины самолёта). Зона *качения* (вращения в тесном контакте с плоскостью, сопровождающегося перемещением с места на место) представляет собой обособленную зону в семантическом поле вращения, лексемы в которой обычно не имеют пересечений с зонами бесконтактного вращения. Для качения целесообразно выделять вращение, сопровождаемое *поступательным движением* (бревно катится с горы), и вращение *без существенного перемещения* (животные катаются в грязи). Также при выборе лексемы могут оказаться важными факторы траектории (однонаправленная vs. разнонаправленная) и количества оборотов (одинарные vs. множественные).

2. Данные горномарийского языка

В данной статье рассматриваются глаголы вращения в горномарийском языке (<волжские языки <финно-волжская группа < финно-угорская ветвь < уральская семья, см. [Майтинская, 1993]). Данные были собраны автором в ходе полевой работы в с. Кузнецово (Горномарийский р-н, респ. Марий Эл) и окрестных деревнях (Тюманово, Апшак-Пемяк, Паулкино) летом 2017 г.¹⁴ Мы сочетали метод анкетирования информантов

¹⁴ Подробнее о Горномарийской экспедиции МГУ – <http://hillmari-exp.tilda.ws/>.

с использованием словарей горномарийского и лугового марийского языков (см. [Moisio, Saarinen, 2008] и [Галкин (ред.), 1990-2005]).

2.1. Основные лексемы в семантическом поле вращения и их прямые значения

Семантическое поле бесконтактного вращения в горномарийском языке на первый взгляд не слишком разнообразно, основных лексем в нём всего три, они имеют корни *sär-*, *pört-* и *pätär-*. Многообразие передаваемых значений достигается за счёт присоединения к основным корневым морфемам суффиксов глагольной множественности¹⁵: *sär-äš* ‘вращать, вертеть’, *sär-t-äš* ‘вращать; кружить’, *sär-n-äš* ‘вертеться, крутиться’, *särn-äl-äš* ‘повернуться, обойти’, *särn-ält-äš* ‘повернуться; поворачиваться’, *särn-ält-äš* ‘вертеться, крутиться (в разные стороны)’; *pörtäš* ‘кружить’, *pört-äl-äš* ‘вертеться’; *pätäräš* ‘вкручивать, сворачивать’, *pätär-äl-äš* ‘вкрутить, повернуть’, *pätär-ält-äš* ‘закрутиться’, *pätär-n-äš* ‘обвиваться, закручиваться вокруг чего-л.’ (этот глагол в нашем идиоме не особенно употребителен) и *pätär-n-ält-äš* ‘крутиться, виться’.

2.1.1. Дериваты с корнем *sär-*

В кругу лексем с корнем *sär-* особенно широкое употребление имеет глагол *särnäš*, который распространяется практически на любые контексты, описывающие бесконтактное вращение. Параметр оси вращения при этом не оказывает влияния на выбор глагола, что оказывается весьма нетривиальным в типологическом отношении: глагол *särnäš* может обозначать вращение как по внутренней, так и по внешней оси, см. (1) – (2).

(1) *zempl'a kečä jär särn-ä.*
земля солнце вокруг крутиться-NPST.3SG
'Земля вращается вокруг Солнца.'

(2) *jula särn-ä.*
юла крутиться-NPST.3SG
'Юла крутится.'

При наличии вещественно выраженного ориентира (3) или вертикальной дистанции между ориентиром и субъектом (4) – (5) также свободно используется данный глагол.

(3) *edem-vlä kušt-en-ät dä täl jär särn-en-ät.*
человек-PL танцевать-PRF-3PL и огонь вокруг крутиться-PRF-3PL
'Люди танцевали и кружились вокруг костра.'

(4) *väräš kačkäš jär särn-ä.*
ястреб еда вокруг крутиться-NPST.3SG
'Ястреб кружит над добычей.'

(5) *arašängä-vlä tarelkä väl-nä särn-en-ät.*
муха-PL тарелка верх-IN2 крутиться-PRF-3PL
'Мухи вились над тарелкой.'

Однако в контекстах (1) – (5) представлены ситуации вращения с большим количеством оборотов. Для одинарного оборота используется глагол *särnäš* с аттенуативным (*-äl-*, см. пример (6)) или медиопассивным (*-ält-*, см. пример (7)) суффиксами, в то время как глагол *särnäš* в таких контекстах не употребляется.

(6) *ärvezä pört jär särn-äl-än / *särn-en.*
мальчик дом вокруг крутиться-ATT-PRF.3SG крутиться-PRF.3SG
'Мальчик обошёл дом.'

¹⁵ Пояснения по суффиксам (подробнее см. [Дьячков, 2017; Стрыгина, 2017]): *-t-* каузатив; *-n-* декаузатив; *-al-* аттенуатив ('ситуация, выражаемая глаголом, реализуется в меньшей степени, чем при нормальных условиях'); *-äl-* семейфактив ('событие V происходит в течение небольшого промежутка времени t N раз (N >= 1)'); *-alt-* / *-ält-* медиопассив (может выражать рефлексивное, реципрокальное, декаузативное и пассивное значения).

- (7) *sāravačpač* *sāravač-āštā* *sārn-ält-än* / *sārn-en.
 ключ замок-IN крутиться-MED-PRF.3SG крутиться-PRF.3SG
 ‘Ключ повернулся в замке.’

Ограничение на употребление глагола *sārnāš* накладывают и контексты, в которых предполагается разнонаправленное вращение. В таком случае наиболее естественным является употребление глагола *sārnältāš*, который допускается в ситуации разнонаправленного вращения (ср. движения непоседливого ребёнка в примере (8)) и не разрешается в ситуации направленного строго в одну сторону вращения фигуриста (9) или турбины (10).

- (8) *t'et'ä* *pöken-āštā* *so* *sārn-ält-eš* / *sārn-ä.
 ребёнок стул-IN всегда крутиться-MED-NPST.3SG крутиться-NPST.3SG
 ‘Ребёнок постоянно вертится на стуле.’

- (9) *figurist* *törgeštā-mä-kä-žä* *sārn-ä*
 фигурист прыгать-NMLZ-ILL2-POSS.3SG крутиться-NPST.3SG
 / *sārn-ält-eš.
 крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Фигурист крутится в прыжке.’

- (10) *samol'ot-än* *turbinä-žä* *sārn-äš* / *sārn-ält-äš
 самолёт-GEN турбина-POSS.3SG крутиться-INF крутиться-MED-INF
tängäl-än.
 начинать-PRF.3SG
 ‘Турбина самолёта начала вращаться.’

До этого мы рассматривали только непереходные ситуации, однако среди дериватов с корнем *sār-* имеются и транзитивные глаголы. К таковым, например, относятся глаголы *sārāš* и *särtāš*, однако каких-либо ограничений в их дистрибуции пока выявлено не было. Так, в (11) и (12) эти глаголы абсолютно взаимозаменяемы.

- (11) *obruč-äm* *sār-äš* / *sār-t-üš*
 обруч-ACC крутить-INF крутить-CAUS-INF
 ‘крутить обруч’

- (12) *pi* *pač* *dono* *sār-ä* / *sār-t-ä*.
 собака хвост с крутить-NPST.3SG крутить-CAUS-NPST.3SG
 ‘Собака виляет хвостом.’

Итак, среди однокоренных глаголов на *sār-* выделяется один доминирующий (*sārnāš*), покрывающий наибольшее число контекстов, а также несколько периферийных лексем, кодирующих частные ситуации вращения (*sārnäl(t)äš* для одинарного оборота, *sārnältāš* в случае разнонаправленного вращения, *sārāš* и *särtāš* для переходных ситуаций).

2.1.2. Дериваты с корнем *pört-*

Второй глагол в горномарийском поле вращения – глагол *pörtāš* – имеет строго определённую сферу употребления, которая ограничена ситуацией вращения по *воронкообразной* траектории. Результат такого движения визуально напоминает вихрь, причём это вихреобразное движение возможно как в воздушной (13), так и в водной (14) среде, что подтверждает наблюдения В. А. Кругляковой о нечувствительности глаголов вращения к параметру среды в целом (см. [Круглякова, 2010, с. 42]). Интересно отметить, что при глаголе *pörtāš*, по-видимому, необходим эксплицитно выраженный аргумент с семантической ролью *Эффектора*, который бы каузировал вихреобразное вращение. Судя по всему, именно в силу отсутствия такого аргумента предложение (15) расценивается носителями языка как не вполне удачное. Как показывают примеры (16) – (17), для описания вращения по кругу и по спирали данный глагол не используется: круговая и спиралеобразная траектории вращения описываются глаголом *sārnāš*.

- (13) *mardež* *älštäs-vlä-m* / *pârak-âm* *pört-ä.*
ветер лист-PL-ACC пыль-ACC кружить-NPST.3SG
'Ветер крутит листья / пыль в вихре.'
- (14) *väd* *vädportem-äštä* *pört-ä.*
вода водоворот-IN кружить-NPST.3SG
'Вода крутится в водовороте.'
- (15) *pârak* *pört-ä.*
пыль кружить-NPST.3SG
Ожид. 'Пыль крутится вихрем.'
- (16) *edem-vlä* *xorovod-äštä* *särn-ät* / **pört-ät.*
человек-PL хоровод-IN крутиться-NPST.3PL кружить-NPST.3PL
'Люди кружатся в хороводе.'
- (17) *kok-tâ-n* *val's-äštä* *särn-ät* / **pört-ät.*
два-FULL-COLL вальс-IN крутиться-NPST.3PL кружить-NPST.3PL
'Двое кружатся в вальсе.'

Глагол *pörtäläs*, образованный с помощью суффикса *-äl-*, используется в контекстах *разнонаправленного* движения с *низкой* частотой оборотов. Такой эффект, по-видимому, приносит семантика семельфактивного суффикса. Как правило, такое движение имеет вихреобразную траекторию, но фиксируются и примеры (ср. (19)), когда данное ограничение на траекторию отсутствует, однако сохраняется присущая и прототипическим употреблениям типа (18) идея неупорядоченного движения. Детальных сведений о распространённости глагола *pörtäläs* в контекстах типа (19) у нас нет.

- (18) *šäkš* *toma* *välnä* *pört-äl-eš.*
дым дом над кружить-SEM-NPST.3SG
'Дым клубится над домами.'
- (19) *tet'ä* *amal-ätâ-žä* *godäm* *pört-äl-eš.*
ребёнок спать-NMLZ-POSS.3SG во.время кружить-SEM-NPST.3SG
'Ребёнок вертится во сне.'

2.1.3. Дериваты с корнем *pätär-*

Глагол *pätäräs* является переходным и чаще всего употребляется в значении 'вкручивать, прокручивать что-либо', когда предполагается поступательное движение при вращении объекта (ср. (22), где поступательного «вкручивания» отвёртки не происходит). Употребление глагола *särtäs* 'крутить' в (21) влечёт за собой интерпретацию 'крутить шуруп в руках', но не ожидаемое значение 'вкручивать'.

- (20) *mä* *paj-ät* *pätär-enä.*
мы мясо-ACC вкручивать-NPST.1PL
'Мы прокручиваем мясо (через мясорубку).'
- (21) *šurup-ät* / *gajkâ-m* *pätär-äš* / *#sär-t-äš*
шуруп-ACC гайка-ACC вкручивать-INF крутить-CAUS-INF
'вкручивать шуруп / гайку'
- (22) *män'* *otv'orkâ* *ručâ-m* *sär-t-em,* *šurup-ät*
я отвёртка ручка-ACC крутить-CAUS-NPST.1SG шуруп-ACC
st'enä-š *pätär-em.*
стена-ILL вкручивать-NPST.1SG
'Я поворачиваю ручку отвёртки, вкручиваю шуруп в стену.'

Глагол *pätäräläs*, образованный с помощью аттенуативного суффикса *-äl-*, маркирует одинарный оборот вкручиваемого объекта (ср. пример (6) с глаголом *särnäläs*).

- (23) *gajkâ-m* *otvertka* *don* *pätär-äl-äš*
гайка-ACC отвёртка с вкручивать-ATT-INF

- ‘закрутить гайку с помощью отвёртки’
 (24) *mən' sāravačpač-əm sāravač-əštā pätär-äl-ən-äm.*
 я ключ-ACC замок-IN вкручивать-ATT-PRF-1SG
 ‘Я повернул ключ в замке.’

Суффикс *-ält-* привносит в семантику глагола декаузативность, за счёт которой возникает эффект самопроизвольности действия:

- (25) *sāravačpač sāravač-əštā pätär-ält-ən.*
 ключ замок-IN вкручивать-MED-PRF.3SG
 ‘Ключ прокрутился в замке (сам).’

Наиболее продуктивен в зоне вращения глагол *pätärnältäš*. Его семантика, по-видимому, предполагает поступательное движение вперёд (часто беспорядочное) с одновременным вращением вокруг своей оси при наличии ориентира (ср. (29), где употребление глагола возможно лишь с конкретной интерпретацией – самолёт выполняет фигуры в воздухе, например, «мёртвую петлю», либо в силу неисправности совершает неконтролируемые движения по подобной траектории).

- (26) *vinograd ravê jër pätärn-ält-eš.*
 виноград жердь вокруг крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Виноград вьётся вокруг жерди.’
 (27) *šängä-vlä lampâčkâ jër pätärn-ält-ät.*
 муха-PL лампочка вокруг крутиться-MED-NPST.3PL
 ‘Мошки вьются вокруг лампочки.’
 (28) *kot'i jal jër pätärn-ält-äl-eš.*
 кошка нога вокруг крутиться-MED-SEM-NPST.3SG
 ‘Кошка трётся вокруг ног.’
 (29) *samol'ot aerodrom vâlnâ sârn-ä / #pätärn-ält-eš.*
 самолёт аэродром над кружить-NPST.3SG крутиться-MED-NPST.3SG
 Ожид. знач. ‘Самолёт кружит над аэродромом.’
 Комментарий: *pätärnälteš* – это если самолёт кульбиты делает, петлю Нестерова.

В примере (30) употребление глагола *pätärnältäš* допускается не во всех идиолектах, а те носители, которые его допускают, интерпретируют его как указание на периодическое сближение субъекта с ориентиром (ворон то спускается к добыче, то поднимается обратно).

- (30) *kurnâž vil'ä vâl-nâ sârn-ä / ?pätärn-ält-eš.*
 ворон падаль верх-IN2 кружить-NPST.3SG крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Ворон кружит над падалью.’

Также использование глагола *pätärnältäš* возможно в контекстах беспорядочного вращения, при котором субъект не совершает полных оборотов вокруг собственной оси:

- (31) *ädärâš tægär anzâl-nâ pätärn-ält-eš.*
 девочка зеркало перед-IN2 крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Девочка вертится перед зеркалом.’

Для данного глагола также может быть релевантен параметр движения составляющих (частей) субъекта навстречу друг другу (ср. пример (32) с запутавшейся верёвкой, (33) с субъектом того же топологического типа и (34), где взаимного движения лопастей навстречу друг другу не предполагается). Кроме того, в словаре горномарийского языка [Саваткова, 2008, с. 231] отмечается слово *pätärtäš* ‘свёрток, рулон’, напрямую связанное с рассмотренным нами компонентом значения глагола *pätärnältäš*, предполагающим сближение частей объекта друг с другом.

- (32) *kerem pätärn-ält šänz-än.*
 верёвка крутиться-MED.CVB садиться-PRF.3SG
 ‘Верёвка запуталась.’

- (33) *käškä pätärn-ält-eš.*
змея крутиться-MED-NPST.3SG
'Змея извивается.'
- (34) *väks-än päle-vlä olen särn-ät*
мельница-GEN крыло-PL медленно кружить-NPST.3PL
/ *pätärn-ält-ät.
крутиться-MED-NPST.3PL
'Лопасты мельницы медленно крутятся.'

2.2. Семантическая зона качения

Зона качения (вращения в тесном контакте с плоскостью) насчитывает больше лексических единиц, чем зона бесконтактного вращения. В данной статье обсуждаются особенности глаголов *mândärtalt(äl)aš* 'катиться', *kâdalaš* 'ехать, катиться', *valaš*¹⁶ 'спускаться, скатываться', *pätärnältäš* 'крутиться', *pačangaš* 'валяться, барахтаться' и *pärdäläš* 'валяться'.

Первые три лексемы коррелируют с поступательным однонаправленным движением, причём в семантике глагола *valaš* дефолтным (см. [Галкин (ред.), 1990-2005]) является именно компонент движения вниз (35) – (36), а «скатывание» по наклонной поверхности является частным случаем (ср. предложение (37), где употребить данный глагол невозможно, поскольку качение осуществляется по ровной горизонтальной поверхности).

- (35) *pären'ä kârâk gâc-än (sârn-en) val-a*
бревно гора EL-FULL крутиться-CVB спускаться-NPST.3SG
/ mândärt-alt-eš / ??kâdal-eš / *sârn-ä.
катить-MED-NPST.3SG ехать-NPST.3SG крутиться-NPST.3SG
'Бревно катится с горы.'
- (36) *mäčik kârâk gâc-än karem-äš kâdal-eš*
мячик гора EL-FULL овраг-ILL ехать-NPST.3SG
/ mândärt-alt-eš / val-a.
катить-MED-NPST.3SG спускаться-NPST.3SG
'Мячик скатывается с горки в овраг.'
- (37) *mäčik sedära-štä kâdal-eš / mândärt-alt-eš*
мячик пол-IN ехать-NPST.3SG катить-MED-NPST.3SG
/ *val-a.
спускаться-NPST.3SG
'Мячик катится по полу.'

Топологический тип субъекта качения (шарообразный vs. вытянутый предмет, см. (37) – (39)) не является сколько-нибудь жёстко закреплённым за этими лексемами, хотя глагол *mândärtalt(äl)aš* в некоторых идиолектах более «охотно» сочетается с шарообразными объектами в противовес вытянутому. Возможно, косвенное влияние на подобную интерпретацию оказывает наличие однокоренного слова *mândâra* 'клубок', от которого и образован рассматриваемый нами глагол (см. в частности их объединение в одно гнездо в словаре [Moisio, Saarinen, 2008, с. 394]).

- (38) *pärenä zeml'a mäch-kâ mândärt-alt-äl-eš*
бревно земля по-ILL2 катить-MED-SEM-NPST.3SG
/ ??kâdaleš.
ехать-NPST.3SG
'Бревно катится по земле.'
- (39) *sedära mäč jamdar mândärt-alt-eš / kâdal-eš.*

¹⁶ Глагол *valaš* в качестве основного значения имеет 'спускаться, опускаться' (например, о солнце); 'слезать, выходить (из транспорта)' (например, сойти с парохода); 'снижаться' (о самолёте).

пол по бутылка катить-MED-NPST.3SG ехать-NPST.3SG

‘По полу катается бутылка.’

Ситуация функционального vs. нефункционального качения также не влияет на выбор глаголов: и *kādalaš*, и *māndārtaltaš* допускаются в обоих случаях, ср. предложения (37) и (40).

- (40) *māndāra kid gāc kenvaz-ān dä sedāra māč*
 клубок рука EL падать-PRF.3SG и пол по
kādal-ān / māndārt-alt-ān.
 ехать-PRF.3SG катить-MED-PRF.3SG
 ‘Клубок выпал из рук и покатился по полу.’

Однако можно заметить, что в примерах (35) и (38) употребление глагола *kādalaš* всё же расценивается как менее удачное по сравнению с *māndārtalta(ā)š*. Мы предполагаем, что причиной тому является тяготение глагола *kādalaš* к маркированию качения, не требующего внешнего притока энергии, как бы качения «самого по себе». Дело в том, что основным значением глагола *kādalaš* является ‘ехать’ (о транспорте), а также ‘бежать’ (о животных), а эти субъекты служат эффекторами и каузаторами движения для самих себя. Бревно же не способно покатиться само по себе (хотя у некоторых носителей это различие стёрто, и употребление глагола *kādalaš* при описании движения бревна допускается), если его не подтолкнуть, как и любой другой массивный предмет (ср. пример (41), где субъектом является гиря). Наибольшее количество запретов на употребление глагола *kādalaš* было получено на контекст (42), где качение головы совершенно невозможно без предварительной каузации извне.

- (41) *kirā sedāra māč-kā māndārt-alt-eš / ??kādal-eš.*
 гиря пол по-ILL2 катить-MED-NPST.3SG ехать-NPST.3SG
 ‘Гиря катится по полу.’

- (42) *rok māč-kā tāšman-ān vuj-žā māndārt-alt-eš*
 земля по-ILL2 враг-GEN голова-POSS.3SG катить-MED-NPST.3SG
/ ??kādal-eš.
 ехать-NPST.3SG
 ‘По земле катится голова врага (отрубленная).’

Наибольший интерес для лексической типологии представляет глагол *pätārnāltāš*, свойства которого были рассмотрены нами в разделе 2.1.3. В работе [Круглякова, 2010, с. 60] утверждается, что глаголы качения никогда не расширяют свою семантику на смыслы, лежащие за пределами этой зоны, а глаголы бесконтактного вращения не могут одновременно с этим описывать качение. Материал горномарийского языка, однако, опровергает данное типологическое обобщение: глагол *pätārnāltāš* способен описывать качение вкупе с движением вокруг внутренней оси, не являющейся параллельной плоскости, с которой происходит контакт (т. е. в (44) предполагается, что карандаш сначала раскрутили рукой, после чего он начал движение вперёд, одновременно крутясь вокруг своей оси). Чёткого ограничения на топологический класс объекта при этом не наблюдается, ср. (43) – (45).

- (43) *māčik sedāra māčkā pätārn-ält-eš.*
 мячик пол по-ILL2 крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Мячик катится по полу с подкруткой.’

- (44) *karandaš stōl vāl-nā pätārn-ält-eš.*
 карандаш стол верх-IN2 крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Карандаш катится по столу, крутясь.’

- (45) *pren’ā zemlā māč-kā pätārn-ält-eš.*
 бревно земля по-ILL2 крутиться-MED-NPST.3SG
 ‘Бревно катится по земле.’

Что касается второго подтипа качения, качения без существенного перемещения, здесь представлено две взаимозаменяемых лексемы *pačangaš* ‘валяться, барахтаться’ и

pärdäläš ‘валяться’, различий в дистрибуции которых пока не было выявлено. Первый глагол, однако, является более многозначным (см. [Галкин (ред.), 1990-2005]); он употребляется, например, в значениях ‘извиваться (о змее или черве)’, ‘ворочаться (о человеке, который страдает от бессонницы)’, ‘барахтаться (стараясь освободиться, подняться, всплыть)’ и др. Оба глагола связаны с беспорядочным, сумбурным движением по какой-то поверхности (ср. комментарий информанта к примеру (47)).

(46) *sasna-vlä l'ävärä-štä pačang-ät / pärdäl-ät / *särn-ät.*
 свинья-PL грязь-IN валяться-NPST.3PL крутиться-NPST.3PL
 ‘Свиньи катаются (букв. валяются) в грязи.’

(47) *män' pärdäl-äm / pačang-am ik poka gäs ves poka-š.*
 я валяться-NPST.1SG один бок EL другой бок-ILL
 ‘Я ворочаюсь с боку на бок.’ (Комментарий: когда болею, кручусь туда-сюда.)

Таким образом, зона качения в горномарийском языке достаточно богата лексемами, в том числе синонимичными (ср. качение без существенного перемещения), в которой особняком стоят глаголы *valaš* (маркирует качение по наклонной плоскости как частный случай движения сверху вниз, являющегося его семантическим инвариантом) и *kädalaš* (прототипически маркирует качение без внешнего каузатора), а глагол *mändärtalt(äl)aš* выступает в качестве наиболее нейтральной единицы этой зоны. Наименее тривиальным оказывается глагол *pätärnältäš*, который способен использоваться в зонах контактного и бесконтактного вращения одновременно.

2.3. Реализация лексико-семантической карты вращения [Круглякова, 2010, с. 65] для горномарийского языка

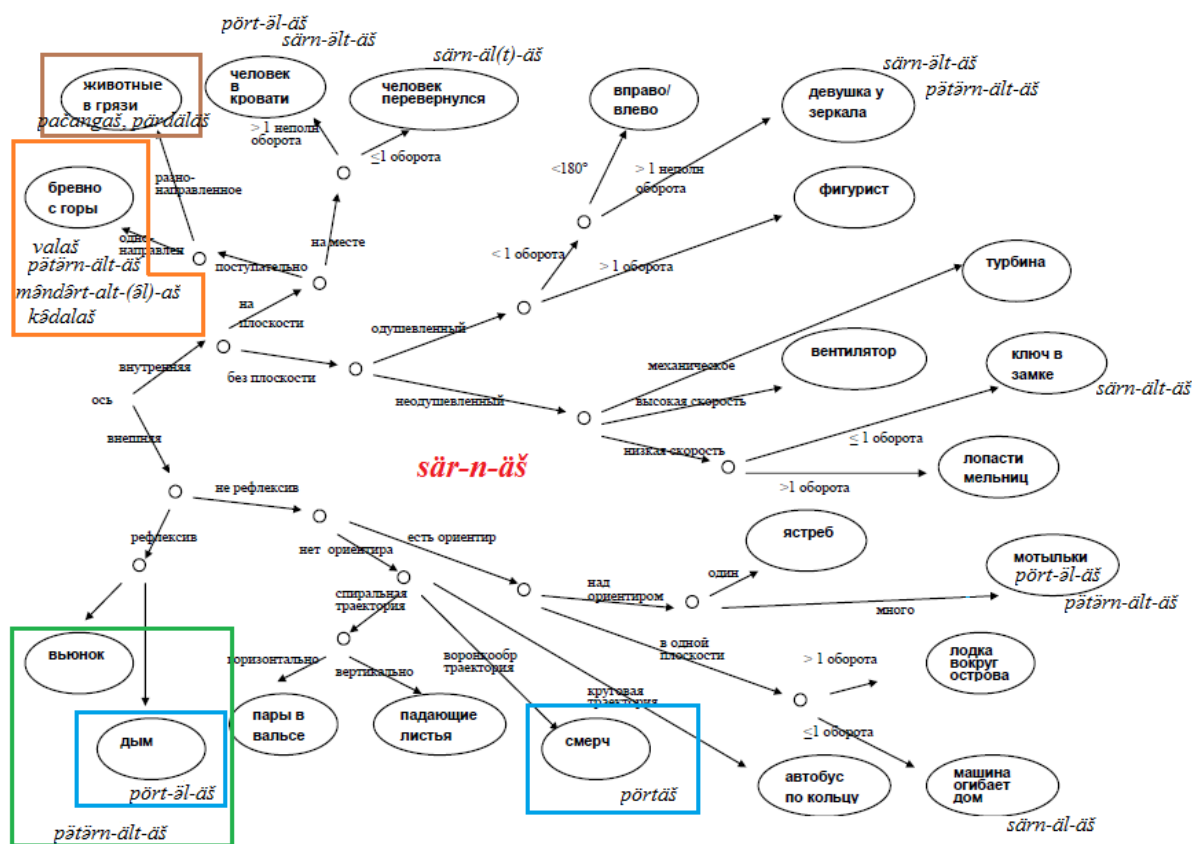

Рисунок 1. Лексико-семантическая карта горномарийского поля вращения

В качестве обобщения мы предлагаем лексико-семантическую карту (см. Рисунок 1), на которую нанесены глаголы, описывающие выделенные в [Круглякова, 2010] фреймы для ситуации вращения. Так, на карте наглядно видно, что глагол *särnäš* маркирует все контексты (фреймы) за пределами выделенных цветом областей на семантической карте. Функционирование глагола *pörtäš* ограничено маркированием движения по воронкообразной траектории (фрейм «смерч», выделенный в рамку с голубым контуром). Это говорит о том, что его семантика в исследуемом нами идиоме значительно уже по сравнению с другими марийскими говорами, ср. толкование из словаря [Галкин (ред.), 1990-2005], где для слова *pořdäiu* (фонетическим вариантом которого является *pörtäš*) выделяются следующие прямые значения:

- вращаться, вертеться, крутиться, кружиться; находиться в состоянии кругового движения (в т. ч. *Земля вращается вокруг Солнца*)
- вертеться; беспокойно поворачиваться из стороны в сторону, менять положение (*вертеться на уроке*, ср. схожее значение у деривата *pört-äl-äš*)
- **кружиться, вертеться в воздухе** (о снеге, пыли и т. п.)
- ср. тж. *sich drehen* ‘поворачиваться’, *kreisen* ‘вращаться’ в словаре [Moisio, Saarina, 2008, с. 540]

В зоне качения имеется маркированный предикат *valaš* с семантикой поступательного движения вниз (не обязательно подразумевающего обороты), а в качестве наиболее нейтральной единицы поля выступает глагол *mändârtaltaš* (хотя у некоторых носителей он сильнее коррелирует с субъектом шарообразной формы). Глагол *kâdalaš* тяготеет к маркированию качения при отсутствии внешнего притока энергии, откуда предположительно возникают запреты на его употребление в контекстах типа (42), которые не выделены особо на семантической карте.

Наибольший интерес в типологическом отношении представляет глагол *pätärnältäš*, функционирующий одновременно в зоне бесконтактного вращения (фреймы «мотыльки», «девушка перед зеркалом», «дым», «вьюнок») и в зоне качения (см. (43) – (45), где происходит качение по ровной поверхности, не учтённое в качестве особого фрейма на семантической карте).

3. Инвентарь метафор вращения в горномарийском языке

В рамках горномарийского поля вращения развивается большое количество метафорических переносов, строящихся, впрочем, по достаточно ожидаемым в типологическом отношении моделям (см. анализ семантических переносов глаголов вращения в работе [Круглякова, 2010, с. 308-331]). В данной статье будут рассмотрены метафоры вращения по внешней и внутренней оси (возникают на базе исходных ситуаций одно- или разнонаправленного движения или движения вокруг ориентира), а также метафоры вращения как изменения (возникающие как переосмысление ситуации одинарного оборота при вращении), которые наиболее подробно проанализированы нами на примере глагола *särnäš* и его суффиксальных производных.

В области вращения по внутренней оси возникают метафоры неупорядоченного действия одушевлённых субъектов, неконтролируемого беспокойного поведения (см. пример (8), продублированный здесь в (48)).

- (48) *t'et'ä pöken-äštä so särn-ält-eš / *särn-ä.*
 ребёнок стул-IN всегда крутиться-MED-NPST.3SG крутиться-NPST.3SG
 ‘Ребёнок постоянно вертится на стуле.’

С другой стороны, здесь может возникнуть интерпретация поведения субъекта как целенаправленного и контролируемого, с целью достижения какого-либо результата.

- (49) *tädä-län kel-eš šukâ särn-ält-äš / särn-ält-äš*
 он-DAT быть.нужным-NPST.3SG много крутиться-MED-INF
 / *särn-äš, sem'ja pukš-aš kel-eš.*
 крутиться-INF семья кормить-INF быть.нужным-NPST.3SG

‘Ему приходится много крутиться, семью кормить надо.’

В зоне внутренней оси развиваются также метафоры, напоминающие выделенные в работе [Круглякова, 2010, с. 315] метафоры вращения как функционирования, ср. пример (50) про язык и речь, при помощи которого уместно было бы охарактеризовать болтливого человека.

- (50) *šaja /jəlmə sārŋ-ä.*
речь язык крутиться-NPST.3SG
букв. ‘Речь / язык вращается.’

Метафоры вращения вокруг внешней оси представлены в горномарийском языке в большем количестве и разнообразии. Переносы в этой зоне основаны на связи субъекта с ориентиром, который может переосмысливаться на более абстрактном уровне. Такова, например, метафора преследования ориентира, при которой субъект стремится находиться поблизости от ориентира и необязательно совершает при этом физическое движение, следуя за ним, как в примере (51).

- (51) *ädär jər šukâ täng-vlä-žä sārŋ-ät*
девушка вокруг много друг-PL-POSS.3SG крутиться-NPST.3PL
/pätärŋ-ält-ät.
крутиться-MED-NPST.3PL
‘Вокруг девушки увиваются поклонники.’

Кроме того, в качестве ориентира может выступать некоторая абстрактная тема (свадьба Пети и Маши в примере (52)), а субъектом при этом является ментальная сущность (разговоры).

- (52) *pet'a i maša süän-əm äšt-en-ät. ände šukâ šamak*
П. и М. свадьба-ACC делать-PRF-3PL теперь много разговор
sārŋ-ä nänä jər.
крутиться-NPST.3SG они вокруг
‘Петя и Маша сыграли свадьбу. Теперь все разговоры – только о них.’ (букв. крутятся вокруг них)

Также в горномарийском языке представлена метафора вращения как поиска ориентира: «расположение ориентира фиксировано, но неизвестно субъекту, который старается его обнаружить» (см. [Круглякова, 2010, с. 318-319]). Движения субъекта при этом сосредоточены в пределах более обширной локализации, по которой и осуществляется поиск ориентира (например, хорошего магазина в городе в примере (53)).

- (53) *tengečä mä šukâ sārŋ-en-nä xala mâč-kâ, kăčäl*
вчера мы много крутиться-PRF-1PL город по-ILL2 искать.CVB
jažo lapka.
хороший магазин
‘Вчера мы долго бродили по городу в поисках хорошего магазина.’

В некоторых случаях релевантность компонента перемещения как такового может снижаться, и тогда на первый план выступает связь субъекта с ориентиром (как правило, неодушевленным и статичным) и целенаправленное присутствие рядом с ним. Метафоры такого рода формируют подкласс метафор нахождения около ориентира, см. (54).

- (54) *tädä sārŋ-ä so lapka jər, kak*
он крутиться-NPST.3SG всегда магазин вокруг как
budto tä-gü-m vâč-a.
будто INDEF-кто-ACC ждать-NPST.3SG
‘Он постоянно крутится около магазина, как будто кого-то дожидается.’

Аналогичный метафорический перенос можно наблюдать и у глагола *pätärnält(äl)äš*, который требует наличия ориентира (ср. комментариев носителя языка к примеру (55)), по направлению к которому производилось бы движение:

(55) *lapka saga jü-šä edem*
 магазин около пить-PTCP.ACT человек

pätärn-ält-äl-eš.

крутиться-MED-SEM-NPST.3SG

‘Возле магазина шатается пьяный.’ (Комментарий: пристаёт ко всем подряд.)

Глаголом *särnäš* также может описываться неупорядоченное, хаотичное движение без конкретного ориентира в пределах некоторой ограниченной площади, которая, однако, значительно превышает размеры самого движущегося субъекта.

(56) *pirä-vlä šärgä mäch-kä särn-ät.*
 волк-PL лес по-ILL2 крутиться-NPST.3PL

‘Волки бродят по лесу.’

К подклассу метафор неупорядоченного движения относится и контекст головокругения:

(57) *män'-än vuj särn-ä.*
 я-GEN голова крутиться-NPST.3SG

‘У меня кружится голова.’

Дериваты глагола *särnäš*, описывающие одинарные обороты, закономерно развивают метафоры вращения как изменения. Данная метафора предположительно мотивирована тем, что при повороте вокруг внутренней оси происходит изменение субъектом своего положения в пространстве таким образом, что сторонний наблюдатель видит его противоположную (прототипически) сторону (см. [Круглякова, 2010, с. 325]).

(58) *mäni särn-ält-än princessä-š.*
 жаба крутиться-MED-PRF.3SG принцесса-ILL

‘Жаба превратилась в принцессу.’

Кроме того, здесь может возникать метафора отклонения от прямой формы (для вытянутых объектов), когда описывается изменение положения в пространстве не только человека и материальных предметов, но и дорог, рек и т. п., как в примере (59).

(59) *tišäken kornä särn-äl-eš šalaxaj-äš.*
 здесь дорога крутиться-ATT-NPST.3SG левый-ILL

‘Здесь дорога поворачивает налево.’

От природных объектов типа реки или тропинки часто осуществляется переход к объектам более абстрактным (рассказ, цепочка событий), когда имеет место изменение в течении процесса. В случае горномарийского языка возникает метафора у переходного глагола *säräš*, который может описывать, например, изменение в мелодии птичьей песни:

(60) *kek mārâ-m sär-en kerd-eš.*
 птица песня-ACC крутить-CVB мочь-NPST.3SG

‘Птица может песню повернуть.’ (и звонко, и тихо, и грубо, и мягко спеть)

Для переходного глагола *särtäš* нам удалось обнаружить ряд метафор, которые не упоминаются в работе [Круглякова, 2010]: одна из них связана с переосмыслением вращения как перевода с одного языка на другой (61), а другая – с вращением как привлечением объекта к себе (ср. (62) и русск. *эта девушка меня окрутила*).

(61) *ves jälmä-škä šamak-âm sär-t-äš*
 другой язык-ILL слово-ACC вращать-CAUS-INF

- ‘Перевести слово на другой язык’
 (62) *ädär män’-äm sär-t-en šänd-en.*
 девушка я-АСС вращать-CAUS-CVB сажать-PRF.3SG
 ‘Девушка меня приворожила.’

4. Заключение

В данной статье мы представили структуру горномарийского поля вращения, в котором выделяется две основных зоны: зона бесконтактного вращения (глаголы *särnäš, pörtäš, päträñältäš* и их дериваты) и зона вращения в тесном контакте с плоскостью, т. е. зона качения (глаголы *mändärtaltaš, kädalaš, valaš* и *päträñältäš*). Глагол *päträñältäš*, таким образом, оказался смежным звеном для двух семантических зон, которые в лексической типологии ранее считались непересекающимися (см. [Круглякова, 2010]). Его семантика может сводиться к беспорядочному вращению вблизи ориентира, но также способна объединять вращение вокруг внутренней оси с поступательным движением вперёд при качении.

В статье также были рассмотрены метафоры, которые развивают горномарийские глаголы вращения. В целом, обнаруженные метафорические переносы (вращения по внутренней / внешней оси и вращения как изменения) укладываются в систему, предложенную в работе [Круглякова, 2010]. Кроме того, мы выделили ряд метафор, типичных для переходного глагола вращения и весьма продуктивных в горномарийском языке (см. глагол *särtäš* в (61) – (62)), которые можно было бы учитывать в дальнейших типологических исследованиях семантического поля вращения.

Условные сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ACC – аккузатив, ATT – аттенуатив, CAUS – каузатив, COLL – собирательное числительное, CVB – конверб, DAT – датив, EL – элатив, FULL – полная форма числительного, GEN – генитив, ILL – иллатив, ILL2 – 2-й иллатив, IN – инессив, IN2 – 2-й инессив, INDEF – показатель неопределённости, INF – инфинитив, MED – медиопассив, NMLZ – номинализация, NPST – непрошедшее время, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PRF – перфект, SEM – семельфактив, SG – единственное число

Литература

1. Галкин, И. С. Словарь марийского языка : в 10 т. [Электронный ресурс] / И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1990–2005. – Режим доступа: www.marlamuter.org/muter/
2. Дьячков, В. В. Суффиксы множественности в горномарийском языке (рукопись) / В. В. Дьячков. – М., 2017. – 30 с.
3. Кашкин, Е. В. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы типологии (корпусное исследование) / Е. В. Кашкин, П. С. Плешак // Вестник Воронежского государственного университета. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация". – 2015. – №3. – С. 137–142.
4. Круглякова, В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе : дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. А. Круглякова. – М., 2010. – 350 с.
5. Майтинская, К. Е. Финно-угорские языки / К. Е. Майтинская // Языки мира: Уральские языки. / Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская. – М.: Наука, 1993. – С. 20–31.
6. Майсак, Т. А. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007. – 752 с.
7. Рахилина, Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – М., 2013. – № 2. – С. 3–31.

8. Саваткова, А. А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 405 с.
9. Стрыгина, М. О. Некоторые сведения о показателях глагольной множественности в горномарийском языке : рукопись / М. О. Стрыгина. – М., 2017. – 19 с.
10. Moisio, A. Tscheremissisches Wörterbuch / A. Moisio, S. Saarinen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2008. – 924 с.
11. Talmy, L. Toward a cognitive semantics : Vol. II : Typology and process in concept structuring / L. Talmy. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 565 pp.
12. Wälchli, B. Come and Go. Deictic and pseudodeictic motion verbs / B. Wälchli // Academia grammaticorum Salensis tertia Sal_ dvaras (2006 m. liepos 31)

*Мордашова Дарья Дмитриевна,
кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова
(студент).
E-mail: mordashova.d@yandex.ru*

*Mordashova Daria Dmitrievna,
Department of Fundamental and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: mordashova.d@yandex.ru*

УДК 371.3

О.В. Мурашкина
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ©

Аннотация: статья посвящена проблеме обучения иностранным языкам с использованием коммуникативной методики. Коммуникативный подход и коммуникативный метод – два взаимосвязанных концепта. Лингвистическая компетентность, реализуемая в социальном контексте, является основой успешной коммуникации на изучаемом языке.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; лингвистическая компетентность; коммуникативный подход; коммуникативный метод; социокультурный контекст.

To the issue of communicative teaching foreign languages

Abstract: the article deals with the issue of teaching foreign languages with the usage of methods communicative. Communicative approach and communicative method are two interrelated concepts. Language competence developed in social context is the basis for successful communication in the target language.

Key words: communicative competence, language/linguistic competence, communicative approach, communicative method, socio-cultural context.

С середины 70-х годов коммуникативная компетентность становится ключевой концепцией в теориях и исследованиях в области лингвистического образования и преподавания иностранных языков. Лингвистическая компетентность Н. Хомского включает в себя фонологические, синтаксические, семантические, лексические и морфологические аспекты языка. Концепт «коммуникативная компетентность», предложенный Д. Хаймсом, дополняет понятие «языковая компетенция» Н. Хомского. Лингвистическая компетенция дополняется в теории Д. Хаймса социолингвистическим, дискурсивным и стратегическим аспектами, что отражает социальную сущность языка. На протяжении восьмидесятих годов концепция коммуникативной компетенции стала основой новых идей и подходов к преподаванию иностранного языка.

В начале и середине двадцатого века методы преподавания иностранных языков находились под влиянием структурной лингвистики и психологии и формировали четыре языковых навыка: устный, письменный, аудирование и чтение. В настоящее время недостаточность четырех навыков очевидна, поскольку широко признаны недостатки аудиолингвальной методологии. [Совиньон, 2001]. Преподавание иностранного языка с использованием коммуникативного подхода можно рассматривать как результат перспективы, возникающей в результате объединения нескольких дисциплин, включающих лингвистику, психологию, философию, социологию и исследования в области образовательных технологий. Коммуникативный метод способствует развитию функциональной языковой способности посредством участия студента в коммуникативной деятельности.

Прежде чем мы будем говорить о коммуникативной методике, необходимо разделить два понятия: коммуникативный подход и коммуникативный метод. Опираясь на исследование концептуальной дихотомии Санчеса [Sánchez, 2009], можно утверждать, что коммуникативный подход – понятие более общее, внутри которого и существует коммуникативный метод, включающий множество различных методик. Когда мы говорим о коммуникативном подходе, мы имеем в виду совокупность аспектов преподавания, направленных на изучение языка в коммуникативных целях. Для достижения этой цели существует много конкретных вариантов, каждый из которых сохраняет основные элементы коммуникативной ориентации преподавания. В рамках коммуникативного подхода можно говорить о коммуникативном методе, в котором материализуется обучающее действие. С коммуникативной точки зрения целью обучения иностранным языкам является развитие коммуникативных способностей, которые включают как функциональные аспекты, так и структурные аспекты языка. Структурные аспекты языка сосредоточены на грамматической системе и направлены на формирование лингвистической компетенции обучающегося. Функциональные аспекты связаны с конкретной ситуацией и социальной средой. Структурные теории рассматривают преподавание языка вне конкретного контекста его использования, тогда как коммуникативная теория предполагает преподавание иностранных языков в определенном социальном контексте. Поэтому коммуникативный метод фокусируется на реальном общении в реальных контекстах, где студент является центром учебного процесса. Учебные материалы и методики, основанные на социолингвистических принципах, обычно идентифицируют студента с определенной ролью, ставя конкретную задачу использования языка.

В практике преподавания иностранного языка лингвистическая структура речевого акта представлена в тексте, диалоге, блок-схеме, таблице с пояснениями или выдержке из газеты, а студентам предлагается выступить участниками в конкретной ситуации. Могут применяться и обычные упражнения, но отличие от структурной практики заключается в том, что лингвистические формы, которые будут практиковаться, имеют

идентифицируемое место в социолингвистическом контексте, которое предлагается студентам как конкретная практическая ситуация, в которой они могут участвовать.

Среди теоретиков и практиков существует единомыслие в том, что социолингвистический компонент дополняет структурный или грамматический в практике преподавания. Проблема, заключается в том, как наиболее эффективно сочетать структурный и социолингвистический подход к языку. По мнению Литтлвуда, преподавание с использованием коммуникативного метода должно объединять функциональные и структурные аспекты языка для достижения цели эффективной коммуникации на изучаемом языке. Студенту необходимо приобрести четыре вида компетенций: грамматическую компетентность, социолингвистическую компетентность, дискурсивную компетентность и стратегическую компетентность.

Первый этап обучения предполагает овладение навыками лингвистической компетенции, которая позволит потом формулировать высказывание в рамках заданной ситуации. Ситуационное обучение языку, позволяет связать иностранный язык с контекстной реальностью, используя лингвистические знания и навыки. Студенты также должны уметь связать язык с социальными значениями, чтобы обучение происходило в рамках заданного и осмысленного социального контекста. В процессе обучения в коммуникативной деятельности студент использует набор приобретённых лингвистических знаний с конкретной целью: решать проблемы или получать информацию, используя имеющийся у него лингвистический ресурс для передачи социального контекста. Иными словами, коммуникативно-функциональный подход направлен на выразительные возможности студентов, повышает уровень их коммуникативной компетенции, позволяет достичь эффективности в речевой практике и адаптировать язык к использованию в разнообразных ситуациях.

Говоря о компонентах коммуникативного обучения, необходимо выделить три блока: основные лингвистические принципы изучаемого языка, цели обучения и типологию деятельности в соответствии с задачами изучения иностранного языка.

В первом блоке содержания обучения основное место отводится теории и овладению общими навыками использования языка. В аспекте социолингвистики этот блок решает фундаментальную задачу, является кумулятивным процессом и предполагает **модель** языкового объекта обучения, которая распространяется на все социальные группы студентов. Коммуникация на этом этапе является начальной формой устной кодифицированной модели речи, включающей лексику привычных ситуаций повседневной жизни. Основные средства обучения на данном этапе – монологическая речь и умение использовать определённые грамматические конструкции.

Во втором блоке содержания обучения мы излагаем цели обучения иностранному языку, где различаем общие лингвистические цели, конкретные цели и методы преподавания. Общая лингвистическая цель – эффективное общение на целевом языке. Среди конкретных целей главная задача состоит в приобретении лексических, грамматических навыков, которые позволяют общаться в реальном контексте. В этом блоке приобретаются навыки коммуникативной компетентности в соответствующем социальном контексте, а также социолингвистические, дискурсивные и стратегические компетенции. Организация занятий строится с учётом трудностей коммуникативного процесса, уровня подготовленности студентов и их коммуникативных потребностей.

Третий блок содержит типологию видов языковой деятельности и должен соответствовать пяти требованиям: практика общения должна быть интерактивной; соответствовать типу деятельности и содержать определённый контент; использование мультимедийных средств обучения; речевая деятельность происходит в чётком социальном контексте; вся коммуникативная деятельность имеет чётко сформулированную мотивацию и включает все ранее приобретённые лингвистические знания. Каждый блок имеет свои средства обучения в соответствии с формируемой компетенцией, обозначенной в целях и задачах обучения иностранному языку.

Коммуникативный метод предполагает фундаментальное изменение в области обучения иностранным языкам. Современные требования в сфере профессиональной коммуникации предполагают и новые подходы к обучению. Использование мультимедийных средств обучения требует от преподавателя постоянной актуализации его профессиональных знаний и навыков. Коммуникативный метод меняет концепцию обучения иностранным языкам, посредством которой обучение, основанное на запоминании системы правил, должно быть сосредоточено на коммуникации, язык выступает как активный инструмент для отображения картины мира и является инструментом коммуникации, через который будет прививаться социокультурный контекст изучаемого иностранного языка. Главная задача, которая решается с помощью коммуникативного метода – способствовать эффективной коммуникации, интегрируя лингвистические и экстралингвистические знания. Коммуникативный метод в понимании его как продолжения понятийно-функциональных подходов включает основные понятия текстовой лингвистики. Основная цель данного метода – формирование коммуникативной компетентности студента для успешной и максимально эффективной коммуникации на изучаемом иностранном языке.

Литература:

1. Littlewood W. La enseñanza comunicativa de idiomas. Introducción al enfoque comunicativo. Madrid: Cambridge University Press. – 1996.
2. Sánchez A. La enseñanza de idiomas en los últimos cien años. Métodos y enfoques, Madrid: SGEL.– 2009.
3. Savignon S. “Communicative Language Teaching for the Twenty-First Century”. En M. Celce-Murcia (ed.). – 2001.
4. Штерн А. Перцептивный аспект речевой деятельности. / А. Штерн – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992.

Мурашкина Ольга Викторовна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: olinve@yandex.ru

Murashkina Olga Viktorovna

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: olinve@yandex.ru

УДК 81'44

И. М. Пантелеева
(Москва)

ПРИЗНАК СУХОЙ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ©

Аннотация: статья посвящена лексико-типологическому исследованию прилагательных со значением ‘сухой’. Анализ проводился с использованием фреймового подхода. Материалом исследования послужили данные 8 языков: русского, английского, нидерландского, немецкого, испанского, осетинского, шугнанского и татарского. В ходе анализа контексты были расклассифицированы по типу ситуации в соответствии с моделями лексикализации данной зоны. По итогам работы была составлена семантическая карта, отражающая структуру поля и позволяющая визуализировать различия между языками в способах его лексикализации. Кроме того, для всех встретившихся в нашем материале лексем были проанализированы семантические переходы.

Ключевые слова: семантика, лексическая типология, фрейм, доминантное поле, лексико-семантические карты

DRY in a Typological Perspective

Abstract: the paper discusses the lexical typology study of the adjectives with the meaning DRY. The analysis was carried out using the frame approach. The material of the study was based on the data in 8 languages: Russian, English, Dutch, German, Spanish, Ossetian, Shugnan and Tatar. During the analysis, the contexts were classified by the type of situation in accordance with the models of lexicalization of the field. Based on the results of the work, a semantic map was made up reflecting the structure of the field and allowing one to visualize the differences between languages in the ways of its lexicalization. In addition, semantic shifts were analyzed for all the lexemes presented in our material.

Key words: semantics, lexical typology, frame, dominant field, lexical map

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию лексем, выражающих значения ‘сухой’, и их сочетаемостных возможностей в атрибутивной позиции в разных языках. Целью работы является синхронное типологическое описание лексико-семантического поля качественных прилагательных со значением ‘сухой’ и анализ их семантических сдвигов.

Актуальность предмета исследования обусловлена тем, что, во-первых, ранее никто не проводил лексико-типологическое исследование семантического поля ‘сухой’, во-вторых, типологическая перспектива позволит уточнить семантику лексем изучаемого поля в каждом языке, что улучшит некоторые словарные статьи в толковых и переводных словарях, и, в-третьих, фреймовый подход, дополненный психолингвистическими стимулами, даст возможность проверить эффективность такого комбинированного метода.

1.1. Понятие лексической типологии

Задачи семантического анализа в рамках лингвистической типологии решаются в рамках относительно молодого направления – лексической типологии. Под понятием «лексическая типология» понимают «систематическое изучение межъязыкового варьирования слов и лексических систем» [Кортъевская-Тамм, 2008]. Целью исследователя данного направления является понять, каким образом язык закладывает семантический материал в слова [Lehrer, 1992, с. 249]. На основании этого, главными вопросами, которые решает лексическая типология, являются: что может пониматься под определенной лексической единицей, какие значения могут или не могут выражаться одним словом в разных языках, и, наоборот, какие различные значения могут быть выражены в одном слове [Кортъевская-Тамм, 2008]. Ответы на эти вопросы даёт анализ семантического поля, включающего данную лексическую единицу.

Как отмечается в [Рахилина, Плунгян, 2007], лексическая типология, в сравнении с грамматической, ещё не получила такого широкого распространения из-за сложности обнаружения и описания языкового материала. Во-первых, лексические противопоставления не выражаются специальными маркерами, которые бы легко обнаруживались исследователем, в то время как в грамматической области противопоставления хорошо наблюдаемы благодаря формальным показателям. Во-вторых, грамматические выражения из-за своей прозрачности уже наводят на мысль о системности, что невозможно сказать о лексических единицах.

Сейчас семантическая типология становится все более и более интересной сферой исследования. Появляются новые подходы к изучению лексических единиц, новые способы представления информации и приёмы опрашивания носителей языка. В последнее время работ, в которых представлены исследования предметной или адъективной лексики, становится все больше. Например, в [Кюсева, 2012] говорится об антонимической паре 'острый' vs 'тупой', в [Бикина и др., 2014] речь идёт о качественных признаках 'глухой' и 'слепой', в [Тагабилева, Холкина, 2010] изучены семантические поля 'полного' и 'пустого'.

Итак, если на стадии становления лексической типологии возможность изучения лексем в типологической перспективе вызвала определенные сомнения, то сейчас, благодаря уже развитой теории данного подхода, всё больше и больше исследователей обращаются к данной тематике. Из-за появившихся огромных возможностей в сфере сбора и анализа материала изучать лексические единицы стало намного проще и результаты, получающиеся в итоге, становятся более достоверными.

1.2. Методология

Из-за новизны лексической типологии исследователи не пришли к единому мнению, каким образом нужно проводить анализ единиц на материале сразу нескольких десятков языков. В статье Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой «Фреймовый подход к лексической типологии» отмечается, что правильное типологическое исследование должно быть основано на одном теоретическом подходе и следовать одной методике [Рахилина, Резникова, 2013]. Благодаря единому плану исследователь будет иметь возможность сравнить полученные результаты по разным языкам, и в итоге будет подтвержден тот факт, что лексическая сторона языка тоже системна, однако более сложно устроена по сравнению с грамматической. На сегодняшний день наиболее известными подходами к лексической типологии являются: экспериментальная методика, подход, основанный на естественном семантическом метаязыке, и, наконец, используемый в данной работе фреймовый подход.

Первый способ связан с психолингвистикой и ведет свою традицию с исследования цветообозначений Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969]. Этот подход основан на результатах, получаемых от информантов, которым предлагаются для вербализации различные внеязыковые стимулы, например, таблички, видеоклипы, картинки и так далее.

Второй метод анализа лексем из разных языков был предложен А. Вежбицкой и К. Годдардом [Goddard, Wierzbicka, 1994]. В центре этого подхода лежит гипотеза о том, что существуют семантические примитивы, которые могут выражать любое слово языка. Так как эти «слова-смыслы» одинаковы для разных языков, то с помощью них удобно проводить исследование лексических феноменов, происходящих не в одном, а сразу в нескольких языках.

Фреймовый подход по своей идеологии близок к основным принципам Московской семантической школы, согласно которым свойства лексических единиц проявляются в их сочетаемости с другими словами (см. [Апресян, 1995]). Фреймовый подход развивает данную концепцию и применяет её при сопоставительном анализе языков. Такая методология по ряду причин считается более эффективной, чем те, о которых шла речь ранее. Во-первых, не всё можно описать при помощи психолингвистического подхода, во-вторых, используя естественный семантический

метаязык, очень сложно чётко противопоставить семантику квазисинонимов. Так как лексическая типология, безусловно, должна охватывать семантические переходы, то предпочтительной оказывается методика, которая может с этим справиться. К сожалению, первые два подхода не решают этой проблемы, а фреймовый подход позволяет анализировать сдвиги значения. Эти преимущества заставляют нас остановить выбор на данной методике для изучения семантического поля 'сухой'.

1.3. Предыдущие исследования

Наиболее полное из существующих представление о значении слова *сухой* представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» и в исследовании С.М. Толстой «Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе» [Толстая, 2008]. С опорой на эти источники был выделен начальный набор фреймов, который затем расширился в ходе корпусного исследования.

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Апресян и др., 2003] для русского языка выделяется четыре основных различительных контекста для слова *сухой*. В целом, лексема *сухой* во всех ее значениях указывает на то, что свойство сухости, которым обладает предмет, отличает его от других. *Сухой 1* как антоним к *мокрый, влажный, сырой* описывает такой предмет, который не имеет влаги снаружи или внутри. Говорящий использует описываемую лексему в данном значении, когда предполагает, что влага внутри или снаружи объекта должна или может быть, но её не наблюдается, или когда нужно выделить предмет среди тех объектов, которые имеют влагу. К последней ситуации также относятся случаи, указывающие на воздушную среду без влаги. *Сухой 2* описывает отсутствие жидкости, изначально присущей предмету. Под жидкостью может пониматься разное: жизненные соки в растениях (в словаре описывается значением *сухой 2.1*) и жиры, придающие мягкость предмету (*сухой 2.2*). *Сухой 3* считается квазисинонимом слов *худощавый, худой* и относится к объекту (человеку или животному), объем тела которого меньше среднего. Причём *сухой* отличается от его синонимов рядом признаков: *сухой* обязательно относится к немолодым объектам, указывает на большую степень проявления признака и на определённую причину такого отклонения от нормы, то есть старость или болезнь, и так далее. *Сухой 4* 'холодный, замкнутый' является неточным антонимом к прилагательному *гостеприимный*.

Итак, в [Апресян и др., 2003] перечислены основные ситуации, когда в русском языке принято говорить о сухом предмете, но значения, представленные выше, носят достаточно общий характер и не подходят для задач лексико-типологического исследования, поскольку различие между языками могут касаться более тонких нюансов значения, чем те, которые выделены в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка».

В обзоре значений славянского корня **sih-*, который приведён в [Толстая, 2008], также выделены основные ситуации, когда предмет обладает свойством сухости, но помимо этого, приведены примеры более частных случаев сочетаемости лексемы *сухой* с существительными. Эти сочетания показывают дополнительные возможности семантических сдвигов, которым могут следовать лексемы со значением 'сухой' в языках мира. В частности, у С.М. Толстой упоминаются такие сочетания, как *сухие щи* 'постные щи, не содержащие мясо', *сухой обед* 'постный обед'. Хотя эти сочетания и оказываются чрезвычайно редкими (в НКРЯ каждое из них встретилось по одному разу), они отражают те «семантические точки», в которых следует искать метафоры для прилагательных со значением 'сухой' в новых исследуемых языках. Отметим еще значение 'пустой', которое характерно для лексемы *сухой* в белорусских диалектах, ср. *дела сухое* 'пустое дело'. Такой общий смысл пустоты связан с более узким под значением 'пустой, с отсутствием какого-то конкретного компонента – жидкости': *сухие глаза* 'без слёз', *сухие уста*. Из этого значения производится новый семантический сдвиг, в результате которого порождается *сухой* 'с отсутствием компонента (необязательно жидкости)' (алтайск. *сухой*

хлеб ‘только хлеб, без добавления других продуктов’). Следующим этапом перехода лексемы ‘сухой’ становится значение ‘малое проявление признака (а не полное его отсутствие)’: поволж. *сухая вода* ‘малое половодье’.

Итак, частные случаи употребления прилагательного *сухой*, выделяемые в [Толстая, 2008], чрезвычайно важны для лексико-типологического исследования, поскольку они показывают, какие переносные значения могут встретиться у прилагательного типа ‘сухой’ в других языках, ср. англ. *dry cow* ‘корова, не дающая молока, то есть корова, у которой отсутствует молоко’ – аналог выражения *сухая корова* (пример из [Толстая, 2008]). Поскольку в наши задачи входит исследование семантических переходов анализируемой лексемы, случаи, рассмотренные в главе «Сухой» в монографии С.М. Толстой, важны нам для понимания причины этих сдвигов.

1.4. Материал

Данное исследование проводилось на материале 8 языков: русский, английский, осетинский, голландский, немецкий, татарский, испанский, шугнанский. В ходе работы использовались следующие **источники**:

- Словари

С помощью толковых словарей и словарей синонимов на русском и английском языках составлен предварительный набор фреймов, которые релевантны для семантики признака ‘сухой’. Выделенные концепты стали основой для сравнения остальных языков. На основе двуязычных словарей был составлен предварительный список лексем, выражающих концепт ‘сухой’ в остальных языках нашей выборки.

- Корпусные данные¹⁷

Словари не всегда могут охватить все значения лексемы, однако для лексико-типологического исследования действительно важно увидеть как можно больше групп существительных, с которыми сочетается изучаемая лексема, чтобы предугадать, какие различия в выражении значения, в данном случае сухости, могут встретиться в изучаемых языках. Для расширения набора фреймов, связанных с лексемой ‘сухой’, были использованы данные различных корпусов. Кроме того, корпусные данные позволили верифицировать данные, полученные в результате опроса информантов.

- Данные, полученные в результате анкетирования информантов и консультаций с экспертами

Корпуса не всегда отражают полную картину употребления определённой лексемы, так как в современных языках часто функционирует множество частотных выражений, не попадающих в корпуса, но используемых носителями намного чаще, чем те, которые представлены в корпусе. Кроме того, не у всех языков есть большие корпуса текстов, что затрудняет описание лексических единиц в них. В этой связи исследователи часто прибегают к анкетированию и опросу носителей языков.

2. Семантическое поле ‘сухой’

Как было сказано в предыдущем разделе, для выделения фреймов нам понадобились разные источники: для начала мы взяли значения, выделенные в словарях, затем уточнили их теми, что получились при анализе корпусов и примеров из Интернета. В нашу выборку не вошли научные термины, например, *сухой пар*, *сухой лёд*, так как они, скорее всего, калькируются от языка к языку. В семантическую карту мы не включали метафоры и импликации, о них будет написано подробнее для каждого языка отдельно.

В ходе анализа мы расклассифицировали все контексты, характерные для прилагательных поля ‘сухой’, по типу ситуации в соответствии с моделями лексикализации данной зоны, встретившимися в нашем материале. Верхний уровень

---

¹⁷ В том числе примеры из сети Интернет. Оттуда были взяты некоторые идеи для фреймовой анкеты, например, *сухой шампунь* и *сухая корова*. Первое выражение очень часто встречалось в рекламах, а второе эксплицитно было истолковано с помощью Википедии.

классификации образует противопоставление по параметру «происхождение отсутствующей жидкости»: ‘отсутствие жидкости, пришедшей извне’ vs. ‘отсутствие жидкости, исконно присущей предмету’. Далее внутри каждой группы выделяется несколько более частных классов с учетом типа объекта, к которому относится признак ‘сухой’, и на способ взаимодействия объекта с влагой.

К первой группе ‘отсутствие жидкости, пришедшей извне’ мы отнесли такие ситуации, в которых предмет, несущий в себе признак сухости, противопоставляется по этому свойству другим предметам. Внутри этой группы мы различаем такие объекты, которые не намокли – в отличие от аналогичных им объектов (англ. *dry side* ‘сухая сторона’ [противопоставляется мокрой стороне]), объекты, которые имеют особый постоянный статус по сравнению с другими объектами (часто о помещениях) (шугн. *qoqi joi* ‘сухое место (для хранения овощей)’), и объекты, которые высохли после намокания (шугн. *qoqsudjin joi* ‘высохшее место’). Кроме того, сюда мы отнесли ситуации, описывающие объекты, которые прототипически используются в мокром, влажном виде, например, тряпка, или с жидкостью (ср. перо) (нем. *trockener Lappen* ‘сухая тряпка’), фреймы ‘природный объект’ (нид. *droogmeer* ‘сухое озеро’, *droge vallei* ‘сухая долина’) и ‘климат, погода’ (нид. *droog weer* ‘сухая погода’).

Ко второй группе ‘отсутствие внутренней влаги (исконно присущей объекту)’ мы отнесли концепт ‘омертвевший, засохший’, описывающий животных (сухие мухи) или растения (сухая роза) (ср. осет. *донхъуаг дидинаегау* ‘сухой цветок’); ‘черствый’, относящийся к хлебобулочным изделиям (осет. *сур къæбаер* ‘сухой кусок хлеба’); ‘несочный’ (о мясе) (исп. *ravo seco* ‘сухая индейка’); ‘заготовленный впрок’, описывающий пищевые продукты (исп. *fruto seco* ‘сухие фрукты’). Здесь же мы выделяем ещё две ситуации: ‘кожа, руки, волосы’ – об объектах, для которых сухость является более продолжительным свойством (татар. *коры тире* ‘сухая кожа’) vs. ‘глаза, губы, горло’ – в этом случае сухость объекта длится более короткий период (татар. *коры ирен* ‘сухие губы’).

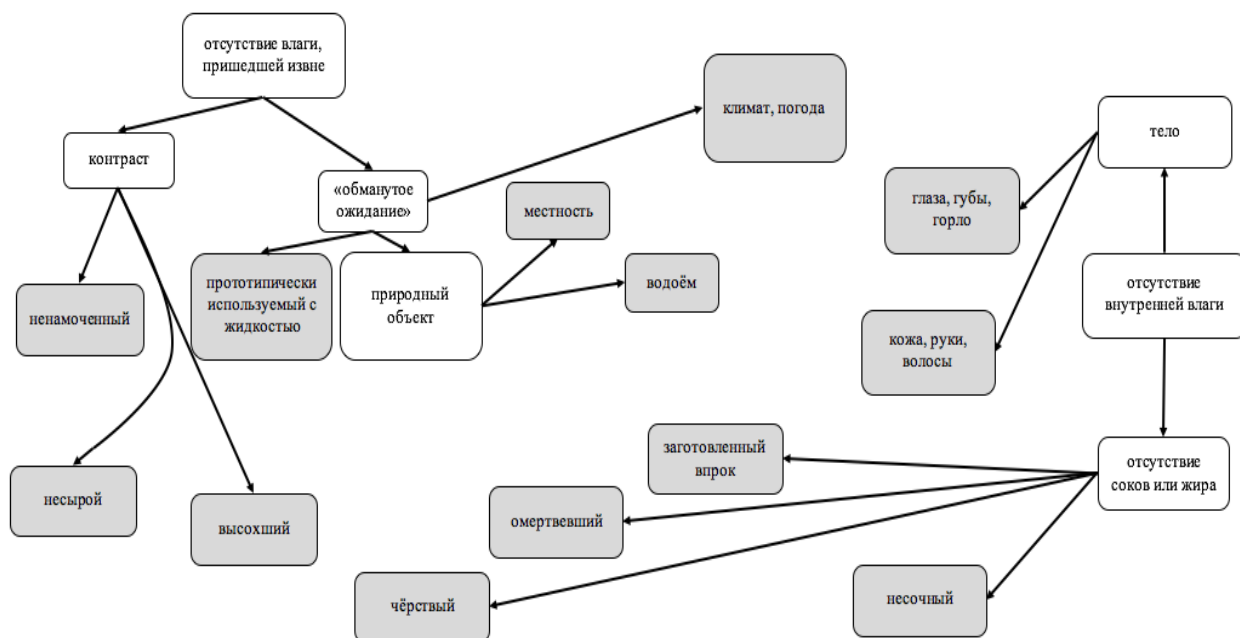

Рисунок 1. Семантическая карта поля 'сухой'

Итак, общий список фреймов выглядит следующим образом:

Отсутствие влаги, пришедшей извне

- Контраст
- Ненамоченный
- Несырой

Отсутствие внутренней влаги

- Тело
- Кожа, руки, волосы
- Глаза, губы, горло

- Высохший
- «Обманутое ожидание»
- Прототипически используемый с жидкостью
- Природный объект
- Местность
- Водоём
- Климат, погода
- Отсутствие соков или жира
- Заготовленный впрок
- Омертвевший
- Черствый
- Несочный

Для наглядности изобразим выделенные фреймы на семантической карте поля 'сухой' (см. Рисунок 1):

На семантической карте мы не отразили значения, которые основаны на метафорическом переходе. Тем не менее, для семантики такие переходы, безусловно, интересны и необходимы, поэтому мы с помощью всей собранной нами информации детально опишем семантическое поле в разных языках, игнорируя метафоры при составлении карты, но учитывая их при сравнении.

3. Результаты

3.1. Прямые значения

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам. В 4 из 8 языков используется доминантная лексема, покрывающая все фреймы. Такими языками являются: немецкий (см. Рисунок 2), английский (см. Рисунок 3), русский (см. Рисунок 4) и испанский (см. Рисунок 5).

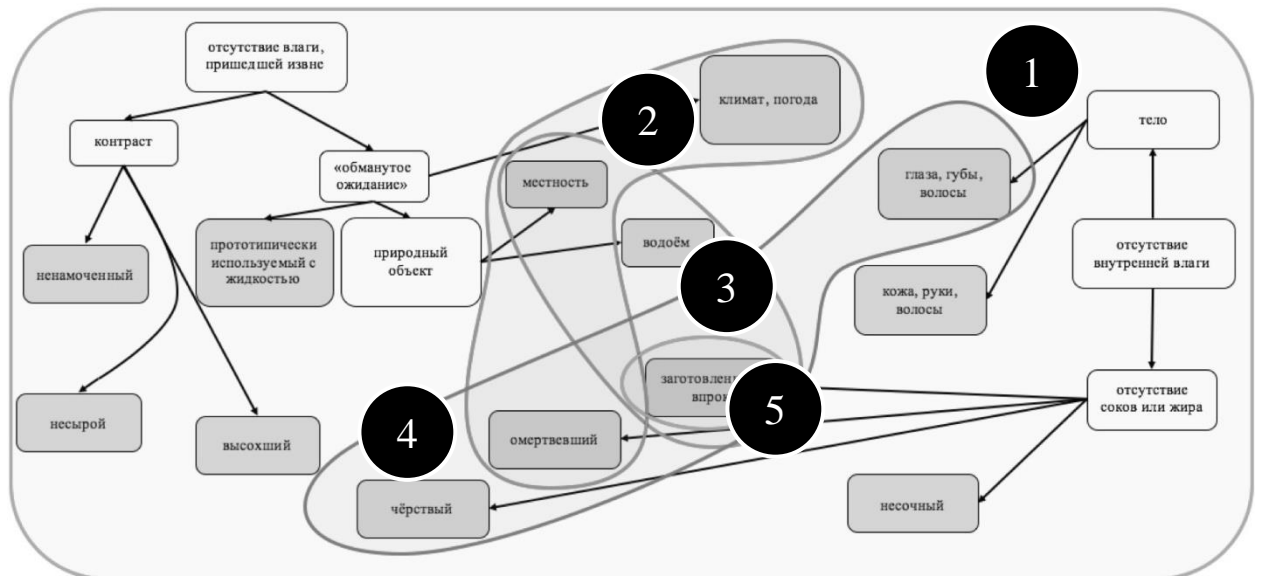

Рисунок 2. Семантическая карта поля 'сухой' для немецкого языка: 1 – trocken, 2 – dürr, 3 – vertrocknet, 4 – ausgetrocknet, 5 – getrocknet

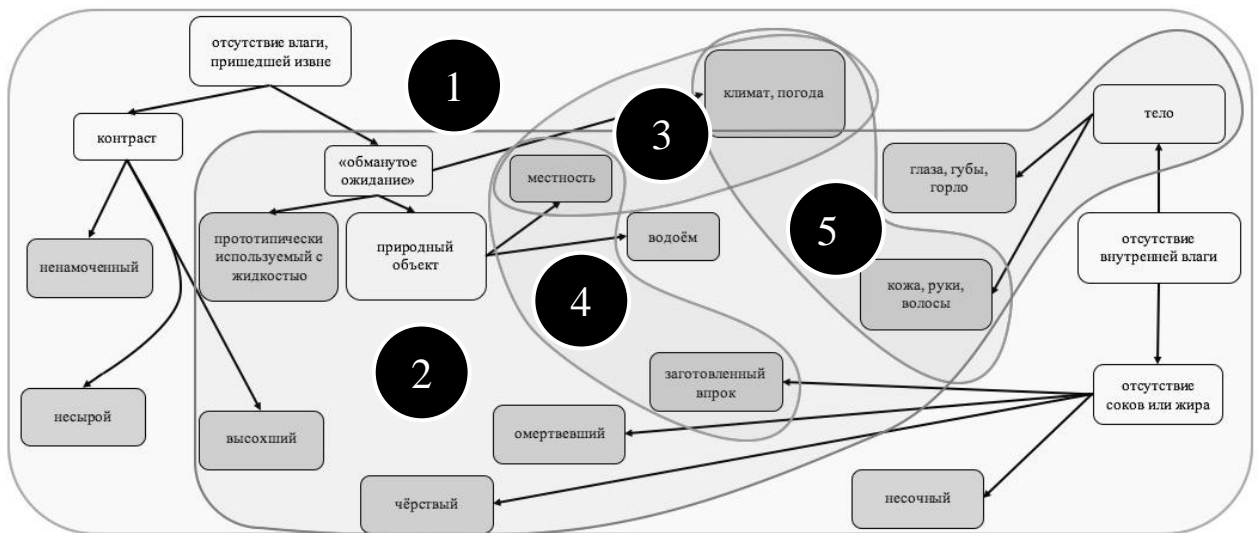

Рисунок 3. Семантическая карта поля 'сухой' для английского языка: 1 – *dry*, 2 – *dried*, 3 – *arid*, 4 – *desiccated*, 5 – *droughty*

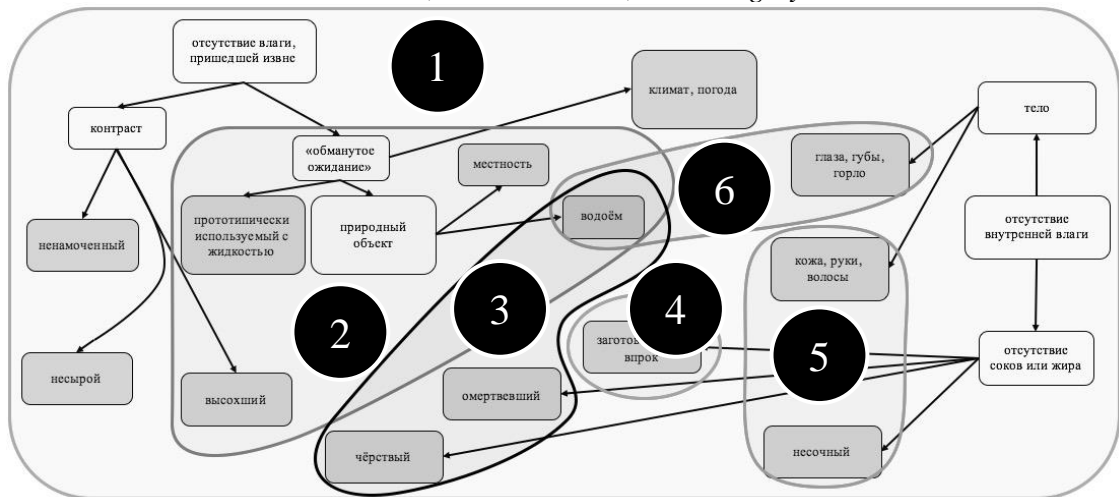

Рисунок 4. Семантическая карта поля 'сухой' для русского языка: 1 – *сухой*, 2 – *высохший*, 3 – *засохший*, 4 – *засушенный*, *сушённый*, 5 – *суховатый*, 6 – *пересохший*

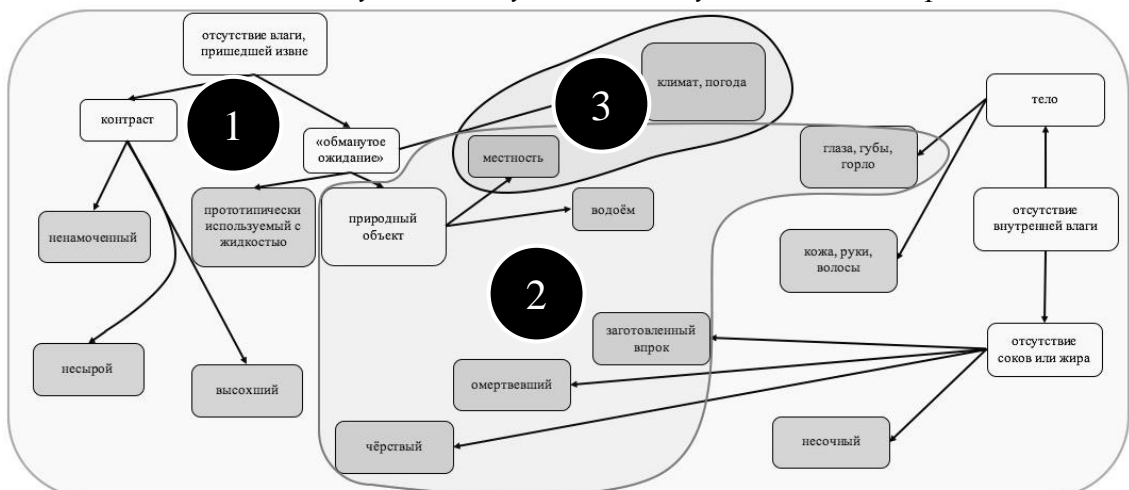

Рисунок 5. Семантическая карта поля 'сухой' для испанского языка: 1 – *seco*, 2 – *reseco*, 3 – *árido*

В 3 языках доминантная лексема не распространяется только на периферийный фрейм 'несочный'. Для него в этом случае не используются лексемы поля 'сухой', например, в нидерландском скажут только 'жесткое мясо', но 'не сухое мясо' (см.

Рисунок 6). Также такие системы представлены в татарском (см. Рисунок 7) и шугнанском (см. Рисунок 8).

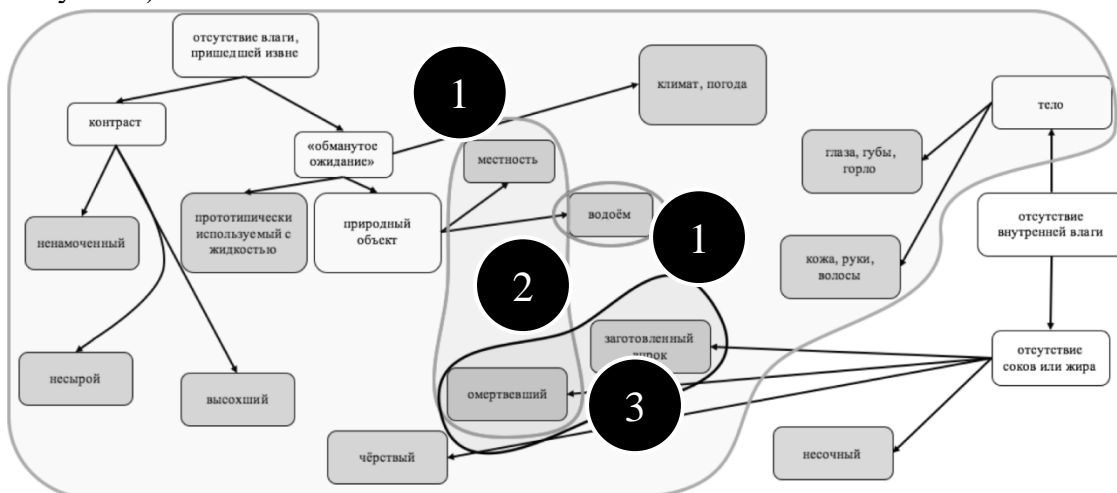

Рисунок 6. Семантическая карта поля 'сухой' для нидерландского языка: 1 – *droog*, 2 – *dor*, 3 – *gedroogd*, 4 – *opgedroogd*

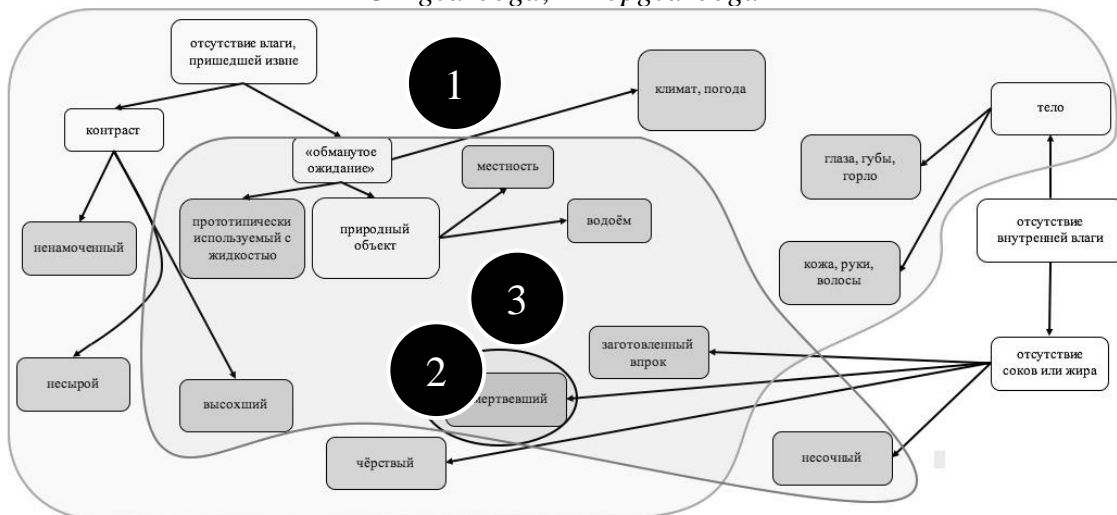

Рисунок 7. Семантическая карта поля 'сухой' для татарского языка: 1 – *коры*, 2 – *корыган*, 3 – *кипкән*

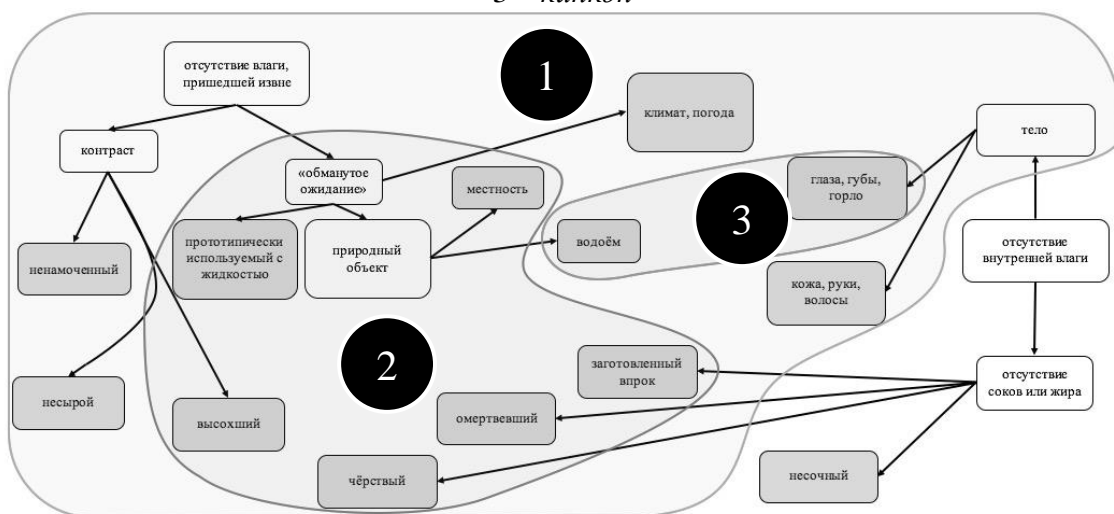

Рисунок 8. Семантическая карта поля 'сухой' для шугнанского языка: 1 – *qoq*, 2 – *qoqsudjin*, 3 – *qoqsiцин*

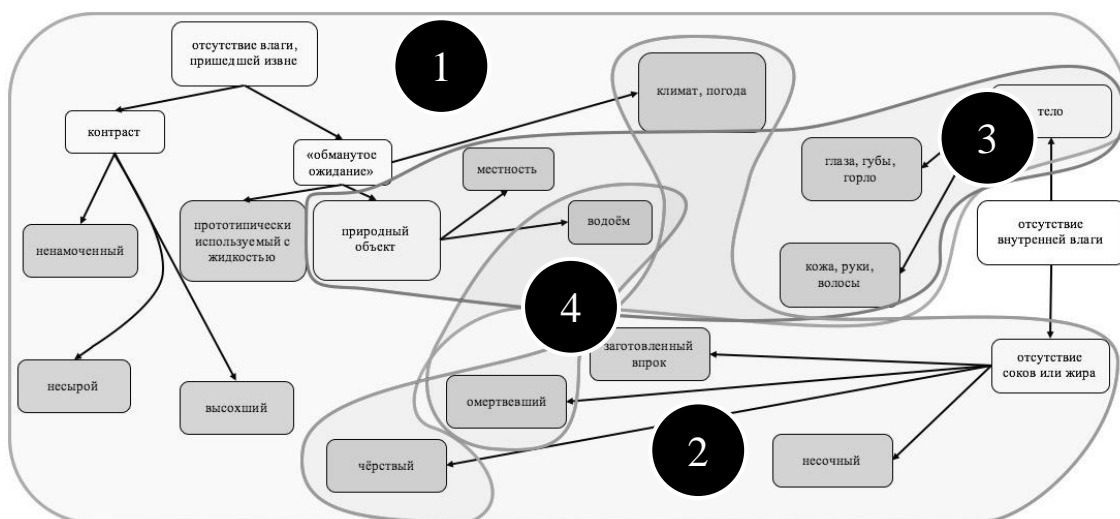

Рисунок 9. Семантическая карта поля 'сухой' для осетинского языка: 1 – сур, 2 – хус, 3 – хуыскъ, 4 – донхъуаг

Единственная недоминантная система представлена в осетинском. Для него характерно бинарное противопоставление: 'отсутствие внутренней влаги у неодушевленных объектов' противопоставляется концептам 'отсутствие внешней влаги' и 'отсутствие внутренней влаги (тело человека)', с пересечением двух лексем во фреймах 'чёрствый' и 'климат, погода'.

Среди выделенных фреймов можно выделить частотные объединения, а именно:

- 'климат, погода' и 'местность' объединяются за счёт метонимии
- 'водоём' и 'глаза, губы, горло' объединяются на основе общего семантического компонента: данные объекты обозначают контейнеры с жидкостью, которые могут полностью её лишиться;
- 'местность' и 'омертвевший' относятся к тому, что высыхает (прототипически под действием солнца).

3.2. Метафоры

Для каждого языка мы также рассматривали метафоры, связанные с лексемой *сухой*. Ниже представлены основные семантические сдвиги, встретившиеся в нашей выборке.

- 'худой' шугн. *qoq chorik* 'худой мужчина', татар. *корыган аяк* 'сухая нога (от болезни)', русск. *Старушка опять закивала сухой (от старости) головой*
- 'лишённый выразительности, чуткости' нид. *droog geschiedenis* 'сухая история', *hombre seco y práctico* 'сухой и строгий человек',
- 'лишённый звучности' русск. *сухой хруст*, англ. *dry sound*
- 'отсутствие чего-то, что прототипически свойственно полноценному объекту' русск. *сухие щипы*, англ. *dry run* 'прогон', англ. *dry humour* 'шутка, рассказанная без изменения в выражении лица'
- 'неспособный к производству' англ. *dry cow*, осет. *хуыскъ хъуазтаæ* 'сухая лань'
- 'духовно неплодотворный' нем. *dürre Jahre* 'непродуктивные года' ← 'климат, погода' (от *неплодородная почва*)
- 'пустой' нем. *ausgetrocknete Arbeitsmärkte* 'пустые рынки труда' ← 'водоём', 'местность', 'заготовленный впрок' ('высушенный')

4. Заключение

Таким образом, в данной статье было проанализировано семантическое поле 'сухой' на материале восьми языков: русского, английского, осетинского, нидерландского, немецкого, татарского, испанского и шугнанского. В ходе анализа были выделены фреймы и микрофреймы, описывающие исследуемое семантическое поле. Для каждого языка были рассмотрены примеры, касающиеся описания сухих предметов, которые в

итоге были расклассифицированы по выделенным группам. Кроме того, для более наглядного представления результатов были составлены семантические карты, которые отражают противопоставления, наблюдаемые для каждого языка в отдельности.

Одним из результатов данного исследования стал анализ семантических переходов, релевантных для зоны 'сухой'. Уже на собранном материале по восьми языкам были выделены некоторые модели построения метафор. В дальнейшем, благодаря расширению массива языков, планируется составить более общие и точные выводы по устройству семантических переходов, происходящих от прямого значения 'сухой'.

На следующем этапе исследования мы планируем, во-первых, увеличить языковую выборку, что, возможно, позволит выявить новые фреймы или микрофреймы, а также расширит круг метафорических моделей, доступных для лексем семантического поля 'сухой'. Во-вторых, объектом изучения может стать сравнение двух квазиантонимических зон: 'мокрый' и 'сухой', что позволит усовершенствовать фреймовую структуры обоих полей. В-третьих, изучение приемлемости примеров в разных языках улучшит семантическое описание лексем, которое впоследствии можно будет использовать в качестве основы при составлении словарных статей.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, – 1995. – С. 3-69.
2. Бикина Д. А. Качественные признаки 'глухой' и 'слепой': перспективы построения типологии / Д. А. Бикина, О. И. Виноградова, Е. В. Кашкин // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» (26-29.03.2014). Донецьк: ДонНУ, – 2014. – С. 31-33.
3. Рахилина Е. В. О лексико-семантической типологии / Е. В. Рахилина, В.А. Плунгян // Т.А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, – 2007. – С. 9–26.
4. Рахилина В. Фреймовый подход к лексической типологии / В. Рахилина, Т.И. Резникова // Вопросы языкознания. № 2, – 2013. – С. 3 – 31.
5. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. / С.М. Толстая – М.: Индрик, – 2008.
6. Goddard C., Wierzbicka A. (eds). *Semantic and Lexical Universals*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
7. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology // M. Vanhove (ed.). *From Polysemy to Semantic Change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 3–52.
8. Lehrer A. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives // M. Pütz (ed.). *Thirty years of linguistic evolution. Studies in honour of René Dirven on the occasion of his sixtieth birthday*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 243–256.

*Пантелеева Ирина Максимовна,
студентка третьего курса Школы лингвистики факультета Гуманитарных Наук НИУ
ВШЭ.
E-mail: impanteleyeva@gmail.com*

*Panteleeva Irina Maksimovna,
3rd year Bachelor student School of Linguistics, Faculty of Humanities, NRU HSE,
E-mail: impanteleyeva@gmail.com*

ТОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ МАРКЕР ЯЗЫКА ГОВОРЯЩЕГО©

Аннотация: статья посвящена проблеме инструментального исследования параметра тона речи в его музыкальной характеристике – «тональность». В статье излагается понимание категории тональности речи в системном подходе к интонационному уровню языка. Приводятся данные экспериментального исследования, полученные методом перцептивного анализа, обозначаются сложности в построении алгоритмов компьютерного анализа тональной категории речи.

Ключевые слова: интонация, тональность речи, перцептивный анализ.

Speech tonality as an identification marker of the speaker's language

Abstract: the goal of this paper is to suggest that musical notation may have value in representing some speech material and discuss instrumental studies of speech tones in terms of such musical characteristics as “tonality”. The article gives an account of the category of speech tonality according to systemic approach to language intonation. The author presents case study findings obtained via perception analysis, and outlines some problems in developing algorithms of computer-aided analysis of speech tonality.

Key words: intonation, speech tonality, perception analysis.

Исследование фонетических характеристик речи является одной из важных тем и проблем общей и прикладной фонетики, в частности, для решения задач идентификации говорящего по устной речи, которое возможно только на основе комплексного исследования, а именно использования акустического, лингвистического и перцептивного видов анализа [Потапова, 1997]. Ориентация на новые технологии обработки данных звучащей речи имеет большую перспективу в медикодиагностических, а также криминалистическом направлениях, где ставится задача выявления просодических характеристик психологического типа для идентификации личности говорящего. С точки зрения лингвистического и психолингвистического анализа звучащей речи представляет интерес исследование корпуса параметров и признаков, идентифицирующих стиль или жанр речи (в понимании М. М. Бахтина).

Наблюдаемый в последние десятилетия возросший интерес к применению в интонационных исследованиях анализирующих акустических программ, не снимает вопросы, поставленные экспериментаторами еще в середине XX века, например: как оценивать данные частоты основного тона в языках, очевидно имеющих различия в системах тона, как отделить системные тональные признаки от индивидуальных свойств интонации, что попадает в поле слуха и т.д. [Чистович и др., 1976; Митрофанова, 2013].

В ряде исследований по интонации стал появляться термин «тональность речи». В одних говорится о наличии у речи музыкально-гармонической стороны [Щека, 1996], в других о зависимости модальных (эмоционально-экспрессивных) интонационных

значений от частотных характеристик основного тона в его градуальных отношениях [Склярова, 2008]. Акустический анализ с использованием электронных программ Win Cecil for Windows v 2.2, Spektrum Analysis, PRAAT и др. применялся, как правило, с целью подтверждения перцептивных данных предварительного этапа и перевода измерений музыкальной системы (семиступенной парадигмы лада) в измерения ЧОТ для уточнения, например, регистровых границ и величин диапазона в акустических измерениях в Гц. Произведены классификации фонем языка с учетом значений их формантных частот [Алдошина, Приттс, 2014]. Есть попытки исследования элементов речи на стыке лингвистики и математики, в которых авторы рассматривают тональность речевого сигнала на уровне вокальных фонем, выделяя алгоритмы спектрального портрета гласного [Балакирев, Гирич, 2008]. Нас интересует данная категория как системная характеристика тона на *супрасегментном, интонационном уровне языка*, и с этой точки зрения, концепция московского лингвиста Ю. В. Щеки представляется наиболее близкой в трактовании термина «тональность».

Итак, в нашей работе под *тональностью речи* понимается реализация параметрической категории супрасегментного (интонационного) уровня языка, представляющая музыкальную подсистему тона, единицы которой (мелодемы, интономы) соотносимы в перцептивной базе с эталонами музыкального лада. В реализации собственно лингвистической ладовой структуры следует различить тонально-фонологический уровень языка, интонацию как систему данного конкретного языка и уровень индивидуальной фонации говорящего на данном языке. Данный аспект интонации языка еще не получил достаточно широкого теоретического осмысления.

Такие свойства речи говорящего, как изменчивость тона, тональный диапазон, высотный регистр голоса, нисходящие и восходящие глайды и др. [Митрофанова, 2013; Гусев, Сильницкая, 2015], безусловно, отражаются в акустической интонограмме, хотя их показатели, по мнению специалистов, достаточно условны [Кодзасов, Кривнова, 2001; Потапова, 1997]. *Системные* признаки мелодики языка, а именно, *ладотональная* структура, из арсенала выше названных характеристик не выводятся. В отечественном речеведении тональность рассматривается в комплексе с другими компонентами варьирования речевой просодии как социокультурного фактора. Как правило, имеется в виду фоностилевое варьирование речи в зависимости от ситуации, вида дискурса и ряда психологических характеристик участников общения [Фрейдина и др., 2013].

В нашем исследовании применялась методика музыкально-перцептивного анализа, отвечающего положениям психоакустики и психолингвистики: речь, как и пение, создается с помощью сложнейшего музыкального инструмента – голосового аппарата; восприятие речи обеспечивается слуховой системой, выделяющей в акустическом сигнале признаки языка, т.е. осуществляющей лингвистический анализ [Чистович и др., 1976; Алдошина, Приттс, 2006]. Поскольку колебания голосовых связок создают периодический сигнал, то спектр его является гармоническим, из чего следует, что речевые тоны не могут не соотноситься друг с другом своими гармониками [Щека, 1996, XX].

Аналізу были подвергнуты 10 русских и 10 немецких высказываний, вырезанных из естественной спонтанной речи, телевизионных интервью с известными людьми (писателем, ученым). Группу экспертов составили профессиональные музыканты с высшим музыкальным образованием (носители русского языка) в количестве 4 человек. Слух данной категории экспертов – профессиональных музыкантов – с полным правом можно считать анализирующим инструментом: процедура нотирования речевых звучаний есть ничто иное как перевод сигнала в акустические значения музыкальной семиступенной парадигмы в 24-х квантах равномерно темперированного строя (западноевропейской ладовой системы). В отличие от проведенного нами ранее исследования [Петроченко, 2001], группу экспертов составили только музыканты с абсолютным музыкальным слухом, что гарантировало, как мы полагали, получение наиболее точных результатов. В качестве анализируемой единицы служила

межпаузальная группа (отмечена в примерах в квадратных скобках), состоящая из двух ритмических синтагм, или, тактем (термин В.Ю. Щеки 1996), выделенная из спонтанной речи как интонационно законченное высказывание: повествование (ИК-1, по Е.А. Брызгуновой, интонема 1a (Intonem 1a, по Э. Штоку).

Примеры единиц экспериментального корпуса:

/ ээ / судьба / распорядилось так / [*что ты стала / моей невестой*] (ИК-1)

/ пятьдесят семь / [*пятьдесят восемь / эм ка эф*] (ИК-1)

/ между двумя людьми вот такое / [*то / надо расставаться*] (ИК-1)

/ aber, [*es lag und liegt / m im Lebendig sein*] (Intonem 1a)

/ äh, dieses eben / [*Scheitern / das muss man auch lernen*] (Intonem 1a)

/ hängt damit zusammen / [*dass ich als Kind äh / extrem winzig war*] (Intonem 1a)

В эксперименте ставилась задача выяснить, 1) каковы возможности абсолютного музыкального слуха при анализе тонального контура речевой фразы и 2) в чем состоит интерпретация речевой тональности родного и неродного языков. Важным условием для получения объективных данных является учет количественных характеристик тональных уровней в сопоставляемых языках. Имеющиеся некоторые данные о среднем уровне речевого диапазона в русском и немецком языках (например, [Fredrich, 1987; Nebert, 2013]), свидетельствуют о несколько более высоком среднем уровне тона русской речи, а именно, в количественном отношении на 2-3 полутона. В рамках перцептивного анализа мы посчитали возможным принять допущение о совпадении среднего уровня в двух языках. В анализируемых сегментах речи он представлен предкаденционной части фразы, которая может служить точной отсчета, или „базисной зоной“, по Д. А. Шахбаговой [Шахбагова, 1983]. Единица русской речи соотносилась с аналогичной единицей неродной (немецкой) речи в начальной, предкаденционной части по общему среднему тональному уровню в системе традиционного музыкального строя с $a=440$ Гц. Большая сложность при подборе соотносимых пар единиц вызвана особенностью русской мелодической системы: для начальной синтагмы русской фразы характерны широкие положительные (восходящие) и отрицательные (нисходящие) интервалы, что явно отличает ее от немецкой предкаденции с сохранением относительно постоянного высотного уровня [Блохина, 1984]. Экспериментальный материал для перцептивного анализа был составлен таким образом, что для каждой русской единицы имелся соотносимый с ней речевой сегмент немецкой речи. Запись была смонтирована в виде подаваемых сегментов речи и включала 7 шагов-стимулов. Каждый из шагов был ориентирован на определенный этап в анализе музыкальной структуры речевой фразы: анализ речевой фразы как целостной тональной единицы, определение ладовой направленности предкаденционного участка, определение музыкальной формы каданса русской единицы, а затем немецкой фразы.

Как выяснилось в ходе эксперимента, для речевых фраз коммуникативного типа „повествование“ экспертам не требовалось большего количества прослушиваний, чем содержала схема-сеанс. Полученные нотации обнаружили некоторые несовпадения, однако разница в уровневых и интервальных характеристиках не превышала терции. Можно предположить, что отличия связаны с разной специализацией музыкантов. Слух скрипача и слух пианиста, возможно, выделяет в спектре речевого тона разные составляющие (обертоны). Данное предположение, безусловно, нуждается в проверке. В целом же, можно утверждать, что абсолютный музыкальный слух дает более однородную тональную картину контура речевой фразы. Участки, в которых проявились некоторые „разночтения“, пришлось на кадансы немецких фраз. Терминальные интервалы с реализацией дифференциального признака – падение тона голоса до нижней границы речевого диапазона (Lösungstiefe) – не дослушивались до конечной точки. Оказалось, что из-за различий в системах интонации двух языков, перцептивная база упускает признаки, нерелевантные для родного языка. Факт выпадения фонологического признака интонемы

неродного языка их сферы звуковысотных эталонов слуха русского эксперта следует объяснять фонологичностью слуха [Петроченко, 2001].

В целом, данные перцептивного анализа показали, что музыкальный слух является механизмом сегментации речевого высказывания на тоны в составе парадигмы музыкального лада западноевропейской музыкальной культуры. Достаточно высокая степень объективности данных подтверждается общностью целого ряда тональных (звуковысотных) показателей: высотный уровень единицы в акустической системе музыкальной шкалы, форма рисунка мелодического контура единицы, мелодический диапазон. Количественные характеристики интервалов обнаружили незначительные расхождения в 1-3 полутона, отмеченные в интервале затакта некоторых немецких фраз.

Перцептивно-акустический анализ интонационного уровня возможен как сопоставительный, или, контрастный (в нашем случае, рассматривается пара языков русский/немецкий) при очевидном и необходимом условии, когда один язык анализируется на фоне другого, а именно, на фоне родного языка. Условие владения/невладения неродным языком для получения объективных данных представлялось нам не существенным в данном эксперименте, поскольку задача для эксперта-музыканта решается в чисто музыкальном, психоакустическом плане. Согласно мнению об одинаковой природе восприятия любых гармонических сигналов (а речевые тоны являются сложными музыкальными тонами), интерпретация мелодии речи в категориях музыкальной парадигмы имеет объективное научное обоснование. Тональные параметры звучащей фразы могут быть представлены в виде музыкально-акустического «паттерна»: мелодического контура тонов в высотных и динамических отношениях ладового каданса. Существенную информацию могут выявить перекрестные контрастные исследования.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**. 1. К речи применимы дискретные алгоритмы музыки. Механизм музыкального слуха проявляется в выделении в речевом сигнале (мелодическом контуре фразы) квантов, соответствующих дискретным единицам универсальной музыкальной системы. 2. Полученные данные подтверждают наличие ладовой структуры в речевой фразе. Музыкальный слух анализирует, или, измеряет мелодический контур фразы как единство тонов в семиступенной диатонической системе – системе западноевропейского мажороминорного лада. Дифференциальные признаки интоном русского (родного) языка соотносятся с оппозициями ладовых функций. 3. Тональная структура однотипных коммуникативных единиц немецкого (неродного) языка интерпретируется через призму ладовой структуры родного языка, вследствие чего имеет не совпадающие с русскими фразами ладомелодические портреты, что подтверждает ранее полученные данные [Петроченко, 2001]. Тональный контраст двух каденций, русского и немецкого повествования выявляется двояко: а) при сохранении речевой тональности русского языка терминальная каденция неродного языка получает решение *незавершенного* каданса с нисходящим интервалом от тоники к пятой ступени или б) при модуляции в другую тональность. В этом случае можно говорить, что речевая тональность немецкого языка имеет более низкое положение относительно тональности русского языка.

Исследований ладотональной структуры интонации в настоящее время практически нет (за исключением упомянутой работы Ю.В. Щеки). Была осуществлена попытка акустического анализа речевого диапазона на материале русского и немецкого языков [Nebert, 2013], в целом подтвердившая данные аудитивного анализа и регистрации проявления интонационной интерференции [Величкова, 1989; Stock, 1999]. Мы считаем, что высотно-диапазональные различия дают основание для выявления тонального контраста. Отсутствие работ в этом направлении обусловлено объективными трудностями лингвистического и технического планов.

При создании программ анализа речевой просодии возникает целый ряд трудностей, с которыми столкнется экспериментатор. Назовем лишь некоторые: задача

программирования матрицы тональной взаимосвязи интервалов в структурной единице, установление зон допущения, выполнение функции определения релевантных участков интонационной структуры. Следует учитывать разные функции просодии: а) дифференциальные признаки, сигнализирующие коммуникативный тип высказывания, б) признаки с экспрессивной функцией, в) а также ритмико-интонационные матрицы стиля речи. Практическое значение изложенных оснований к исследованию параметра тональности речи говорящего человека заключается в разработке программы акустического анализа интонации на основе комплексного подхода с привлечением системных лингвистических (фонологических, в понимании Э. Штока, Л. Величковой) данных и соответствующего корпуса экспертов – специалистов в области музыкальной акустики и перцептивной фонетики.

Для инструментального исследования речевой тональности, как видится, представляет сложность оперирование *комплексом* тональных категорий: параметром диапазона, средний высотный уровень речевого голоса, мелодический контур, а также динамические и темпоральные характеристики опорных сегментов. Проблема анализа речевой тональности акустическим методом заключается в установлении тональной связи мелодических интервалов. Говоря о связи тонов, мы имеем в виду не связь движения тона с колористической оценкой звучания речи [Склярова, 2008], а соотношенность тонов речевого высказывания в системе лада [Шека, 1996]. Мы разделяем мнение Р.К. Потаповой и В.В. Потапова о том, что разработки данной проблематики задача ближайшего будущего. Назовем лишь часть объективных факторов, которые следует учесть при создании анализирующей программы: вариативность акустических параметров [Потапова, 2016], несовпадение объективных значений высоты основного тона (ЧОТ) и субъективной оценка на уровне восприятия, условность выделения зон стабильности и зон допущения, характеристика индивидуального тембра голоса. Существенным фактором, усложняющим процесс разработки алгоритма, является представление о многоуровневом и нелинейном характере единиц языка, возникшее при изучении механизмов речепорождения и речевосприятия речи.

Литература

1. Алдошина И. А. Музыкальная акустика / И. А. Алдошина, Р. Приттс. – СПб. - Композитор, 2014. – 719 с.
2. Балакирев Н. Е. Основные концепции языка описания алгоритмов анализа естественно-языкового текста / Н. Е. Балакирев, Б. Б. Гириш // Информационные технологии. – 2008. – № 9. – С. 42-47.
3. Блохина Л. П. Интонационный аспект билингвизма (на материале немецкого и русского языков) / Л. П. Блохина // Актуальные вопросы интонации: сб. науч. тр. Ун-та дружбы народов. – М., 1984. – С. 1-96.
4. Величкова Л. В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению / Л. В. Величкова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 198 с.
5. Гусев А. Н. Отражение демонстративности и коммуникативной активности личности в вокальных характеристиках речи / А. Н. Гусев, А. С. Сильницкая // Живое слово: Логос – голос – движение – жест: сб. ст. ин-та языкознания РАН: РАН ; сост., отв. ред. В. В. Фещенко. – М., 2015. – С. 407-426.
6. Кодзасов С. В. Общая фонетика / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 592 с.
7. Митрофанова Е. Н. Функциональная значимость высотно-диапазонных характеристик в английской монологической речи / Е. Н. Митрофанова // Ученые записки.

Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 2 (26). – С. 175-184.

8. Петроченко Е. В. Характеристика интонационных единиц языка по их соотношенности с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков): дис. канд. филол. наук / Е. В. Петроченко. – Воронеж, 2001. – 231 с.

9. Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова. – М.: Радио и связь, 1997. – 528 с.

10. Потапова Р. К. Вариативность акустических параметров звучащей речи / Р. К. Потапова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. – 2016. – Том 1, №740. – С. 137-147.

11. Просодия публичной речи: Монография / Е.Л. Фрейдина, Н. А. Ковпак, Ю. П. Королева и др.; [под ред. Е. Л. Фрейдиной]. – М.: Прометей, 2013. – 224 с.

12. Склярова С. Н. Речевая тональность и мелодика в просодии английского и русского языков / С. Н. Склярова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – Вып. 1 (29). – С. 138 – 146.

13. Физиология речи. Восприятие речи человеком / Л. А. Чистович, А.В. Венцов, М. П. Гранстрем и др.; [под ред. Л. А. Чистович]. – Л.: Наука, 1976. – 385 с.

14. Щека Ю. В. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи / Ю. В. Щека // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5. – С. 57-69.

15. Шахбагова Д. А. О критериях выделения высотных уровней при анализе просодии текста / Д. А. Шахбагова // Сб. науч. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 216. Фонология и интонология. – М., 1983. – С. 89-98.

16. Fredrich, Ruth-Brigitte. Zum Vergleich der „mittleren Sprechstimmlage“ zwischen Deutsch, Ungarisch, Tschechisch, Polnisch und Russisch / Ruth-Brigitte Fredrich // Probleme und sprechwissenschaftliche Methoden der Kommunikationsbefähigung / Stock, Eberhard (Hrsg.). – 1987. – Halle: Kongress- und Tagungsberichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. – S. 66-74.

17. Nebert, A.U. Der Tonhöhenumfang der deutschen und russischen Sprechstimme: Vergleichende Untersuchung zur Sprechstimmlage / Augustin Ulrich Nebert // Hallesche Schriften. – Band 46. / Lutz-Christian Anders et.al. (Hrsg.). – Frankfurt: Peter Lang, 2013. – 291 S.

18. Stock, Eberhard. Deutsche Intonation / Eberhard Stock. – Leipzig: Langenscheidt, 1999. – 144 S.

Петроченко Елена Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета.

E-mail: petrocenko@mail.ru

Petrochenko Elena Viktorovna,

Candidate of Philology, Associate Professor of the German Philology Department, Voronezh State University.

E-mail: petrocenko@mail.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗОН 'ЧИСТЫЙ' И 'ГРЯЗНЫЙ': ТИПОЛОГИЯ ПРЯМЫХ И ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ©

Аннотация: данная статья создана в рамках проекта по созданию Базы многозначных качественных прилагательных и посвящена лексико-типологическому изучению прямых и переносных значений семантических полей «чистый-ясный-прозрачный», а также «грязный-мутный» на материале одиннадцати языков (русского, украинского, английского, немецкого, нидерландского, итальянского, финского, корейского, китайского, грузинского и азербайджанского). Целью работы является типологическое описание систем исследуемых признаков. Для этой цели мы выявляем прототипические ситуации (фреймы), выражаемые интересующими нас словами, и анализируем, как лексемы, представленные в конкретных языках, распределяются между этими фреймами. Эти данные позволяют нам определить параметры, которые могут быть релевантны для лексикализации идей чистоты и грязи в языках мира. Кроме того, в фокусе нашего внимания находятся переносные употребления лексем изучаемых зон: типологический анализ семантических переходов обнаруживает регулярные метонимические и метафорические модели, характерные для прилагательных синонимических рядов 'чистый' и 'грязный'. Результаты данной работы могут быть использованы в последующих лексико-типологических исследованиях, посвященных семантическим полям, смежным с данными.

Ключевые слова: лексическая типология, лексическая семантика, семантический сдвиг, метафора

Adjectives for 'CLEAN' and 'DIRTY': a typology of primary and derivative meanings

Abstract: the paper was created within the framework of the project on creating a database of polysemantic qualitative adjectives. It is devoted to the lexico-typological study of primary and derivative meanings for the semantic fields of "clean-transparent-clear" and "dirty-muddy" on the material of 11 languages (Russian, Ukrainian, English, Italian, German, Dutch, Finnish, Korean, Chinese, Georgian and Azeri). The aim of the survey is to create a typological description of the systems for the languages analyzed in the present study. For this purpose, we identify prototypical situations (frames) expressed by words of our particular interest, and we analyze how the lexemes represented in specific languages are distributed between these frames. These data allow us to determine the parameters that can be relevant for the lexicalization of ideas like cleanness and dirt in different languages. Moreover, the focus of our attention is on the derivative meanings of lexemes of the studied semantic zones: the typological analysis of semantic shifts reveals regular metonymic and metaphorical models that are typical for the adjectives of synonymic rows 'clean' and 'dirty'. The results of this particular work can be used in the following lexico-typological studies devoted to the adjacent semantic fields.

Key words: lexical typology, lexical semantics, semantic shift, metaphor

1. Введение

Лексическая типология представляет собой самостоятельную область лингвистики, занимающуюся изучением сочетаемостного поведения слов в контексте устойчивых для них конструкций. Главной задачей лексической типологии является определение того, как

языки категоризуют определенные понятия (части тела, термины родства, цвета, движения, чувства) с помощью лексических единиц [Рахилина, Резникова, 2013, с. 3].

В данной статье приводятся результаты лексико-типологического исследования, посвященного анализу семантических полей качественных прилагательных со значением 'чистый' и 'грязный', а также изучению смежных указанным семантических зон, а именно 'прозрачный', 'ясный' и 'мутный' на материале одиннадцати языков: русского, украинского, английского, итальянского, немецкого, нидерландского, финского, корейского, китайского, грузинского и азербайджанского (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Лексические единицы исследуемых языков

Русский язык	<i>чистый, прозрачный, ясный, грязный, мутный, непрозрачный, нечистый</i>
Украинский язык	<i>чистий, прозорий, ясний, брудний, кала(мутний), непрозорий, нечистий</i>
Английский язык	<i>clean, pure, clear, transparent, dirty, filthy, unclean, impure, muddy, turbid, opaque, cloudy</i>
Немецкий язык	<i>sauber, rein, klar, durchsichtig, schmutzig, dreckig, trübe, undurchsichtig, unsauber, unrein</i>
Нидерландский язык	<i>schoon, puur, helder, doorzichtig, smerig, vies, vuil, troebel, ondoorzichtig, onrein</i>
Итальянский язык	<i>pulito, puro, limpido, chiaro, trasparente, sporco, lurido, torbido, opaco, impuro</i>
Финский язык	<i>puhdas, kirkas, selkeä, läpinäkyvä, likainen, samea, läpinäkymätönepuhdas</i>
Корейский язык	<i>깨끗한, 순(순수한), 맑은, 투명한, 더러운, 탁한, 불투명, 흐린, 불순한</i>
Китайский язык	<i>干净, 清洁, 洁净, 纯, 透明, 清(澈), 晴, 脏, 污, 浑, 不透明, 不洁</i>
Азербайджанский язык	<i>təmiz, saf, şəffaf, aydın, çirkli, bulanıq, qeyri-şəffaf, natəmiz</i>
Грузинский язык	<i>სუფთა, წმინდა, გამჭვირვალე, კამკამა, ნათელი, ბინძური, ჭუჭყიანი, მღვრიე, გაუმჭვირი, უწმინდური</i>

Семантическое поле 'чистый' в самых разных своих аспектах уже не раз становилось предметом различных исследований, так как концепт «чистоты» играет очень важную роль в религии и во многих культурах, в том числе и в славянской. Так, в настоящее время существует множество работ, посвященных этимологии и семантике слова «чистый»: [Яковлева, 2000; Кондратьева, 2005; Gaupp, 1920], а также сопоставлению распределения лексем семантической зоны 'чистый' в диахроническом аспекте: [Готлан, 2014; Дронова, Готлан, 2013].

Стоит отметить, что семантическая зона 'грязный' изучалась значительно меньше и, в основном, совместно с зоной 'чистый'. В диссертации Н. А. Сергиенко [Сергиенко, 2006] был проведен синхронный анализ семантических зон 'чистый'-'грязный' на материале русского и английского языков на основании словарных данных. Тесная связь признаков 'чистый' и 'грязный' с первой из смежных зон – 'прозрачный'/'мутный' – отмечалась в пилотном типологическом исследовании этих полей [Архангельский, Тагабилева, Холкина, 2011], где они кратко анализировались на материале пяти языков: русского, английского, китайского, новогреческого и восточноармянского. В статье были выделены некоторые параметры для противопоставления лексем среди исследованных языков: для зоны 'чистый' – *отсутствие грязи VS. отсутствие примесей*, для зоны 'прозрачный' – агрегатное состояние вещества: *жидкость или газ VS. твердый объект*, для зоны 'грязный' – степень проявления признака: *негрязный VS. грязный VS. очень грязный* и для

зоны 'мутный' – степень проявления признака: *замутненный* (плохо пропускающий свет) VS. *непропускаемый* (не пропускающий свет).

При типологическом подходе не менее важно зафиксировать модели метафорических и метонимических переносов, повторяющихся от языка к языку. Семантические переходы в русской лексике активно изучаются в исследованиях Г.И. Кустовой [Кустова, 2004], Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1971, 1974].

В типологической перспективе для исследования прямых значений, а также семантических сдвигов обычно применяется *фреймовый подход* к лексической типологии, основанный на опыте Московской лексико-типологической группы (MLexT) (см. подробнее Рахилина 2013). Данный метод опирается на идеи Московской семантической школы (МСШ) (см. подробнее [Апресян, 1974, 1995]), а также на методологию, которая применяется в грамматической типологии. Базой для анализа здесь выступает понятие *фрейма* – сложной системы отношений между участниками ситуации» [Рахилина, Резникова, 2013, с. 12]. На первом этапе фреймы определяются на материале родного языка, в ходе исследования других языков выявленные фреймы корректируются и дополняются, затем на их основе составляется специальная фреймовая анкета, которая предлагается к заполнению носителям различных языков. Отметим, что для прямых и для переносных значений создаются разные опросные формы. Соответствующие анкеты должны включать простые примеры ситуаций, характерных для исследуемых семантических полей. Приведем примеры вопросов из составленных для настоящего исследования анкет:

(1) *This wonderful ring is made of _____ gold.*

(2) *What _____ water in this lake! I cannot see the bottom of it.*

(3) *A _____ heart is usually associated with someone that puts others needs before their own.*

(4) *Thought free from any vices, whether the ego, hatred, pride, envy, greed, anger – it is a _____ thought.*

Стоит отметить, что носителям русского языка были предложены опросные формы на русском, а носителям других языков – на английском. Данные, полученные по результатам анкетирования, а также – при наличии соответствующих ресурсов – проверенные по словарям и корпусам – позволяют впоследствии сравнить значения слов в разных языках и создать типологию систем.

2. Семантические поля «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный»

2.1. Семантические зоны «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный»: прямые значения

Предметом настоящего исследования являются оценочные признаковые слова с прототипической семантикой «наличия или отсутствия грязи на объекте, который может становиться грязным и/или который можно почистить» (*грязная чашка – чистая чашка*). Как следует из этого описания, рассматриваемые прилагательные отражают значение обладания и необладания признаком (или же обладания «отрицательным» признаком): ср. в русском языке – *чистый* «без грязи, пятен или мусора», «без примесей или добавлений», «без облаков на небе»; *грязный* «наличие грязи, пятен или мусора».

Кажется, что имплицитной точкой отсчета для этих прилагательных можно считать полное отсутствие признака: квалификация свойства производится человеком по антонимической шкале «чистый – грязный» с нормой «чистый». Если объект вдруг стал грязным, это воспринимается как отклонение от нормы, на которое нужно указать.

2.1.1. Границы поля

Как видно из ярлыков, которые мы используем для обозначения исследуемых семантических зон («чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный»), предметом нашего изучения, наряду собственно с прилагательными, указывающими на наличие или отсутствие грязи, являются лексемы, относящиеся к двум смежным полям. Это слова, описывающие хорошую или плохую видимость сквозь объект («прозрачный» и

«мутный»), а также идею отсутствия облаков («ясный»). Их включение в исследование обусловлено частотными случаями колексификации этих значений с семантикой наличия или отсутствия грязи (см. подробнее «Случаи лексического совмещения фреймов» ниже).

Необходимо отметить, что при этом мы рассматриваем только лексемы достаточно общей семантики и не включаем в анализ слова с более частным значением, указывающие на то, какой объект загрязняется/не загрязняется и чем именно он загрязняется/ не загрязняется, ср.: *опрятный, вымытый, стерильный, изгвазданный, измазанный, замасленный, замусоренный, чумазый* и так далее.

2.1.2. Структура поля

Важной частью любого лексико-типологического исследования прямых значений качественных признаков является составление единых семантических карт для более наглядного представления устройства внутренней структуры семантических полей в разных языках. В соответствующем исследовании по результатам анализа одиннадцати языков была разработана следующая модель семантической карты (см. Рис. 1-2):

Рисунок 10. Общая семантическая карта «чистый-прозрачный-ясный»

Рисунок 11. Общая семантическая карта «грязный-мутный»

Глядя на представленные выше семантические карты можно заметить, что в семантической зоне 'чистый' имеется два основных смысловых компонента – «без грязи, пятен и мусора» (чистота как результат деятельности человека – внешняя чистота) и «без примесей и добавлений» (чистота как исходное, природное свойство – внутренняя чистота), которые непосредственно связаны с компонентами субполя 'прозрачный' – «то, через что хорошо видно» и субполя 'ясный' – «ясно, солнечно, небо без облаков».

Для семантической зоны 'грязный' основным понятийным компонентом является фрейм «наличие грязи, пятен, мусора», который часто пересекается с фреймом «то, через что плохо видно или совсем не видно». В результате анализа прямых значений на материале одиннадцати языков оказалось, что фрейм «наличие примесей и добавлений» для этой зоны нерелевантен (за исключением фрейма «смешанный цвет»), тем самым две антонимичные зоны не вполне симметричны: поле 'грязный', являясь вторичным по отношению к полю 'чистый', развито меньше.

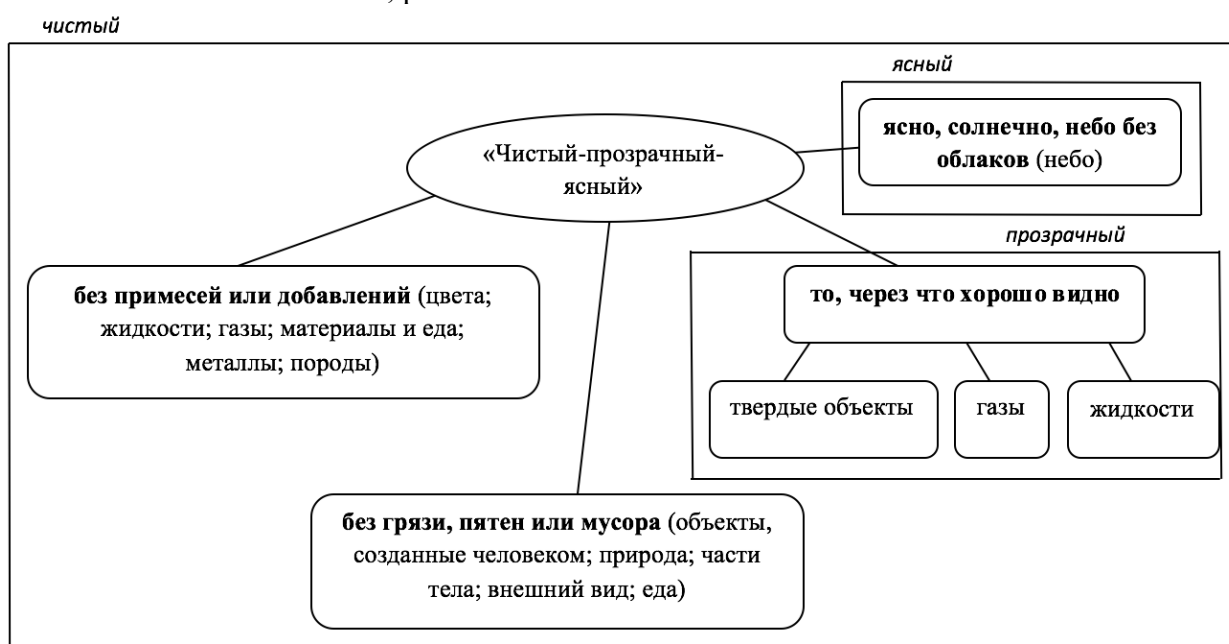

Рисунок 3. Общая семантическая карта «чистый-прозрачный-ясный» (русский язык)

Этот вывод переплетается с другим выводом настоящего исследования, который состоит в том, что для метафорических употреблений релевантными могут оказаться те лексические противопоставления, которые стираются в прямых. Так, в процессе изучения переносных значений (см. раздел про переносные значения ниже) мы столкнулись с отрицательными дериватами для прилагательных с семантикой «отсутствие грязи» и «отсутствие примесей», ср. в английском языке: *clean* 'чистый' / *unclean* 'нечистый', *pure* 'без примесей' / *impure* 'наличие примесей'. Наиболее частотное их употребление заключается в выражении антонимичного переносного значения (связанного с морально-этическими или религиозными нормами) для их положительных коррелятов (*clean* и *pure*), ср. в немецком языке: *sauberer und unsauberer Mensch* 'чистый и нечистый человек', *reines und unreines Tier* 'чистое и нечистое животное'. Однако противопоставление антонимичных признаков «наличие грязи» и «наличие примесей» не будет характерно для прямых значений отрицательных дериватов типа *unclean* и *impure*. Действительно, если вещество (например, вода) содержит что-либо постороннее – грязь или примеси, то человеку неважно, что именно в ней содержится – существенным оказывается только то, что эта вода непригодна для использования. Тем самым в языке здесь отражается антропоцентричный взгляд на объекты действительности, чрезвычайно характерный для разных фрагментов языковой системы.

Мы постарались создать компактный каркас семантических карт, в котором были бы отражены непосредственно фреймы, значимые для лексикализации полей в изученных языках (вместе с тем, мы сохранили все разнообразие микрофреймов для анкеты – на тот случай, если при дальнейшем расширении языковой выборки какие-то из выделенных нами микрофреймов окажутся релевантными для лексического выбора; кроме того, на самой карте мы при каждом фрейме приводим перечень семантических групп существительных, с которыми частотно выступают рассматриваемые прилагательные в соответствующем употреблении). Приведем пример семантической карты для русского языка (см. Рисунок 3-4).

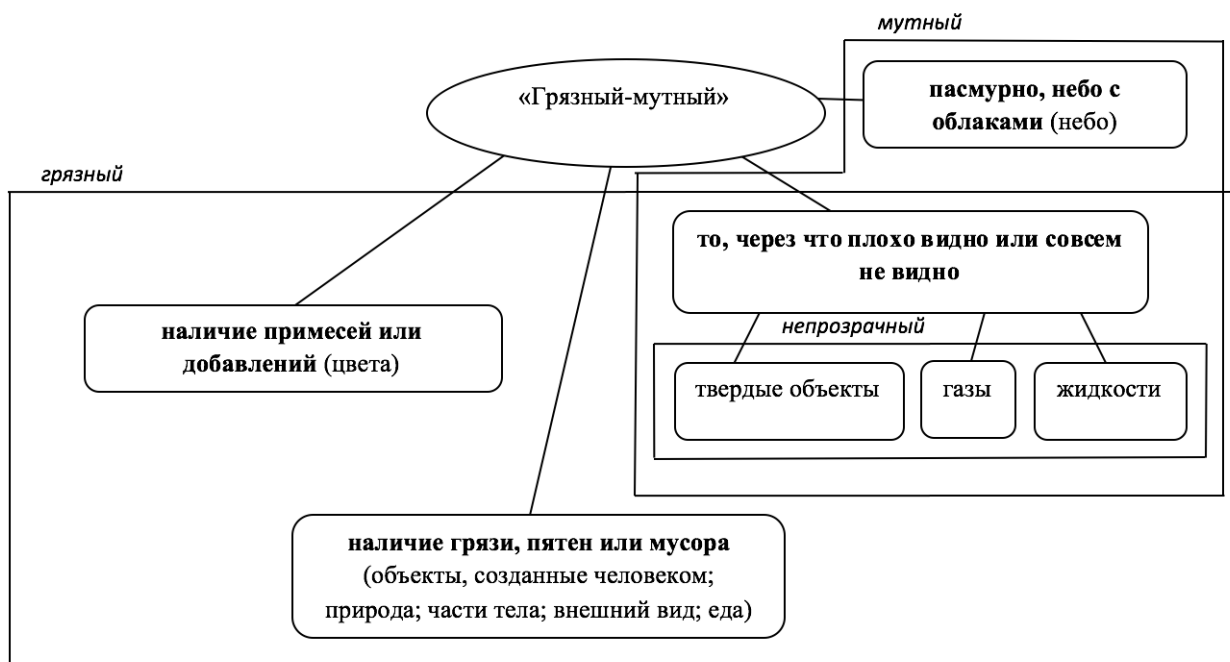

Рисунок 4. Общая семантическая карта «грязный-мутный» (русский язык)

Перечислим все *параметры*, которые оказались значимыми для семантических полей «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный» по результатам анализа данных 11 языков, подтверждая их конкретными языковыми примерами:

1) «без грязи, пятен или мусора» VS. «без примесей и добавлений»

В языках, для которых релевантен этот параметр, используются разные признаковые лексемы в сочетаниях типа ‘чистое полотенце’ и ‘вода без примесей’.

- В зоне «чистый» этот параметр релевантен для китайского (干净gānjìng/清洁qīngjié vs. 纯chún), азербайджанского (təmiz vs. saf), английского (clean vs. pure), немецкого (sauber vs. rein), нидерландского (schoon vs. puur), итальянского (pulito vs. puro), корейского (깨끗한kkaekkeushan vs. ((순수한sunshuhan)순son) языков. Напротив, лексическое противопоставление по этому признаку отсутствует в русском (чистый), украинском (чистий), грузинском (ბავშვობისა), финском (puhdas).

- Для зоны «грязный» этот параметр не релевантен

2) агрегатное состояние вещества

В зоне «прозрачный» могут встречаться разные признаковые лексемы в зависимости от агрегатного состояния вещества [Архангельский, Тагабилева, Холкина, 2011, с. 258]. Однако интересны результаты корпуса Sketch Engine, где для английского языка выдается 1,939 вхождений на запрос *transparent glass* ‘прозрачное стекло’ и 8,929 вхождений на выражение *clear glass* ‘прозрачное стекло’. Похожая «двойная» сочетаемость наблюдается и в других исследованных в нашей работе языках: ср. в

немецком *klar + Glas* ‘прозрачное стекло’ – 981 вхождение, а *durchsichtig + Glas* ‘прозрачное стекло’ – 706 вхождений. Таким образом, были выдвинуты строгие и нестрогие параметры:

- *твердые вещества VS. жидкие и газообразные вещества* (строгий параметр). Лексема, сочетающаяся с твердыми веществами не может сочетаться с жидкими и газообразными веществами и наоборот. Соответствующий параметр релевантен для итальянского (*transparente vs. limpido*) и финского (*läpinäkyvä vs. selkeä*) языков. В других девяти языках нашей выборки данный признак не работает.

- *твердые вещества VS. жидкие, газообразные и твердые вещества* (нестрогий параметр). Лексема, сочетающаяся с жидкими веществами и газами, может употребляться с твердыми объектами, однако существует лексема, которая может сочетаться только с твердыми веществами. Параметр релевантен для английского (*transparent vs. clear*), немецкого (*durchsichtig vs. klar*), нидерландского (*doorzichtig vs. helder*). Однако для всех остальных языков этот параметр не релевантен.

- *жидкие VS. жидкие, газообразные и твердые вещества*. Данный параметр релевантен для китайского языка (*清澈 qīngchè vs. 透明 tòumíng*), грузинского (*კაშკაშა kamkama vs. გამჭვირვალე gamch'virvale*). Напротив, лексическое противопоставление по этому признаку отсутствует во всех других языках.

Признак противопоставления по агрегатному состоянию вещества в семантической зоне «прозрачный» не работает в русском (*прозрачный*), украинском (*прозорий*), корейском (*투명한 tumyeonghan*) и азербайджанском (*şəffaf*) языках.

В зоне «мутный»¹⁸ также могут использоваться различные признаковые лексемы в зависимости от агрегатного состояния вещества:

- *жидкие и газообразные вещества VS. твердые вещества*. Соответствующий параметр релевантен для английского (*turbid vs. opaque*), немецкого (*trübe vs. undurchsichtig*), нидерландского (*troebel vs. ondoorzichtig*), итальянского (*torbido vs. opaco*), финского (*samea vs. läpinäkymätön*), корейского (*탁한 taghan vs. 불투명 bultumyeong*) языков. Параметр не работает во всех других языках.

- *Жидкие VS. газообразные вещества и твердые вещества*. Параметр релевантен для китайского языка (*浑 hún vs. 不透明 bùtòumíng*), грузинского языка (*მღვრიე mghvrie vs. გაუმჭვირობა gaumchviri*), азербайджанского (*bulanıq vs. qeyri-şəffaf*). Напротив, лексическое противопоставление по этому признаку отсутствует во всех других языках.

Признак противопоставления по агрегатному состоянию вещества в семантической зоне «мутный» не работает для русского языка (*мутный*) и украинского языка (*(кала)мутний*).

3) степень проявления признака

- В зоне «грязный» могут различаться три степени проявления признака: нейтральному слову в этом случае противостоят лексема, выражающая недостаточную степень чистоты (низкая степень загрязнения), и лексема, характеризующая объект как неприятно грязный (высокая степень загрязнения), ср. в китайском (*脏 zāng (грязный) vs. 污 wū (сильно грязный)*), нидерландском (*vuil vs. vies (грязный) vs. smerig*) грузинском (*ბობჯობი bindzuri (грязный) vs. ჭუჭყობი ch'uch'q'iani (сильно грязный)*), английском (*dirty (грязный) vs. filthy (сильно грязный)*), в немецком (*schmutzig (грязный) vs. dreckig (сильно грязный)*), в итальянском (*sporco (грязный) vs. lurido (сильно грязный)*).

¹⁸ В данной работе нами было принято решение не рассматривать лексему *матовый*: во-первых, вследствие указания на конкретный состав из-за которого сквозь вещество плохо видно, а, во-вторых, из-за отсутствия в семантике соответствующей лексемы идеи загрязнения

Напротив, лексическое противопоставление по этому признаку отсутствует в русском (*грязный*), украинском (*брудний*), финском (*likainen*), азербайджанском (*çirkli*) и корейском (*더러움 deoleoun*) языках. Интересно, что лексемы высокой степени проявления признака прототипически не используются для указания на плохую видимость сквозь объект. Напротив, для лексем нейтральной степени загрязнения (*грязный, dirty, schmutzig*) такие контексты возможны и прослеживаются во всех языках нашей выборки.

• Признак плохой видимости сквозь объект также может реализовываться в разной степени, что находит отражение в его лексическом кодировании: все языки нашей выборки различают лексемы, описывающие «то, через что плохо видно» и «то, через что совсем не видно», ср. в китайском (*浑 hún vs. 不透明 bùtōumíng*), грузинском (*მღვრივ mghvri vs. გაუმჭვირობა gaumchviri*), английском (*turbid vs. opaque*), итальянском (*torbido vs. opaco*), немецком (*trübe vs. undurchsichtig*), нидерландском (*troebel vs. ondoorzichtig*), финском (*samea vs. läpinäkymätön*), русском (*мутный vs. непрозрачный*), украинском (*(кала)мутний vs. непрозорий*), азербайджанском (*bulanıq vs. qeyri-şəffaf*), корейском (*탁한 taghan vs. 불투명 bultumyeong*)

Рассмотрим теперь на конкретных примерах случаи лексического совмещения фреймов – эти совмещения доказывают правомерность включения зон 'прозрачный/мутный' и 'ясный' в единую семантическую область с признаками 'чистый/грязный'.

Основные модели колексификации в семантической зоне «чистый-прозрачный-ясный»:

1) лексема, главным образом покрывающая фрейм «без грязи пятен и мусора», может покрывать также и фрейм «то, через что хорошо видно»: такая модель совмещения характерна для всех исследованных языков

2) лексема, покрывающая фрейм «без грязи пятен и мусора», может покрывать сразу два других фрейма – «то, через что хорошо видно» и «ясно, солнечно, небо без облаков»: такая модель совмещения встречается во всех языках нашей выборки, кроме грузинского

3) лексема, прототипически указывающая на «видимость» сквозь объект, также покрывает и значение «ясное небо»: подобная модель колексификации работает в китайском (*清澈 qīngchè*), азербайджанском (*şəffaf*), финском (*selkeä*) языках. Однако в данных языках существует отдельная лексема, прототипически покрывающая семантическую зону «ясный» (ср. модель (5) ниже).

4) лексема, основное значение которой состоит в указании на значение «без облаков», может также использоваться при указании на «видимость» сквозь объект: соответствующая модель совмещения характерна для азербайджанского (*aydın*), итальянского (*chiaro*), финского (*kirkas*), корейского (*맑은 malg-eun*) языков.

5) совмещение фреймов «то, через что хорошо видно» и «ясно, солнечно, небо без облаков» в одной лексеме «прозрачный, ясный» для указания на «прозрачность» преимущественно жидких и газообразных веществ, а также для указания на значение «без облаков»: соответствующая модель колексификации фреймов работает в английском языке (*clear*), немецком языке (*klar*), нидерландском языке (*helder*). Отдельной лексемы для указания лишь на один из этих двух признаков в соответствующих языках не наблюдается.

Основные модели колексификации в семантической зоне «грязный-мутный»:

1) лексема, главным образом покрывающая фрейм «наличие грязи пятен и мусора», может покрывать также и фрейм «то, через что плохо видно или совсем не видно»: такая модель совмещения характерна для всех исследованных языков

2) лексема, покрывающая фрейм «то, через что плохо видно или совсем не видно», может покрывать фрейм «пасмурно, небо с облаками»: такая модель совмещения работает в русском (*мутный*), украинском (*(кала)мутний*), немецком (*trübe*), нидерландском языке (*troebel*), грузинском (*ძვზბოჯ mghvrie*)

3) лексема, прототипически указывающая на значение «наличие облаков на небе», также покрывает и значение «видимости» сквозь объект в сочетании с водой: подобная модель совмещения работает в английском (*cloudy*) и корейском языках (*☁/ heulin*). Важно добавить, что при описании системы того или иного языка, лексемы, указывающие на наличие облаков на небе, учитывались в настоящем исследовании только в том случае, если они способны покрывать и какие-либо фреймы в зоне «грязный-мутный».

На основании полученных результатов можно описать *типологию систем*. Для зоны 'чистый' все системы, проанализированные в работе, можно разделить на *доминантные* и *недоминантные*. Системы первого типа включают одно прилагательное, способное покрывать полностью всю зону, в то время как в языке такого типа существуют отдельные лексемы для фреймов «то, через что хорошо видно» и «ясно, солнечно, небо без облаков». Такая ситуация наблюдается в русском, украинском, финском, азербайджанском, грузинском (за исключением фрейма «ясно, солнечно, небо без облаков»). Недоминантные же системы состоят из двух прилагательных, которые «делят» между собой рассматриваемую область («без примесей или добавлений» VS. все остальные фреймы). Такова организация признака в английском, немецком, нидерландском, итальянском, корейском, китайском.

Как было указано выше, для семантической зоны 'грязный' в прямых значениях происходит совмещение фреймов «наличие грязи, пятен или мусора» и «наличие примесей или добавлений» в один фрейм «наличие грязи, пятен или мусора» (NB: микрофрейм «смешанный цвет»). Во многих языках нашей выборки система состоит всего лишь из одной ядерной лексемы, способной покрывать почти все поле (русский, украинский, финский, корейский, азербайджанский), кроме фрейма «пасмурно, небо с облаками», который во всех языках нашей выборки не покрывается ядерной лексемой. В остальных языках наряду с ядерной лексемой встречаются в той или иной степени периферийные лексемы, которые отражают значение «отвращения» или «неприязни» и покрывают фрейм «наличие грязи, пятен или мусора», но не используются в контекстах плохой видимости или в микрофрейме «смешанный цвет» (английский, немецкий, нидерландский, итальянский, китайский, грузинский).

2.2. Семантические зоны «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный»: переносные значения

Ранее мы отмечали, что прилагательное «чистый» и его синонимы в различных языках предполагают наличие некоторой оценки определяемого этим прилагательным объекта. Иными словами, отсутствие грязи, пятен, мусора и примесей – это нормальное состояние объекта, а наличие грязи – это нарушение нормы. Метафорические употребления для данных признаков также будут связаны с различным наполнением идеи нормы и ее нарушения: нарушение морально-этических норм в поведении/поступках человека; нарушение социально-правовых норм; нарушение норм звучания, а также нарушение религиозных норм.

Источником для переноса, как неоднократно отмечалось в исследованиях MLexT, служат фреймы. Для того, чтобы определить фрейм, от которого произошёл тот или иной перенос, необходимо проанализировать и сравнить типологические данные всех языков, обратив внимание прежде всего на *недоминантные лексемы*, которые следуют тем же метафорическим моделям, что и ядерные лексемы. В подобных случаях мы можем указать на конкретный фрейм, отвечающий за ту или иную модель переноса – это будет фрейм, который покрывает соответствующая недоминантная лексема. Далее мы рассмотрим наиболее частотные переносные значения, которые образуются от ранее описанных

фреймов и соответствующие *модели метафорических переходов*, выявленных на нашем языковом материале.

1) *Переходы из фреймов «наличие/отсутствие грязи, пятен или мусора»:*

Семантическую зону «наличие/отсутствие грязи, пятен или мусора» представляет такой класс объектов, как предметы, связанные с бытом человека и с его окружением: *чистый дом, чистая комната, чистая посуда, чистая одежда, чистое полотенце* и т. д.; части тела человека и животного: *чистые руки, чистые волосы, чистые лапы, чистые перья*. Теперь перейдем непосредственно к описанию переносных значений.

Наиболее частотные метафорические переходы в данных фреймах на материале исследованных одиннадцати языков – *физическое свойство лица или предмета* → *нефизическое свойство лица и его поведения* (ср. в груз. *სუფთახელეობა* sup't'a khelebi 'чистые руки (переносное)', в нид. *vuile daad* 'грязный поступок'), а также *физическое свойство лица или предмета* → *характеристика результатов речевой и публикационной деятельности человека* (ср. в укр. *брудні слова* 'грязные слова', в итал. *barzulletta sporca* 'грязная шутка'). Данные переходы основаны на переинтерпретации значения «наличия/отсутствия загрязнения» как «соблюдения/нарушения морально-этических норм». Стоит отметить, что данная модель для семантического поля 'грязный' может реализовывать также более узкое значение «вульгарный, пошлый», ср. в английском языке:

(5) *Get your **dirty hands** off me!* «Убери от меня свои грязные руки!» (<https://www.researchgate.net/>)

Данное сужение значения не происходит в грузинском и азербайджанском языках.

Как видно из описания выше, в соответствующих фреймах описанные модели чаще используются в семантической зоне 'грязный'. Действительно, контексты «духовной» чистоты всего человека или его составляющих обычно производны не от фрейма «без грязи», а от фрейма «без примесей или добавлений» (см. подробнее метафорические переходы в соответствующем разделе).

Другая частотная метафорическая модель *физическое свойство лица или предмета* → *характеристика результата деятельности лица* характерна для семантической зоны 'чистый', где «отсутствие грязи, пятен или мусора» переосмыляется в значение «аккуратно выполненная работа», ср. в нем. *saubere Arbeit* 'чистая работа', в итал. *lavoropulito* 'чистая работа'. Данный переход не встречается в грузинском и нидерландском языках.

Последним частотным метафорическим переносом от данных фреймов является модель *физическое свойство лица или предмета* → *характеристика деятельности человека* (ср. в азерб. *təmiz seçkilər* 'чистые выборы', в кит. *脏的勾当* zàng de gōu dāng 'грязный бизнес'). Значение «наличие/отсутствие грязи, пятен или мусора» в соответствующем переходе переинтерпретируется в значение «деятельность, проводимая с наличием/отсутствием нарушений или обмана».

2) *Переходы из фрейма «без примесей или добавлений»:*

Другим важным фреймом в исследуемых нами семантических полях является фрейм «без примесей или добавлений», характеризующий исходную, природную чистоту объектов. В первую очередь этот фрейм характеризует вещества: *чистое золото, чистый воздух, чистый спирт, чистый шелк*.

Метафорические модели *физическое свойство вещества* → *нефизическое свойство лица* (ср. в азерб. *saf adam* 'чистый человек', в нем. *unreines Herz* 'нечистое сердце') и *физическое свойство вещества* → *свойство эмоций и чувств человека, а также его взаимоотношений с другими людьми* (ср. в англ. *pure love* 'чистая любовь', в нем. *reines Gefühl* 'чистое чувство') связаны с нарушением или соблюдением морально-этических норм, что во фрейме «без примесей или добавлений» тесно переплетается со значением «соблюдение/нарушение религиозных норм», ср. в русском языке:

(6) Только **чистый человек** может быть с Богом. (pavla-petrahram.ru/Articles/Item/6589)

Далее в данном фрейме наблюдается развитие метафоры по модели *физическое свойство вещества* → *свойство голоса или речи* (ср. в итал. *pure stem* ‘чистый голос’, в кит. 纯正的俄语 ‘чистый русский язык’), где происходит перенос со зрительного восприятия на слуховое: «без примесей» – «без посторонних звуков/слов и без артикуляционных дефектов, изъянов или акцента».

Наконец, метафорическая модель *физическое свойство вещества* → *нефизическое свойство абстрактного понятия*. Механизм соответствующего перехода заключается в следующем: абстрактные сущности (*вес, вред, любопытство*) понимаются как физические вещества, а прилагательное *чистый*¹⁹ указывает, что эти сущности представлены без каких-либо «добавлений», которые у них могут быть, ср. в рус. *чистое искусство*, в укр. *чиста випадковість* ‘чистая случайность’, в кор. *순이익* *sun-iig* ‘чистый доход’. В последнем случае *чистый* фактически означает, что имеется только сущность, названная именем, и ничего другого, т.е. *чистый* сближается по своим функциям с ограничительной частицей (ср. в русском *чистый вред* как *только вред*), а оценочное значение утрачивается.

Данная модель создает значение «абсолютный, совершенный, самый настоящий», что впоследствии развивает семантический оттенок значения у соответствующего прилагательного – «очень похожий на кого-либо/что-либо», ср. в китайском:

(7) 这些诗**纯普希金的**. zhè xiē shī chún pǔ xī jīn de ‘Эти стихи – чистый Пушкин’ (<https://bkrs.info/slovo.php?ch=чистый>)

В азербайджанском, корейском и нидерландском языках развитие семантического оттенка «очень похожий на кого-либо/что-либо» не наблюдается.

3) *Переходы из зоны «ясно, солнечно и небо без облаков»:*

Зоны «ясно, солнечно, небо без облаков» характеризуют объекты, связанные с метеорологической тематикой, прототипическим представителем этого класса, естественно, выступает лексема «небо».

Частотные метафорические переходы для данной зоны: *физическое свойство природного объекта* → *характеристика слов и намерений человека* (ср. в англ. *clear hint* ‘ясный намек’, в итал. *chiara dell'espressione* ‘ясное объяснение’), *физическое свойство природного объекта* → *характеристика речи/письма* (ср. в нем. *klare Aussprache* ‘ясное произношение’, в фин. *kirkas tyylі* ‘ясный стиль (письма)’), *физическое свойство природного объекта* → *нефизическое свойство ментального состояния* (ср. в укр. *ясний розум* ‘ясный ум’, в кит. 清醒头脑 *qīngxǐng tóunǎo* ‘ясный ум’). Все эти метафорические сдвиги создаются переходом от четкости зрительного восприятия к четкости ментального восприятия, который подразумевает дополнительное переосмысление – импликацию – исходного значения по ассоциации «видный-понятный», т.е. акцент делается на характеристике содержания (ср. *прозрачный намек* ниже)

4) *Переходы из зоны «то, через что хорошо видно»:*

Фрейм «то, через что хорошо видно» и фрейм «то, через что плохо видно или совсем не видно» характеризуют такие типы объектов, как вещества: жидкости, газы, а также твердые вещества.

Характерные метафорические модели для семантической зоны «то, через что хорошо видно» *физическое свойство вещества* → *характеристика слов и намерений*

¹⁹ Стоит заметить, что данный переход в сочетании с такими типами объектов, как: *вес, выгода, прибыль* и под. во многих языках может покрываться специальными лексемами «нетто» и «брутто» (образованы от итальянского – *netto* ‘чистый’, антоним – *brutto* ‘плохой’), которые используются только в переносных значениях в контекстах торговли и логистики, ср. в английском: *net profit* ‘чистая выгода’ (наряду с *pure profit* ‘чистая выгода’)

человека (ср. в укр. *прозорий натяк* 'прозрачный намек', в итал. *allusione trasparente* 'прозрачный намек'), а также *физическое свойство вещества* → *характеристика деятельности человека* (ср. в груз. *გამჭვირვალე არჩევნები* *gamch'virvale arch'evnebi* 'прозрачные выборы', в кор. *투명한선거* *tumyeonghan seongeo* 'прозрачные выборы'), которые основаны на однотипности хорошей «видимости» сквозь внешнюю форму (слова, намерения, голосования) и сквозь прозрачное стекло. Последняя модель не встречается в китайском и финском языках.

5) *Переходы из зоны «то, через что плохо видно или совсем не видно»:*

Для семантической зоны «мутный» частотны метафорические модели *физическое свойство вещества* → *характеристика взгляда/глаз человека* (ср. в фин. *sameatsilmät* 'мутные глаза', в азерб. *bulanıq gözlər* 'мутные глаза') и *физическое свойство вещества* → *нефизическое свойство ментального состояния* (ср. в нем. *trübe Gedanken* 'мутные мысли', в нид. *troebele gedachten* 'мутные мысли'). В первом случае у человека отсутствует выражения ясности на лице (для китайского языка и нидерландского языков соответствующая модель не характерна), а во втором случае человеку что-то мешает ясно воспринимать окружающую действительность (данный перенос не работает в китайском, азербайджанском, английском и грузинском языках). Здесь опять же переход построен на однотипности зрительного восприятия, только теперь видимость будет размытой как, например, сквозь мутное стекло.

3. Выводы.

В рамках настоящего исследования был проведен комплексный анализ признаков полей «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный» на материале 11 языков: русского, украинского, английского, немецкого, нидерландского, итальянского, финского, корейского, китайского, азербайджанского и грузинского языков.

В результате анализа была доказана непосредственная связь семантических полей «чистый-прозрачный-ясный» и «грязный-мутный». Кроме того, нами были выделены релевантные *параметры* для противопоставления лексем на материале одиннадцати языков, а также описаны *случаи лексического совмещения на верхнем уровне фреймовой структуры*. Все эти результаты позволили нам создать *типологию систем*: все системы можно разделить на *доминантные* и *недоминантные*.

На материале нашей языковой выборки были проанализированы переносные значения и выделены наиболее частотные *метафорические модели*, а также их производные значения. Для семантических зон 'чистый' и 'грязный' наиболее частотны производные значения, связанные с соблюдением или нарушением морально-этических норм в поведении человека. Для семантических зон 'прозрачный' и 'мутный' частотны значения «видный» и «затуманенный», а для зоны 'ясный' - «понятный». Отметим, что семантические зоны «прозрачный» и «мутный» довольно бедны на метафорические переходы в типологической перспективе.

Перспективами данного исследования может служить увеличение языковой выборки. Кажется, что на материале 20-25 языков можно делать уже очень надежные типологические выводы. Кроме того, включение большего количества близких семантических полей ('тусклый', 'светлый' и др.), и, следовательно, лексем для выявления более тонких лексических противопоставлений.

Литература

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности. / Ю. Д. Апресян // М.: Изд-во АН СССР, 1971. – С. 509-523.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. / Ю.Д. Апресян. – М: Изд-во Наука, 1974 – 368 с. (2-е доп. изд.: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М., 1995).

3. Архангельский Т. А. Качественные признаки «чистый», «грязный», «прозрачный», «мутный»: к построению семантической типологии / Т. А. Архангельский, М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 7, ч. 3 – СПб.: Наука, – 2011.
4. Готлан Ю. А. Nichtnursauber, sondernrein. / Ю. А. Готлан // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – No 387. – С. 5-7.
5. Дронова Л. П. Особенности концептуализации представления о чистоте в английском и немецком языках. / Л. П. Дронова, Ю. А. Готлан // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – No 368. – С. 7-10.
6. Кондратьева О. Н. Формирование структуры концепта ЧИСТОТА В древнерусской культуре / О. Н. Кондратьева // Мир в языке. Landau. – 2005. – С. 93–102.
7. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. / Г. И. Кустова – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. – (StudiaPhilologica).
8. Рахилина Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – No 2. – С. 3–31.
9. Рахилина Е. В. О Московской лексико-типологической группе (MLexT) / Е.В. Рахилина // В кн.: Tipologia lexica. Гранада: Jizo Ediciones, 2013. – С. 9-16.
10. Рахилина Е. В. О лексико-семантической типологии / Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007. – С. 9-26.
11. Сергиенко Н. А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификатором «чистый/грязный» и «clean/dirty» (по материалам лексикографии) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н. А. Сергиенко. – Екатеринбург, 2006. – 189 с.
12. Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Яковлева Е. С. // Логический анализ языка: Языки этики, 2000. – 200-215 с.
13. Berlin V., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley, CA: University of California Press, 1969.– 178p.
14. Gaupp O. Zur Geschichte des Wortes «Rein» [Text]: Diss. / Gaupp Otto. – Tübingen: H. Laupp, 1920. – 71 p.
15. Коптјевскаја-Тамм М. Approaching Lexical typology. / Коптјевскаја-Тамм Maria – In: M. Vanhove (ed.) From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 3-52 p.

Печникова Виктория Максимовна,

Бакалавр направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика», Школа лингвистики, НИУ ВШЭ.

E-mail: vika-pechnikova@yandex.ru

Pechnikova Victoria Maximovna,

Bachelor's Program "Fundamental and Computational Linguistics", School of Linguistics, HSE.

E-mail: vika-pechnikova@yandex.ru

УДК 004.822

Е. В. Полицына, С. А. Полицын
(Москва)

РЕАЛИЗАЦИЯ ДВУХУРОВНЕВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТА В ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА©

Аннотация: необходимость обработки больших объемов информации способствует развитию методов автоматизированного анализа текста. В статье предлагается использование двухуровневого семантического представления, которое отражает взаимосвязи в виде модели текста или предметной области: верхний уровень представлен в виде семантической сети, узлами которой являются понятия, нижний – в виде семантической сети, которая строится автоматически на основе загруженного текста, – приводятся алгоритмы получения отображения текста на сеть верхнего уровня и сравнения нескольких семантических представлений.

Ключевые слова: средства автоматизированного анализа текста, семантическое представление, инструменты компьютерной лингвистики, сравнение текстов.

Implementation of the Two-Level Semantic Representation of Text in the Open Automated Text Processing System

Abstract: increased volumes of text information for manual processing caused the need to use automated tools to solve a variety of tasks for a wide range of users. The proposed twolevel semantic representation of text allows combining power of the large marked text corpus with the semantic network obtained for a single text and compare such networks for various texts. This will provides an opportunity to create software tools to solve practical problems, and promotes research in the field of computer linguistics and deploying their results into various applications.

Key words: automated text analysis tools, semantic representation, computer linguistics research utilities, automated text comparison.

Необходимость обработки больших объемов информации, развитие программных и аппаратных средств и попытки создания интеллектуальных систем привели к развитию методов автоматизированного анализа текста. Активные исследования в области искусственного интеллекта, проводимые со второй половины XX века, привели к коммерческому внедрению прикладных интеллектуальных систем в различные сферы общественной жизни. Многие программы наделяются способностями решать различные задачи, которые до недавнего времени оставались исключительной прерогативой человека, облегчая и ускоряя работу с большими объемами информации. Решение задачи «понимания» текста компьютерными системами требует использования особых структур данных для представления текста и операций над ними.

Разработанный авторами комплекс инструментов анализа текстов [Балакирев, Полицына, 2016] включает в себя открытую систему автоматизированного анализа текстов на русском языке [Балакирев, Добрышина, 2010], портал «Автоматизированный анализ текста» [<http://textanalysis.ru>, 2017], набор сервисов и др. приложений. Его использование обеспечивает возможность создания и использования программных инструментов для решения практических задач широкого круга пользователей (филологов, литературоведов, юристов, специалистов по делопроизводству и др.), а также способствует продвижению исследований в области компьютерной лингвистики и внедрению их результатов в прикладные программы.

© Полицына Е. В., Полицын С. А., 2017

Система автоматизированного анализа текстов [Балакирев, Добрышина, 2010] является центральным звеном комплекса инструментов, она постоянно дополняется новыми инструментами, оптимизируются и изменяются существующие алгоритмы и средства обработки. В настоящий момент система оперирует только информацией, извлекаемой из обрабатываемых текстов, что не дает возможности «понимания» смысла.

Для интеллектуального анализа текстов разрабатывается и внедряется в систему база знаний, содержащая как основополагающие знания в самых разных областях, так и оперативно обновляющуюся информацию об окружающем мире, происходящих событиях, новых явлениях, направлениях науки и техники и т.д. Источниками этих знаний являются словари, энциклопедии, разнообразная литература, средства массовой информации, социальные сети и другие веб-ресурсы. Каждый из этих источников позволяет получить разную по своей сути и назначению информацию. Для создания фундаментальной части базы знаний были использованы толковые словари.

В основе базы знаний системы лежит двухуровневое семантическое представление (СП), которое отражает взаимосвязи окружающего мира или отдельных его компонент в виде модели текста или предметной области и позволяет обеспечить фиксацию множественности связей между разными способами выражения смысла понятий [Балакирев, Полицына, 2016].

Нижний уровень СП основывается на оперировании словами и словосочетаниями в том виде, как они используются в текстах для выражения смысла. *Верхний уровень СП*, базируясь на понятиях, должен отражать взаимосвязи окружающего мира, абстрагируясь от их конкретного выражения и опираясь на понятия как главные структурные единицы, т. е. верхний уровень предназначен для представления знаний. *Нижний уровень СП* основан на использовании существующего в системе типа структур данных – семантической сети, которая позволяет хранить информацию о понятиях и различных видах связей между ними. Такая структура была взята за основу для реализации *верхнего уровня СП* и расширена для хранения описаний понятий, источников этих понятий.

Для начала реализации **верхнего уровня СП** необходимо было заложить в систему фундамент базовых знаний, в основу которого была положена информация, полученная из толковых словарей. Это позволяет создать список основных понятий в разных областях, добавить информацию о них и установить некоторые связи между ними. Был разработан программный инструмент для обработки толковых словарей и установления между понятиями ассоциативных, синонимических, антонимических и родовидовых связей [Костичев, Полицына, 2017; Костичев, 2017], с помощью которого были обработаны толковые словари Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, общее количество понятий после обработки – 82425.

Программный инструмент является автономным средством для загрузки, обработки толковых словарей, а также просмотра и редактирования построенной семантической сети.

В нем реализованы алгоритмы установления четырех типов связей, все они являются независимыми, что дает возможность добавления новых алгоритмов по установлению связей других типов, например, на основе выделения ключевых слов из словарных статей, использования дополнительных словарей.

Для установления связей были загружены:

- составной словарь синонимов, включающий в себя объединение нескольких словарей, объемом 1 262 141 рядов слов;
- словарь антонимов М.Р. Львова, объем 10 991 рядов слов;
- ассоциативный словарь Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова, объемом 5 090 рядов слов.

После выполнения алгоритмов построения верхнего уровня СП были получены следующие результаты:

- Количество синонимических связей: 23 356.

- Количество антонимических связей: 2 973.
- Количество ассоциативных связей: 2 820.
- Количество родовидовых связей: 64 422.

Построенный верхний уровень СП реализован в виде автономной базы данных MongoDB, которая обеспечивает высокую скорость работы за счет максимального использования оперативной памяти для работы с данными и может быть расположена на отдельном сервере, чтобы дополнительно не нагружать сервер открытой системы автоматизированной обработки текста.

В результате на основе построенного СП может осуществляться поиск связанных с заданным понятием с учетом глубины связей и их типа. Например, результаты поиска для понятия «вечер» по всем типам связей с глубиной 1 представлены на рис. 1, понятия «брюнет» с глубиной 3 – на рис. 2.

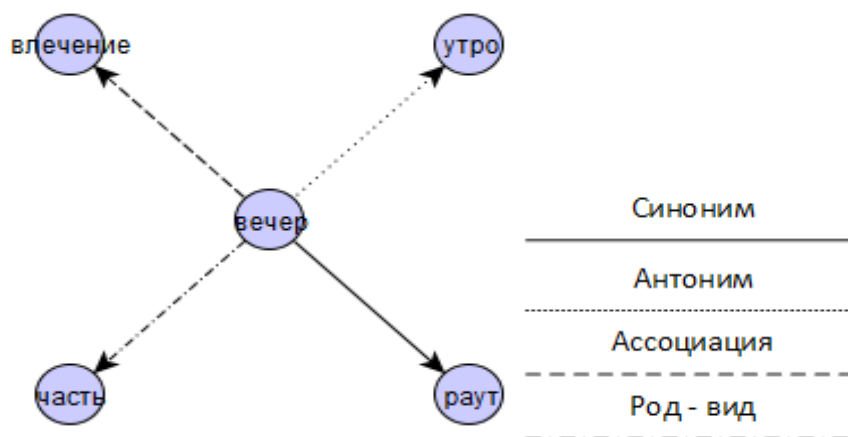

Рисунок 1. Результаты поиска связей для понятия «вечер» с глубиной 1

представления текста, так и для выделения ключевых словосочетаний, краткого выражения «смысла» текста в виде нижнего уровня СП.

Реализация работы с двухуровневым СП в открытой системе автоматизированной обработки текста производится на языке Java, для этого были добавлены структуры данных, представленные на рис. 3. Любая семантическая сеть, являющаяся частью верхнего уровня СП, представляется в виде множества объектов класса *Concept*, в которых содержится само понятие и множества его связей четырех типов, каждый элемент множества является объектом класса *Concept* и аналогично содержит информацию и своих связях с другими понятиями.

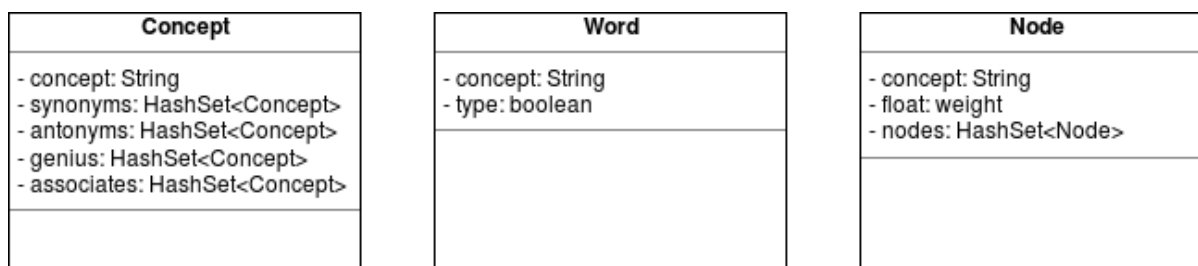

Рисунок 3. UML-диаграмма классов для реализации работы с двухуровневым СП

В результате проведения морфологического и синтаксического анализа текста с помощью разработанных инструментов строится список ключевых слов и словосочетаний в виде множества объектов класса *Word*, в которых содержится само слово/словосочетание и тип, указывающий слово это или словосочетание (*true* – слово, *false* – словосочетание).

После получения множества объектов класса *Word*, строится нижний уровень СП представления исследуемого текста по следующему алгоритму:

1. Задать глубину поиска по верхнему уровню СП (*Level*): глубина поиска определяет, по скольким уровням связей между понятиями верхнего уровня СП будет осуществляться поиск множества ключевых слов/словосочетаний текста.

2. Выбрать типы связей (*Type*), которые необходимо учитывать при поиске.

3. Произвести поиск по верхнему уровню СП для всего множества объектов класса *Word*, относительно него осуществляется рекурсивный поиск без учета повторяющихся вершин сети по всем указанным в п. 2 типам связей остальных объектов множества до тех пор, пока не будет найдено полное или частичное (для словосочетаний) совпадение или не будет достигнуто указанное в п. 1 значение глубины поиска. При этом в сеть нижнего уровня добавляются связанные вершины из верхнего уровня СП с учетом указанного в п.1. значения глубины поиска и точностью неполного совпадения.

4. В зависимости от “дальности” связи, ее типа и полноты совпадения (*Accuracy*) рассчитать вес каждой связи по формуле (1):

$$Weight = \sum_{i=0}^{count} (Type_i * Accuracy_i) / Level \quad (1)$$

где,

Weight – полученный вес связи;

Type - коэффициент типа связи;

Level – “дальность” связи, количество промежуточных узлов между искомыми;

Accuracy – полнота совпадения связи (1 для полного совпадения, 0.5 – для любого неполного),

Count – количество типов связей.

На начальном этапе для экспериментов были приняты следующие значения коэффициентов типов связей: “антоним” – 1, “ассоциация” – 2, “род-вид” – 3, “синоним” –

4. После получения экспериментальных данных по большим объемам текстов, их детального анализа и добавления связей других типов коэффициенты могут быть уточнены.

В результате получается нижний уровень СП текста, представленный в виде множества объектов класса Node. Например, пусть по некоторому тексту были получены ключевые слова и словосочетания: “автобус”, “машина”, “техническое устройство”, сформировано множество объектов класса Word: [{"автобус", true}, {"машина", true}, {"техническое устройство", false}].

На основе верхнего уровня СП, фрагмент которого представлен на рис. 4, с глубиной поиска 2 получено следующее представление нижнего уровня СП (множество объектов класса Node):

[{"автобус", 0, [{"машина", 2}, {"техническое устройство", 1.25}, {"авария", 0.75}, {"автомобиль", 1.5}, {"средство", 0.75}]}, {"машина", 0, [{"автобус", 2}, {"техническое устройство", 1.5}, {"авария", 1}, {"автомобиль", 1.75}]}, {"техническое устройство", 0, [{"автобус", 1.25}, {"машина", 1.5}, {"авария", 1.25}]}].

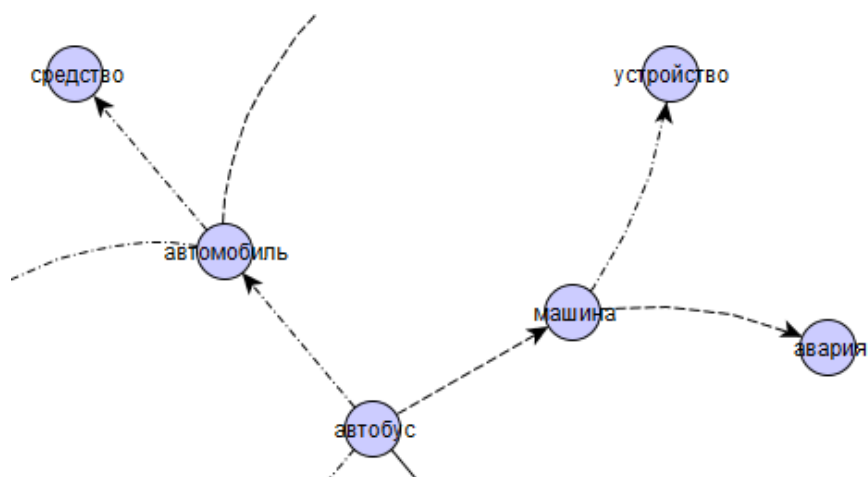

Рисунок 4. Фрагмент верхнего уровня СП

Таким образом, анализируемый текст переводится в СП нижнего уровня, что дает возможность сравнивать тексты на предмет их смысловой схожести.

Для определения близости двух СП нижнего уровня реализуется следующий алгоритм:

1. Определить количество попарных пересечений узлов СП.
2. Составить массив модулей разностей весов узлов СП для выявленных пересечений.
3. Определить модуль получившегося распределения. Чем ближе она к нулю, тем ближе между собой два сравниваемых текста.

Степень близости двух СП нижнего уровня характеризуется двумя численными показателями: процентом пересечения узлов и модой распределения модулей разностей весов общих узлов, – определяющим является процент пересечения.

Таким образом, реализация и использование двухуровневого семантического представления в открытой системе автоматизированного анализа текстов позволит выявлять тексты с одинаковым содержанием, но разным словесным выражением, производить анализ на использование заимствований, осуществлять интеллектуальный поиск, получать информацию по связанным темам, получать более точные результаты классификации, определять принадлежность текстов к смежным предметным областям.

Все это обеспечит возможность накопления знаний и повышения уровня «интеллектуальности» алгоритмов в комплексе инструментов автоматизированного анализа текстов.

Литература:

1. Балакирев Н.Е. Концептуальная модель и структура системы обработки текстовой информации / Н.Е. Балакирев, Е.В. Добрышина // Информационные технологии. – 2010. – № 2. – С. 2-7.
2. Балакирев Н.Е. Подход к созданию комплекса инструментов автоматизированного анализа текстов на русском языке / Н.Е. Балакирев, Е.В. Добрышина // Вестник ВГУ, серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2016. – №2. – С. 98-105.
3. Балакирев Н.Е. Использование двухуровневого семантического представления в открытой системе автоматизированного анализа текстов / Н.Е. Балакирев, Е.В. Добрышина // И74 сборник материалов XVI Международной научно-методической конференции «Информатика: проблемы, методология, технологии». Т. 4. Воронеж: Издательство «Научно-исследовательские публикации», – 2016. – С. 184-189.
4. Костичев Д.А. Разработка алгоритма автоматизированного построения семантической сети на основе толковых словарей / Д.А. Костичев, Е.В. Полицына // И74 Сборник материалов XVII Международной научно-методической конференции «Информатика: проблемы, методология, технологии» в 5 т.. Т. 4. Воронеж: Издательство «Научно-исследовательские публикации» (ООО “Вэлборн”), – 2017. – С. 245-249.
5. Костичев Д.А. Автоматизация установления семантических отношений между понятиями / Д.А. Костичев // Г12 Сборник тезисов докладов XLIII Международной молодежной научной конференции “Гагаринские чтения – 2017”. М: Московский авиационный институт (национальный исследовательский институт), – 2017. – С. 1107-1108.
6. Полицын С.А. Применение маркемного анализа для выделения ключевых слов в комплексе инструментов автоматизированного анализа текстов на русском языке / С.А. Полицын, Е.В. Полицына // Вестник ВГУ, серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2017. – №1. – С. 161-169.
7. Поречный А.С. Разработка метода разрешения неоднозначностей при семантико-синтаксическом анализе текста на естественном языке / А.С. Поречный // Г12 Сборник тезисов докладов XLIII Международной молодежной научной конференции “Гагаринские чтения – 2017”. М: Московский авиационный институт (национальный исследовательский институт), 2017. – С. 1121-1122.
8. Портал “Автоматизированный анализ текста” [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://textanalysis.ru/>, свободный – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 24.08.2017).

*Полицына Екатерина Валерьевна,
кандидат технических наук, доцент кафедры 319, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
e-mail: kathrin.beaver@mail.ru
Politsyna Ekaterina Valerievna,
Candidate of Technology, Associate professor, department 319, National research university
“Moscow aviation institute” (MAI)
e-mail: kathrin.beaver@mail.ru*

*Полицын Сергей Александрович,
старший преподаватель кафедры 319, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
e-mail: pul_forever@mail.ru*
*Politsyn Sergey Aleksandrovich,
Lecturer, department 319, National research university "Moscow aviation institute" (MAI)
e-mail: pul_forever@mail.ru*

УДК 81-2

Д. А. Попова
(Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ МЕНТЕФАКТОВ-ПРОДУКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©

Аннотация: статья посвящена проблеме языковой репрезентации абстрактных сущностей (ментефактов) в английском языке. Рассматриваются особенности семантики и словообразования абстрактных существительных, номинирующих ментефакты-продукты интеллектуальной деятельности человека.

Ключевые слова: ментефакт, номинация, абстрактное имя существительное, категоризация

NOMINATIONAL SPECIFICS OF MENTIFACTS –HUMAN INTELLECTUAL ACTIVITY PRODUCTS – IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract: the paper addresses the problem of language representation of abstract entities namely mentifacts in the English language. Semantic and formal specifics of abstract nouns nominating mentifacts-products of human intellectual activity are considered.

Key words: mentifact, nomination, abstract noun, categorization

Вслед за В.В. Красных мы понимаем ментефакты как содержательные элементы сознания [Красных, 2001, с. 6, 9], которые противопоставлены по своему характеру артефактам, представляющим собой как объекты вещного мира. Ментефакты-продукты интеллектуальной деятельности человека представляют собой объекты идеальной действительности, отражающие результат интеллектуальных изысканий человека.

Ментальная природа подобного ментефакта, являющегося выделенным сознанием объектом, не имеющим вне означивания самостоятельного существования, [Кузикевич, 2008, с. 5-6], обуславливает его объективацию в языке посредством абстрактной лексики, а его восприятие в качестве завершённого фрагмента действительности определяет абстрактное имя существительное в качестве способа языковой репрезентации ментефакта.

Поскольку выявление группы абстрактных существительных в английском языке является сложной лингвистической проблемой, учеными были предложены разнообразные критерии, на основании которых осуществлялось определение степени абстрактности или конкретности того или иного существительного. Среди них –

формальный, семантический, синтаксический критерии, а также некоторые комплексные основания выделения группы абстрактных существительных, объединяющие в себе в различном соотношении вышеуказанные критерии.

В рамках же данной статьи мы сфокусируемся на семантических и словообразовательных особенностях имен ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности.

Для выделения группы имен ментефактов в английском языке на основе соответствующих рубрик электронных версий тезаурусов «Roget Thesaurus Online» и «Merriam Webster Thesaurus online» были составлены списки имен ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности. Критерием отбора соответствующих лексических единиц (далее – ЛЕ) является наличие в семантике каждой из них компонента «финальная стадия интеллектуальной деятельности человека, завершающаяся созданием определенного продукта» [Рубинштейн, 2002, с. 286]. Дефиниции таких ЛЕ, приведенные в толковых словарях английского языка «Oxford Dictionary online», «Collins Cobuild Dictionary online», «Longman Dictionary online» позволили уточнить составленные списки, и в результате в состав выделенной группы имен ментефактов вошла 81 ЛЕ (например, *idea, theory, conception, argument, hypothesis* и др.).

Количественный анализ 54733 англоязычных контекстов употреблений имен ментефактов, извлеченных методом сплошной выборки из Британского национального корпуса английского языка (BNC), а также использование методов математической лингвистики выявили, что из всего количества абстрактных существительных, номинирующих ментефакты-продукты интеллектуальной деятельности, востребованными в корпусе оказались лишь 73.

Так, отсутствие употреблений в необходимом нам значении продукта интеллектуальной деятельности человека в корпусе абстрактных существительных *program, fundamental* и *intellection* выводит их из материала нашего анализа.

Для оставшихся ЛЕ, опираясь на метод В.В. Левицкого [Левицкий, 2012, с. 163], суть которого заключается в том, что величина ошибки выборки в лингвистических исследованиях не должна превышать 33%, мы воспользовались предложенной В.В. Левицким формулой определения относительной ошибки выборки 95%:

$$\delta = \frac{Z_p}{\sqrt{Np}}, (1)$$

где Z_p – константа, которая для 5% уровня значимости равна 1,96; N – объем выборки; p – относительная частота употребления единиц анализа.

В результате вычислений по формуле (1) получаем, что величина относительной ошибки выборки для еще 5 имен ментефактов – *cogitation, contrivance, explication, surmise, verity* – превышает установленную для достоверности отметку в 33%, что также выводит их из круга нашего исследования.

Итак, выделенная группа английских имен ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности организована по семантическому критерию, при этом ядерным значением является «результат интеллектуальной деятельности человека».

На семантической периферии данной группы абстрактных существительных расположены следующие семантические компоненты, присутствующие в значении имени того или иного ментефакта-продукта интеллектуальной деятельности человека:

- «отвлечение от частных» (*abstraction, induction, theory*),
- «вывод в речь» (*answer, description, explanation, interpretation*),
- «существование в качестве основы для деятельности или другого ментефакта» (*argument, basis, criterion, design, dogma, hypothesis, maxim, plan, precept, premise, rule, scheme, solution*),
- «необязательность доказательности при наличии уверенности субъекта в истинности ментефакта» (*assertion, belief, conviction, dogma, opinion, persuasion, speculation, stance, tenet*),

- «необходимость дальнейших доказательств истинности ментефакта» (*hypothesis, proposal, proposition, speculation, supposition, thesis*),
- «оценка» (*attitude, opinion, outlook, perspective, sentiment, stance, stand, standpoint, understanding, view, viewpoint*),
- «общеизвестность» (*axiom, canon, opinion, premise*),
- «отражение в ментефакте группы характеристик» (*argument, concept*),
- «доказательность и выводимость отраженного в ментефакте знания» (*conclusion, deduction, diagnosis, finding, induction, inference, law, science, theorem, theory, verdict*),
- «формальность» (*credo, definition, dictum, formula, law, sentence, theorem*),
- «совокупность нескольких ментефактов» (*conception, creed, doctrine, ideology, law, scheme, science, system, theory*),
- «детализированность» (*plan, strategy*).

По словообразовательному критерию группа анализируемых абстрактных существительных характеризуется наличием ЛЕ двух типов: непрямых и производных.

Семантика продуктов интеллектуальной деятельности непрямых абстрактных существительных, по данным словарей, восходит к их преимущественно латинскому (например, *maxim, science*), греческому (*thesis, criterion*) или французскому происхождению (*sentiment, conception*) и сохраняется в ЛЕ современного английского языка.

Особенностью имен ментефактов, заимствованных из французского языка, является схожесть их формы с существующими в английском языке словообразовательными моделями (ср. пары производных и непрямых английских абстрактных существительных: *assertion* и *definition, inference* и *sentence, argument* и *sentiment*). Однако словообразовательный анализ, синхронно показывающий ЛЕ на фоне ее родственных слов в одном языке в тот или иной период его развития [Шанский, 1959], позволяет выявить словообразовательную структуру подобных номинирующих ментефакты абстрактных существительных.

Так, например, английская ЛЕ *sentence* является заимствованием из старофранцузского языка ЛЕ с аналогичной формой и значением «суждение, решение» [Online Etymology Dictionary], которое сохранилось и в значении английской ЛЕ. Схожее же с ней по форме имя ментефакта-продукта интеллектуальной деятельности *inference* является производным от глагола *infer*, который пришел в английский язык из латинского (*inferre* – вносить, заносить (Там же)). Соответственно, можно сделать вывод о непрямости в английском языке имени ментефакта *sentence* и производности ЛЕ *inference*.

Группа производных имен ментефактов, более разнородна по своему составу и формируется ЛЕ нескольких типов: образованными конверсивным или аффиксальным способом от глаголов, обозначающих какой-либо интеллектуальный процесс, а также путем сложения глагольных и именных основ, сращением глагольной основы с постпозитивом и чередованием звуков.

В основе конверсии таких имен ментефактов, как, например, *answer, design*, лежит отношение «процесс-результат», что позволяет ограничить процессуальную семантику производного глагола интеллектуальной деятельности рамками его завершающей фазы создания определенного продукта, который номинируется подобными абстрактными существительными: *I am practising hard to try to find the answer and I am playing in several events in the next few weeks and hope it comes right* (BNC CH3). *Whether by accident or design, Husbands and Wives contains uncanny echoes of the real events that were being played out in the lives of the cast as it was made* (BNC CH2).

Такое же ограничение глагольной семантики интеллектуального процесса именованьем его финальной стадии и ее результата наблюдается и у девербативов, образованных посредством аффиксации по следующим словообразовательным моделям, где V – производящий глагол, а N – производное АС, номинирующее ментефакт:

– (V + ion)N: **abstraction, assertion**: *Neil Kinnock has offered an elusive maybe. With the polls now pointing to a Labour minority government, the question of PR can no longer be treated as an academic **abstraction*** (BNC AJ6).

– (V + tion)N: **assumption, deduction**: *The long-held **assumption** that beef producers are today breeding better and more productive cattle and that farm management is of the highest order, received a setback yesterday at a seminar for veterinarians organised by Edinburgh University's veterinary faculty* (BNC K56).

– (V + ment)N: **argument, judgment**: *But the Board now asks the general assembly to look again at this part of our remit and to form a **judgment** about where this work should be most effectively done in future* (BNC A56).

– (V + ence)N: **inference**: *In that case Lord Westbury L.C. in construing an Act had regard to its Parliamentary history and drew an **inference** as to Parliament's intention in passing the legislation from the making of an amendment striking out certain words* (BNC FE1).

– (V + pt)N: **concept, precept**: *Hence sociologists of the police (and of crime and deviance generally) were first among those researchers who led the revision of the **concept** of bureaucracy (beginning with Bittner 1965)* (BNC A5Y).

– (V + al)N: **proposal**: *M Rocard's 'big bang' **proposal** has received a positive response from most socialist leaders, left-wing voters (73 per cent approved of the idea), and ecologist supporters (62 per cent approved), while several leading communist dissidents have expressed a cautious interest* (BNC K56).

– (V + is)N: **diagnosis**: *Sharpe, now hoping to put his nightmare behind him, told how he froze when doctors gave him their devastating **diagnosis*** (BNC CH3).

ЛЕ типа **assumption, inference, judgment**, представляют собой гибридные девербативы, которые, по убеждению О.К. Ирисхановой, потенциально способны осуществлять доступ к различным референтам и через глагольный, и через предметный способы описания ситуации и ее участников [Ирисханова, 2004, с.140].

Действительно, рассматривая интеллектуальную деятельность, невозможно не отметить ее многокомпонентный характер. М.М. Мишина выделяет когнитивный, мотивационный, эмоциональный, регулятивный и результативный компоненты интеллектуальной деятельности личности, подчеркивая наличие меж- и внутрикомпонентных связей, определяющих степень их интегрированности, содержание структурной организации, уровни и типологию интеллектуальной деятельности [Мишина, 2014, с. 10]. Комплексность структуры интеллектуальной деятельности находит отражение в мотивирующей базе ЛЕ, номинирующих ее компоненты. Особенностью гибридных девербативов является способность мотивирующей базы реализовывать в словообразовательных процессах любой компонент репрезентируемой ею концептуальной структуры [Харитончик, 2015, с. 234].

Так, например, ЛЕ **description** может обозначать процесс описания чего-либо в предложении: *They argue that segmentation at distinct levels of **description** is bound to be an errorful process given the highly parallel encoding of information in the acoustic waveform* (BNC). Однако она также может номинировать и результат подобного процесса описания – готовый, законченный продукт, например: *What I have offered up to this point, however, is only a partial **description** and explanation of the mutual, unconscious relatedness between workers and managers* (BNC).

Аналогичное явление наблюдаем при рассмотрении употребления ЛЕ **judgment**, которая имеет две зоны референции: результат интеллектуального процесса и интеллектуальная способность человека к формированию верных решений, рассудительность. Семантическая организация данной ЛЕ иллюстрирует мнение о том, что интеллектуальная деятельность, выступая сущностной основой создания интеллектуального продукта, несет в себе еще два важных аспекта: в ее процессе воспроизводится персонифицированный интеллектуальный капитал и интеллектуальное развитие личности [Абдурахимов онлайн, с. 44]. Так, в предложении: *After the way Mark*

*Robins has exposed Alex Ferguson's lack of **judgment** by shooting Norwich to the top of the Premier League, the Old Trafford boss will never dare risk a repeat with Webb* (BNC CH3), абстрактное имя существительное *judgment* номинирует способность человека (Алекса Фергюсона) принимать взвешенные решения. В следующем предложении: *The way in which it is proposed to structure the rules regulating take-over bids simply reflects a **judgment** about how far acquiring companies should, through the mechanism of the take-over bid, be given the opportunity of dislodging the managers of the target company* (BNC EB2), ЛЕ *judgment* служит для номинации продукта целенаправленной интеллектуальной деятельности человека.

Два имени ментефактов – *standpoint, viewpoint* – образованы путем сложения глагольной основы с производной семантикой интеллектуальной деятельности и именной основы с семантикой положения в пространстве по модели (V + N)N, придавая таким образом интеллектуальной деятельности локализованность, выражаемую в компрессии ее результатов в определенном продукте: *From a practical **standpoint** we are suffering from some jail overcrowding problems here and certainly this was one option to take an offender who doesn't really belong behind iron bars and punish them at home* (BNC KRM).

Абстрактное существительное *belief*, образованное посредством чередования звуков от глагола мыслительной операции *believe*, также реферирует к финальной стадии процесса верования, выражающейся в создании определенной установки или свода установок: *At 25 she is just about half his age, but she's happy to go along with his old-fashioned – some would say chauvinistic – **belief** that a wife's place is in the kitchen* (BNC CH5).

Наконец, абстрактное существительное *outlook* было образовано путем сращения глагола с послелогом, сопровождаемого переменной позиции послелога, по аналогичному основанию отношения «процесс – результат» между исходной и производной единицами: *I've wanted to win every game I have ever played in and I will never change that **outlook*** (BNC CH7).

Таким образом, в группе абстрактных существительных, номинирующих ментефакты-продукты интеллектуальной деятельности человека, наблюдается общность результативной семантики интеллектуальной деятельности образующих ее единиц. При этом семантический компонент результата может либо входить в ядро значения абстрактных существительных, как в случае непроемких имен ментефактов, так и являться импликационалом значения абстрактных существительных в случае гибридных девербативов, которые способны реферировать как к процессу интеллектуальной деятельности, так и к его результату в зависимости от лингвокреативной интенции субъекта.

Литература

1. Абдурахимов К. А. Психологические особенности интеллектуальной деятельности / К. А. Абдурахимов // Проблемы современного образования, 2015. – №3. – С. 41–47. – Режим доступа: http://www.pmedu.ru/res/2015_3_5.pdf
2. Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена / О. К. Ирисханова. – М. : Издательство ВТИИ, 2004. – 352 с.
3. Красных В. В. Точки над и или многоточие? (к вопросу о современной научной парадигме) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М.: «МАКС-Пресс», 2001. – Вып. 16. – С. 5-12.
4. Кузикевич Г.П. Категориальная организация абстрактных имен существительных (на примере качественных имен) / Г. П. Кузикевич // Вопросы когнитивной лингвистики. №2 (015). 2008. – С. 5-18.
5. Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике / В. В. Левицкий. – Винница: Нова книга, 2007. – 264 с.

6. Мишина М. М. Специфика интеллектуальной деятельности личности / М.М. Мишина // Вестник МГОУ : Серия «Психологические науки». – М.: Издательство МГОУ, 2014. – Вып. 1. – С. 6-12.

7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т / С. Л. Рубинштейн. – Т. 1. – М. : Педагогика, 2002. – 488 с.

8. Харитончик З. А. В поисках сущности имен. Избранное : сб. науч. ст. / З.А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2015. – 252 с.

9. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 246 с.

Лексикографические источники

10. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.com/roget/>

11. Collins Thesaurus. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/english-thesaurus>

12. Webster's Thesaurus. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/thesaurus>

13. Oxford Dictionary online. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>

14. Collins Dictionary online. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/search>

15. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>

Источники примеров

16. British National Corpus of the English Language. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

*Попова Дарья Александровна,
преподаватель кафедры английской филологии Воронежского государственного
университета.*

E-mail: imjustdarcy@gmail.com

*Popova Daria Aleksandrovna,
lecturer, Department of English Philology, Voronezh State University.*

E-mail: imjustdarcy@gmail.com

УДК 81.32

Т. Г. Попова
(Москва)

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ©**

Аннотация: в статье рассматриваются методологические основы научно-технического текста. Определяется состав стереотипных операторов методологического контекста. Выявляются функции методологического контекста. Все это позволяет рассматривать коммуникативную структуру научного текста как многомерное, объемное образование.

Ключевые слова: методологический аспект, онтологическое содержание, эпистемическая ситуация, операторы, новое знание.

METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXT

Abstract: the manuscript elaborates on methodological basis of scientific-technical text. Stereotype operators of methodological context are defined. Functions of methodological context are considered. All this allows us to consider the communicative structure of scientific texts as multi-dimensional and comprehensive.

Key words: methodological aspect, ontologic content, epistemic situation, operators, new knowledge.

Междисциплинарный подход к научно-техническому тексту, как объекту исследования, обусловил необходимость учета достижений в области теории познания, теории аргументации, психологии, науковедения, социолингвистики, а также достижений функциональной стилистики, лингвистики текста, теории дискурса и теории жанрологии.

Изучение научно-технического текста как сложной коммуникативной единицы, воплощающей соответствующую «эпистемическую ситуацию» [Баженова, 2001], как совокупность определенных предметно-логических смыслов, является одной из важнейших проблем современной лингвистической науки.

В статье рассматриваются методологические основы научно-технического текста. Текст представлен как сложно организованная политекстуальная система. Определяется состав операторов методологического контекста. Выявляются функции методологического контекста.

Интеграция нового знания, старого знания и прецедентного знания в политекстуальную структуру является универсальным построением научного текста. В структурном плане этот принцип детерминируется чередованием старого и нового знания как важнейшего интертекстуального механизма развертывания научного текста [Данилевская, 2009].

Старое знание и прецедентное знание, входящие в состав смысловой структуры текста, репрезентируют преемственность, диалогичность и интертекстуальность познавательной деятельности, они формируют когнитивный фон, «встраивают» новое знание в систему старого научного знания.

Контекст нового знания и методологический контекст занимают высший уровень в политекстуальной иерархии [Попова, Руднева, 2014], являются важнейшими компонентами композиционно-смысловой структуры научного текста, без которых невозможно его существование.

Развертывание нового знания детерминируется основными этапами научно-познавательной деятельности, включающими экспликацию проблемной ситуации, формулирование идеи и гипотезы, аргументацию, констатацию вывода. Данное содержание этапов познавательной деятельности выявляет своеобразный сюжет научно-технического текста.

Целеустановка методологического контекста связана с представлением способов получения, обоснования и развития нового знания. Денотат содержит методологию и механизмы познавательной деятельности. Способ представления является дискретным, эксплицирующим познавательные действия и средства, направленные на решение проблемы; в основном на пространстве контекста нового знания.

Методология науки – это учение о принципах построения, формах и способах научного познания. Методологический аспект эпистемической ситуации характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития, обоснования и интерпретации научного знания. Как отмечает Е.А. Баженова, если онтологический аспект связан со знанием о мире, то содержание методологического аспекта заключается в «знании о знании» [Баженова, 2001, с. 93].

Методологический аспект эпистемической ситуации характеризуется иерархической организацией, в которой высший уровень занимает философская методология как теория всеобщего, ориентированная на создание единой картины мира. Второй уровень включает общенаучную методологию, которая объединяет методы, принципы и формы исследования в различных областях науки. К третьему уровню относится специально-научная методология – совокупность исследовательских процедур, применяемых в конкретной отрасли знания. Четвертый уровень методологии представлен конкретными методиками исследования, используемыми для решения познавательных задач определенного типа.

Методологический контекст представляет собой дискретную речевую структуру, объединяющую разноуровневые единицы, которые в контексте научного произведения репрезентируют содержание методологического аспекта эпистемической ситуации.

Анализ конкретного материала показывает, что описание содержания того или иного субтекста неизбежно требует расчленения целостной структуры текстовой ткани, поскольку в реальном контексте произведения контексты взаимодействуют и переплетаются.

Контекст нового знания теснейшим образом связан с методологическим контекстом, назначение которого – сознательная категориальная концептуализация предмета и метода исследования, экспликация перспективы и парадигмы изучения объекта и принципов изложения. Дискретный по форме текстуализации методологический контекст своими единицами инкрустирует весь текст, обеспечивая представление содержащейся в нем информации именно как научного знания и репрезентируя методы, способы и пути получения, развития и обоснования нового знания.

Состав стереотипных операторов методологического контекста включает существительные – научно-философские понятия, являющиеся исходным пунктом для различных наук: *materia, sustancia, forma, regularidad, continuidad, deducción, inducción, elemento, sistema, norma, objeto, objetivo*. Состав стереотипных операторов методологического контекста включает существительные, которые означают базовые научно-технические понятия: *investigación, ciencia, estudio, clasificación, práctica, análisis, hipótesis, principio, aspecto, tarea, resultado, idea, concepto, noción, realización, efecto, experiencia, resultado, problema, función, materiales, métodos, objetivo, objeto, período, estructura, tema, característica, teoría, condición, desarrollo, operación, distribución, relación, criterio, espacio, tabla, fuentes, tiempo, diseño, dirección, producción, instalación, descripción, clasificación, carácter, existencia, resumen, etc.*

Состав стереотипных операторов методологического контекста включает глаголы и их синтаксические дериваты, обозначающие ментальные действия субъекта по отношению к предмету исследования: *analizar (hacer el análisis), estudiar (realizar el estudio), investigar (hacer la investigación), describir (presentar la descripción), definir (definición), desarrollar (desarrollo), precisar (precisión)* и др.; атрибутивные словосочетания методологического характера: *análisis complejo, características funcionales, los rasgos principales* и др.

Научно-техническая деятельность – это социальная деятельность, основной целью которой является получение новых знаний, изложение полученных результатов и передача новых знаний в форме этих результатов в письменном или устном виде в соответствии с конкретной ситуацией. Исходя из этих предпосылок, можно выделить следующие тематические группы:

– глаголы, которые воздействуют на объект исследования. К этой группе относятся такие глаголы, как *afectar, construir, transformar, cambiar, inventar, investigar, etc.*;

– глаголы абстрактного характера, которые используются субъектом действия, то есть, те, которые выражают ментальные акты субъекта. К ним относятся *analizar, considerar, estimar, pensar, creer, resolver, suponer, imaginar, concebir, prever, etc.*, они выражают состояние или характеристику субъекта;

– глаголы, которые выражают действия или состояния, связанные с объектом исследования: *depender, existir, resultar, servir, divergir, etc.*, они выражают характеристики и состояния объекта.

К соотношению «субъект – процесс – объект» добавляется еще один компонент, связанный с представлением результатов исследования и средствами передачи полученной информации. Представление результатов исследования выражается глаголами: *dirigir, comunicar, describir, definir, expresar, reportar, etc.* Средства передачи полученной информации представлены глаголами *registrar, ejemplificar, simbolizar, citar, etc.*

Эти же группы общенаучной лексики представлены и разрядами существительных. Воздействие на объект исследования выражают существительные *elaboración, aplicación, distribución, investigación, clasificación, logros, etc.*

Состояние или характеристика субъекта – существительные *actitud, consideración, estimación, pensamiento, resolución, solución, suposición, duda, etc.*

Характеристики или состояния объекта выражают существительные *rasgos, nivel, dependencia, existencia, complejidad, excepción, problema, proceso, etc.*

Представление результатов исследования обозначают существительные *descripción, explicación, presentación, recomendación, conclusión, etc.*

Средства передачи полученной информации – существительные *artículo, cita, resumen, reseña, tabla, ilustración, símbolo, etc.*

Анализ существительных, связанных с активным воздействием на объект (*elaboración, aplicación, distribución, investigación, clasificación, logros, etc.*), показывает, что они зачастую выражают процесс или действие (*investigar – investigación*), в то время как существительные, выражающие состояния, часто утрачивают отглагольные черты (*concebir – concepción*). Что касается характеристик или состояний объекта (*rasgos, nivel, dependencia, existencia, complejidad, excepción, adaptación, problema, proceso*), то эти существительные выражают не действие, а качество, состояние или признаки и взаимодействуют с прилагательными.

Состав стереотипных операторов методологического контекста нередко существует в сочетании со средствами побуждения, выражающими модальные значения необходимости, важности, предпочтительности той или иной познавательной процедуры. Так, наиболее распространенным средством текстуализации императивных отношений, актуальных для формулировки проблемы исследования, являются безличные инфинитивные конструкции с глаголами речи и мысли: *es necesario, hay que, es importante, es imprescindible, cabe señalar, decir, enfatizar, tener en cuenta* и др. На этапе изложения гипотезы типичными речевыми актуализаторами методологического контекста являются конструкции с гипотетической модальностью, такие, как *se supone, es posible, es probable* и др.:

«Como es de esperarse en un relleno sanitario a cielo abierto siempre se llevarán a cabo procesos aerobios y anaerobios de descomposición de la materia contenida» (Ingeniería. Ciencias Ambientales, № 38, 1998, p. 20).

Методологический контекст выполняет важную коммуникативную функцию: его операторы, инкрустирующие всю текстовую ткань, выполняют роль своеобразных смысловых вех на пути от незнания к знанию. Эта функция методологического контекста становится особенно актуальной для речевого выражения эвристического этапа доказательства гипотезы, требующего экспликации приемов и стратегии аргументации, объяснений, процедур обоснования понятий и способов их развития.

В научном тексте этой цели служат стереотипные речевые маркеры – прежде всего глаголы, обозначающие ментальные действия, союзы и их аналоги, выражающие причинные, следственные, уступительные, целевые, условные, сопоставительные, пояснительные, противопоставительные, градационные отношения между компонентами субтекста нового знания: *ya que, por tanto, al mismo tiempo, sin embargo, al contrario, aunque и др.* Для экспликации причинно-следственных связей используются логические маркеры *ya que, puesto que, porque, pues, puesto que, dado que, etc.*

Испанские исследователи Кабальеро и Ларраури [Caballero y Larrauri Maite, 1996, p. 24] выделяют следующие маркеры: причина: *porque, pues, puesto que, dado que, ya que, por el hecho de que, en virtud de;*

уверенность: *es evidente, es idudable, nadie puede ignorar, es incuestionable, de hecho, en realidad, está claro;*

условие: *si, con tal que, cuando, en el caso de que, según, a menos que, siempre que, mientras, a no ser que;*

следствие: *luego, entonces, por esto, de manera que, de donde se sigue, así que, por lo tanto, de suerte que, por consiguiente, de ello resulta que, en efecto;*

противопоставление: *pero, aunque, contrariamente, en cambio, no obstante, ahora bien, por el contrario, sin embargo, mientras que.*

Для доказательства, функционирующего в научных текстах, характерна особая, жесткая связность изложения, подчеркивающая логическую взаимозависимость всех его компонентов.

Таким образом, методологический контекст, формируя метакогнитивную оболочку онтологического содержания, придает информации текста легитимный статус научного знания, репрезентирует методы его получения, развития и обоснования, членит научное содержание на кванты смысла, обеспечивая композиционно-смысловую упорядоченность произведения [Баженова, 2001, с. 33]. Основными компонентами контекста методологического знания являются: категоризация форм получаемого знания; репрезентация методов, способов, приемов, средств решения проблемы; экспликация различных типов мыслительных и экспериментальных действий в процессе познавательной деятельности.

Контекст нового знания и методологический контекст занимают высший уровень в политекстуальной иерархии, являются важнейшими компонентами композиционно-смысловой структуры научного дискурса.

Выводы

Таким образом, методологический контекст, формируя метакогнитивную оболочку онтологического содержания, придает информации текста статус научного знания, репрезентирует методы его получения, развития и обоснования, членит научное содержание на кванты смысла, обеспечивая композиционно-смысловую упорядоченность произведения. Основными компонентами контекста методологического знания являются: категоризация форм получаемого знания; репрезентация методов, способов, приемов, средств решения проблемы; экспликация различных типов мыслительных и экспериментальных действий в процессе познавательной деятельности.

Литература

1. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. / Е. А. Ю Баженова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 269 с.
2. Данилевская Н.В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода. / Н.В. Данилевская // Вестник Пермского ун-та Серия Российская и зарубежная филология, – 2009, вып. 3.
3. Попова Т.Г. Научно-технический текст в современном ракурсе : монография / Т.Г. Попова, М. А. Руднева. – Германия: Palmarium Academic Publishing, 2014. – 246 с.

4. Caballero Francisco y Larrauri Maite. El análisis de textos filosóficos / Francisco Caballero y Maite Larrauri // Textos de Didáctica de la Lengua y de la Literatura, 1996, №8. – pp. 17-26.

5. Ingeniería. Ciencias Ambientales, 1998, № 38. – P. 20.

Попова Таусия Георгиевна

доктор филологических наук, профессор, Российский Университет Дружбы Народов

e-mail taisapo@ mail.ru

тел. +7 9160395023

Popova Taissia.Georgievna.

Doctor of Philology, Professor, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail taisapo@ mail.ru

tel. +7 9160395023

УДК. 811.1/8

А. С. Поречный

(Москва)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОИСКА ПОНЯТИЙ С ПОМОЩЬЮ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ИЗ ТЕКСТА©

Аннотация: рассматривается использование понятий как основной смысловой единицы текста. Описываются способы автоматического выделения понятий из текста. Проверяются гипотезы, позволяющие выделять понятия из множества словосочетаний и предлагается алгоритм, с помощью которого реализуется подход к выделению словосочетаний из текста на русском языке с применением правил, но без применения эталонных словарей. Описывается реализация данного алгоритма в инструменте SPN (Search Possible Notions). Приводится оценка работы инструмента и ее результаты.

Ключевые слова: выделение словосочетаний, выделение понятий, обработка естественного языка, семантико-синтаксический анализ, семантический анализ, синтаксический анализ, неоднозначность слова.

Implementation Of The Search For Notions By Selecting Word Combinations From Text

Abstract: the use the notions is considered as the main semantic units of the text. The article describes methods of automatic extraction of concepts from a text. Several methods of distinguishing concepts out of a set of word combinations are suggested. The algorithm uses the selection of word combinations from a Russian language text is based on several rules, but does not use reference dictionaries. The program implementation of this algorithm in the tool named SPN (Search Possible Notions) is described. The evaluation of the work of the tool and the performance evaluation on various types of text are provided.

Key words: extraction of word combinations and phrases, extraction of concepts, natural language processing (NLP), semantic-syntactic analysis, semantic analysis, syntactic analysis, word ambiguity.

При обработке естественного языка (Natural Language Processing, NLP) решается множество различных задач: распознавание звучащей речи и синтез речи по тексту, распознавание входного текста, разработка системы «вопрос-ответ» (Question Answering), извлечение фактов и знаний (Data Mining, Information Extraction / Retrieval), машинный перевод и др.

При решении задач обработки естественного языка применяются различные методы, которые принято разделять на несколько этапов анализа: *графематический, морфологический, синтаксический, семантический, прагматический* [Митина, Евдокименко, 2010, с. 29, 34-35], а также применяются совместно с ними или же отдельно *статистические методы* анализа [Аверьянов, 2009].

На данный момент первые три этапа освоены достаточно хорошо и содержат несколько различных методик, моделей, систем и инструментов. А вот семантический этап анализа тесно связан с синтаксическим, поэтому следует их рассматривать совместно [Белоногов, 2008]. Семантико-синтаксический анализ, есть смысловой анализ – анализ, позволяющий выделять из предложения смысловую часть. Данный анализ необходим не только для дальнейшего развития искусственного интеллекта (ИИ), но и для создания методов установления авторства, корректного перевода на различные естественные языки и т. д. Но несмотря на важность и востребованность на данный момент семантико-синтаксический анализ остается окончательно нерешенной задачей.

При обработке текстов используются разные «смысловые» единицы, их можно разделить на две группы [Белоногов, 2008]:

1. Морфема, слово.
2. Понятие, предложение, сверхфразовые единицы.

Стоит заметить, что первая группа является не самой удачной, т.к. морфемы слишком абстрактные единицы смысла и не сводятся или не полностью сводятся к смыслу самого слова. Однако и слова имеют высокую степень абстракции, из-за этого наблюдаются такие явления как омонимия, омография и т.д., то есть возникает неоднозначность слова, устранить которую возможно только имея контекст, в котором находится это слово.

Одним из подходов, устраняющих такую неоднозначность слова, является подход, в котором за основу берется вторая группа основных единиц частей речи, а в частности *понятия* (отдельные слова, устойчивые фразеологические словосочетания (идиомы) и словосочетания, появляющиеся с определенной частотой и состоящие из последовательности от двух до десяти слов) [Аверьянов, 2009; Белоногов, 2002, с. 26-32; Белоногов, Хорошилов Ал-др, Хорошилов Ал-сей, 2005, с. 21-29]. Таким образом, минимальная смысловая единица получается более полной, что позволяет более точно и правильно определять смысл текста, а значит результаты семантического этапа анализа текста становятся более полными и более соответствующими восприятию текста человеком

Следовательно, чтобы воспользоваться данным подходом необходимо иметь словари понятий. На данный момент такие словари существуют, однако они быстро устаревают, т.к. естественный язык не является статическим объектом и все время развивается. Существует несколько подходов к автоматическому выделению понятий, но такие подходы используют концептуальный анализ с контролем по эталонным словарям или с контролем по эталонным синтагмам, что практически исключает возможность выделение новых понятий. Также составлять и поддерживать их вручную практически невыполнимая задача, поэтому необходимо автоматизировать процесс поиска новых понятий.

Стоит обратить внимание, что любое понятие является словом или словосочетанием, однако не любое словосочетание является понятием. Следовательно, необходимо научиться отделять кандидатов на понятие от «обычных» словосочетаний. Для этого можно воспользоваться статистикой, а в частности *гипотезой №1*, которая предполагает, что «наиболее часто встречаемые словосочетания в большой выборке текстов, написанных человеком на естественном языке, могут являться понятиями» [Аверьянов, 2009; Белоногов, Кузнецов, Новоселов, 1984]. Данная гипотеза была получена на основе исследований, проведенных под руководством Г.Г. Белоногова, и подтверждается результатами исследований, проведенных в начале 2000-х при участии А. А. Хорошилова, А.П. Новоселова и М.В. Козачука [Аверьянов, 2009, Белоногов, 2002, с. 26-32; Белоногов, Хорошилов Ал-др, Хорошилов Ал-сей, 2005, с. 21-29].

Следовательно, чтобы составить частотные словари словосочетаний необходимо автоматически выделять словосочетания из предложений.

Для решения этой задачи был разработан инструмент по выделению словосочетаний из предложений на русском языке – Search Possible Notions (SPN). Кроме того, SPN позволяет составлять словники словосочетаний-кандидатов понятия по анализируемому тесту.

SPN основан на *гипотезе №2*, которую высказал Г.Г. Белоногов: «одинаковым последовательностям символов классов слов соответствуют одинаковые синтаксические структуры» [Белоногов, 2008].

Данная гипотеза применяется в системе машинного перевода RETRANS [Белоногов, Зеленков, Кузнецов, Новоселов, Хорошилов Ал-др, Хорошилов Ал-сей, 1993, с. 16-21; Белоногов, Зеленков, Кузнецов, Новоселов, Пащенко, Хорошилов Ал-др, Хорошилов Ал-сей, 1993, с. 20-27] для устранения неоднозначности слова. Так, имея структуры микротекстов (слово +5 слов слева и +5 справа и их характеристики такие, как окончания, грамматический класс и т.д.), система способна с 99% точностью устранить неоднозначность слова, находящегося в центре структуры. Такой высокий процент устранения неоднозначности подтверждает *гипотезу №2*.

Стоит обратить внимание, что в SPN *гипотеза №2* применяется не только в фильтре, который уменьшает количество неоднозначности слова, но и для поиска связей между словами в предложении, причем она применяется с точки зрения алгоритмического подхода, а не декларативного, т.е. используются не структуры, количество которых может быть безмерно большим и разрастаться в геометрической прогрессии, а в SPN используется набор правил, которых на данный момент всего 14. Данные правила сформированы на основе результатов исследований ВИНТИ под руководством Г.Г. Белоногова, правила были расширены и доработаны. Часть правил приведена в таблице 1. В правилах установлена максимальная удаленность зависимого слова от главного. Такое ограничение сделано на основании того, что в 88% случаях пара «главное-зависимое» отдалённых друг от друга на 2-4 слова в зависимости от части речи главного слова [Белоногов, 2008].

Таблица 1

Правила установления связей между зависимыми и главными словами

№	Класс главного слова	Класс зависимого слова	Правило	Отдаленность	
				слева	справа
1	Существительное, отглагольное существительное	Существительное, отглагольное существительное	Зависимое в род. падежу или главное в дат. или твор. падеже, а зависимое не в им. падеже.	нет	2
2	Безличный глагол	Существительное	Зависимое не в им. падеже	4	4
3	Предлог	Существительное	Совпадение по падежу	нет	∞

4	Безличные	Существительные	Зависимое не в им. падеже	4	4
Примечание: в случае если ни одно из правил не подошло и слово не является глаголом или существительным, то ему автоматически назначается право стоящего опорного слова					

Вкупе с правилами в SPN используется идея о том, что предложения строятся на определенном «скелете», т.е. на *опорных* словах, таких как существительные, отглагольные существительные, глаголы и т.д., а остальные их описывают и дополняют, такие как полные прилагательные, наречия, числительные и т.д. [Белоногов, 2008]. Данная идея позволяет отойти от привычной модели построения предложения, когда главных членов предложения может быть не более двух, что позволяет сузить область влияния опорных слов, тем самым уменьшить количество неверно установленных связей. Набор последовательных слов, окруженных союзами или знаками препинания и обязательно содержащий *опорное слово* является *опорным оборотом*, по своей сути, *опорный оборот* – это микропредложение в составе предложения. При таком подходе сложное или осложнённое причастием (деепричастием) предложение не ставится на один уровень с простым предложением, состоящим из одного опорного оборота, а рассматривается как набор опорных оборотов.

Помимо этого, в инструменте SPN применяется фильтр устранения неоднозначности слова. Фильтр основан на том, что слово в предложении с однозначной словоформой или однозначной частью речи определяет множество возможных синтаксических структур (следствие из *гипотезы №2*), которые в свою очередь формируют подмножество возможных частей речи, которые могут быть употреблены с исходным словом, причем такая частота и такие слова имеют большую степень появления в предложении. Далее с применением правил идет сопоставление частей речи из полученного подмножества с частями речи словоформ неоднозначного слова. В случае совпадения у неоднозначного слова точно определяется или словоформа, или ее часть речи в данном предложении. Например, «солнце село за село». Слово «солнце» имеет две словоформы, но часть речи однозначно существительное, а «село» имеет три словоформы – два в роле существительного с им. или твор. падежом и одна в роли глагола. Т.к. по правилам, приведенном в таблице 1, существительное может управлять справа стоящим существительным, только если последнее в родительном падеже или главное в дательном или творительном падеже. Однако, таких комбинаций нет, значит первое «село» не является существительным, в тоже время оно в роли глагола согласуется со словом «солнце» по роду, следовательно, «солнце» однозначно определило словоформу первого слова «село». Аналогично, однозначный предлог «за» определяет словоформу второго слова «село», т.к. по правилам после предлога должно быть существительное согласованное с предлогом по падежу, а также предлог может управлять только существительным, а не глаголом, что исключает словоформу глагола.

Таким образом, благодаря применению фильтра можно устранить неоднозначность слов, в первом случае до однозначной части речи, во втором до однозначной словоформы. Такой фильтр не требует словарей, но необходимы правила для верного сопоставления частей речи, причем эти же правила используются для поиска связей между словами. В таблице 2 приведены оценки качества устранения неоднозначности слов в анализируемых текстах. Анализ производится по трем стилям текста: художественный, научный и публицистический.

Таблица 2

Результаты оценки качества автоматического устранения неоднозначности слов

№	Стиль текста	Количество проанализированных предложений, шт.	Количество неоднозначных слов до фильтра, шт.	Количество неоднозначных слов после фильтра*, шт.	Процент устранения неоднозначности, %
1	Художественный	4646	13268	8776	33,8
2	Научный	2639	6764	3139	53,6
3	Публицистический	2347	8324	3885	53,3

* Количество не устранённой или не верно устранённой неоднозначности слов после работы фильтра

Как видно из результатов, фильтр хорошо справляется со своей задачей на научных и публицистических текстах, это обусловлено тем, что в научном и публицистическом тексте имеются более простые конструкции и связанные слова стоят близко друг другу, а в художественном иначе: в нем распространены сложные конструкции, поэтому связанные слова могут находиться на больших расстояниях.

Помимо оценки качества работы фильтра, была проведена оценка качества автоматического определения связей между словами в предложениях.

Для определения качества установления связей между словами в предложении выбирались случайные предложения из художественного, научного и публицистического текста, далее сравнивался ручной и автоматический анализ предложений. Результаты сравнения приведены в таблице 3.

Сравнение результатов автоматического и ручного анализа показало, что в зависимости от стиля текста качество установления связей разное, это так же обуславливается особенностями стилей текста.

Таблица 3

Результаты оценки качества автоматического определения связи между словами в предложении

№	Стиль текста	Количество проанализированных, предложений, шт.	Количество связей в предложениях (ручной анализ), шт.	Количество ошибочных связей (автоматический анализ), шт.	Процент верно установленных связей, %
1	Художественный	150	3101	1836	60,2
2	Научный	150	1732	470	72,9
3	Публицистический	150	3089	647	79,1

Исходя из полученных результатов оценки качества работы инструмента, можно сделать вывод, что SPN справляется с задачей по выделению словосочетаний. На основании этого, можно составить статистику частоты употребления словосочетаний в анализируемых текстах. Длина словосочетаний может колебаться от 2 до 10 слов [Белоногов, 2008].

Для улучшения качества выделения словосочетаний и качества устранения неоднозначности слов может быть расширен набор правил, например, путем добавления правил, основанных на моделях управления словами для некоторых частей речи: имен существительных, отглагольных существительных, глаголов и т.д. [Розенталь, 1986].

Помимо оценки качества выделения словосочетаний была проведена оценка времени работы инструмента. Результаты приведены на рис. 1. Из результатов видно, что

в зависимости от стиля текста скорость обработки опорного оборота различна, однако в пределах одного стиля текста скорость постоянна.

Рисунок 1. Зависимость времени обработки опорного оборота от стиля и количество опорных оборотов в тексте.

После проведения оценки качества работы инструмента SPN, было проведено исследование по поиску словосочетаний-кандидатов на понятие. В таблицах 4-7 представлены конечные результаты работы SPN (первые 17 самых встречаемых словосочетаний-кандидатов). Анализ проводился на текстах научной книги Г.Г. Белоногова «Теоретические проблемы информатики», том 2, выпускной квалификационной работы А.Н. Алтухова на тему «Разработка системы управления и маршрутизации запросов в веб – приложениях», тезисов А. С. Поречного на тему «Разработка метода разрешения неоднозначностей при семантико-синтаксическом анализе текста на естественном языке» и художественной книги И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», том 1, объем проанализированных предложений 2 639 шт., 377 шт., 22 шт., 20 000 шт. соответственно. Ход движения от главного к зависимому идет слева на право, слова представлены в начальной форме, а не той, в которой они встречались в предложениях.

Таблица 4

Результат анализа научной книги

№	Частота в анализируемом тексте	Словосочетание
1	130	наименование понятие
2	95	перевод машинный
3	79	язык естественный
4	71	анализ морфологический
5	61	словарь частотный
6	51	обработка автоматический
7	50	сеть нейронный
8	49	единица лексический
9	48	анализ концептуальный
10	47	форма слово
11	46	анализ синтаксический
12	45	словарь эталонный
13	43	эквивалент переводной

14	40	класс флективный
15	39	эквивалент переводный
16	38	поиск информация
17	38	информация текстовой

Таблица 5

Результат анализа выпускной квалификационной работы

№	Частота в анализируемом тексте	Словосочетание
1	61	система маршрутизация
2	52	запрос пользовательский
3	40	маршрутизация запрос
4	24	обработка запрос
5	22	ресурс информационный
6	17	результат работа
7	13	обеспечение программный
8	12	система управление
9	12	система диспетчеризация
10	12	распознавание логический
11	12	метод при запрос
12	12	метод при запрос пользовательский
13	11	маршрутизация в веб
14	10	работа система
15	10	маршрутизация приложение
16	9	совпадение по маска
17	9	совпадение точный

Таблица 6

Результат анализа тезиса

№	Частота в анализируемом тексте	Словосочетание
1	8	слово неоднозначный
2	3	анализ текст
3	3	разработка метод
4	3	язык естественный
5	2	анализ синтаксический
6	2	разрешение неоднозначность
7	2	взаимодействие между человек
8	2	процесс взаимодействие
9	2	процесс взаимодействие между человек
10	2	тонкость в процесс
11	2	тонкость в процесс взаимодействие
12	2	тонкость в процесс взаимодействие между человек
13	2	тонкость ея*
14	2	тонкость использование
15	2	обеспечивать ея*
16	2	обеспечивать реализация
17	2	обеспечивать реализация процесс

* ЕЯ – естественный язык, сокращение, которое применяется автор текста

Таблица 7

Результат анализа художественной книги

№	Частота в анализируемом тексте	Словосочетание
1	75	часть большой

2	41	друг друг
3	37	надежда добрый
4	35	нужда нет
5	30	тома в число
6	30	крайний по мера
7	30	крайний по мера
8	27	том в число
9	26	лодка японский
10	25	молодая человек
11	24	раз два
12	24	отец аввакум
13	20	сторона оба
14	19	ветер свежий
15	19	ветер попутный
16	19	сомнение нет
17	18	тысяча верста

В таблице 8 приведены результаты анализа других текстов, ввиду того, что список словосочетаний-кандидатов доходит более 1 000 штук, в таблице приведены словосочетания, которые находятся на 1-3, 10, 55, 150, 600 месте по частоте встречаемости в тесте.

Таблица 8

Результаты работы инструмента SPN различных текстов

Название анализируемого текста	№ словосочетания	Словосочетание в начальной форме	Абсолютная частота встречаемости, шт.	Относительная частота встречаемости в предложениях
Балакирев, Н.Е., Полицына, Е.В., «Язык сценариев как инструмент аналитической обработки в открытой системе автоматизированного анализа текста», Вестник ВГУ, 2013 г., 136 предложений.	1	анализ текст	25	0,1838
	2	язык сценарий	17	0,1250
	3	слово ключевой	14	0,1029
	10	обработка текст	8	0,0588
	55	университет российский	3	0,1875
	150	система базовый	2	0,0160
Мирзаханян Р.М., «Исследование и реализация алгоритмов анализа тональности текста на русском языке», ВКР (НИУ МАИ), 2017 г., 367 предложений.	1	тональность текст	77	0,2098
	2	анализ текст	22	0,0600
	3	выборка обучать	19	0,0518
	10	ресурс электронный	13	0,0354
	55	русский язык	6	0,0163
	150	перевод текст	4	0,0109
	600	поле текстовой	2	0,0054
Альтаи Айяд Дханнун, Ю.,	1	служащий государственный	12	0,0574

«Обязанности и права государственного служащего по законодательству республики Ирак», Вестник ВГУ, 2017 г., 209 предложений.	2	служба гражданский	11	0,0526
	3	продвижение по служба	10	0,0478
	10	отпуск неоплачиваемый	7	0,0335
	55	закон иракский	3	0,0144
	150	оклад минимальный	2	0,0096
Евдокимова, И.С., «Естественно-языковые системы курс лекций», 2006 г., 1609 предложений.	1	ея система	100	0,0622
	2	область проблемный	60	0,0373
	3	язык естественный	57	0,0354
	10	граф зависимость	23	0,0143
	55	связь синтаксический	10	0,0062
	150	запрос к база	6	0,0037
	600	вершина дерево зависимость	3	0,0019
Попов, Э. В., Фомины х, И. Б., Кисель, Е. В., Шапот, М. Д., «Статические и динамические экспертные системы», 1996 г., 4 459 предложений.	1	система экспертный	192	0,0431
	2	область предметный	77	0,0173
	3	среда проблемный	69	0,0155
	10	иерархия класс	43	0,0096
	55	объектный ориентировать подход	22	0,0049
	600	прямая переход к элемент конкретный	6	0,0013
Валгина, Н. С., Розенталь, Д. Э., Фомина, М. И. Современный русский язык: Учебник 2002 г., 8 219 предложений.	1	имя существительное	249	0,0303
	2	часть придаточный	177	0,0215
	3	русский язык	155	0,0189
	10	предложение сложноподчиненный	100	0,0122
	55	предложение бессоюзный	36	0,0044
	150	глагол переходной	18	0,0022
	600	русский литературный	7	0,0009
Булгаков, М.А.,	1	Никанор Иван	72	0,0117

«Мастер и Маргарита», 1937 г., 6 155 предложений.	2	Маргарет Николай	32	0,0052
	3	Маргарита Николай	29	0,0047
	10	Прасковья Фёдор	14	0,0023
	55	сын сукин	7	0,0011
	150	глаз бойкий	4	0,0007
	600	действующий лицо	2	0,0003
Толстой, Л.Н., «Анна Каренина», 1877 г., 12468 предложений.	1	Алексей Александр	165	0,0132
	2	Алексей Александрович	165	0,0132
	3	Сергей Иван	112	0,0090
	10	Агафья Михайл	30	0,0024
	55	человек добрый	13	0,0010
	150	брат старший	7	0,0005
	600	ночь короткий	4	0,0003

На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы:

1. Словосочетания-кандидаты на понятия встречаются чаще, чем словосочетания, точно не являющиеся понятием. Это особенно хорошо видно по таблице 4 («морфологический анализ», «естественный язык», «словоформа») и по таблице 5 («запрос пользователя», «информационные ресурс», «программное обеспечение»), а также в таблице 8 по первым трем по частоте встречаемости словосочетаниям в тексте видно, что наиболее встречаемыми словосочетания могут выступать кандидатами на понятие.

2. Устойчивые словосочетания реже встречаются в художественном тексте: из 20 тыс. предложений наиболее встречаемое словосочетание «большая часть» встретилось всего лишь 75 раз, при этом очевидно, что оно не является понятием, а также из таблицы 8 видно, что самые встречаемые словосочетания являются именами собственными, причем относительная частота по отношению к количеству предложений очень мала.

3. Результаты, представленные по таблице 6, 7 и 8 позволяют сделать вывод о том, что лучше всего выделяются словосочетания-кандидаты в небольшом или узконаправленном (специализированном, научном) тексте, в отличие от анализа художественного текста. Это обусловлено, тем, что в научных статьях и книгах используют тематические термины, понятия, присутствуют устойчивые фразеологизмы, текст направлен на передачу идеи, описание объекта качественными характеристиками, а в художественном – описание чувств, ощущений, а также объект рассматривается с нескольких сторон для этого используются различные признаки данного объекта, поэтому он может описываться синонимическими словосочетаниями.

4. Полученные результаты подтверждают *гипотезу №1*. Т.е. анализируя текст и сопоставляя по нему частотные словари словосочетаний можно составить словари понятий, что позволит сузить словари словосочетаний до словосочетаний-кандидатов на понятие.

5. Данный подход позволяет находить новые понятия.

6. Разработанный инструмент SPN можно использовать для получения словосочетаний-кандидатов на понятия, а также получать наиболее часто употребляемые словосочетания, которые могут быть ключевыми, что может позволить, не читая весь текст получить минимальное представление о нем (таблице 5), автоматически составлять аннотации и рефераты и решать другие задачи NLP.

Литература:

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ: учебное пособие / Л.Я. Аверьянов. – М.: КНОРУС, 2009. – 456 с.
2. Белоногов, Г.Г. Автоматизированная обработка научно-технической информации. / Г.Г. Белоногов, Б.А. Кузнецов, А.П. Новоселов // Лингвистические аспекты: Итоги науки и техники, серия “Информатика”. // Под. ред. проф. В.И. Горьковой. – М.: ВИНТИ, 1984, – 313 с.
3. Белоногов Г.Г. Автоматизация составления и ведения словарей для систем фразеологического машинного перевода текстов с русского языка на английский и с английского на русский / Г.Г. Белоногов, Ю.Г. Зеленков, Б.А. Кузнецов, А.П. Новоселов, Ал-др А. Хорошилов, Ал-сей А. Хорошилов // Научно-техническая информация, Серия 2. Выпуск № 12. – М.: ВИНТИ, 1993. – 16-21 с.
4. Белоногов Г.Г. Интерактивная система русско-английского и англо-русского машинного перевода политематических научно-технических текстов / Г.Г. Белоногов, Ю.Г. Зеленков, Б.А. Кузнецов, А.П. Новоселов, Н.А. Пащенко, Ал-др А. Хорошилов, Ал-сей А. Хорошилов // Научно-техническая информация, Серия 2. Выпуск № 12. – М.: ВИНТИ, 1993. 20-27 с.
5. Белоногов Г. Г. Автоматический концептуальный анализ текстов / Г.Г. Белоногов, И. И. Быстров, А. П. Новоселов, М. В.Козачук, Ал-др А. Хорошилов, Ал-сей А Хорошилов. // НТИ. сер. 2. Информ. процессы и системы: ВИНТИ РАН. – 2002 № 10. – С. 26-32.
6. Белоногов Г. Г. Единицы языка и речи в системах автоматической обработки текстовой информации / Г. Г. Белоногов, Ал-др А. Хорошилов, Ал-сей А. Хорошилов // НТИ. сер. 2. Информ. процессы и системы.: ВИНТИ РАН. – 2005 № 11. – С. 21-29.
7. Белоногов Г.Г. Теоретические проблемы информатики. Том 2. Семантические проблемы информатики / Г. Г. Белоногов // Под общей редакцией К.И. Курбакова. – М.: РЭА им Г.В. Плеханова, 2008. – 223 с.
8. Митина О.В. Методы анализа текста: методические основания и программная реализация / О.В. Митина, А.С. Евдокименко // Вестник Южно-Уральского государственного университета: выпуск № 40 (216) / 2010 – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2010. – 29,34-35с.
9. Розенталь, Д.Э. Управление в русском языке / Розенталь Д.Э. – М.: Книга, 1986. –173 с.

*Поречный Александр Сергеевич,
магистрант Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
E-mail: alex.porechny@mail.ru*

*Porechny Alexandr Sergeevich,
graduate student, Moscow Aviation Institute (National Research University).
E-mail: alex.porechny@mail.ru*

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ ПАДЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ПОЛЬСКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ©

Аннотация: в статье рассматривается и сравнивается деривационный потенциал глаголов падения, образованных по сходным моделям (при помощи словообразовательных средств, для которых собственные значения оказываются сходными) в английском, польском и русском языках.

Ключевые слова: семантика, морфология, корпус, польский язык, русский язык, английский язык, деривация, лексическая типология, глаголы падения.

Derivative potential of verbs referring to falling in English, Polish, Russian languages

Abstract: in the paper we view and compare derivative potential of verbs of falling derivated with similar models (using different types of affixes for which their own semantic meaning is almost same) in English, Polish and Russian languages.

Key words: semantics, morphology, English language, Polish language, Russian language, corpus, derivation, lexical typology, verbs of falling.

1. Введение

Данное исследование осуществляется в рамках лексической типологии, сравнительно молодой области семантики. В рамках лексико-типологических исследований рассматриваются семантические поля, исследовательские вопросы поиска фреквенталий решаются построением семантических карт [Рахилина, 2007; Шапиро 2015].

Основная часть исследований по лексической типологии обращается к целому слову, как неделимому носителю лексического значения, тогда как слова могут состоять из нескольких морфем. Тогда, наряду с корнем, как правило, основным носителем лексического значения, выделяются аффиксы, которые могут быть не только показателями грамматической категории (или не быть ими вовсе), но и изменять значение корня так, чтобы рассматриваемое значение получалось из сочетания семантики корня и аффикса или модифицировать значение корня определённым образом (необязательно регулярным). Например, *мощный* – *сверхмощный*, где значение проявления признака в высшей степени выражается морфологическими средствами: приставкой *сверх-*, притом это значение не является грамматическим [Плунгян, 2000], но регулярно меняет значение основы, к которой присоединяется.

Под *деривационным потенциалом глагола падения* в данной работе понимается не собственно сама способность участвовать в порождении новых единиц, а то, насколько производные единицы являются связанными с этим глаголом и насколько регулярными получаются значения, образованные при участии схожих по значению деривационных средств.

В ходе проекта Московской лексико-типологической группы (MLexT) [Кузьменко, 2015] было исследовано семантическое поле «падение», в том числе и идеофонические глаголы (*бахнуться*, *плюхнуть*), составлена анкета, но деривационный потенциал глаголов этого поля изучен не был.

Настоящая работа не является прямым продолжением этого проекта, но предлагает посмотреть на то же поле другим взглядом. В ходе проведённого исследования были

описаны значения дериватов основных глаголов падения *fall*, *paść* и *paść* в английском, польском и русском языках соответственно, рассмотрены словообразовательные модели и их связь с изменением значений, также, чтобы проверить справедливость предположения о том, что глаголы образованные по сходной деривационной модели в разных языках могут образовывать глаголы со сходными значениями, были сопоставлены такие глаголы в рассмотренных языках.

2. Методология

Для каждого языка составлен список глаголов, на основе словарей и корпусов систематически выделены их актуальные значения²⁰. В случаях, когда приставка влияла на акциональность глагола, получившееся значение рассматривалось отдельно, а значения не подверженные этому влиянию рассматривались вместе, как например:

zapádać:

– *начать многократно падать*

zapasać/zapadać:

– *запавшие глаза / щёки*

– *клавиши: не возвращаться в исходное состояние*

– *X западает в YZ-а: X производит сильное впечатление на Z*

– *X западает на Y: X влюбляется в Y*

Для описания собственно значений²¹ были использованы **словари**

для русского языка: Малый академический словарь (МАС) [Евгеньева, 1957], Толковый словарь русского языка [Ефремова, 2001], Толковый словарь русского языка Ожегова [Ожегов, Шведова, 2011];

для польского языка: Wielki słownik języka polskiego (WSJP) [PAN, 2007];

для английского языка: Oxford dictionaries online, Cambridge dictionaries online, Oxford phrasal verbs dictionary: for learners of English, Merriam-Webster online dictionary;

и **корпуса:** Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [НКРЯ], Narodowy Korpus Języka Polskiego (NKJP) [Przepiórkowski, 2012], The corpus of contemporary American English (COCA) [Davies, 2008].

Для каждого глагола русского языка обрабатывались по 100 первый предложений случайной выдачи из НКРЯ, группировались значения, затем сверялись со словарями, в основном с МАСом, и корректировались: если в словаре предлагались значения, которые не встретились в корпусной выдаче, они перепроверялись новыми запросами.

В случае польского языка имелся достаточно полный словарь с дробным делением значений, примерами употреблений и контекстами: в случаях, когда определения и контексты употреблений были непрозрачными, перепроверялось по НКJP.

В русском и польском языках семантика приставок подбиралось для каждого глагола на основе семантики соответствующих предлогов.

Для английского языка описание значений ориентировано на словари, но в случаях отсутствия ожидаемого глагола употребление проверялось по корпусу COCA и добавлялось. Семантика предлогов, участвующих в образовании фразового глагола, описана согласно значениям, выделенным А. Тайлером и В. Эвансом [Tyler, Evans, 2003] и

---

²⁰ не все словари достаточно полно отражают современное состояние языка, в таком случае значения из словарей дополнялись данными корпусов с одобрения носителей.

В некоторых словарях выделяются слишком дробные значения, которые представляются избыточными для данного исследования.

Важно отметить, эти значения не претендуют на академическую полноту, а только удовлетворяют удобствам работы над исследуемым вопросом.

²¹ Анкета для носителей не составлялась, сомнительные значения и употребления уточнялись у носителей.

Т. Снидером [Snider, 2010]. Для остальных составляющих фразового глагола значение описано согласно их значению в словарной статье²².

3. Обзор и анализ материалов

В этом разделе будут рассмотрены интересные случаи, встретившиеся в рассмотренных языках, а далее некоторые результаты сопоставления.

3.1 Польский язык: множественные способы выражения падения осадков

В словаре WSJP почти на каждый из рассматриваемых глаголов было предложено значение о определённом способе выпадения осадков, (примеры см. Приложение 2: осадки). Можно предположить, что эта разница в интенсивности и периодичности выпадения осадков мотивирована семантикой приставок и, определив значение этих приставок в контексте осадков, можно расширить их значения:

Do-padać – выпасть в большем количестве, чем было до этого.

(1) [...] *nie wiem, co będzie, jak śniegu **dopada** [...]*. [źródło: NKJP: (aj): Mogilno: Samorządowcy nie spodziewali się, że zima pochłonie tak dużo pieniędzy, Gazeta Pomorska, 2010-01-31]

... не знаю, что будет, как снег выпадет [...].

Na-dapać – выпасть в большом количестве.

(2) *W Gdyni, gdzie mieszkalem, **napaдало** trochę śniegu i normalna jazda była niemożliwa*. [źródło: NKJP: (RP): Pieniądze dla kolarzy, Dziennik Polski, 2001-03-23]

В Гдыне, где я жил, выпало немного снега и нормально ездить было невозможно.

Po-padać – выпадать в течение коротких промежутков.

(3) *Śnieg **popada** jeszcze do piątku*. [źródło: NKJP: (kak): Wszystko na biało, Nasze Miasto Kraków, 2005-02-17]

Снег выпал ещё до пятницы.

Przy-padać – выпасть, полностью покрыв некоторую территорию S

Przy-padać – продолжать падать в добавок к уже имеющемуся снегу.

(4) *Wczesny śnieg **przypadał** resztę ziemniaków i wszystkie buraki*. [źródło: Internet: www.sbc.org.pl/Content/124417]

Ранний снег покрыл остальную картошку и всю свёклу.

Roz-padać się – начаться ещё сильнее.

(5) *We wtorek **rozpadało się** na dobre. Ale potężne TIR-y mknęły mokrą szosą, nie zważając na deszcz*. [źródło: NKJP: Krystyna Boglar: Zobaczysz, że pewnego dnia..., 1996]

Во вторник совсем напало. Но мокрые грузовики бросились по мокрой дороге, не обращая внимания на дождь.

Рассмотрим приставку *do-*: в отношении выпадение осадков она имеет такое значение²³: 'есть некоторый параметр V , в данном случае объём имеющихся осадков, произошло действие P_1 , имеющее значение этого параметра V_1 , далее происходит подобное действие P_2 , которое по этому параметру V превышает действие P_1 '.

На основе такого анализа нельзя переносить это значение 'сделать больше, чем было сделано/имеется' на остальные значения *dopadać*. Значение 'настичь кого-то' (6) так можно интерпретировать согласно этому определению, потому что настигаемый субъект совершает действие P – бежит со скоростью V , а настигающий выполняет

²² так, например, *back* – это наречие, которое значит *назад*. Его значение не описано в одном ряду с предлогами.

²³ P – выпадение снега, V – количество выпавшего снега.

действие P – бежит, но с большим значением скорости V (если он всё-таки настигает), по свойству транзитивности этим даже можно объяснить и достижение неподвижно цели (7), (действие P_1 отменяется, переходит в P'_1 , то есть нахождение на одном месте, а параметр V – это некоторые координаты), но подобная импликация неуместна, потому что предложенное определение не было проверено на большем количестве «контекстов употребления» приставки *do*–.

(6) *Stróże prawa w pościgu dopadli dwóch złodziei auta.* [źródło: NKJP: Nowe Miasto Lubawskie. Jak w filmach akcji, Gazeta Pomorska, 2010-02-09]

Стражи порядка в погоне поймали двух угонщиков.

(7) *Kobieta dopadła do telefonu, żeby wezwać straż.* [źródło: NKJP: Tomasz Wosk: Ich dom zamienił się w pogorzelisko, Sztafeta, 2008-03-13]

Женщина подошла к (добралась до) телефону, чтобы позвонить охраннику.

Здесь все случаи употребления приставок рассмотрены не будут и не будет предложены универсальные описательные схемы приставок, потому что это не является целью данной работы и требует более широкого исследования.

3.2 Английский язык: значение частиц, участвующих в словообразовании

Здесь и далее: частицами называются те сущности, которые участвуют в словообразовании фразового глагола, но не являющиеся глаголом, но могут быть предлогом, наречием.

Как было сказано в разделе 2, семантика предлогов и слов, участвующих в словообразовании описывается на основе значений, выведенных в [Tyler, Evans, 2003] для ряда предлогов и их общего значения со смысловым корнем *fall* (в работе дефолтные значения *fall* несёт в себе оттенок случайности действия).

Если глагол образуется путём лексикализации наречий или с предлогами, нерассмотренными в указанных выше статьях, то значение описывается по следующей модели: ‘оказаться / упасть’ + ‘значение частицы’, например, *fall (a)foul*: ‘оказаться’ + ‘столкновение’. Не рассматривались комплексные образования типа: ‘fall’ + ‘back’ + ‘on’, потому что они ещё более сложновыводимые и неоднозначные.

3.3 Некоторые результаты

Одно из значений, встретившееся в каждом из языков (английский, польский и русский), *движение изнутри*: *out, wu-, wy-* + *падать*, которые образуют сходные значения, в том числе идиоматические:

fallout, wupaść, выпасть:

- отделяться и выпадать, например: зубы
- оказываться, происходить, выпадать на долю
- выпасть: из ёмкости, пространства
- выпасть из некоторой группы/ процесса: выпасть из жизни

Иногда значения обнаруживаются только не во всех языка, а, например, только в двух:

– происходить в определённый момент или период времени: *święto wypadnie we wtorek, праздник выпадает на вторник.*

off, o-, o- + падать: fall off, opaść, опасть:

- опасть: о листве
- уменьшаться: о уровне воды, объёме

4. Перспективы исследования

Опираясь на уже полученный материал можно спрогнозировать некоторые ожидания в отношении значений дериватов глаголов падения в других языках, (скорее, близкородственных рассмотренным языкам) и в отношении других глаголов поля падение.

Литература

1. Евгеньева А. П. Малый академический словарь //М.: Институт русского языка Академии наук СССР. – 1957. – Т. 1984. – С. 698.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц. – Русский язык, 2001.
3. Кузьменко Е. А., Мустакимова Э. Г. Глаголы падения в лексикотипологической перспективе //Типология морфосинтаксических параметров. – 2015. – С. 149-160.
4. НКРЯ – <http://www.ruscorpora.ru/>
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 1995.
6. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – 2010.
7. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения в воде: лексическая типология. –Общество с ограниченной ответственностью" Научно-издательский центр" Индрик", 2007.
8. Шапиро М. М. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология //Урало-алтайские исследования. – 2015. – №. 1. – С. 29-52.
9. Colin McIntosh. Oxford Phrasal Verbs Dictionary for learners of English. — Oxford University Press, 2006.
10. Dictionary C. Cambridge dictionaries online. – 2015. <https://dictionary.cambridge.org/>
11. Dictionary O. E. Oxford dictionaries online. – 2011. <https://en.oxforddictionaries.com/>
12. Davies M. The corpus of contemporary American English. – BYU, Brigham Young University, 2008. <https://corpus.byu.edu/coca/>
13. Przepiórkowski, A. *Narodowy Korpus Języka Polskiego*. Naukowe PWN. (2012). <http://nkjp.pl/>
14. Snider, T. The Semantics of Prepositions: An exploration into the uses of " at" and" to". (2010).
15. Tyler A., Evans V. The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meaning, and cognition. – Cambridge University Press, 2003.
16. Webster M. Merriam-Webster online dictionary. – 2006. <https://www.merriam-webster.com/>
17. Żmigrodzki P. *Wielki słownik języka polskiego PAN* //Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków. – 2007. www.wsjp.pl

*Романова Ксения Игоревна,
студент третьего курса Школы Лингвистики Факультета Гуманитарных Наук НИУ
ВШЭ.
E-mail: senja.romanowa@gmail.com*

*Romanova Ksenia Igorevna,
3rd year bachelor student of School of Linguistics, Faculty of Humanities, NRU HSE, Moscow.
E-mail: senja.romanowa@gmail.com*

АВТОМАТИЧЕСКИЙ СБОР ДАННЫХ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ^{©24}

Аннотация: в статье описывается ряд пилотных экспериментов по разработке алгоритма автоматического перевода и заполнения анкет для типологических исследований признаковой лексики. Перевод анкеты предлагается осуществлять с помощью машиночитаемых переводных словарей и затем заполнять переведенные анкеты материалами доступных одноязычных корпусов.

Ключевые слова: лексическая типология, синонимы, фрейм, контекст, автоматический перевод, корпусные исследования, автоматизация.

Automatic data collection for lexical typological research

Annotation: the paper describes a range of pilot experiments on the development of an algorithm that would automatically collect relevant data for research in lexical typology. The task comprises two stages: questionnaire translation and its further population with lexical data. We suggest completing the first task with the help of machine-readable dictionaries, and the second task – on the basis of monolingual text corpora.

Key words: lexical typology, synonyms, frame, context, automatic translation, corpus, automatization.

Результаты исследования в области лингвистической типологии считаются достаточно надежными в том случае, если они получены на материале репрезентативной языковой выборки, включающей не менее 100 языков, максимально разнородных ареально и генетически ([Bell, 1978; Rijkhoff, Bakker, 1998]). Однако для лексической типологии такой идеал практически недостижим, что связано с особой трудоемкостью процесса сбора надежных сведений о значении и сочетаемости лексических единиц. Известно, что значения слов не обсуждаются в грамматиках, а в толковых и переводных словарях представляются недостаточно структурированно и, в большинстве случаев, не очень подробно. Это вынуждает исследователей разрабатывать специальные анкеты и собирать команду экспертов по различным языкам, способных провести работу с носителями и проанализировать полученный материал. Трудоемкость всего процесса не позволяет проводить подробный анализ обширных семантических зон в большом количестве языков. Поэтому, в большинстве случаев, приходится серьезно ограничивать либо количество языков в выборке, либо степень подробности их анализа.

Одним из возможных способов решения этой методологической проблемы может стать хотя бы частичная автоматизация процесса сбора и последующей обработки лексического материала. И действительно, задача разработки компьютерных методов анализа лексики становится все более популярной. Намечено по меньшей мере два различных методологических направления, первое из которых предполагает автоматическую обработку словарных данных [Younetal, 2016], а второе основывается на компьютерном анализе параллельных корпусов [Wälchli, Cysouw, 2013].

© Рыжова Д. А., Ершов И. А., Мельник А. А., 2017

²⁴Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №17-06-0018417а.

Наиболее яркое исследование, направленное на сопоставление лексики разных языков на основе автоматического анализа данных переводных словарей, представлено в недавней статье [Younetal, 2016]. В работе выявляется степень семантической близости между базовыми предметными концептами из списка Сводеша (ср. ‘трава’, ‘небо’, ‘солнце’, ‘день’ и под.). Семантическая близость определяется через частоту колексификации, т.е. близкими считаются те концепты, которые во многих языках обозначаются одним и тем же словом (например, ‘день’ и ‘солнце’ семантически значительно ближе друг к другу, чем ‘день’ и ‘трава’, ср., в частности, венгерское *nap*, которое объединяет два этих значения). Частота объединения вычисляется по переводным словарям на основе аккуратно составленной репрезентативной выборки из 81 языка. Выявленные связи между концептами представляются в виде взвешенного графа. Тем самым, в работе проводится полностью автоматизированный типологический анализ сразу нескольких предметных полей на материале значительного количества ареально и генетически разнородных языков. В качестве базы для сопоставления слов из разных языков (т.е. своеобразного аналога лексико-типологической анкеты) используется набор словарных подзначений, составляемый автоматически в процессе обработки словарей.

Исследование [Wälchli, Cysouw, 2012] посвящено типологическому анализу основных глаголов движения (‘идти’, ‘ехать’, ‘приходить’, ‘приезжать’ и под.) путем автоматической обработки параллельного корпуса текстов. Здесь в качестве базы для сравнения слов используются не словарные (под)значения, а закономерности дистрибуции, т.е. сопоставляются наборы контекстов, в которых употребляются изучаемые глаголы. Исследование проводится на материале корпуса переводов Евангелия от Марка на 100 языков. Выделяется 360 контекстов, в которых могут быть употреблены базовые глаголы движения, и этот набор служит аналогом лексико-типологической анкеты, которая автоматически заполняется по тексту каждого из переводов Евангелия от Марка. Полученное в результате пространство визуализируется с помощью метода многомерного шкалирования, позволяющего уменьшить размерность исходного пространства, минимизировав при этом количество потерянной информации (о методе многомерного шкалирования см., например, [Coxand Cox, 2001]). Таким образом получается ряд проекций исходного пространства на плоскость, которые отображают степень типологической близости рассматриваемых контекстов: чем меньше расстояние между контекстами (т.е. пунктами анкеты) на карте, тем выше вероятность того, что в них в том или ином языке будет употреблено одно и то же слово.

Несомненное достоинство каждого из этих методов анализа лексики заключается в том, что они полностью автоматические, что и позволяет им учитывать материал обширных и разнообразных языковых выборок. Однако оба они связаны с рядом методологических проблем другого характера. Так, например, словарные данные, как уже было сказано выше, не очень надежны в силу своей плохой сопоставимости: все включаемые в исследование словари оказываются разного объема и разного качества. Вероятно, это не очень существенно для анализа базовой предметной лексики (будучи базовой и частотной, она должна быть представлена в словаре практически любого объема и степени подробности), но для исследования любой другой семантической зоны применить этот метод будет крайне затруднительно. Аналогично, параллельный корпус переводов Евангелия может быть достаточной базой для сопоставления основных глаголов движения, но для многих других классов лексики такого материала будет заведомо мало.

Метод, который предлагаем мы, основывается на Фреймовом подходе к лексической типологии (см. [Рахилина, Резникова, 2013], а также раздел 1 настоящей статьи), который, в отличие от двух только что рассмотренных методик, подразумевает комплексную обработку вручную доступных ресурсов всех типов: словарей, одноязычных и параллельных корпусов и результатов опросов носителей. Эта методология, направленная на анализ лексики любого типа (не только предметной, не только базовой и

не только частотной) оказывается на порядок сложнее, чем методики, основывающиеся либо только на словарях, либо только на параллельных корпусах. Исследование в рамках этой парадигмы включает в себя несколько этапов:

1. Разработку анкеты;
2. Заполнение анкеты;
3. Составление семантических карт на основе собранных материалов.

Каждая из этих задач, традиционно выполняемых вручную большой командой экспертов, может быть по крайней мере частично переведена на автоматическую основу. В настоящей статье мы будем обсуждать возможные алгоритмы автоматизации только одного из этапов исследования в рамках этой парадигмы, являющегося, однако, наиболее трудоемким – процесса сбора материала по заданной заранее анкете²⁵. Тем самым, мы существенно сужаем задачу по сравнению с рассмотренными выше методиками, подразумевающими полный лексико-типологический анализ, но надеемся, что это позволит нам создать инструмент для более детального анализа лексики, в том числе значительно менее базовой и частотной, чем предметные имена из списка Сводеша или основные глаголы движения.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 1.1 мы введем основные принципы и понятия Фреймового подхода к лексической типологии, который мы используем в нашем исследовании в качестве теоретической базы. Раздел 1.2 посвящен более подробному описанию типологических анкет, которые подлежат заполнению; здесь же формулируются задачи, которые должен решать предлагаемый нами алгоритм. В разделе 1.3 дается описание наших экспериментальных данных и золотого стандарта, с которым мы сравниваем результаты работы компьютерных моделей. Раздел 2 посвящен описанию алгоритмов автоматического перевода и заполнения исходных анкет и оценке качества работы этих алгоритмов. В Заключении подводятся итоги: обсуждаются достоинства и недостатки предложенного метода и возможные пути его дальнейшего развития.

1 Фреймовый подход к лексической типологии

1.1 Основные принципы и понятия

Фреймовый подход к лексической типологии ([Рахилина, Резникова, 2013]), который мы используем в качестве теоретической базы для нашего исследования, разрабатывается Московской лексико-типологической группой (MLexT) и восходит к традициям Московской Семантической Школы (см. [Апресян, 1974]). Этот подход подразумевает сравнительный анализ внутри- и межъязыковых квазисинонимов на основе сопоставления их сочетаемостных свойств. Так, например, в зоне признаков фактуры поверхностей в русском языке различие в семантике слов *гладкий* и *скользкий*, говоря очень грубо, сводится к тому, что *гладкий* обозначает отсутствие неровностей, ощущаемое тактильно, а *скользкий* описывает практически то же свойство, но подчеркивает, что оно является потенциальной причиной тех или иных неудобств (на скользкой поверхности можно поскользнуться, скользкий предмет может выскочить из рук). Это противопоставление хорошо заметно при анализе контекстов употребления соответствующих слов, ср. примеры 1 и 2 из Национального корпуса русского языка. В некоторых языках (например, в хантыйском²⁶) это различие не лексикализовано, т.е. в обоих типах контекстов употребляется одна и та же лексема (в случае с хантыйским языком это прилагательное *wol'ək'* 'гладкий/скользкий').

(1) *Днем мужики выкатывали из куги бочонки и кадки с капустой, по гладким доскам спускали их в подвал.* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]

(2) *Она все-таки упала, не удержавшись на скользком полу, и больно ударилась коленкой.* [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]

²⁵ О возможных методах автоматизации других этапов см. Ryzhova, Obiedkov 2017, Орехов, Резникова 2015, Рыжова 2015.

²⁶ Говор села Теги.

Минимальные группы контекстов (т.е. минимальные типы ситуаций), на которые может реагировать язык, выделяя для них специальную лексему, называются фреймами. Возвращаясь к нашему примеру из поля фактуры поверхностей, можно сказать, что в нем выделяются, в числе прочих, фреймы ‘отсутствие неровностей, воспринимаемое наощупь’ и ‘отсутствие неровностей, воспринимаемое наощупь и причиняющее неудобство’ (подробнее о фреймовой структуре этого поля см. [Кашкин, 2013]). В русском языке для каждого из этих фреймов есть отдельное слово, а в говоре села Теги хантыйского языка эти фреймы объединяются в рамках одного лексического средства. Результатом исследования в рамках этой парадигмы является выявление набора фреймов для изучаемого поля и определение степени близости между ними, т.е., говоря упрощенно, установление вероятности объединения тех или иных фреймов в рамках одного лексического средства в некотором языке L.

Поскольку анализ сочетаемости – основной метод анализа семантических особенностей слов в рамках фреймового подхода к лексической типологии, основным инструментом исследования в этой парадигме становится анкета, состоящая из наиболее показательных, прототипических контекстов, в которых могут употребляться лексемы изучаемого поля. Как правило, анкеты составляются по материалам подробного анализа трех-пяти языков и содержат по несколько иллюстраций на каждый фрейм. Такие анкеты используются при сборе данных, и они же являются базой для сравнения полученного материала. Поскольку они состоят преимущественно из лингвистических контекстов, а не из экстралингвистических стимулов (картинок, видеоклипов и проч.), они переводятся на каждый язык, включаемый в выборку, и заполняются по результатам опросов носителей, а также анализа словарных и корпусных данных.

1.2 Типологические анкеты и задача их автоматического заполнения

Контекстные анкеты могут быть разной степени сложности. Наш опыт работы с лексикой показывает, что для разных классов слов требуется разный объем «диагностического» контекста – контекста, по которому можно было бы однозначно определить, к какому фрейму он относится. Если для глаголов направленного движения необходимо учитывать много факторов (свойства субъекта перемещения, начальной и/или конечной точки и др., см. [Кузьменко, Мустакимова, 2015; Reznikova, Vyrenkova, 2015]), то для прилагательных в большинстве случаев достаточно учитывать минимальный контекст, а именно, семантические особенности определяемого существительного, т.е. носителя данного признака (см., например, [Рахилина и др., 2010]). По этой причине именно признаковые поля являются удобным материалом для пилотных экспериментов в области автоматизации процесса сбора лексико-типологических данных.

Анкета для исследования той или иной признаковой зоны может быть представлена в виде таблицы, в строках которой располагаются существительные, а в столбцах – изучаемые прилагательные (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Фрагмент анкеты для признакового поля фактуры поверхностей.

	скользящий	ровный	плоский	гладкий	прямой
дорога	+	+	-	+	+
ступенька	+	+	-	+	-
...					

При заполнении анкеты в те ячейки, которые соответствуют допустимым (грамматичным, осмысленным и естественным) сочетаниям «прилагательное + существительное», ставится «1» (или «+»), а ячейки, которые соотносятся с незасвидетельствованными сочетаниями, получают значение «0» (или «-»). Например, в

анкете для поля фактуры поверхностей, заполненной материалом русского языка, фрагмент которой представлен в Таблице 1, отмечено, что русск. *дорога* сочетается с прилагательными *скользящий, ровный, гладкий* и *прямой*, а *ступенька* – с прилагательными *скользящий, ровный* и *гладкий*.

Заполнение таких анкет требует очень много усилий со стороны исследователя. Задача нашей работы – предложить набор алгоритмов, который будет позволять обследовать по крайней мере часть источников автоматически и, тем самым, расширять эмпирическую базу таких исследований, одновременно сокращая количество времени, потраченное на сбор релевантных данных.

Формально эта задача сводится к двум подзадачам:

1. Переводу анкеты на нужный язык;
2. Заполнению этой анкеты сведениями о том, могут ли рассматриваемые прилагательные и существительные в данном конкретном языке сочетаться друг с другом.

Поскольку в нашем случае анкета состоит из списков прилагательных и существительных, задача их перевода на первый взгляд кажется очень простой: возникает впечатление, что достаточно найти основной переводной эквивалент для каждого слова из анкеты. Однако на деле эта работа сопряжена с целым рядом сложностей, связанных, в первую очередь, с переводом прилагательных. С одной стороны, в разных языках одно и то же семантическое поле может обслуживаться разным количеством лексем, и при переводе важно выявить все слова, относящиеся к данной зоне в целевом языке. С другой стороны, включать в анкету все обнаруженные переводные эквиваленты исходных прилагательных нам бы тоже не хотелось, поскольку существенная их часть обычно относится только к переносным употреблением слов из изначального списка, т.е., строго говоря, не входит в интересующее нас семантическое поле. Так, например, в число переводных эквивалентов русского прилагательного *острый* в английском языке²⁷ входят, наряду с лексемами *sharp* и *pointed*, такие слова как *critical*, *quick* или *strong*, являющиеся подходящими переводами для слова *острый* в контекстах *острое замечание*, *острый ум/зрение/слух* или *острые ощущения* соответственно, но при этом явно не относящиеся к семантическому полю ‘острый’. Таким образом, задача перевода анкеты осложняется проблемой аккуратного отсева нерелевантных лексем.

1.3 Материал исследования

В качестве материала для экспериментов мы используем уже созданные вручную и апробированные на достаточно обширном языковом материале анкеты для четырех признаков полей: ‘острый’, ‘толстый’, ‘тонкий’ и ‘гладкий’ (см. Кюсева 2012, Козлов и др. 2016, Кашкин 2013). Изначально эти анкеты состояли из списков русских прилагательных и существительных. Мы дополнительно перевели их вручную на итальянский и английский языки и для этих языков заполнили их традиционным способом: по материалам словарей, корпусов и опросов носителей. Таким образом мы получили золотой стандарт, с которым в дальнейшем сравнивали качество работы наших алгоритмов. Там, где это было возможно, мы использовали в качестве золотого стандарта в том числе и данные, собранные ранее также вручную авторами исследований этих семантических полей и представленные в едином формате Базы данных признаковой лексики (см. [Кюсева и др., 2013]). В результате англоязычные анкеты мы использовали в качестве входных данных наравне с русскоязычными, а для итальянского языка реализовали полный цикл работы алгоритма и провели оценку полученных результатов. Материалы других языков привлекались в качестве дополнительных в процессе тестирования тех или иных этапов работы алгоритма.

2 Алгоритмы автоматического заполнения типологической анкеты

Как мы уже сказали в разделе 1.2, задача автоматического заполнения типологической анкеты включает в себя две подзадачи: перевод анкеты с русского (или

²⁷ По данным словаря Multitran [URL: <https://www.multitran.ru/>]

английского) языка на язык L и собственно заполнение переведенной анкеты. В разделе 2.1 мы предлагаем обзор нескольких способов решения задачи перевода и обсуждение их достоинств и недостатков. В разделе 2.2 приводится описание используемого нами метода автоматического заполнения анкеты. Оценка результатов применения описываемых методов к реальным данным приводится в разделе 3.

2.1 Перевод анкеты

Мы опробовали два метода решения задачи перевода: с помощью онлайн-переводчиков, предлагаемых Yandex и Google, и через машиночитаемые двуязычные словари. Рассмотрим последовательно каждый из них.

2.1.1 Перевод через онлайн-переводчики

В рамках нашего исследования мы провели ряд экспериментов по переводу анкеты для нескольких признаковых полей на основе онлайн-переводчиков, реализованных компаниями Google и Yandex. Особое преимущество этого метода заключается в том, что он допускает не только пословный перевод прилагательных и существительных из наших списков, но и перевод целых строк типологической анкеты. Потенциально реализация этого метода могла бы позволить решить сразу обе наши подзадачи: и перевода анкеты, и ее заполнения.

Мы начали наши эксперименты с более простой задачи перевода отдельных слов, без опоры на сочетаемость. В таком случае при переводе прилагательных мы сталкиваемся с определенным затруднением. Как уже было сказано выше, количество признаковых лексем целевого языка может отличаться от количества слов, обслуживающих данную зону в исходном языке, поэтому у нас нет необходимости выбирать ровно один переводной эквивалент для каждого прилагательного. Однако общее количество синонимов, предлагаемых онлайн-переводчиками, оказывается очень большим, и отнюдь не очевидно, что каждый из них нам подходит. Мы пробовали решить проблему отсева ненужных слов с помощью обратного перевода. В переводчике с целевого языка мы переводим на русский все синонимы к переведенным с русского на целевой язык словам из ряда и оставляем в анкете целевого языка только те прилагательные, в первом значении которых присутствует хотя бы одно из прилагательных исходного языка.

Например, мы хотим узнать, какие прилагательные составляют поле ‘острый’ в финском языке. Тогда, задав онлайн-переводчику компании Yandex в качестве исходного слова русское прилагательное *острый*, мы получаем такие переводы (8 финских слов): *akuutti, äkillinen, terävä, pistävä, kirpeä, pureva, veitsenterävä, tarkka*. Далее мы переводим каждое из полученных слов обратно на русский язык и оставляем только те, у которых указано значение *острый* в качестве первого значения. Таким образом мы выберем 5 финских прилагательных *akuutti, terävä, pistävä, kirpeä, veitsenterävä* и исключим из рассмотрения 3 оставшихся (*äkillinen, pureva* и *tarkka*), поскольку в первом значении у них указаны переводы *внезапный, кусающийся* и *точный, аккуратный, пунктуальный* соответственно). Согласно золотому стандарту, в финском языке в поле *острый* входят прилагательные *terävä, pistävä*, и мы, конечно, нашли их оба, но также зафиксировали три лишних прилагательных *akuutti* (сравнимо с русск. *острый* в *острый взгляд*), *kirpeä* (*острый* в значении *пикантный*), *veitsenterävä* (встречаются окказиональные употребления).

В качестве другого возможного способа отсева лишних прилагательных мы протестировали метод перевода прилагательного в контексте с существительным. Для этого мы попробовали перевести все допустимые в русском языке сочетания прилагательного и существительного из анкеты с помощью онлайн-переводчиков. Чтобы сравнить результаты, полученные этим способом, с результатами, приведенными выше, переведем снова русское прилагательное *острый* на финский язык, но уже в сочетании с каждым из рассматриваемых существительных (*острый нож, острый каблук, острая стрела*). Из каждого словосочетания на финском выберем прилагательное и с помощью

обратного перевода аналогичным способом отберем только те, у которых указано прилагательное *острый* в качестве основного переводного эквивалента. В результате мы получаем только два финских прилагательных, одно из которых оказывается нужным (*terävä*), а другое (*akuutti*) – ненужным. Таким образом мы уменьшим количество ненужных прилагательных, но в то же время и уменьшим количество нужных.

2.1.2 Машиночитаемые словари *freedict* и *verdict*

Наш второй метод перевода анкет основан на использовании машиночитаемых двуязычных словарей, а именно, переводных словарей группы *Freedict*²⁸ и электронных словарей *Verdict*, подготовленных компанией *Yandex*²⁹. В этом случае возможен исключительно пословный перевод каждого существительного и прилагательного из заданных списков.

Двуязычные словари *Freedict* хранятся в формате *.tei*³⁰ (который является подмножеством языка *xml*), структура документа определяется парными тегами. Каждое вхождение выделяется тегом `<entry>`. В него вложены теги `<form>` и `<sense>`. В зависимости от количества возможных переводов, может быть несколько вложений с тегом `<sense>`: в таком случае рядом с тегом записывается показатель `n="..."`, в котором в кавычках указывается номер возможного перевода. Таким образом создается структура, отображающая связь между запрашиваемым словом данного языка и его возможными переводными эквивалентами. В тег `<form>` вложены теги `<orth>` и `<pron>`. Первый отображает слово, записанное в орфографии данного языка. Второй – его транскрипцию. В тег вкладывается тег `<cit>` (цитирование другого источника), внутри которого с помощью парного тега `<quote>` записывается переводной эквивалент в орфографии целевого языка. Произношение переводных эквивалентов не указывается.

Мы предполагаем, что перевод с показателем `n="1"` является основным, соответствующим прямому употреблению заданного слова, а остальные переводы связаны с его переносными значениями. Именно поэтому в качестве перевода для исходного прилагательного мы выбираем эквивалент с показателем `n="1"`. Далее, как и в случае с онлайн-переводчиками, производится проверка методом обратного перевода. В качестве исходного прилагательного задается полученный переводной эквивалент и осуществляется перевод на стартовый язык. Если слово входит в начальный список прилагательных, то данный переводной эквивалент включается в итоговый список слов. Для перевода существительных проводится та же операция. Однако, если искомого слова нет в словаре *Freedict*, то используется соответствующий двуязычный словарь *Verdict*. Он имеет более простую структуру. Одно вхождение занимает одну строку и имеет всего четыре позиции, разделенные табуляцией: исходное слово, его часть речи, его переводной эквивалент и ссылка на словарь, из которого данная информация получена. Переведенные слова записываются в *csv*-таблицу: в первый столбец таблицы записываются существительные на языке, с которого осуществлялся перевод, во вторую – на том языке, на который мы переводим анкету, а в первую строку – прилагательные. В клетки пересечения между прилагательным и существительным мы впоследствии записываем информацию о сочетаемости соответствующих единиц (см. Таблицу 2).

²⁸ Словари доступны по ссылке <http://www.freedict.org/ru/>.

²⁹ Сервер со словарями от компании *Yandex* больше не существует, а сами словари переданы в школу лингвистики НИУ ВШЭ, и на их основе в настоящий момент создается новый сервер *Вышка.Словари*.

³⁰ <http://www.tei-c.org/index.xml>

Пример анкеты для признаков полей ‘толстый’ и ‘тонкий’, переведенной на французский.

		maigre	gros	mince	dense	étroit	...
лист	feuille						
слой	poussière						
книга	livre						
...							

2.1.3 Онлайн-переводчики или машиночитаемые словари: анализ результатов

Мы рассмотрели два возможных метода перевода анкеты. Метод онлайн-переводчиков хорош тем, что он позволяет сразу охватить большое количество языков, на вход можно сразу подавать как отдельные слова, так и целые словосочетания из исходных анкет, и он довольно прост в использовании. Тем не менее, у этого метода есть ряд существенных недостатков. Во-первых, он непрозрачен и непостоянен: технологии перевода у компаний Yandex и Google непрерывно меняются, и мы не можем быть уверены, что в любой момент времени сможем получить результаты, сопоставимые с теми, что мы получили в рамках наших пилотных экспериментов. Во-вторых, метод перевода целых словосочетаний оказывается бесполезным для нашей задачи: почти все пары «прилагательное + существительное» переводятся с помощью одного, основного элемента признакового поля, и тем самым сразу несколько периферийных прилагательных рассматриваемого поля оказываются неучтенными. Наконец, в-третьих, разные стратегии перевода с помощью онлайн-переводчиков дают для разных полей разные результаты.

Второй метод – метод машиночитаемых словарей – лишен этих недостатков. Более того, словари группы Freedict обладают дополнительным преимуществом: эксплицитно противопоставляют переводные эквиваленты для прямых и переносных значений исходных слов. Конечно, данный метод имеет свои недостатки, связанные, в первую очередь, с небольшим количеством таких словарей и ограниченностью их объема. Так, например, не очень частотное прилагательное из рассматриваемого поля в такой словарь не попадет, а значит, предлагаемый нами алгоритм не сможет его выявить. Как видно, у обоих методов есть свои достоинства и свои недостатки. Первый метод подлежит дальнейшей проверке на материале большего количества анкет, второй позволяет получить приемлемые результаты (см. раздел 3 настоящей статьи), но только для тех языков, по которым мы имеем необходимые словари. В рамках данного исследования мы остановились на методе 2: для выбранных нами языков он кажется более надежным и перспективным, особенно с учетом того, что база переводных словарей может в будущем пополняться.

2.2 Заполнение анкеты

Одна из основных задач исследования в области лексической типологии – это оценка возможности употребления слов описываемого ряда в различных контекстах. Имея исходные русскоязычные списки прилагательных и существительных, с которыми эти прилагательные потенциально могут сочетаться, а также полученные на первом шаге работы нашего алгоритма соответствующие им переводы на другие языки, мы можем автоматически определять дистрибутивные свойства каждого признакового слова по отношению к выделенным предметным именам. Для этого мы используем одноязычные корпуса серии WaC. Предложения в корпусах этого типа хранятся в формате .xml и структурированы по принципу xml-разметки. Каждое предложение выделяется тегом <s>. Внутри тега прописываются словоформы, которые содержит данное предложение.

Информация о каждой словоформе занимает одну строку и содержит словоформу, лексему, морфологическую информацию о данной словоформе, номер данной словоформы в предложении, номер синтаксической вершины, к которой относится данное слово, и его синтаксическую категорию, разделенные табуляцией.

Поскольку в выбранных нами полях изучаемые слова – прилагательные, а их диагностические контексты – существительные, для того, чтобы оценить вероятность их совместной встречаемости, мы ищем вхождения всех комбинаторно возможных биграмм “прилагательное + существительное” из анкеты в корпусе исследуемого языка. Для этого мы ищем такие лексемы, леммы которых совпадают с искомыми (поскольку искомое существительное может встретиться в тексте как, скажем, во множественном числе, так и в единственном), которые находятся на расстоянии один друг от друга³¹.

Для того, чтобы исключить окказиональные и в целом нехарактерные для языка сочетания, мы вычисляем для каждого биграмма характеризующую его меру взаимной информации (mutual information, далее MI), показывающую, насколько совместная встречаемость двух слов статистически значима в данном языке. Введение порога для MI позволяет оставить контекстно-связанные слова и исключить такие, которые приравниваются к случайно встретившимся рядом в тексте. Значение этой метрики вычисляется по следующей формуле:

$$I(x, y) = \log\left(\frac{p(x,y)}{p(x)p(y)}\right), \text{ где}$$

$p(x,y)$ – вероятность встретить прилагательное с существительным рядом в корпусе,

$p(x)$ – вероятность встретить прилагательное в корпусе,

$p(y)$ – вероятность встретить существительное в корпусе.

К примеру, если мы хотим оценить допустимость употребления в итальянском языке существительного *corridoio* ‘коридор’ в сочетании с прилагательным *stretto* ‘узкий’, то мы будем искать в корпусе два идущих подряд слова с леммами *corrido* и *stretto*. В корпусе ItWaC находится 47 таких вхождений с мерой MI равной приблизительно 8.7, достаточной для того, чтобы считать сочетание *corridoio**stretto* допустимым при взятом нами пороге равном нулю³².

3 Оценка результатов

Как уже было сказано выше, мы реализовали полный цикл работы нашего алгоритма на материале итальянского языка и оценили результаты, сравнив автоматическое заполнение анкет с золотым стандартом. Объединив лучший метод перевода с помощью электронных словарей и автоматическое заполнение анкет с использованием корпусов при пороге MI, равном нулю, в конечном счете мы получаем достаточно высокие показатели для метрик полноты (доля сочетаний, отмеченных допустимыми среди действительно допустимых) и точности (доля действительно допустимых сочетаний среди нами отмеченных допустимыми): 0.93 и 0.79 соответственно. Высокое значение метрики полноты позволяет говорить о том, что мы находим практически все допустимые значения, а достаточно высокая точность указывает на относительно небольшое количество сочетаний, которые мы считаем допустимыми, но которые таковыми не являются.

4 Заключение

Итак, мы провели серию пилотных экспериментов в области автоматизации процесса сбора лексико-типологических данных с семантическими полями качественных

³¹ Безусловно в языках со свободным порядком слов необходимо учитывать оба варианта позиции прилагательного: до и после существительного. В то же время результаты, полученные для итальянского языка, считающегося языком с более или менее фиксированным порядком “существительное + прилагательное”, показывают незначительное влияние изменения параметра порядка слов в коллокации на итоговое качество работы алгоритма.

³² Порог является настраиваемым параметром.

признаков ‘острый’, ‘гладкий’, ‘толстый’ и ‘тонкий’, которые уже были проанализированы вручную участниками группы MLexT, см. [Кюсева, 2012; Кашкин, 2013; Козлов и др., 2016]). Мы показали, что задача заполнения анкеты состоит из двух этапов: перевода анкеты и ее заполнения. В рамках настоящего исследования мы опробовали два метода перевода анкет: с помощью онлайн-переводчиков компаний Yandex и Google и с помощью машиночитаемых переводных словарей Freedict и Verdict. С помощью первого метода можно переводить как отдельные слова, так и целые словосочетания, что теоретически могло бы позволить использовать его для решения обеих подзадач сразу (и перевода, и заполнения анкеты), однако такое решение приводит к потере большого количества признаков слов, относящихся к данному полю в целевом языке. Пословный перевод прилагательных и существительных дает сопоставимые результаты для двух методов, поэтому на данном этапе мы останавливаемся на методе перевода с помощью машиночитаемых словарей, поскольку он кажется нам более прозрачным и надежным (по крайней мере, для тех языков, для которых есть словари приемлемого объема). Вторая подзадача решается на основе анализа сочетаемости полученных прилагательных и существительных по одноязычному корпусу серии WaC.

Результаты наших пилотных экспериментов показывают, что лексико-типологические анкеты могут заполняться автоматически. Так, например, точность и полнота заполнения анкеты для семантических полей ‘толстый/тонкий’ для итальянского языка составляют 0.79 и 0.93 соответственно.

Безусловно, наш алгоритм не предполагает полной автоматизации процесса лексико-типологического исследования, в отличие от методик, предложенных в работах [Youn et al., 2016] и [Wälchli, Cysouw, 2013] и проанализированных во Введении. Однако, как нам кажется, на данном этапе это является его достоинством, а не недостатком. По-видимому, до тех пор, пока в лингвистике не будет накоплено достаточного количества надежных ресурсов (в частности, сопоставимых переводных словарей и объемных и сбалансированных параллельных корпусов), разработать методику полностью автоматического и при этом достаточно подробного типологического анализа произвольного класса лексики будет крайне затруднительно. Исходя из этого, мы проектируем алгоритм, который будет заменять работу лексического типолога не полностью, а только частично, позволяя, во-первых, расширить эмпирическую базу исследований путем учета максимального количества доступных ресурсов, и, во-вторых, упростить и ускорить процесс анализа электронных источников данных.

Таким образом, в соответствии с намеченными целями нашей работы, в дальнейшем мы предполагаем увеличить охват обрабатываемых словарей и корпусов, наладив в том числе процесс перевода и заполнения анкет материалами ряда других языков (в частности, немецкого, финского и японского), а также апробировать метод перевода анкет с помощью параллельных корпусов и разработать алгоритмы сбора типологических данных для глагольных и предметных семантических полей.

Литература

1. Bell, A. Language samples. / A. Bell. // *Universals of Human Language, Method and Theory.* / J.H. Greenberg, C.A. Ferguson, E.A. Moravcsik (eds.). – Stanford Univ Press, 2. Palo Alto, CA. – 1978. – Vol 1. – P. 123–156.
2. Cox, T.F. Multidimensional Scaling. / T.F. Cox, M.A.A. Cox. – Chapman and Hall, 2001.
3. Pothos, E.M. Characterizing linguistic structure with mutual information. / E.M. Pothos, P. Juola. // *British Journal of Psychology.* – 2007. – Vol. 98, issue 2. – P. 291–304.
4. Reznikova, T. Semantics of falling: a cross -linguistic approach. / T. Reznikova, A. Vyrenkova. // NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”. – 2015. – №40.

5. Rijkhoff, J. Language sampling. / J. Rijkhoff, D. Bakker. // *Linguistic Typology*. – 1998. – 2(3). – P. 263–314.
6. Ryzhova D. Formal concept lattices as semantic maps / D. Ryzhova, S. Obiedkov. // Workshop “Computational Linguistics and Language Science” / E. Chernyak, D. Ilvovsky, A. Vybornova, D. Skorinkin (eds.). – Aachen : CEUR Workshop Proceedings. – 2017. – Ch. 10. – P. 78-87.
7. Wälchli, B. Lexical Typology through Similarity Semantics: Toward a Semantic Map of Motion Verbs. / B. Wälchli, M. Cysouw // *De Gruyter*. – 2012. – 50.3. – P. 671–710.
8. Youn, H. On the universal structure of human lexical semantics. / H. Youn [et al.]. // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2016. – 113. – P. 1766–1771.
9. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
10. Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках) : дисс. канд. филол. наук. / Е.В. Кашкин. // М.: МГУ, 2013.
11. Козлов А.А. О реальности семантического поля: лексико-типологический подход. / А.А. Козлов, А.В. Кухто, М.Ю. Привизенцева. // *ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Материалы Десятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2013 г.) / Отв. ред. тома Д.В. Герасимов. – СПб.: Наука, 2013. – С.: 522–533.
12. Кузьменко Е.А. Глаголы падения в лексико-типологической перспективе. / Е.А. Кузьменко, Э.Г. Мустакимова. // *Типология морфосинтаксических параметров: материалы Междунар. конф.* / Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко (ред.). – М.: МПГУ, 2015. – С. 149–160.
13. Кюсева М.В. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’ : дипломная работа. / М.В. Кюсева. // М.: МГУ, 2012.
14. Кюсева М.В. Типологическая база данных адъективной лексики / М.В. Кюсева, Т.И. Резникова, Д.А. Рыжова. // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). В 2-х томах* / В.П. Селегей (ред.). / Т.1: Основная программа конференции. – М.: РГГУ. – 2013. – Вып. 12 (19). – С. 407–419.
15. Орехов Б.В. Компьютерные перспективы лексико-типологических исследований / Б.В. Орехов, Т.И. Резникова. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2015. – №3. – С.17-23.
16. Рахилина Е.В. Фреймовый подход к лексической типологии. / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова. // *Вопросы языкознания*. – 2013. – № 2. – С. 3–31.
17. Рахилина Е.В. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова. // *Лингвистика конструкций*. / Е.В. Рахилина (ред.). – М.: Азбуковник, 2010. – С. 398–455.
18. Рыжова Д.А. Построение лексико-типологической анкеты с помощью моделей дистрибутивной семантики / Д.А. Рыжова. // *Вестник Воронежского*

государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №3. – С. 126–131.

*Рыжова Дарья Александровна,
преподаватель Школы Лингвистики Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”
E-mail: daria.ryzhova@mail.ru
Daria Ryzhova
National Research University “Higher School of Economics”, School of Linguistics, lecturer*

*Ершов Илья Андреевич,
студент 4-ого курса бакалавриата Школы Лингвистики Национального
исследовательского университета “Высшая школа экономики”
E-mail: cornerstone26@yandex.ru
Ilija Yershov
National Research University “Higher School of Economics”, School of Linguistics, BA student*

*Мельник Анастасия Александровна,
студент 4-ого курса бакалавриата Школы Лингвистики Национального
исследовательского университета “Высшая школа экономики”
E-mail: melnik-a-a@mail.ru
Anastasia Melnik
National Research University “Higher School of Economics”, School of Linguistics, BA student*

УДК 81'44

А. Ю. Савельева
(Москва)

ГЛАГОЛЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗОН ‘ТОЛКАТЬ’ И ‘ТЯНУТЬ’ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ©

Аннотация: данное исследование посвящено лексико-типологическому изучению семантических полей глаголов, обозначающих каузацию перемещения объекта, таких как ‘тянуть’ и ‘толкать’, на материале 7 языков. В качестве методики проведения работы был выбран фреймовый подход. Результатом работы стали, во-первых, семантические карты, показывающие, как эти ситуации распределяются между лексемами в изученных языках. Во-вторых, были описаны сходства и различия между языками в рассматриваемой зоне. В-третьих, были определены параметры, по которым могут противопоставляться лексемы данных полей. К числу таких параметров относятся, например, вес и размер объекта, цель совершения действия, наличие инструмента и другие.

Ключевые слова: лексическая типология, фреймовый подход, семантические поля глаголов «толкать» и «тянуть», семантические карты.

Verbs for ‘PUSH’ and ‘PULL’ in typological perspective

Abstract: this research is committed to lexico-typological study on semantic fields of verbs, which denote the causation of the movement of objects, such as ‘pull’ and ‘push’, on the

material of 7 languages. The frame-based approach was chosen as the main methodology for conducting the work. As a result of the work, first, became semantic maps showing how these situations are distributed between lexemes in examined languages. Secondly, the similarities and differences between languages in the semantic zone were described. Thirdly, the parameters were determined, according to which the lexemes of these fields can be contrasted. They are such parameters as: weight and size of object, the purpose of the action, the existence of instrument, and others.

Key words: lexical typology, frame approach, semantic fields for verbs "push" and "pull", semantic maps.

В последнее время в лингвистике значительно возрос интерес к новому разделу лингвистической типологии – лексической типологии, то есть к изучению устройства семантических полей в разных языках мира.

К настоящему времени объектом типологического исследования становились уже довольно разнообразные лексические зоны, например, глаголы звуков [Рахилина, 2010], предикаты боли [Рахилина и др., 2010], а также некоторые атрибутивные поля. Одним из частотных сюжетов межъязыкового анализа выступают глаголы движения (ср. классическую работу Л. Талми [Talmy, 1985], а также исследования, посвященные более специальным видам перемещения – плаванию [Майсак, Рахилина, 2007], вращению [Круглякова, 2010] и другие). Во всех этих случаях речь идет о самостоятельном движении объекта, то есть о глаголах, при которых в позиции подлежащего выступает движущийся объект. Гораздо реже пока что внимание типологов привлекают глаголы каузированного перемещения. Среди немногих работ этой тематики можно назвать исследование поля 'давать' [Newman, 1998], анализ семантических зон глаголов 'класть' и 'брать' [Кореcka, Narasimhan, 2012], изучение предикатов извлечения объекта [Багдасарян, 2016], ср. также статью, посвященную глаголам каузации движения и изменения положения в пространстве (*брать, давать, бросать, класть, поднимать, посылать, нести*) в грамматической перспективе [Вострикова, 2003].

Именно о каузированном перемещении речь и пойдет в настоящей статье. Предметом нашего исследования стал особый тип такого перемещения, который ранее не привлекал к себе внимание типологов, а именно – движение, ориентированное относительно субъекта каузации. Это движение может быть направлено от субъекта (описывается глаголами семантического поля 'толкать') и к субъекту (глаголы поля 'тянуть').

Наша задача – проанализировав устройство зон 'толкать' и 'тянуть' в разных языках, выявить возможные точки расхождения между системами, определить тем самым основание для построения типологии в этих зонах, а также описать типы систем, встретившиеся в нашем материале.

В качестве методики для данного исследования был выбран фреймовый подход, который широко используется представителями Московской лексико-типологической группы и подробно описан в статье «Фреймовый подход к лексической типологии» [Рахилина, Резникова, 2013]. В основе этой методики лежит анализ сочетаемости слов, благодаря которому выделяются прототипические ситуации (т.е. фреймы). Такой подход учитывает, во-первых, принципы, применяемые в грамматической типологии: «для каждой семантической области необходимо подобрать релевантные контексты и описать, как они склеиваются при выборе конкретных лексических соответствий» [Рахилина, Резникова, 2013, с. 7]. Во-вторых, он во многом опирается на идеи Московской семантической школы [Апресян, 1974/1995], разработавшей механизмы анализа тонких семантических различий между квазисинонимами.

В соответствии с фреймовой методикой, первым этапом настоящего исследования стало изучение семантики интересующих нас глаголов на основе словарей. Далее на материале языковых корпусов были определены ситуации, в которых возможно употребление данных глаголов и их синонимов: для этого прежде всего анализировались

конструкции, в которых выступают эти глаголы, и их участники. Выявленные ситуации затем легли в основу для анкеты-опросника. Анкета нужна для работы с носителями исследуемых языков: им предлагалось вставить в предложения, представляющие каждую из выделенных ранее ситуаций, глагол, который подходит для ее описания.

На последнем этапе работы – после сбора и обработки данных словарей, корпусов и анкетирования информантов были составлены семантические карты (см. [Anderson, 1982; Plungian, 1998; Haspelmath, 2003]), позволяющие наглядно отразить различия между системами.

Настоящая работа представляет пилотное лексико-типологическое исследование зон 'толкать' и 'тянуть', проведенное на материале семи языков: русского, украинского, шугнанского, немецкого, английского, испанского и китайского. Всего в процессе сбора данных при помощи анкеты было опрошено 36 человек.

1. Семантические поля 'тянуть' и 'толкать': фреймовая структура

В настоящей работе рассматривались только прямые значения глаголов семантических зон 'тянуть' и 'толкать'. В качестве прототипического значения для этих семантических полей можно считать, соответственно, следующие: «перемещать/двигать X на себя/от себя», где X – это одушевленный или неодушевленный объект³³.

Для начала мы определили набор ситуаций (т.е. фреймов), которые будут значимы для исследования данных семантических зон. Релевантными фреймами для глаголов каузации движения объектов от себя, то есть для семантического поля 'толкать', являются следующие:

1. центральные фреймы

- отодвигать от себя

(1) *Хуже всего было то, что в самом деле нельзя было остановиться, ибо в таком случае пришлось бы удерживать камень, что, казалось, нелегче, чем толкать его вверх.* [НКРЯ]

Фрейм «отодвигать от себя» является прототипическим и центральным для рассматриваемого семантического поля: он описывает ситуацию, когда субъект рукой отодвигает объект от себя.

- перемещать объект перед собой (объект находится перед субъектом)

(2) *The miner pushed a trolley with coal in front of him.* (английский)

'Шахтер толкал перед собой тележку с углем.' [Носитель]

Если ситуация «отодвигать от себя» описывает однократное действие (причем субъект, чаще всего, не изменяет своего положения в пространстве), то фрейм «перемещать объект перед собой» отражает то, что субъект передвигается сам, воздействуя на перемещение объекта перед собой. Таким образом, целью субъекта является передвижение вместе с объектом, который находится перед ним.

- открывать от себя

(3) *Dicho esto, el director empujó la puerta blindada del laboratorio de cálculo y la mantuvo abierta hasta que todos los visitantes hubieron entrado.* (испанский)

'Сказав это, директор толкнул бронированную дверь вычислительной лаборатории и оставил ее открытой до тех пор, пока не зашли все гости.' [Sketch Engine]

В этой ситуации, как и в прототипической, субъект каузирует перемещение объекта от себя, но в силу специфики объекта (т.е. двери) у действия имеется особая цель – открыть дверь от себя.

- проявлять агрессию, с применением силы

(4) *Boys jumped out of the tunnel and began to push the frightened boy.*

(английский)

'Ребята выпрыгнули из тоннеля и начали толкать испугавшегося мальчика.'

[Носитель]

³³Здесь и далее под объектом подразумевается синтаксическая роль в предложении.

В семантическое поле «толкать» представлено частое употребление глаголов, которые описывают ситуацию, когда субъекта проявляет агрессию к объекту. При этом субъект не всегда передвигает объекта от себя, но он совершает действие (удар), направленное от себя, что и является прототипическим для нашей зоны.

2. периферийные фреймы

- помещать внутрь контейнера

(5) *Пихает новую ненужную одежду в единственный узкий шкаф своей квартиры, которая сама только чуть побольше этого шкафа.* [Герман Садулаев. Таблетка (2008)] (русский) [НКРЯ]

Отметим, что в этой ситуации субъект пытается поместить объект внутрь контейнера, в котором недостаточно места для объекта или который имеет меньший по сравнению с объектом размер.

- нажимать на кнопку

(6) *我朝电梯那边走去。一按电钮, 电梯缓缓上升。* (китайский)

‘Я подошел к лифту, зашел внутрь, нажал на кнопку, и он поехал вверх. [Sketch Engine]

Ограничение семантического поля таким образом может на первый взгляд показаться неочевидным, потому что, например, в русском языке глагол *нажимать* не является синонимом для глагола *толкать*. Но, во-первых, в ряде языков нашей выборки эти два смысла (‘нажимать на кнопку’ и ‘отодвигать от себя’) покрываются одной лексемой. Во-вторых, лексическое сближение этих ситуаций имеет ясную семантическую основу: ситуация ‘нажимать на кнопку’, как и ‘толкать’, тоже включает в себя действие, направленное от себя.

- перемещать при помощи ног

(7) *Nach Zuspiel aus dem Mittelfeld kam der FSV-Akteur aus halblinker Position zum Abschluss und schob den Ball zum 3:1 ins lange Eck ein.* (немецкий)

*‘После подачи с середины поля игрок команды Франкфурта завершил матч подачей слева, **пнул** мяч в дальний угол, со счетом 3:1’* [Sketch Engine]

Здесь в качестве объекта выступает мяч, который находится спереди субъекта, а цель субъекта переместить его в определенную точку.

- толкать из-за тесноты

(8) *Stopp drängeln – warten Sie, bis Sie dran sind!* (немецкий)

‘Прекратите толкаться – ждите своей очереди!’ [Носитель]

Ситуации «толкать из-за тесноты» и «будить» не описывают непосредственно перемещение объекта от субъекта, однако они анализируются в пределах рассматриваемого поля, так как покрываются глаголами, которые описывают также прототипический смысл ‘отодвигать от себя’.

- будить

(9) *Вона крутилася по полу, штовхала чоловіка, сердячись, що він так спить, аж хропе.* (украинский)

‘Она крутилась по полу, толкала мужа, злясь, что он так спит и храпит.’ [MOVA]

- привлекать внимание

(10) *Тут Костя встает и толкает меня в бок: «Ну, Зина, мы уходим».* [Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)] (русский)

В семантическое поле «тянуть», помимо прототипических ситуаций, связанных с перемещением объекта на себя, мы включили также ситуации с особым типом объекта. Речь идет об изначально закрепленных объектах, которые в результате действия субъекта, перемещающего объект на себя, отрываются от своего исходного местоположения (ср. русский глагол *выдергивать*). Таким образом, в исследование были включены следующие прототипические ситуации, в которых реализуются выбранные лексемы:

1. центральные фреймы

- двигать на себя, взяв за край/конец объекта

(11) *Sie zog den Rand der Tischdecke und das ganze Geschirr fiel auf dem Boden.* (немецкий)

‘Она **потянула** за край скатерти, и вся посуда упала на пол.’ [Носитель]

В семантической зоне «тянуть» фрейм «двигать на себя, взяв за край/конец объекта» является центральной и прототипической: субъект, воздействуя на объект, передвигает его на себя.

- передвигать объекты за собой (объект находится за субъектом)

(12) *驴善于走险峻的山路, 也可以拉车。* (китайский)

‘Осел хорошо идет по крутой горной дороге, а также может **тянуть** тележку.’ [Sketch Engine]

Фрейм «передвигать объекты за собой» описывает ситуацию, когда субъект передвигается сам и перемещает объект, который обязательно находится за субъектом.

- открывать на себя

(13) *Cuando pude, me fui, **tiré** de la puerta que da a la calle y me escondí para que mi esposa no se diera cuenta de mi presencia.* (испанский)

‘Когда я смог, я пошел, **открыл** дверь на улицу и спрятался так, что моя жена меня не заметила.’ [Sketch Engine]

Как и в поле «толкать», в поле «тянуть» при особом типе объекта (двери) у действия субъекта появляется особый смысл – открывать дверь на себя.

2. периферийные фреймы

- извлекать из контейнера (с применением усилий, необходимых ввиду плотности размещения вещей в контейнере или тяжести объекта)

(14) *Einige im Raum **zogen** Taschentücher heraus, um die Tränen wegzuwischen.* (немецкий)

‘Некоторые люди в комнате **вытащили** платки, чтобы вытереть слезы.’ [Sketch Engine]

Фрейм «извлекать из контейнера» указывает на то, что субъекту необходимо применить физические усилия, чтобы переместить объект на себя ввиду плотности размещения вещей контейнера или тяжести объекта.

- выдергивать закрепленный объект

(15) *Der Arzt **zog** meinen Zahn.* (немецкий)

‘Доктор **выдернул** мне зуб.’ [Носитель]

Речь идет о закрепленном объекте, который субъект отрывает от исходного положения. Фрейм попадает в анализируемое поле, так как смыслы ‘выдергивать закрепленный объект’ и ‘двигать на себя’ покрываются в некоторых языках одной лексемой.

- привлекать внимание

(16) *She **pulls** her mother`s sleeve and says: “I want to go home”* (английский)

‘Она **потянула** за рукав мамы и сказала: «Я хочу домой».’ [Носитель]

Ситуация «привлекать внимание» присутствует как в зоне «толкать», так и в поле «тянуть». Разница между ними заключается в типах объекта: в первом случае в качестве объекта, чаще всего, выступает часть тела человека (бок, плечо), во втором случае – это одежда человека (рукав), хотя в обоих случаях адресатами является человек.

- тянуть руку, чтобы достать/дотянуться до чего-либо

(17) *A well-dressed young man **pulled** his hand to the bell, but the door opened itself.* (английский)

‘Хорошо одетый мужчина уже **потянул** руку к звонку, когда дверь сама открылась.’ [Носитель]

- тянуть шею, чтобы увидеть что-либо

(18) *Діти в задніх рядах витягали шії, щоб хоч щось розгледіти.* (украинский)
'Дети в задних рядах **тянули** шеи, чтобы хоть что-то разглядеть.' [Носитель]

В ситуациях «тянуть руку, чтобы достать/дотянуться до чего-либо» и «тянуть шею, чтобы увидеть что-либо» субъект не каузирует перемещение объекта на себя. Здесь речь идет о том, что субъект направляет свою часть тела (руку или шею) таким образом, чтобы совершить какое-либо действие. Эти ситуации также описываются глаголами, которые употребляются в прототипических ситуациях нашего поля.

- увеличивать в размере (о материалах)

(19) *На фабрике тянут кожу, чтобы потом использовать ее для производства сапог.* (русский) [Носитель]

Фрейм «увеличивать в размере» имеет определенный тип объекта – материал (например, кожа). Субъект тянет материал (то есть увеличивает в размерах) таким образом, чтобы впоследствии использовать его для изготовления других вещей. В этой ситуации тоже используются глаголы, встречающиеся в прототипических ситуациях зоны «тянуть».

Отметим, что анализируемые семантические поля оказываются во многих ситуациях симметричными. Так, противоположная направленность действия задает такие пары ситуаций, как «отодвигать от себя» (поле 'толкать') / «двигать на себя» ('тянуть'), «открывать от себя» ('толкать') / «открывать на себя» ('тянуть'), а также «помещать в контейнер» ('толкать') / «извлекать из контейнера». Если в ходе ситуации сам субъект перемещается и двигает вместе с собой объект, то направление воздействия на объект диктует разное положение объекта относительно субъекта: в случае 'толкать' объект находится перед субъектом, в случае 'тянуть' – за ним. В то же время в рассматриваемых зонах имеются ситуации, для которых направление действия оказывается незначимым, поскольку цель, которой добивается субъект, может быть достигнута при любом типе воздействия, ср. фрейм «привлекать внимание», который отмечается в обеих зонах. Правда, место приложения усилий в случае 'толкать' и 'тянуть' в этих случаях будет разным: толкают с этой целью, как правило, в бок (то есть воздействие осуществляется как бы на весь объект, что характерно для прототипических случаев перемещения объекта от себя), а тянут за руку или за какую-то деталь одежды (то есть за край объекта, как в прототипическом перемещении к себе).

Итак, выделенные ситуации в исследованных языках описываются следующими лексемами:

- русский язык: *толкать, пихать, тыкать, нажимать, давить, тянуть, тащить, волочить, выдергивать, дергать*;
- украинский язык: *штовхати, пхати, натискати, тикати, тягти, волочити, висмикувати, смикати*;
- шугнанский язык: *баргадах, жақт, шилумбак, кирêхт, тїжд, къл сент, аґêр, питин*;
- английский язык: *push, poke, shove, press, pull, drag, haul*;
- немецкий язык: *drücken, schieben, drängen, schubsen, stoßen, ziehen, dehnen, strecken, schleppen, schleifen*;
- испанский язык: *empujar, apretar, pulsar, tirar, jalar, halar, arrastrar, estirar*;
- китайский язык: *推 tuī, 搽 sang, 排 pái, 塞 sāi, 按 àn, 挤 jǐ, 拉 lā, 拔 bá, 拖 tuō, 伸 shēn, 抻宽 chēnkuān, 拽 zhuài*.

Оговорим, что в работу в общем случае не включались дериваты рассматриваемых глаголов, поскольку их анализ заслуживает отдельного исследования. Исключение делалось только в том случае, если тот или иной фрейм в некотором языке описывается преимущественно производной лексемой. Так, для русского мы рассматривали префиксальные глаголы *выдергивать* и *нажимать*: обусловлено это тем, что именно они

(а не их бесприставочные корреляты) задают ситуации, связанные, соответственно, с извлечением закрепленного объекта и с воздействием на кнопку (обратим внимание, что в других языках эти ситуации могут выражаться ядерными глаголами, ср. англ. *pull/push* и немец. *ziehen/drücken*).

2. Центральные фреймы поля «толкать»

В семантическом поле «толкать-нажимать» все рассматриваемые языки можно разделить на три типологических класса. В основе такого деления лежит распределение анализируемых лексем по трем прототипическим фреймам: «нажимать на кнопку», «открывать от себя» и «двигать от себя». Между собой эти ситуации противопоставлены по однократности («нажимать на кнопку», «открывать от себя») и континуальности («двигать от себя») совершения действия.

В первой группе языков существует глагол, который может реализовываться во всех трех прототипических ситуациях. К этой группе относятся английский и испанский языки, лексемы *push* и *empujar*, соответственно (см. Рисунок 1). Примером могут послужить словосочетания с английским глаголом *push*: *push the button* 'нажать на кнопку', *push the trolley* 'толкать тележку' и *push the door* 'открыть дверь'.

push, empujar

Рисунок 1. «Толкать-нажимать», первая группа

Вторая группа языков использует специальный глагол для описания фрейма «нажимать на кнопку». К этой группе относятся глаголы: русск. *нажимать*, украин. *натискати*, шугн. *жақт*, кит. *按 àn*. Этот глагол не употребляется в ситуациях «открывать от себя» и «двигать от себя», ср. примеры украинского языка:

натискати на кнопку 'нажимать на кнопку' vs. *натискати двери 'открыть дверь' (украинский)

Ситуации «открывать от себя» и «двигать от себя» в этих языках покрываются глаголами со значением каузации перемещения объекта от себя: ср. русск. *толкать*, украин. *итовхати*, шугн. *баргадах*, кит. *推 tuī*. На рисунке 2 показано распределение рассмотренных лексем.

нажимать, **натискати,** **жақт,** **按 àn**
толкать, итовхати, баргадах, 推 tuī

Рисунок 2. «Толкать-нажимать», вторая группа

В последнюю группу входит только немецкий язык: в нем фреймы «нажимать на кнопку» и «открывать от себя» противопоставлены фрейму «двигать от себя». В первых

двух ситуациях носители немецкого языка используют глагол *drücken* 'толкать, нажимать', а в третьей – *schieben* 'толкать'. Так, например, можно сказать фразу *auf einen Knopf drücken* 'нажимать на кнопку', но нельзя сказать **auf einen Knopf schieben* 'нажимать на кнопку'. Противопоставление этих глаголов представлено на рисунке 3 ниже.

— drücken
 - - - - schieben

Рисунок 3. «Толкать-нажимать», третья группа

Для семантического поля «толкать-нажимать», помимо рассмотренных выше, можно выделить еще ряд параметров, который влияет на выбор той или иной лексемы. Такими параметрами служат: размер контейнера и точечное воздействие на поверхность.

Фрейм «помещать внутрь контейнера» во всех языках (в которых он реализуется) означает, что субъект пытается поместить объект внутрь контейнера, в котором недостаточно места для объекта или который имеет меньший по сравнению с объектом размер. Так, например, ведут себя следующие глаголы: русск. *пихать*, украин. *пхати*, шугн. *баргадах* англ. *shove*, немец. *schieben*, кит. 塞 *sāi*. Рассмотрим предложение (20), в котором русский глагол *пихать* описывает ситуацию, когда в контейнере (т.е. сумке) недостаточно места для объекта (т.е. книг).

(20) Она **пихала** книги в сумку. [Носитель]

Для некоторых глаголов, попавших в рассматриваемую зону, важно точечное воздействие на поверхность (ср. русск. *давить* как воздействие на всю поверхность). Нередко у этих глаголов прослеживается наличие такой семантической роли предложения как инструмент. Наглядным примером реализации рассматриваемого параметра служит предложение (21):

(21) You'll **poke** someone in the eye with that umbrella if you're not careful! [Sketch Engine]

‘Ты **ткнешь** кого-нибудь в глаз, если не будешь осторожнее с этим зонтом.’

3. Центральные фреймы поля «тянуть»

Примечательно, что в семантической зоне «тянуть-выдергивать» все языки тоже делятся на три группы, по аналогии с полем «толкать». Выбор лексики в прототипических ситуациях «выдергивать закрепленный объект», «открывать на себя» и «двигать на себя» (противоположенные тем, что рассматривались в поле «толкать») послужил основой для деления языков на группы. Сами же ситуации противопоставляются между собой по прототипической ориентации воздействия на объект: вертикальная или горизонтальная.

Для первой группы языков характерно наличие лексики, которая может использоваться во всех трех фреймах. К ней относятся следующие глаголы: англ. *pull*, исп. *tirar*, кит. 拉 *lā* (см. рисунок 4). Эти глаголы сочетают в себе несколько значений и употребляются во многих других фреймах нашей системы. В качестве примера рассмотрим словосочетания с английским глаголом *pull*: *pull the teeth* ‘выдергивать зуб’ vs. *pull the door* ‘открывать дверь’ vs. *pull the box* ‘тянуть коробку’.

— pull, tirar, 拉lā

Рисунок 4 – «тянуть-выдергивать», первая группа

Во второй группе языков противопоставляется фрейм «выдергивать закрепленный объект», который описывается при помощи специальной лексики, двум другим фреймам. Имеется в виду, что лексемы русск. *выдергивать*, украин. *висмикувати*, шугн. *питин* не могут быть использованы в ситуациях «открывать на себя» и «двигать на себя», то есть возможно сочетание *выдергивать зуб*, но невозможно **выдергивать коробку*. Фреймы «открывать на себя» и «двигать на себя» в этих языках покрываются с помощью глаголов, означающих каузацию перемещения объектов от себя: русск. *тянуть*, украин. *тягти*, шугн. *тїжд*. Распределение лексем систематизировано на рисунке 5.

----- **выдергивать, висмикувати, питин**
 _____ **тянуть, тягти, тїжд**

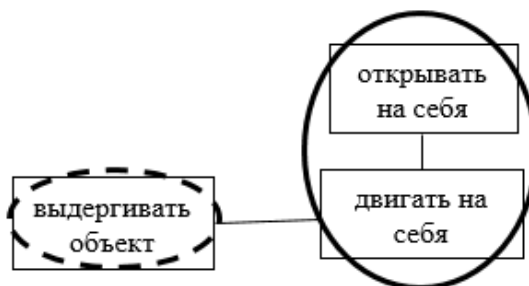

Рисунок 5. «Тянуть-выдергивать», второй тип

Третья группа языков представлена только немецким языком: в нем происходит противопоставление лексики *schleifen* 'тянуть' и глагола *ziehen* 'тянуть, выдергивать'. Первый глагол употребляется только в ситуации «двигать на себя» и не может использоваться в двух других фреймах, а второй покрывает все три рассматриваемых фрейма, ср. следующие словосочетания: *einen Zahnziehen* 'выдергивать зуб' vs. **einen Zahn schleifen* 'тянуть зуб' и *einen Wagenziehen* 'тянуть тележку' vs. *einen Wagen schleifen* 'тянуть тележку'. На рисунке 6 показано как лексемы распределены по фреймам.

----- **ziehen**
 _____ **schleifen**

Рисунок 6. «Тянуть-выдергивать», третий тип

В анализируемом семантическом поле существует и другие параметры, которые могут повлиять на выбор лексики, например, объем и размер объекта. Во многих

рассматриваемых языках во фрейме «передвигать за собой» встретились лексемы, которые характеризуют передвижение объекта, не отрывая его от поверхности. Объект настолько большой или тяжелый, что у субъекта не хватает физической силы, чтобы поднять его с поверхности. Таким образом ведут себя лексемы в следующих языках: русск. *волочить*, украин. *волочити*, англ. *drag*, немец. *schleifen*, исп. *arrastrar*, кит. *拽zhuài*. В качестве примера служит предложение (22). Стоит также отметить, что все эти глаголы употребляются в ситуациях, когда субъект устал или болен, и он «волочит части тела»: в большинстве языков объектом служат ноги, но в некоторых говорят и про все тело, см. предложение (23).

(22) *The box was too big for Carter to pick up, so instead he **dragged** it over to the door.* [Sketch Engine]

*‘Коробка была слишком большая, чтобы извозчик смог ее поднять, поэтому вместо этого он **перетащил** ее к двери.’*

(23) *Собрав все силы, я поднялся, протер лицо снегом и, еле **волоча ноги**, зашагал к мосту через Неву.* [В. В. Овчинников. *Размышления странника (2012)*]

4. Заключение

В результате исследования выяснилось, что в обоих семантических полях анализируемые языки можно разделить на три группы в зависимости от того, как они описывают и противопоставляют прототипические ситуации. В поле «толкать» этими ситуациями являются «нажимать на кнопку», «двигать от себя» и «открывать от себя», а в поле «тянуть» – «выдергивать закрепленный объект», «двигать на себя» и «открывать на себя». Кроме того, для этих полей важны параметры такой синтаксической роли в предложении, как объекта. Во-первых, выбор той или иной лексики часто зависит от его размеров и веса. Во-вторых, для некоторых ситуаций важно наличие семантической роли инструмента. Более того, в некоторых фреймах важно также наличие контейнера и его размеры.

Данные исследования показали, что описываемые семантические поля нельзя назвать полностью антонимичными, хотя они и подразумевают противоположную направленность действия относительно субъекта. Так, например, в обеих зонах присутствует одинаковый фрейм «привлекать внимание». Действительно, для этого фрейма значимо, что субъект каким-то образом воздействует на объект, чтобы обратить его внимание на себя: при этом неважно, в какую сторону направлено движение субъекта. Как показывает английский язык некоторые глаголы из зоны «тянуть» употребляются в зоне «толкать» и наоборот.

Отметим, что у настоящей работы есть дальнейшие перспективы исследования. Для начала хотелось бы рассмотреть семантические поля «толкать» и «тянуть» в лексико-типологической перспективе на материале большего количества языков, в частности, использовать данные из разнообразных языковых семей. Кроме того, хотелось бы проследить, какие закономерности наблюдаются для переносных значений изучаемых глаголов, выявить сходства и различия семантических переходов на межъязыковом уровне. Это позволит получить более подробное описание структуры данных семантических полей.

Литература

1. Goddard C. Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings./ C. Goddard, A. Wierzbicka – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. – 510pp.
2. Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. / Haspelmath Martin – In: M. Tomasello (ed.) *The New Psychology of Language*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 211-242p.
3. Копецка А., Bhuvana N. Events of Putting and Taking: A Crosslinguistic Perspective./ Копецка Анега, Bhuvana Narasimhan// Amsterdam: Benjamins, 2012. – 371pp.

4. Koptjevskaja-Tamm M. The Linguistics of Temperature. /Koptjevskaja-Tamm Maria // Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – 934pp.
5. Koptjevskaja-Tamm M. Approaching Lexical typology. / Koptjevskaja-Tamm Maria – In: M. Vanhove (ed.) From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 3-52 p.
6. Newman J. The Linguistics of Giving./ Newman John// Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1998. – 373pp.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. / Ю.Д. Апресян. – М: Изд-во Наука, 1974 – 368 с. (2-е доп. изд.: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М., 1995).
8. Вострикова Н. Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве. / Н. Вострикова // Москва: МГУ, 2003. – 9 с.
9. Орехов Б.В. Компьютерные перспективы лексико-типологических исследований / Б.В. Орехов, Т.И. Резникова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015 – №3. С.17-23.
10. Рахилина Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е.В.Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – No 2. – С. 3–31.

*Савельева Алина Юрьевна,
бакалавриат «Фундаментальная и прикладная лингвистика», НИУ ВШЭ, Москва.
E-mail: alin-05@mail.ru*

*Savelieva Alina Yurevna,
bachelor “Fundamental and applied linguistics”, HSE, Moscow.
E-mail: alin-05@mail.ru*

УДК 004.912

А. Г. Сбоев, Д. В. Гудовских, И. А. Молошников, А. В. Наумов
(Москва)

МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВБРОСОВ В ИНТЕРНЕТ ИСТОЧНИКАХ©

Аннотация: в данной работе была исследована методика выявления информационных вбросов в интернет источниках на основе анализа неявных дубликатов текстов. Для поиска дубликатов был рассмотрен метод, использующий векторную модель документа, который учитывает не только точные дубликаты, но и перепечатки, в которые включены некоторые изменения. Представлены визуализированные результаты

© Сбоев А. Г., Гудовских Д. В., Молошников И. А., Наумов А. В., 2017

экспериментов на базе новостного корпуса, состоящего из 450000 документов из различных Интернет источников.

Ключевые слова: выявление слухов, анализ текстов, определение дубликатов.

Method for detecting rumors in the internet sources

Annotation: in this paper, the technique of detecting rumors based on the analysis of fuzzy duplicate texts in Internet sources was researching. The method for searching for fuzzy duplicates, using a vector model of the document that takes into account not only full duplicates, but also documents with some changes was considered. Visualized results of the experiments on basis of the news corps, consisting of 450000 documents from different Internet sources were presented.

Key words: rumor detection, text mining, duplicate detection.

В настоящее время вопрос о достоверности публикуемой информации в Интернете является чрезвычайно актуальным. Развитие и популяризация современных информационных технологий, а в первую очередь Интернета привело к тому, что любое событие может вызывать бурную общественную реакцию и общественный резонанс. Злоумышленники стали использовать распространение слухов и информационные вбросы для внешнего воздействия на человеческое сознание и формирования нужного мнения о тех или иных событиях.

В результате искусственной деформации информационного поля по открытым источникам бывает сложно определить истинное положение дел. Качественно выполненный информационный вброс не просто отличить от новости, тем более, что зачастую он делается с помощью освещения реального события путём искажения фактов. Актуальность исследуемой темы обуславливается необходимостью противодействия возрастающему количеству применений распространения информационных вбросов путём их выявления в сети Интернет.

Основная цель нашего исследования – это разработка метода выявления информационных вбросов в сети Интернет. Данная методика поможет в решении таких задач, как:

- Выявление новостей похожих на информационный вброс;
- Выявление новостных источников, которые зарождают и поддерживают информационный вброс.

Научные исследования к вопросу о выявлении дезинформации, информационных вбросов, слухов и их источников стали появляться всё чаще. Это объясняется желанием людей в современном информационном обществе, не поддаваться влиянию злоумышленников. В сложившейся ситуации именно результаты исследований помогают людям комфортно находиться в сети Интернет. Например, в статье “Слухи в глобальной сети Интернет: особенности генезиса, возможности противодействия” [Куликова, 2011] рассматриваются примеры распространения недостоверной информации в медиaprостранстве России и их последствия. В исследовании “Identifying Rumors and Their Sources in Social Networks” [Seo, 2012] рассматривается обнаружение слухов и их источников в социальной сети «Twitter». Авторы основываются на предположении о том, что слухи генерируются только из небольшого числа источников, в то время как достоверная информация представлена большим числом независимых источников одновременно. Алгоритм, идентифицирующий слухи и их источники, основан на наблюдении, за изначально выбранным набором отслеживаемых аккаунтов. Он продемонстрировал хороший потенциал, но ограничен в использовании только одной социальной сетью “Twitter”. Мы же предлагаем метод выявления информационных вбросов в различных источниках, таких как новостные ресурсы, блоги, форумы, причём не отбирая конкретных ресурсов для наблюдения.

Методы

Для выявления информационных вбросов было принято решение исследовать характер распространения новостей, а в частности отношения большого количества дубликатов новости к маленькому количеству её оригиналов. Все новости одного слуха, даже на совершенно разных ресурсах Интернета будут практически идентичны. Прочтя десять новостей, посвященных теме слуха, пользователь будет знать примерно столько же, если бы прочел всего одну. Текст может незначительно отличаться, но дополнительного материала не будет.

Эта особенность была выбрана, потому что она является отличительной чертой всех информационных вбросов.

Источником данных для исследования является новостной корпус из Интернета и содержащий в себе около 450000 документов. Эти документы включают в себя:

- новости, опубликованные на различных новостных сайтах;
- посты из социальных сетей «Twitter» и «ВКонтакте» – это твитты, ретвитты и записи, опубликованные в группах и на личных страницах пользователей;
- записи форумов – это текст созданных тем на различных форумах, комментарии под ними;
- записи, опубликованные в личных блогах людей.

Каждый документ хранит информацию о времени появления новости в интернете, прямую ссылку к новости в Интернете, полностью текст самой новости.

На основе выбранного характерного признака была разработана методика по выявлению информационных вбросов в сети Интернет.

Методика состоит из 5-и этапов:

1. Выделение новостей по интересующей тематике;
2. Определение оригиналов новостей;
3. Определение дубликатов и перепечаток этих новостей;
4. Визуализация графиков отношения количества оригиналов новостей к количеству дубликатов новостей за определённый период;
5. Принятие решения о том было ли распространение информационных вбросов в информационном пространстве по интересующей теме или нет на основе построенных графиков.

Рассмотрим подробнее основные этапы.

А) Выделение новостей

Так как исследование проводилось на заданном корпусе новостей, отбор новостей для анализа производился поисковой машиной Elastic search.

Elastic search это платформа полнотекстового поиска и аналитики, поставляемый с открытым исходным кодом, основанная на проекте Apache Lucene. Обычно он используется как базовый движок, который позволяет работать приложениям, имеющим сложные особенности поиска и требования к поиску.

Для поиска новостей формируется запрос к поисковой машине по интересующей теме. Этот запрос состоит из ключевых слов и словосочетаний, наиболее точно отражающих суть темы. В частных случаях он может состоять только лишь из одного слова, например: «Армата». Запрос можно уточнить, добавив значимость ключевых слов в запросе или указав требуемую длину текста новости.

После получения набора новостей по определённой теме, следующим действием производится поиск среди этого набора оригинальных новостей и их дубликатов.

Б) Определение оригиналов и неявных дубликатов

Для решения задачи поиска дубликатов был выбран метод, использующий векторную модель документа, потому что он отличается простотой реализации и не требует использования высокопроизводительных вычислительных систем.

Документ в векторной модели рассматривается как неупорядоченное множество взвешенных термов. Термами в информационном поиске называют слова, из которых

состоит текст. Если терм не встречается в документе, его вес равен нулю. Для остальных слов вес рассчитывается по методу TF-IDF. Точные формулы TF, IDF, TF-IDF представлены в формулах (1) – (3). Здесь, t является термом, d – документ, D это общее число документов в корпусе. Функция $freq(t,d)$ вычисляет частоту встречаемости термина t в документе d , а функция $docFreq(t,D)$ вычисляет количество документов из набора D , в которых встречается терм t .

$$TF(t, d) = \sqrt{freq(t, d)} \quad (1)$$

$$IDF(t, D) = 1 + \log\left(\frac{D}{docFreq(t,D)}\right) \quad (2)$$

$$TF - IDF(t, d, D) = TF(t, d) \times IDF(t, D)^2 \quad (3)$$

Таким образом, из текста входного документа выбирается набор термов, которые имеют самый большой вес, рассчитанный методом TF-IDF, то есть термов, которые дают объективное представление о документе.

Далее, используя эти термы формируется новый запрос к поисковой машине, выполняется поиск репрезентативных документов и возвращаются результат. В качестве меры сходства входного документа с найденными используется функция $Similarity(q,d,D)$, она представлена в формуле (4). Здесь, q запрос к поисковой машине состоящий из термов, а коэффициент $k(q,d)$ отражает, количество найденных термов из запроса в указанном документе.

$$Similarity(q, d, D) = k(q, d) \times \sum_{t \in q} TF - IDF(t, d, D) \quad (4)$$

Основные принципы поиска похожих документов, были реализованы в используемом поисковом движке Elastic search как метод «More Like This Query» [3]. Чтобы выбрать нечёткие дубликаты, а не все похожие документы, была введена минимальная степень похожести.

Минимальная степень похожести – $min\_similarity(type)$, была определена эмпирическим путём в ходе экспериментов, для 4 типов текстов различной длины:

- твиты (до 140 знаков): 4.5;
- текст маленькой длины (от 140 до 1100 знаков): 2.7;
- текст средней длины (от 1100 до 7000 знаков): 1.76;
- текст большой длины (более 7000 знаков): 1.68.

На вход этому методу подаётся документ, дубликаты которого необходимо найти. Этот документ сравнивается с имеющимися документами корпуса и находятся все документы, которые имеют большую, чем минимально заданная, степень похожести с этим документом.

Иллюстрацию этого метода можно увидеть на рисунке 1.

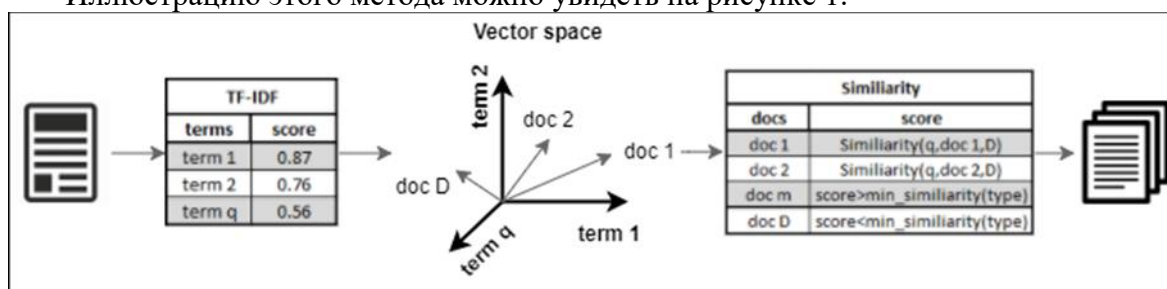

Рисунок 12. Определение нечётких дубликатов документов.

Такой метод определения дубликатов удобен тем, что определяются не только точные дубликаты новостей, но и перепечатки, в которые включены некоторые изменения, но основная часть оставлена прежней. Он является менее чувствительным к изменению документа, нежели сигнатурные методы выделения дубликатов.

Оригинал новости определяется по информации о времени появления новости в интернете, которая хранится в корпусе новостей для каждого документа. После того, как были определены все дубликаты новости, выбранной из набора новостей по определённой

теме, выбирается новость, у которого указана наиболее ранняя дата создания новости. Именно она и считается оригиналом.

В) Построение графиков

После выявления перепечаток оригиналов новостей по определённой теме и их подсчёта, определяются следующие результаты:

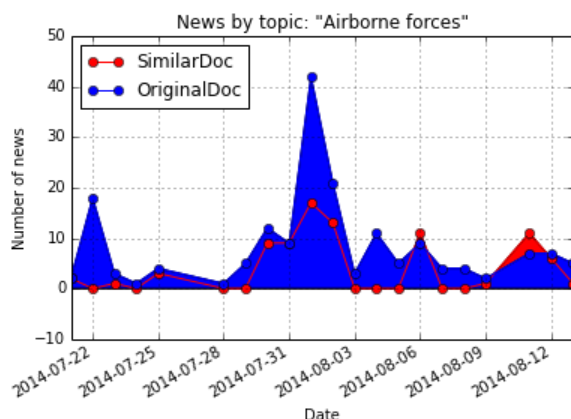

Рисунок 13. Количество оригинальных новостей и их дубликатов по естественному поведению.

- дата оригинальной новости;
- количество дубликатов оригинальной новости

На основе полученных результатов можно построить график отношения количества оригинальных новостей к их дубликатам. Этот график позволяет сделать выводы и выявить аномальное поведение новости, характерное для информационных вбросов.

Например, на рис. 2 представлено отношение количества оригинальных новостей к их дубликатам по естественному поведению, а на рис. 3 показано тоже самое отношение, но в искусственно поднятом

информационном поведении.

Эксперименты и результаты

В качестве примера рассмотрим результаты проведённого эксперимента с темой «Амата, Уралвагонзавод».

В ходе эксперимента был получен график отношения количества оригинальных новостей к перепечаткам. На рис. 3 представлена часть этого графика с аномальным поведением. Необычность поведения отражается в том, что по непопулярной теме, это определяется по синему графику, который определяет количество оригинальных новостей, 08.05.2014 появилось очень много дубликатов новостей.

Новость, которая дублируется в этот день, имеет следующее содержание:

«... В четверг РБК сообщил, что близкие к Минобороны России источники американского издания The Wall Street Journal рассказали о сокращении заказа на Т-14 из-за высокой цены. Это, по данным издания, ставит под сомнение судьбу всего проекта. В сентябре Уралвагонзавод вошел в санкционный список Евросоюза».

В новости мы видим сразу несколько признаков слуха:

- Необычно большое количество дубликатов новости;
- Источника информации, «близкие к Минобороны России источники», никак не проверить на самом деле. Фразы подобного типа часто встречаются в информационных вбросах;

- Новость пытается сформировать негативное мнение о центральном объекте текста у читателей, освещая реальные факты с нужной точки зрения. Официальных заявлений о сокращении заказов в прессу не поступало, а заявленная высокая цена на

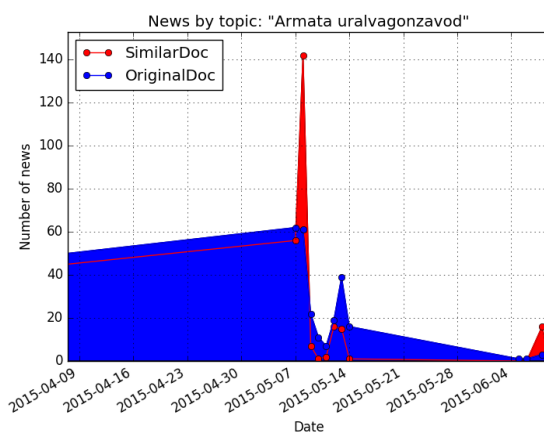

Рисунок 14. Количество оригинальных новостей и их дубликатов в искусственно поднятом информационном поведении.

самом деле ниже, чем у зарубежных аналогов, поэтому производство танка является целесообразным.

Из всего выше перечисленного, можно сделать вывод, что этот слух был распространён для внешнего воздействия и формирования негативного мнения о центральном объекте текста.

Выводы

Была исследована методика по выявлению информационных вбросов в сети Интернет. Она была опробована на новостном корпусе, содержащем в себе около 450000 документов. Методика продемонстрировала возможность выявления информационных вбросов на базе анализа неявных дубликатов документов. Предложенная методика отличается простотой реализации и удобна тем, что не требует использования высокопроизводительных вычислительных систем. Проведённое исследование имеет перспективы дальнейшего развития.

Благодарности

Данное исследование было поддержано проектом Российского фонда фундаментальных исследований № 15-29-01173 офи_м".

Литература

1. Куликов Е.М. Слухи в глобальной сети интернет: особенности генезиса, возможности противодействия / Е.М. Куликов // Общество: социология, психология, педагогика – 2011. – №1-2. – С. 55-58.

2. Seo E., Mohapatra P., and Abdelzaher T. Identifying rumors and their sources in social networks, Proc. SPIE 8389, Ground/Air Multisensor Interoperability, Integration, and Networking for Persistent ISR III – 2012. – С. 83891I.

3. More Like This Query // Elasticsearch Reference. URL: <https://www.elastic.co/guide/en/elasticsearch/reference/2.1/query-dsl-mlt-query.html> дата обращения 23.08.2017).

*Сбоев Александр Георгиевич,
кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Курчатовского
комплекса НБИКС-технологий.*

E-mail: sag111@mail.ru

Sboev Aleksandr Georgievich.

PhD of Science, Senior Research Officer of the Kurchatov complex of the NBICS-technologies.

E-mail: sag111@mail.ru.

*Гудовских Дмитрий Владимирович,
инженер-исследователь Курчатовского комплекса НБИКС-технологий.*

E-mail: dvgudovskikh@gmail.com.

Gudovskih Dmitriy Vladimirovich,

research engineer of the Kurchatov complex of the NBICS-technologies, PhD student.

E-mail: dvgudovskikh@gmail.com.

Молошников Иван Александрович,

инженер-исследователь Курчатовского комплекса НБИКС-технологий.

E-mail: ivan-rus@yandex.ru.

Moloshnikov Ivan Aleksandrovich,

research engineer of the Kurchatov complex of the NBICS-technologies, PhD student.

E-mail: ivan-rus@yandex.ru.

Наумов Александр Владимирович,
инженер-исследователь Курчатовского комплекса НБИКС-технологий, студент
магистратуры НИЯУ «МИФИ».
E-mail: sanya.naumov@gmail.com.

Naumov Aleksandr Vladimirovich,
research engineer of the Kurchatov complex of the NBICS-technologies, Master student of the
National Research Nuclear University MEPHI.
E-mail: sanya.naumov@gmail.com.

УДК 811.511.151

А. А. Сибирева
(Москва)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ АРЕАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ³⁴

Аннотация: данная работа посвящена исследованию цветообозначений в горномарийском языке на материале восточных говоров. Материал был собран в селе Кузнецово и близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер)³⁵. Перед нами стояли следующие задачи: выявить инвентарь базовых цветообозначений, а также исследовать особенности сочетаемости прилагательных, обозначающих цвета, с существительными разных семантических классов. В разделе 1 мы кратко опишем особенности горномарийских прилагательных, обозначающих цвета, и теорию, которая легла в основу данной работы. Далее, в частях 2 и 3 будут описаны два эксперимента, по результатам которых было выявлено 8 базовых цветообозначений горномарийского языка: *ošä* 'белый', *šimä* 'черный', *jakšargä* 'красный', *sarä* 'желтый', *äžargä* 'зеленый', *klovoj* 'синий', *kärän* 'коричневый', *ludä* 'серый'. Следующий раздел посвящен исследованию сочетаемости ЦО с существительными разных семантических классов. Отдельное внимание было уделено двум ЦО синей части спектра: *simsä* и *klovoj* (раздел 5). В 6-й части мы покажем, как система базовых ЦО горномарийского языка изменилась под влиянием ареальных контактов. Затем будет представлено обобщение собранного материала.

Ключевые слова: базовые цветообозначения, экспериментальное исследование, лексическая семантика, сочетаемость, заимствования

Experimental study of color terms in the Eastern dialects of Hill Mari from the areal perspective

---

© Сибирева А. А., 2017

³⁴ Исследование поддержано грантом РФФИ №16-06-00536а

³⁵ Сайт горномарийской экспедиции: <http://hillmari-exp.tilda.ws>

Abstract: this paper reports a study of color terms in the Eastern local idioms of Hill Mari. The data was collected in the village of Kuznetsovo and in some neighbouring villages (Tyumanovo, Apshak-Pelyak, Nikishkino, Paulkino, Kukshilidy, Kozhlananger). My goals were to establish which color terms are basic in Hill Mari, as well as to study the collocations of such terms. In Section 1, I provide a brief overview of Hill Mari system and summarize Berlin and Kay's theory of color universals. Sections 2 and 3 describe the methodology used for identifying probable color terms and its results in my survey. I argue that there are 8 basic color terms in Hill Mari: oš(ə) 'white', šim(ə) 'black', jakšar(ə) 'red', sar(ə) 'yellow', əžar(ə) 'green', klovoj 'blue', kərän 'brown', ludə 'gray'. In the next section I analyze the collocations of each basic color term. Section 5 discusses two color terms for 'blue', simsə and klovoj. In section 6, I discuss how the inventory of basic color terms in Hill Mari changed under the influence of Russian and Chuvash.

Key words: basic color terms, experimental research, lexical semantics, collocations, loanwords

1. Введение

В данном разделе мы приведем основные данные о горномарийских прилагательных, обозначающих цвета. Затем мы изложим теорию, в рамках которой велась работа.

1.1 Инвентарь исследуемых лексем

В [Саваткова 2008, 10-томный словарь марийского языка] мы обнаружили следующие ЦО, которые проверили далее на предмет того, имеют ли они статус базовых:

- oš(ə) - белый
- šim(ə) - черный
- jakšar(ə) - красный
- (ə)žar(ə) - зеленый
- simsə - бирюзовый, синий
- sar(ə) - желтый, оранжевый
- paŋənzə - желтовато-оранжевый, темновато-желтый
- pal'gata³⁶ - 1) бледный, бледноватый; 2) грязновато-желтый; ярко-желтый
- ludə - серый
- kərän - коричневый
- gozovəj/gozvəj - розовый
- kəpə³⁷ – розовый

В скобках даны показатели полных форм прилагательных³⁸. У прилагательного *əžar(ə)* есть фонологический вариант *žar(ə)*.

Цветообозначения могут сочетаться с модификаторами:

- цветообозначение с атрибутивизаторами *-algə-* и *-ikə-* для обозначения оттенков, например: *əžaralgə klovoj* 'зелено-синий'
- темный: *pəc, pəckätä, šiməlgə*
- светлый: *sotə, ošalgə*
- яркий: *cat*

1.2 Теоретическая база

Согласно [Berlin&Kay 1969], базовые цветообозначения отличаются от "небазовых" тем, что обладают широкой сочетаемостью, являются семантически

³⁶ Данное ЦО встретилось только в словаре; не было замечено в идиолекте ни одного из информантов

³⁷ Также встретилось только в словаре

³⁸ Для некоторых горномарийских прилагательных, включая многие цветообозначения, различаются краткая форма, используемая в атрибутивной позиции, и полная форма, используемая в других случаях.

немотивированными и “психологически значимыми”, т.е. обладают четкой референцией, присутствуют в идиолектах всех информантов и имеют тенденцию быть названными в числе первых в ходе эксперимента. Число базовых цветообозначений в языках мира варьирует от 2 до 11, причем имеется 7 стадий развития системы цветообозначений [Berlin&Kay 1969]. Например, на первой стадии в языке имеются цветообозначения для черного и белого, на второй – для черного, белого и красного и т.д. Впоследствии теория перерабатывалась как самими авторами, так и их последователями. На рисунке 1 представлены стадии развития системы цветообозначений, предложенные в [Berlin B. & Berlin E. 1975] (базовое ЦО для серого не принадлежит 7-й стадии и может появляться на любой стадии от 2-й до 6-й).

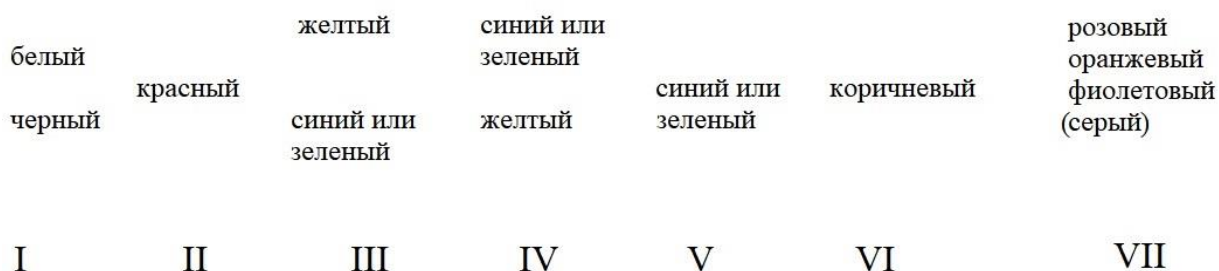

Рисунок 15. Стадии развития системы ЦО в языках мира

В [Berlin&Kay 1969] сформулированы следующие критерии, которым соответствуют базовые ЦО (перевод взят из [Рябина 2011: 31-32]):

1. *“Слово должно быть немотивированным, т. е. его лексическое значение должно быть неделимым, невыводимым из значения компонентов.*
2. *Его значение не должно быть синонимичным другому, более общему ЦО³⁹.*
3. *Слово должно обладать широкой сочетаемостью. ЦО, описывающие ограниченную группу объектов, основными не являются.*
4. *Слово должно быть «психологически значимым» (англ. salient) для носителей языка. Психологическую значимость характеризуют следующие показатели: а) тенденция оказываться в числе первых ЦО, называемых информантами; б) устойчивая референция, т.е. референт одинаков для всех носителей языка.*
5. *Словообразовательный потенциал должен быть таким же, как у основных ЦО, выявленных по предыдущим критериям.*
6. *Основное ЦО не может одновременно обозначать цвет и предмет соответствующего цвета.*
7. *Слово не должно быть недавним заимствованием.*
8. *Следует учесть морфологическую структуру сомнительного слова. Сложные и производные слова основными ЦО не являются.”*

Критерии 1-4 – основные. Критерии 5-7 применяются тогда, когда статус рассматриваемой лексемы вызывает сомнения. Отметим, что не все исследователи цветообозначений согласны с данными критериями.

В [Uusküla 2008] уделяется внимание первому критерию, который неверно интерпретируется некоторыми исследователями. Из него следует только семантическая, а не морфологическая неделимость слова. Таким образом, слово может быть морфологически сложным: важно только, чтобы значение слова не складывалось из значений его компонентов.

В [Sutrop 2002] высказывается точка зрения, что сами основные ЦО можно выделить только по лингвистическим критериям (1, 5-8), однако иерархию ЦО так

³⁹ Точнее, сигнификат данного ЦО не должен вкладываться в сигнификат более общего ЦО.

изучить не удастся. Некоторые исследователи, например [Crawford 1982] предлагают, напротив, отказаться от лингвистических критериев и использовать только психологические.

В основе нашего исследования лежит метод, предложенный в [Davies&Corbett 1995], развивающий метод Берлина и Кея и позволяющий быстро и довольно надежно выявить возможные базовые цветообозначения экспериментальным путем. Описание двух проведенных нами экспериментов, опирающихся на работу [Davies&Corbett 1995], приводится ниже.

Эксперимент на называние цветов

Перед информантом ставилась задача по памяти перечислить все известные ему цветообозначения, существующие в языке. Для чистоты эксперимента тема исследования не сообщалась информанту заранее. При обработке результатов учитывались не только сами ЦО, но и порядок, в котором они были названы. На данном этапе исследования для названных ЦО высчитываются *частота называния*, *средняя позиция* и *индекс психологической значимости* – критерии, которые учитываются при определении базовости ЦО.

Эксперимент с карточками

Информантам в случайном порядке показывали 65 карточек разных цветов, равномерно охватывающих спектр, из каталога RAL⁴⁰ и просили назвать цветообозначение, наиболее точно передающее цвет образца (без предварительного ограничения списка возможных ответов). В случае затруднения разрешалось пропустить данный образец и перейти к следующему. Перед началом эксперимента испытуемые проходили тест на цветовосприятие. Им показывали 6 картинок (таблиц Рабкина), направленных на выявление дефектов цветового зрения. Ответы людей с нарушением цветовосприятия при обработке результатов не учитывались. Эксперимент проводился в хорошо освещенных помещениях при дневном свете.

2. Эксперимент 1.

2.1 Полученные данные

Было получено 103 ответа от 10 информантов. Средняя длина цепочки цветообозначений, порождаемой одним информантом – 10,3 лексем. Данные эксперимента приведены в Таблице 7 (см. Приложение 1).

2.2 Анализ данных

Таблица 1.

Определение частотности первой реакции

ЦО	Частотность первой реакции
Jakšargê	9
Ošê	1

Девять из десяти информантов в первую очередь назвали ЦО *jakšargê* ‘красный’. Один информант сначала вспомнил прилагательное *ošê* ‘белый’.

Определение индекса психологической значимости

Психологическая значимость – один из важнейших критериев при определении статуса ЦО. Считается, что базовые ЦО имеют тенденцию быть названными в числе первых, а следовательно, бóльшую психологическую значимость.

ЦО, названные лишь один раз, признаются случайными. Таким образом, ЦО *simsälgä, klovojalgä, žaralgä, päcklovoj, päcsimsä, päcjakšargä, tälšolla, lazorevâj, bagrovâj, narânzâ, šij, toj, vârgenä, fiol’etovâj, šimälgä, ošalgä, ošalgä rozovâj, päckätä rozovâj, ängžälgä* не будут рассматриваться как возможные претенденты на роль базовых ЦО.

⁴⁰ Каталог можно найти по адресу: http://ral.ru/classic_colours

Все ЦО, названные более одного раза, считаются неслучайными. Для них высчитывается индекс психологической значимости (S) по формуле $S = \frac{F}{(N \cdot mP)}$, где F – частотность называния ЦО, N – общее число информантов, mP – средняя позиция ЦО.

В Таблице 2 все неслучайные цветообозначения упорядочены по психологической значимости:

Таблица 2

Индекс психологической значимости, частота называния и средняя позиция неслучайных ЦО

ЦО	Перевод на русский	S	F	Ранг по F	mP	Ранг по mP
<i>jakšargâ</i>	Красный	0,83	10	1	1,2	1
<i>klovoj</i>	Синий	0,28	10	1	3,6	2
<i>šimä</i>	Черный	0,2	9	2	4,(5)	4
<i>ošâ</i>	Белый	0,178	8	3	4,5	3
<i>(â)žargâ</i>	Зеленый	0,176	9	2	5,1	6
<i>sarâ</i>	Желтый	0,16	9	2	5,6	7
<i>simsä</i>	Синий ₂	0,125	6	4	4,8	5
<i>kärän</i>	Коричневый	0,11	8	3	7,4	10
<i>ludâ</i>	Серый	0,1	6	4	5,8	8
<i>rozovâj</i>	Розовый	0,045	3	5	6,7	9
<i>ala</i>	Пестрый	0,02	2	6	10	11
<i>šörtn'ä</i>	Золотой	0,01	2	6	15,5	12

Самый высокий показатель наблюдается у лексемы *jakšargâ* красный, что неудивительно, ведь красный цвет назвали абсолютно все информанты, причем для подавляющего большинства именно он был первой реакцией. Показатели остальных ЦО оказались намного ниже. Примечательно, что индекс психологической значимости цветообозначения, занимающего вторую позицию в таблице, меньше примерно в три раза. По частотности первое место занимают *jakšar(gâ)* 'красный' и *klovoj* 'синий', названные всеми информантами. Самые низкие показатели наблюдаются у лексем *ala* - 'разноцветный, пестрый' и *šörtn'ä* 'золотой'. Примерно так же ЦО упорядочены по средней позиции.

В таблицу 3 попали все ЦО “1-6 этапов” и лишь одно ЦО “7 этапа” - *rozovâj*. Именно оно имеет меньше всего шансов быть признанным базовым ЦО в результате нашего исследования, т.к. числовое значение его психологической значимости крайне мало. Напомним, что базовые ЦО превосходят “небазовые” по частоте называния в эксперименте и имеют тенденцию быть названными в числе первых (или, по крайней мере, раньше “небазовых”). Лексема *rozovâj* попала в ответы лишь 3-х информантов, в то время как самый низкий показатель частоты у ЦО “1-6 этапов” – 6. По средней позиции *rozovâj* превосходит только лексемы *kärän* 'коричневый', *ala* 'разноцветный, пестрый' *šörtn'ä* 'золотой'.

На данном этапе стоит отметить, что лексемы, занимающие две последних строки в таблице, не могут быть признаны базовыми цветообозначениями, несмотря на то что они были названы двумя информантами. Прилагательное *ala* может применяться к объектам, имеющим пеструю разноцветную окраску (2), и применительно к объектам, имеющим черно-белую окраску (1). Некоторые носители переводили *ala* на русский как «пятнистый».

- (1) Pet'a ala äškal-vlä-m orol-a
 Петя пестрый корова-PL-ACC пасти-NPST.3SG
 'Петя пасет черно-белых коров'

- (2) Pet`a ala kogoohêrec-ëm postar-a
 Петя пестрый тыква-ACC собирать-NPST.3SG
 ‘Петя собирает пестрые плоды тыквы’

Отвечая на вопрос «С чем может сочетаться *ala*?», многие носители начинали вспоминать артефакты и природные объекты, имеющие разноцветную окраску: цветущий луг, камуфляжную одежду, зебру и т.д. Следственно, для ЦО *ala* нельзя однозначно определить принадлежность к определенной части спектра, а следовательно, базовым ЦО (и вообще ЦО в строгом смысле) оно быть не может.

Лексема *šörtn`ä* - ‘золотой’ также не может претендовать на статус базового ЦО, т.к. обозначает одновременно и цвет, и предмет, давший название этому цвету (золото), см. критерий 6 выше.

2.3 Выводы

На данном этапе исследования предварительно выделяются следующие кандидаты в базовые ЦО: *ošâ* ‘белый’, *šimä* ‘черный’, *jakšargâ* ‘красный’, *sarâ* ‘желтый’, *âžargâ* ‘зеленый’, *klovoj* ‘синий’, *simsä* ‘синий’, *kärän* ‘коричневый’, *ludâ* ‘серый’. Они превосходят все остальные ЦО по индексу психологической значимости, частотности и средней позиции (только лексема *kärän* уступает лексеме *rozovâj* по средней позиции).

3. Эксперимент 2.

3.1 Полученные данные

Данные эксперимента приведены в Таблице 8 (см. Приложение 2). От 10-ти информантов было получено 644 ответа. Затруднения у отдельных носителей возникли с образцами 2010, 3012, 4004, 4005, 6034, 7009.

3.2 Анализ данных

Теперь для каждого из возможных базовых цветообозначений определим частотность называния во втором эксперименте (Tf) и доминирующую частотность (Df) - количество карточек, названных преимущественно этим ЦО. Затем подсчитаем количество карточек, названных данным ЦО более чем половиной информантов (Dfпри индексе доминантности (DI) = 1/2), и количество карточек, названных данным ЦО более чем тремя четвертями информантов (Dfпри индексе доминантности (DI) = 3/4).

Для наглядности объясним процедуру подсчета на примере ЦО *ošâ* ‘белый’ без учета модификаторов (таблица 3).

Таблица 3

Подсчет Tf и Df для *ošâ*

Критерий	Tf	Df	Df при DI 1/2	Df при DI 3/4
Значение	16	2	2	1

Частотность называния в рассматриваемом примере равна 16 (см. таблицу с ответами информантов в Приложении 2). Для двух образцов: 9003 и 9010, данное ЦО оказалось доминирующим, значит, Df = 2. Для обоих образцов вариант *ošâ* предложило больше половины информантов, значит, Df при DI 1/2 также равно 2. Образец 9003 назвали цветообозначением *ošâ* 9 раз, а образец 9010 – 7 раз. При индексе доминантности = 3/4 необходимо, чтобы карточку назвали данным ЦО 8 или более информантов (из 10 опрошенных всего). Значит, при DI = 3/4, получим Df = 1 (засчитаем только образец 9003, т.к. образец 9010 назвали лишь 7 человек).

Также мы используем такую величину, как индекс специфичности (SI) [Davies&Corbett 1994, Рябина 2011]. Он определяется по формуле $SI = \frac{Df}{Tf}$. Более высокий индекс специфичности соответствует меньшим расхождениям в идиолектах информантов относительно денотата ЦО. В таблице 4 можно видеть результаты подсчетов для каждого ЦО, упорядоченные по значению SI. Мы учитывали только исходные ЦО, дериваты типа *saralgâ* - ‘желтоватый’ не учитывались.

Несмотря на то что ЦО *fiioletovâj* по результатам второго эксперимента оказалось доминирующим для трех образцов, оно исключается из кандидатов на звание базового ЦО, т.к. было признано случайным в первом эксперименте (см. раздел 2.2).

Таблица 4 Результаты второго эксперимента

Цветообозначение	Tf	Df	DI 1/2	DI 3/4	SI
<i>rozovâj</i>	4	1	0	0	0,25
<i>oranževâj</i>	17	4	0	0	0,235
<i>fiol'etovâj</i>	13	3	0	0	0,23
<i>(â)žargâ</i>	25	5	1	0	0,2
<i>ludâ</i>	31	6	2	0	0,194
<i>jakšargâ</i>	33	6	1	0	0,18
<i>kärän</i>	28	5	1	0	0,179
<i>šimä</i>	33	5	3	1	0,15
<i>klovoj</i>	35	5	1	0	0,143
<i>sarâ</i>	36	5	4	2	0,139
<i>ošâ</i>	16	2	2	1	0,125
<i>simsä</i>	14	0	0	0	0

Лучшими показателями по результатам второго эксперимента обладают те же ЦО, что выделились в первом, за исключением прилагательного *simsä* - 'синий'. Их в целом называли чаще, чем остальные. По доминантной частотности они также превосходят ЦО *oranževâj*, *rozovâj*, *fiioletovâj* и *simsä*. Только лексема *ošâ* "проигрывает" этим четырем ЦО по Tf и Df. Это объясняется тем, что словом *ošâ* информанты называли только белый без примесей и неохотно описывали светлые, но не белые образцы. Однако статус *ošâ* как наиболее вероятного базового ЦО не подвергается сомнениям: оно было одним из немногих цветообозначений, получивших "балл" при $DI = \frac{3}{4}$.

Мы обнаружили любопытную тенденцию: индексы специфичности небазовых ЦО (занимают первые три и последнюю строки таблицы 6) оказались заметно выше индексов специфичности кандидатов в базовые ЦО. Как правило, чаще бывает наоборот (см., например, [Davies&Corbett 1994]). Нам кажется логичным следующее объяснение: информанты нередко использовали базовые цветообозначения, описывая образцы, которые при большей детализации могут соответствовать небазовым ЦО. Из-за этого частотность употребления росла, а доминирующая частотность не изменялась, что и привело к понижению показателя (SI) у данных лексем.

Индекс специфичности ЦО *simsä* равен нулю, т.к. информанты обозначали данной лексемой цвета синей части спектра и соседних зеленой и фиолетовой частей (подробнее о лексеме *simsä* мы расскажем далее, в разделе 5).

3.3 Выводы

Согласно [Davies&Corbett 1995], вероятные базовые ЦО имеют ненулевые показатели Df при $DI = \frac{1}{2}$ и при $DI = \frac{3}{4}$ (как, например, в английском языке, на базе которого разрабатывался метод). По таблице 6 видно, что только для лексем *ošâ* 'белый', *šimä* 'черный', *sarâ* 'желтый' нашлись такие образцы, которые более трех четвертей информантов назвали данными ЦО. У лексем *ošâ* 'белый', *šimä* 'черный', *jakšargâ* 'красный', *sarâ* 'желтый', *âžargâ* 'зеленый', *klovoj* 'синий', *kärän* 'коричневый', *ludâ* 'серый' наблюдаются ненулевые показатели Df при $DI = \frac{1}{2}$.

По результатам двух экспериментов с большой долей вероятности базовыми являются следующие ЦО: *ošâ* 'белый', *šimä* 'черный', *jakšargâ* 'красный', *sarâ* 'желтый', *âžargâ* 'зеленый', *klovoj* 'синий', *kärän* 'коричневый', *ludâ* 'серый'. Теперь осталось проверить, проходят ли они критерии 1-3 по Берлину и Кею (и критерии 5-8, если возникнут сомнения). Данные ЦО являются семантически простыми (критерий 1), их

сигнификаты не входят в сигнификаты более общих ЦО (критерий 2). Теперь необходимо удостовериться, что каждое из данных ЦО обладает широкой сочетаемостью.

4. Сочетаемость

Мы исследовали сочетаемость прилагательных, обозначающих цвета, с наименованиями природных объектов разных классов. Здесь и далее “объектами с непостоянным цветом” мы будем называть 1) те объекты, цвет которых изменяется с течением времени, например, плоды; 2) те объекты, цвет которых подлежит варьированию в зависимости от сорта/породы и т.д., к таким объектам относятся, например, животные. Им противопоставлены объекты с постоянным цветом.

Нами было обнаружено, что объекты с постоянным цветом как правило не сочетаются в горномарийском языке с цветообозначениями (ср. рассуждения о «цветных» и «бесцветных» предметах в [Рахилина 2008]), однако при наведении нужного контекста такие сочетания становятся возможны. Далее мы рассмотрим особенности сочетаемости каждого из выделенных в предыдущем разделе ЦО.

Белый – *oš*

Прилагательное *oš* свободно сочетается с названиями растений, а точнее, деревьев и цветов с постоянным цветом (3-4), но не так свободно с названиями молочных продуктов (5-6).

(3) mən'ə oš romaškə-m rog-em
я белый ромашка-ACC собирать-NPST.1SG

‘Я собираю белые ромашки’

(4) Pet'a oš kogi-mro-a
Петя белый береза-ACC рубить-NPST.3SG

‘Петя рубит белую березу’

(5) ?Pet'a oš tšvərtš-əm kačkəš
Петя белый творог-ACC есть-NPST.3SG

‘Петя ест белый творог’

(6) ?Pet'a oš ššer-əm jü-eš
Петя белый молоко-ACC пить-NPST.3SG

‘Петя пьет белое молоко’

Употребление *oš* в примерах (5) и (6) разрешалось частью носителей при вмешательстве некоторых прагматических факторов. Например, предложение (6) приемлемо, если молоко без добавок противопоставляется, например, шоколадному молоку. Аналогичная ситуация наблюдается с (5).

С объектами с непостоянным цветом прилагательное *oš* сочетается свободно (8-11).

(8) Pet'a oš ləm mäs-kə ke-ä
Петя белый снег конец-ILL2 идти-NPST.3SG

‘Петя идет по белому снегу’

(9) Pet'a oš fasol'-əm kačk-eš
Петя белый фасоль-ACC есть-NPST.3SG

‘Петя ест белую фасоль’

(10) Pet'an oš pü
Петя-GEN белый зубы

‘У Пети белые зубы’

Небо может быть *ošalgə*, ‘беловатое’, ‘светлое’ (11).

(11) Pet'a oš-algə pəlgom-eš anž-a
Петя белый-ATT небо-LAT смотреть-NPST.3SG

‘Петя смотрит на светлое небо’

Черный – *šimə*

Допускается употребление данного прилагательного с лексемой ‘кофе’ (12) и названиями животных с постоянным цветом, например, с лексемой ‘грач’ (13).

(12) Pet'a šim kofe-m jü-eš
Петя черный кофе-ACC пить-NPST.3SG

‘Петя пьет черный кофе’

(13) šim kurnâž-vlä vës-en tol-ân-êt
черный грач-PL лететь-CVB идти-PFV-3PL

‘Черные грачи прилетели’

Прилагательное *šimä* может обозначать и цвет плодородной земли. Лексема *kärän* ‘коричневый’, которую можно было бы здесь ожидать, оказывается недопустима в таком контексте:

(14) šim/*kärän rok-âštê rokolma kušk-eš
черный/*коричневый земля-IN картошка расти-NPST.3SG

‘В черной земле растет картошка’

Также данное прилагательное может использоваться в устойчивом сочетании для обозначения цвета темного (горького) шоколада (15).

(15) Pet'a šim šokolad-äm jarat-a
Петя черный шоколад-ACC любить-NPST.3SG

‘Петя любит черный шоколад’

Цветобозначение *šimä* свободно используется для описания цвета животных, различающихся по окрасу в зависимости от породы (16).

(16) Pet'a šim êškal-vlä-m orol-a
Петя черный корова-PL-ACC пасти-NPST.3SG

‘Петя пасет черных коров’

Также лексема *šimä* может обозначать цвет грязного снега (17). Отметим, что в данном случае она выражает именно значение ‘черный’. Выделить дополнительную семантику ‘грязный’ можно в данном контексте, но на уровне более широкой сочетаемости лексема *šimä* не имеет такого значения, в отличие от наименований черного цвета в некоторых других финно-угорских языках, см. подробнее [Сидорова 2016, 2017].

(17) Pet'a šim lêm mäs-käke-ä
Петя черный снег конец-ILL2 идти-NPST.3SG

‘Петя идет по {грязному} черному снегу’

Красный – *jakšar(gâ)*

Прилагательное *jakšargâ* сочетается с названиями животных с постоянным цветом (18). Также оно может обозначать цвет свежей крови (19):

(18) Jakšar vêri-vêrvêr vës-ä
красный божья.коровка лететь-NPST.3SG

‘Красная божья коровка летит’

(19) Pet'a-n jakšar vër jog-a
Петя-GEN красный кровь течь-NPST.3SG

‘У Пети идет алая кровь’

Прилагательное *jakšargâ* сочетается с названиями плодов (20):

(20) Pet'a jakšar kogomög-äm rog-a
Петя красный клубника-ACC собирать-NPST.3SG

‘Петя собирает красную клубнику’

Также эта лексема может обозначать цвет предметов, варьирующих в окрасе в зависимости от сорта, например, роз:

(21) Pet'a jakšar roza-m kuš-t-a
Петя красный роза-ACC расти-CAUS-NPST.3SG

‘Петя выращивает красные розы’

Кроме того, *jakšargâ* сочетается с лексемой ‘солнце’:

(22) Pëlgom-êstê jakšar kečë çükt-ä
Небо-IN красный солнце зажигать-NPST.3SG

‘На небе светит красное солнце’

Также рассматриваемое прилагательное может описывать кожу человека, красную от стыда или из-за мороза:

(23) Pet'a-n kavaštê-žê üšt-eš jakšar-g-en
 Петя-GEN кожа-POSS.3SG холод-LAT красный-DETR-PFV

‘У Пети от холода покраснела кожа’

Jakšargê может использоваться для обозначения цвета оранжевых и рыжих объектов (23-25). Во время опроса информантов дополнительно уточнялось, что в (23) имеется в виду не красный сорт апельсинов, а более распространенный оранжевый.

(23) Pet'a jakšar apel'sin-ëm kack-eš
 Петя красный апельсин-ACC есть-NPST.3SG

‘Петя ест оранжевый апельсин’

(24) Pet'a jakšar ärvëž-ëm už-eš
 Петя красный лиса-ACC видеть-NPST.3SG

‘Петя видит рыжую лису’

(25) Pet'a-n jakšarge üp
 Петя-gen красный волосы

‘У Пети рыжие волосы’

Желтый – *sarê*

Данное ЦО сочетается с названиями цветов с постоянным цветом (26):

(26) mën'ë sar l'utik-vlä-m rog-em
 я желтый лютик-PL-ACC собирать-NPST.1SG

‘Я собираю желтые лютики’

При необходимости прилагательное *sarê* может сочетаться с лексемой ‘масло’, хотя чаще в горномарийском масле лексически бесцветно (27).

(27) ?Pet'a sar ü-m kačk-eš
 Петя желтый масло-ACC есть-NPST.3SG

‘Петя ест желтое {сливочное} масло’

Прилагательное *sarê* может сочетаться с лексемой ‘солнце’ (28).

(28) Sar kečë anž-al-ën
 Желтый солнце смотреть-ATT-PFV

‘Выглянуло желтое солнце’

Также *sarê* может обозначать цвет животных (29):

(29) sar cëvigë-vlä sasl-at
 желтый цыпленок-PL кричать-NPST.3PL

‘Желтые цыплята пицаат’

Рассматриваемое прилагательное может обозначать цвет драгоценных металлов, например, желтого золота (30):

(30) Vas'a sar zolotê-m lëkt-eš
 Вася желтый золото-ACC добывать-NPST.3SG

‘Вася добывает желтое золото’

Šarê может использоваться, кроме того, для описания цвета заживающего синяка (31):

(31) Pet'a-n jal-ëštê sar sin'ak
 Петя-GEN нога-IN желтый синяк

‘У Пети на ноге желтый синяк’

Лексема *sarê* может обозначать и цвет зубов (31), как и лексема *ošê*, см. (10):

(32) Pet'a-n sar pü
 Петя-GEN желтый зубы

‘У Пети желтые зубы’

По-горномарийски нельзя сказать ‘желтая трава’, т.к. желтая трава, по словам информантов, это уже сено (33). Поэтому сочетание ‘желтая трава’ не имело бы смысла. Само сено типично обозначается существительным *šudê*.

- (33) pet'a žar/*sar sirem mǎč-kǎke-ä
 Петя зеленый/*желтый трава конец-ILL2 идти-NPST.3SG
 'Петя идет по зеленой/*желтой траве'

Зеленый– (ǎ)žar

Прилагательное *ǎžargǎ* хорошо сочетается с лексемами, обозначающими зеленые плоды: как спелые (34-35), так и неспелые (36).

- (34) Pet'a žar oxǎrec-ǎm kačk-eš
 Петя зеленый огурец-ACC есть-NPST.3SG
 'Петя ест зеленый огурец'

- (35) Pet'a žar krǎžovn'ik-ǎm rog-a
 Петя зеленый крыжовник-ACC собирать-NPST.3SG
 'Петя собирает зеленый крыжовник'

- (36) Pet'a žar šartǎr-ǎm rog-a
 Петя зеленый смородина-ACC собирать-NPST.3SG
 'Петя собирает зеленую {неспелую} смородину'

Также *ǎžargǎ* может обозначать цвет мха и замшелых объектов (37).

- (37) Pet'a žar küer-ǎm už-eš
 Петя зеленый камень-ACC видеть-NPST.3SG
 'Петя видит {заросший мхом} зеленый камень'

Это прилагательное сочетается с названиями животных с постоянным цветом, например, с лексемой 'кузнечик', с которой не сочетается, например, *kǎrǎn* – 'коричневый' (38).

- (38) šudǎ-štǎ žar/*kǎrǎn cǎrcǎk šǎnž-en
 Трава-IN зеленый/*коричневый кузнечик сидеть-PFV
 'В траве сидел зеленый кузнечик'

Также *ǎžargǎ* плохо сочетается с морской водой (39), но может обозначать окраску "цветущей" речной воды (40):

- (39) tangǎž-ǎštǎ ?žar/klovoj/simšǎ кое-vlä lamajalt-ǎt
 Море-IN ?зеленый/синий волна-PL плескаться-NPST.3PL
 'В море плещутся зеленые/синие волны'

- (40) Pet'a žar vǎd-ǎštǎ nüštǎl-eš
 Петя зеленый вода-IN плавать-NPST.3SG
 'Петя плавает в зеленой {цветущей} воде'

Коричневый – kǎrǎn

Прилагательное *kǎrǎn* может обозначать цвет молочного шоколада (41):

- (41) Pet'a kǎrǎn šokolad-ǎm jarat-a
 Петя коричневый шоколад-ACC любить-NPST.3SG
 'Петя любит молочный шоколад'

Оно не может обозначать цвет картошки и земли (42-43). При этом цвет картошки могут обозначать ЦО *jakšargǎ*, *ošǎ*, *sarǎ* в зависимости от сорта, а земля может быть черной (см. (14)).

- (42) *kǎrǎn zeml'a-štǎ rokolma kušk-eš
 коричневый земля-IN картошка расти-NPST.3SG
 'В коричневой земле растет картошка'

- (43) zeml'a-štǎ *kǎrǎn/jakšar/ošǎ/sarǎ rokolma kušk-eš
 земля-IN *коричневый/красный/белый/желтый картошка расти-NPST.3SG
 'В коричневой земле растет коричневая/красная/белая/желтая картошка'

Также коричневой (*kǎrǎn*) в горномарийском языке может быть кора дерева (44):

- (44) püšǎngǎ-n kavastǎ-žǎ kǎrǎn
 дерево-GEN кожа-POSS.3SG коричневый
 'У дерева коричневая кора'

Лексема *kärän* свободно сочетается и с названиями животных с непостоянным цветом.

Таким образом, все рассмотренные выше кандидаты в базовые ЦО имеют широкую сочетаемость. Значит, по критерию 3 все они могут быть признаны базовыми. Осталось исследовать только сочетаемость ЦО *klovoj* и *simsä*. Этому будет посвящен раздел 5.

В конце текущего раздела приведем сведения об особенностях сочетаемости одного небазового ЦО, обнаруженного нами – прилагательного *xäräš*. Оно сочетается только с существительными, обозначающими природные объекты. *Xäräš* может обозначать коричневый/рыжеватый окрас у животных (45) и русый цвет волос (46).

(45) Pet'a xäräš äškal-vlä-m orol-a
Петя бурый корова-PL-ACC пасти-NPST.3SG

‘Петя пасет бурых коров’

(46) Pet'a-n xäräš üp
Петя-GEN русый волосы

‘У Пети русые волосы’

Теперь перейдем к описанию свойств ЦО синей части спектра, которым посвящен отдельный раздел.

5. Simsä и klovoj

Согласно [Davies&Corbett 1994,Uusküla 2008] и другим работам, в русском языке 12 базовых цветообозначений, то есть в языке лексикализованы все базовые ЦО, предсказываемые теорией [Berlin&Kay 1969], а также ЦО *голубой*. Именно это ЦО по каким-то причинам было заимствовано горномарийским языком [Саваткова 1969: 93] как *klovoj*. В горномарийском оно получило более широкую сочетаемость, например, с модификаторами *räs* и *räskätä* ‘темный’, что допустимо, но нетипично для русского ЦО *голубой* (212 вхождений *темно-голубой* против 1509 вхождений *темно-синий* в Национальном корпусе русского языка⁴¹).

Возникает вопрос: развилась ли такая семантика внутри горномарийского языка или была заимствована из русского? В пользу внутриязыкового развития говорит тот факт, что в горномарийское *klovoj* обладает более широкой сочетаемостью, чем русское *голубой*. Например, в русском языке словосочетание *голубая кожа* допустимо только в литературных контекстах [Бахилина 1975: 199, 201]. Голубой от мороза кожа быть не может. В горномарийском языке такого ограничения на сочетаемость нет (см. подробнее раздел 5.3). Значит, некоторые сдвиги в семантике *klovoj* произошли. Также в качестве аргумента можно привести тот факт, что в нижегородских говорах, территориально близких к ареалу проживания горных марийцев, лексема *голубой* могла обозначать цвета желтой части спектра [Бахилина 1975: 193]. В горномарийском такой семантики у *klovoj* не наблюдается. Похоже, что в горномарийский ЦО *klovoj* пришло именно с семантикой ‘светло-синий’: русское *голубой* приобрело такое значение к XVI-XVII вв [Бахилина 1975: 193]. Контакты русских с марийцами начались несколько раньше: в XI в. К XII-XII векам начали появляться первые города на границах русских и древнемарийских земель. Однако более активные начались тогда, когда марийский край был присоединен к Руси в XVI в: осенью 1552 г. В 1583 г. был построен город-крепость Козьмодемьянск, вокруг которого начали возникать русские селения [Саваткова 1969: 4-6]. ЦО *klovoj* могло быть заимствовано тогда или позже, в XVIII в., когда в землях Поволжья активно строились церковно-приходские школы, где велось преподавание на русском языке [Саваткова 1969: 6].

В русском языке лексема *голубой* не может обозначать синий цвет и его темные оттенки, но может обозначать пепельный цвет [БАС]. В горномарийском же языке все наоборот. Значит, семантику ‘темно-синий/темно-голубой’ прилагательное *klovoj* развило уже после заимствования.

⁴¹<http://ruscorpora.ru/>

5.1 Денотаты *simsä* и *klovoj* в экспериментах

В ходе экспериментов, проведенных нами, все информанты описывали прилагательным *klovoj* образцы исключительно синей части спектра, как темные, так и светлые. Напомним, что *simsä* обозначал цвета на границе синего и зеленого, голубой и даже фиолетовый.

5.2 Базовость

По результатам двух экспериментов ЦО *klovoj* оказалось более базовым, чем ЦО *simsä* (Таблица 5).

Таблица 5.

Результаты экспериментов для *simsä* и *klovoj*

Эксперимент	Показатель	<i>klovoj</i>	<i>simsä</i>
I	Частотность названия	10	6
	Средняя позиция	3,6	4,8
	Индекс психологической значимости	0,28	0,125
II	Tf	35	14
	Df	5	0
	DI ½	1	0
	DI ¾	0	0

5.3 Сочетаемость

Сочетаемость прилагательных *simsä* и *klovoj* проиллюстрирована в Таблице 6. Развернутые примеры контекстов, где допускается употребление *klovoj* и запрещается употребление *simsä*, даны под таблицей (45-47).

Таблица 6.

Сочетаемость прилагательных *simsä* и *klovoj*

ЦО	Глаза	Цвета	Кожа (из-за мороза)	Плоды	Животные	Вода	Лед	Небо
<i>simsä</i>	-	-	-	+	+	+	+	+
<i>klovoj</i>	+	+	+	+	+	+	+	+

(47) pet'a-n kavaštê-žê üšt-eš klovoj/*simsä li-n
Петя-GEN кожа-POSS.3SG мороз-LAT синий статья-PFV

‘У Пети синяя от мороза кожа’

(48) Pet'a-n klovoj/*simsä sänzä
Петя-GEN синий глаза

‘У Пети голубые глаза’

(49) mën'ä klovoj/*simsä vasil'ok-ëm rog-em
я синий василек-ACC собирать-NPST.1SG

‘Я собираю синие васильки’

Для тех носителей, в идиолекте которых денотат цветообозначения *simsä* “сдвинулся” в сторону зеленой части спектра, приемлемо употребление данного прилагательного для обозначения цвета незрелых плодов наравне с (*ä*)žar (48-49). Для остальных информантов такое употребление неприемлемо.

(48) Pet'a simsä/#klovoj sliv-ëm kačk-eš
Петя зеленый/*синий слива-ACC есть-NPST.3SG

‘Петя ест {неспелую} сливу’

(49) Pet'a simsä/*klovoj šaptêr-ëm rog-a
Петя зеленый/*синий смородина-ACC собирать-NPST.3SG

‘Петя собирает зеленую {неспелую} смородину’

Прилагательное *klovoj* в примере (48) может обозначать только цвет спелой сливы. В примере (49) оно употребляться не может, т.к. цвет спелой смородины могут выражать только ЦО *ošê* ‘белый’, *šimä* ‘черный’, *jakšargê* ‘красный’ и *sarê* ‘желтый’.

Таким образом, сочетаемость у ЦО *klovoj* шире. К тому же, по результатам эксперимента оно показывает больше свойств базового ЦО. Поэтому его мы признаем базовым.

6. Исследование ареальных контактов

Система базовых цветообозначений горномарийского языка подверглась влиянию со стороны русского и чувашского языков.

6.1 Заимствования из русского и чувашского

Из русского языка, что обсуждалось в разделе 5, было заимствовано ЦО *klovoj* [Саваткова 1969: 93], которое впоследствии изменило свою семантику. Похоже, оно вытеснило старое цветообозначение синей части спектра, *simsä*, и теперь является базовым ЦО. Система цветообозначений горномарийского языка претерпела изменения под влиянием русской системы. Такое заимствование довольно неожиданно, ведь термины, обозначающие сенсорно воспринимаемые явления и в частности цветообозначения, реже подвержены заимствованию (по крайней мере по типологическим данным проекта WOLD).

Заимствования присутствуют и на других уровнях системы базовых ЦО горномарийского языка. Так, согласно [Федотов 1990: 194, 220-221], чувашскими заимствованиями являются ЦО *sarâ*, *kärän* и предположительно ЦО *simsä* (из сундырского говора).

По поводу этимологии лексемы *simsä* существует две точки зрения. В [Федотов 1990: 225] высказывается гипотеза о происхождении сундырского *simsä* как результата слияния русского *синь* и чувашского *täsä*⁴².

Альтернативная точка зрения высказана в [Дыбо 2013: 294]: “чуваш. *simäs*.

По-видимому, производное от названия медового напитка *sim*, *säm*, которое, возможно, связано с тюрк. **simü-* / **sümü-* 'сосать'. ... Следует предполагать развитие значения "желтый" > "желтый, зеленый" > "зеленый", что косвенно подтверждается тем фактом, что чуваш. название желтого цвета (*sarъ*) является поздним (кыпчакским) заимствованием (см. ниже). Менее вероятно заимствование из горно-марийского *šimsi* 'синий, бирюзовый', которое, в принципе, можно было бы связывать с ПФУ *simV 'черный, грязный, ржавый' > марийск. *šimä*, *šim*, *šemä*, *šem*, *šeme*, *šem*, *s'imä* 'черный, грязный', коми *sim* 'ржавчина; темный' ... но для горно-марийской формы имеются фонетические трудности, и будучи диалектно изолированной, она сама, скорее всего, является чуваш. заимствованием.”

Мы склоняемся ко второй версии, т.к. в горномарийском языке для некоторых информантов *simsä* – это именно зеленый или зеленоватый синий, а не чисто синий.

Таким образом, на 3-5 уровнях системы ЦО имеется русское и чувашское влияние (*klovoj*, *sarâ*), а также отмечается чувашское влияние на 6 уровне (*kärän*). Для обозначения терминов, еще не вошедших в систему базовых цветообозначений, используются русские лексемы *fiol'etovâj*, *oranževâj* и *rozovâj*.

6.2 Социолингвистические тенденции

Нами были обнаружены следующие тенденции: у информантов, живущих/живших в детстве и юности на границе с Чувашией, в частности, в с. Токари и в с. Кукшилиды (см. карту на рисунке 2⁴³), денотат ЦО *simsä* смещается в сторону зеленой части спектра (см. рассуждения в разделе 5). В ходе второго эксперимента такие информанты использовали ЦО *simsä* для описания цвета сине-зеленых и зеленых образцов. Информант, у которого денотат *simsä* сместился в сторону фиолетовой части спектра, оказался родом из Серманангера – в этом случае надежных данных для выявления какой-либо социолингвистической корреляции у нас нет. Жители населенных пунктов Апшак-Пемяк, Тюманово и Кузнецово использовали *simsä* для описания синих и голубых образцов.

⁴² *täsä* – цвет [Егоров 1972], *ä* – непродуктивный атрибутивизатор

⁴³ Техническая работа по изготовлению карты выполнена Ю. Б. Коряковым.

Рисунок 16. Социоллингвистическая карта

7. Выводы

Таким образом, мы склонны считать, что горномарийский язык обладает инвентарем из 8 базовых цветообозначений (*ošâ* ‘белый’, *šimä* ‘черный’, *jakšargâ* ‘красный’, *sarâ* ‘желтый’, *âžargâ* ‘зеленый’, *klovoj* ‘синий’, *kärän* ‘коричневый’, *ludâ* ‘серый’) и находится на 6-й стадии развития системы ЦО. Из числа уже имеющихся в языке базовых ЦО целых 3 были заимствованы под влиянием многовековых ареальных контактов. Влияние чувашского языка на горномарийский прослеживается не только в лексике (разбитый на тематические группы список чувашских заимствований в горномарийском приведен в [Федотов 1990: 61-74]), но и в грамматике [Федотов 1990: 74-122]. Так, в горномарийский из чувашского был заимствован, например, каузативный аффикс *-tar-/-dar-* (*-tär-/-där-* после передних гласных) и некоторые другие аффиксы. Поэтому заимствование горномарийским языком элементов системы базовых ЦО из чувашского соответствует общей тенденции.

Литература

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 292 с.
2. Дыбо А. В. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / А. В. Дыбо. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.
3. Егоров В. Г. Русско-чувашский словарь / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. – 496 с.
4. Мустаев Е.Н. Марийские прилагательные, обозначающие цвета / Е. Н. Мустаев // Советское финно-угроведение. —1974. – №4: С. 179-182.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: «Русские словари», 2008. – 416 с.
6. Рябина Е. С. Основные цветообозначения в пермских языках: диссертация на соискание ученой степени PhD / Е. С. Рябина. – Тарту: Тартуский университет, 2011. – 262 с.

7. Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1969. – 132 с.
8. Саваткова, А.А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 404 с.
9. Сидорова М. А. К лексической типологии качественных признаков ЧИСТЫЙ, ГРЯЗНЫЙ, ПРОЗРАЧНЫЙ, МУТНЫЙ: данные уральских языков / М. А. Сидорова // Хэндаут с конференции Чтения к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 3-4 марта 2017 г.) – Москва: МГУ, 2017.
10. Федотов М. Р. Чувашскомарийские языковые взаимосвязи. Под ред. Галкина И. С. / М. Р. Федотов – Саранск: Издательство Саратовского университета. Саранский филиал. 1990. – 336 с.
11. Berlin B., Berlin, E. A. Aguaruna color categories / B. Berlin, E. Berlin // American Ethnologist. – 1975. – № 2: P. 61-87.
12. Berlin, B., & Kay, P. Basic color terms: their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. - Berkeley: University of California Press. – 1969. – 178 pp.
13. Crawford T. D. Defining ‘basic color term’ / T. D. Crawford // Anthropological Linguistics. – 1982. – № 24: P. 338-343.
14. Davies I., Corbett G. The basic color terms of Russian / I. Davies, G. Corbett // Linguistics. – 1994. № 32: P. 65-89.
15. Davies I., Corbett G. A practical field method for identifying probable basic colour terms / I. Davies, G. Corbett // Languages of the World. – 1995 – №9: P. 25-36.
16. Sutrop U. The vocabulary of sense perception in Estonian: Structure and history / U. Sutrop // Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia. – № 8, Peter Lang, 2002. 245 pp.
17. Uusküla M. Basic color terms in Finno-Ugric and Slavonic languages: Myths and facts / M. Uusküla // Doctoral dissertation. – Tartu: University of Tartu. – 2008. –207 pp.

Приложение 1

Данные, полученные в ходе первого эксперимента, приведены в таблице 7.

Таблица 7

Данные первого эксперимента

Информант 1		Информант 2		Информант 3		Информант 4		Информант 5	
1	jakšargê	1	jakšargê	1	jakšargê	1	ošê	1	jakšargê
2	rozovêj	2	klovoj	2	šimë	2	šimë	2	êžargê
3	ludê	3	ošê	3	ošê	3	jakšargê	3	klovoj
4	šimë	4	simsë	4	simsë	4	klovoj	4	ošê
5	klovoj	5	žargê	5	sarê	5	simsë	5	šimë
6	simsë	6	sarê	6	klovoj	6	žargê	6	ludê
7	sarê	7	kërän	7	kërän	7	kërän	7	kërän
8	ošê	8	ludê	8	rozovêj	8	ëngëžälgë	8	sarê
9	kërän					9	tëlšolla		
10	(ê)žargê					10	lazorevêj		
11	simsälgë					11	perlamutrovêj		
12	klovojalgê					12	bagränêj		
13	žaralgê					13	narënzê		
14	pêc klovoj					14	šört'n'ë		
15	pêc simsë					15	šij		
16	pêc jakšargê					16	toj		
17	šört'n'ë					17	vërgenë		

Информант 6		Информант 7		Информант 8		Информант 9		Информант 10	
1	jakšargê	1	jakšargê	1	jakšargê	1	jakšargê	1	jakšargê
2	kärän	2	êžargê	2	êžargê	2	klovoj	2	sarê
3	sarê	3	klovoj	3	klovoj	3	šimë	3	klovoj
4	êžargê	4	ludê	4	ludê	4	simsë	4	kärän
5	klovoj	5	ošê	5	ošê	5	sarê	5	Šimë
6	simsë	6	šimë	6	šimë	6	ošalgê	6	žargê
7	ošê	7	sarê	7	sarê	7	šimälgê		
8	šimë	8	kärän	8	kärän	8	fiol'etovêj		
9	ala					9	žargê		
10	ludê					10	rozovêj		
						11	ala		
						12	ošalgê rozovêj		
						13	pëckätä rozovêj		

Приложение 2

Данные, полученные в ходе второго эксперимента. В таблице 8 даны коды всех образцов а также ЦО, использованные информантами для описания цвета каждого образца. Для всех названных ЦО приведена частотность.

Таблица 8

Данные второго эксперимента

Код RAL	ЦО	Перевод	F	Код RAL	ЦО	Перевод	F
1000	sarê	желтый	2	1001	ludalgê sarê	серовато-желтый	2
	šapkalanêššê êžargê	выцветший зеленый	1		beževêj	бежевый	1
	ošalgê ludê	светло-серый	1		pëckätä sarê	темно-желтый	1
	ludalgê sarê	серовато-желтый	2		oxra	охра	1
	ošikä êžaralgê ludê	светлый зеленовато-серый	1		sotalgê ludê	светло-серый	2
	ludikä	сероватый	1		saralgê ludê	желтовато-серый	1
	ludikä sarê	серовато-желтый	1		käränikä	коричневатый	1
	sotê ludê	светло-серый	1		šapkalanêššê kärän	выцветший коричневый	1
1003	sarê	желтый	7	1011	käränikä sarê	коричневато-желтый	1
	cat sarê	насыщенный желтый	1		kärän	коричневый	2
	oranževêj	оранжевый	1		ošalgê kärän	светло-коричневый	2
	pëckätä sarê	темно-желтый	1		käränälgê sarê	коричневато-желтый	1
1016	sarê	желтый	8	sotalgê kärän	светло-коричневый	1	

	ošikā sarē	беловатый желтый (светло- желтый)	1		sotē kōrān	светло- коричневый	2
	sotē sarē	светло- желтый	1		ludikā kōrān	серовато- коричневый	1
1018	sarē	желтый	8	1019	ludē	серый	4
	päckätā sarē	темно- желтый	1		sotalgē ludē	светло-серый	2
	sotē sarē	светло- желтый	1		sotē ludē	светло-серый	1
1024	sarē	желтый	2		kōrān	коричневый	1
	sarikā	желтоватый	1		kōrānikā ludē	коричневато- серый	1
	ludalgē narēnzē ⁴⁴	серовато- оранжевый	1		ošalgē kōrān	светло- коричневый	1
	kōrān	коричневый	1	1034	sotē kōrān	светло- коричневый	3
	ludikā sarē	серовато- желтый	1		sarē	желтый	2
	ludalgē kōrān	серовато- коричневый	1		pēc sarē	темно- желтый	1
	sarikā kōrān	желтовато- коричневый	1		oranževāj	оранжевый	1
	sotē žargē	светло- зеленый	1		ošikā sarē	светло- желтый	1
	ludē	серый	1		saralgē kōrān	желтовато- коричневый	2
1037	sarē	желтый	6	2000	sarē don kōrān loštē	желтый с примесью коричневого	1
	sarikā kōrān	желтовато- коричневый	1		oranževāj	оранжевый	2
	narēnzē	желтовато- оранжевый	1		sarē	желтый	1
	ošalgē sarē	светло- желтый	1		pēc narēnzē	темно- оранжевый	1
	päckätā sarē	темно- желтый	1		kōrānika sarē	коричневато- желтый	1
2001	jakšarikā kōrān	красновато- коричневый	1		kōrānālgē sarē	коричневато- желтый	1
	kōrān	коричневый	1		saralgē kōrān	желтовато- коричневый	1
	oranževāj	оранжевый	2		päckätā oranževāj	темно- оранжевый	1
	jakšargē	красный	2		šimālgē sarē	темно- желтый	1

⁴⁴«*нарынзы* ‘желтовато-оранжевый, темновато-желтый’ [Саваткова 2008: 167]»

В сочетаниях лексемы *narēnzē* с модификаторами для удобства будет употребляться перевод «оранжевый»

	sarikä kërän	желтовато-коричневый	1	2002	päckätä oranževêj	темно-оранжевый	2
	tâlšol jiš ⁴⁵	наподобие раскаленного угля	1		këränikä jakšargê	коричневато-красный	2
	sotê kërän	светло-коричневый	2		jakšargê	красный	5
2003	sotê kërän	светло-коричневый	1	2004	sarikä jakšargê	желто-красный	1
	oranževêj	оранжевый	3		jakšarikä kërän	красновато-коричневый	1
	tâlšolla	цвета раскаленного угля	1		oranževêj	оранжевый	3
	ošikä kërän	светло-коричневый	1		ošalgê jakšargê	светло-красный	1
	këränikä sarê	коричневато-желтый	1		jakšargê	красный	2
	sotê jakšargê	светло-красный	1		jakšarikä sarê	красновато-желтый	1
	sotê tâlšol jiš ⁴⁶	светло-оранжевый	1		sotê kërän	светло-коричневый	1
saralgê	красноватый	1	sotê jaksargê	светло-красный	1		
2010	jakšarikä kërän	красновато-коричневый	1	3001	pêc jakšargê	темно-красный	2
	oranževêj	оранжевый	3		jakšargê	красный	4
	tâlšolla	цвета раскаленного угля	1		päckätä jakšargê	темно-красный	2
	këränikä sarê	коричневато-желтый	2		këränikä jakšargê	коричневато-красный	1
	jakšargê	красный	1		ludalgê jakšargê	серовато-красный	1
	saralgê	желтоватый	1		3011	jakšarikä kërän	красновато-коричневый
3007	pêc višn'opka cvet	темно-вишневый цвет	1	bordovêj		бордовый	1
	kërän	коричневый	1	päckätä jakšargê		темно-красный	1
	fiol'etovêj	фиолетовый	1	këränälgê jakšargê		коричневато-красный	1
	këränälgê šimê	коричневато-черный	2	kërän	коричневый	2	

⁴⁵“тълшол’ 1. горячие (раскаленные, тлеющие) угли, жар 2. поэт. алый, пламенеющий; цвета раскаленного угля’ [Словарь марийского языка в 10 томах: 249]”.

“йиш’ 1) семья, семейство, род; 2) сорт; 3) порода (животных)[Саваткова 2008: 63-64]”.

⁴⁶ Буквально: «светлого цвета раскаленного угля»

	šimālgā kōrān	темно- коричневый	2		jakšaralgā kōrān	красновато- коричневый	1
	kōrānikā šimā	коричневато- черный	1		višnec čereān	вишневый	1
	šimā	черный	1		sotā kōrān	светло- коричневый	1
	pöckätā kōrān	темно- коричневый	1		šimālgā jakšargā	темно- красный	1
3012	sotā kōrān	светло- коричневый	3	3015	rozovāj	розовый	3
	kōrān	коричневый	1		rozovājikā	розоватый	1
	sotalgā rozovāj	светло- розовый	1		ošalgā rozovāj	светло- розовый	2
	rozovāj	розовый	1		sotalgā rozovāj	светло- розовый	1
	ošikā kōrān	светло- коричневый	1		jakšarikā ošā	красновато- белый	1
	ludalgā kōrān	серовато- коричневый	1		jakšaralgā sarā	красновато- желтый	1
	sotalgā kōrān	светло- коричневый	1		sotā rozovāj cvet	светло- розовый цвет	1
3017	sotā jakšargā	темно- красный	1	3027	pēc jakšargā	темно- красный	1
	jakšargā	красный	5		bordovāj	бордовый	1
	ludalgā jakšargā	серовато- красный	2		pöckätā jakšargā	темно- красный	1
	ošikā kōrān	светло- красный	1		jakšargā	красный	5
	sotalgā kōrān	светло- коричневый	1		jakšarikā kōrān	красновато- коричневый	1
3028	jakšargā	красный	7		ošalgā jakšargā	серовато- красный	1
	sarikā jakšargā	желтовато- красный	1	4001	siren' cvetān	сиреневый цвет	1
	sotā jakšargā	светло- красный	2		siren' evāj	сиреневый	3
4002	jakšarikā	красноватый	1		ludalgā siren' evāj	серовато- сиреневый	1
	bordovāj	бордовый	1		fiol' etovāj	фиолетовый	3
	oranževāj	оранжевый	1		klovojalgā jakšargā	синевато- красный	1
	kōrānālgā jakšargā	коричневато- красный	1		simsā	синий	1
	jakšargā	красный	2	4004	višnöpka valgan	вишневый цвет	1
	ludikā kōrān	серовато- коричневый	1		fiol' etovāj	фиолетовый	3
	kōrānikā siren' evāj	коричневато- сиреневый	1		pēc siren' evāj	темно- сиреневый	1
	ošalgā kōrān	светло-	1		kōrānika	коричневато-	1

		коричневый			simsä	синий	
	jakšaralgê cvet	красноватый цвет	1		jakšarikä kärän	красновато- коричневый	2
4005	fiol'etovêj	фиолетовый	2		šimälgê jakšar cvet	темно- красный цвет	1
	siren'evêj	сиреневый	1	4008	cat siren' cvetän	насыщенный сиреневый цвет	1
	sotalgê fiol'etovêj	светло- фиолетовый	1		fiol'etovêj	фиолетовый	3
	simsä	синий	1		siren'evêj	сиреневый	1
	ošalgê siren'evêj	светло- сиреневый	1		simsä	синий	1
	lilovêj	лиловый	1		sotê sirinevêj	светло- сиреневый	1
	sotê siren'evêj	светло- сиреневый	1		jakšarikä klovoj	красновато- синий	1
	černila cvet	чернильный цвет	1		jakšarikä fiol'etovêj	красновато- фиолетовый	1
4009	ludalgê rozovêj	серовато- розовый	1		sotê fiol'etovêj	светло- фиолетовы2й	1
	siren'evêj	сиреневый	1	5000	päc klovoj	темно-синий	2
	ludalgê siren'evêj	серовато- сиреневый	2		klovoj	синий	3
	lilovêj	лиловый	1		päckätä klovoj	темно-синий	3
	ošalgê kärän	светло- коричневый	1		šimälgê klovoj	темно-синий	1
	ludê	серый	1		ludikä klovoj	серовато- синий	1
	sotê siren'evêj	светло- сиреневый	1	5001	šimikä klovoj	темно-синий	1
	sotê ludê	светло-серый	1		klovoj	синий	3
	ošalgê siren'evêj	светло- сиреневый	1		päc klovoj	темно-синий	1
5002	cat klovoj	насыщенный синий	1		šimälgê klovoj	темно-синий	2
	klovoj	синий	5		ludikä klovoj	серовато- синий	1
	päckätä klovoj	темно-синий	1		päckätä klovoj	темно-синий	1
	päc klovoj	темно-синий	1		žarikä klovoj	зеленовато- синий	1
	šimikä klovoj	темно-синий	1	5003	päc simsä	темно-синий	2
	simsä	синий	1		klovoj	синий	2
5005	klovoj	синий	6		päckätä klovoj	темно-синий	3
	cat klovoj	насыщенный синий	1		šimälgê klovoj	темно-синий	2

	simsə	синий	1	5008	sotalgə šimə	светло-черный	1
	sotə klovoj	светло-синий	2		šimə	черный	5
5012	klovoj	синий	5		pəckätä šimə	темно-черный	1
	sotikä klovoj	светло-синий	1		klovojalgə šimə	синевато-черный	1
	sotə klovoj	светло-синий	2		šimikä ludə	черновато-серый	1
	ludalgə klovoj	серовато-синий	1		ludikä klovoj	серовато-синий	1
	pel'gom cvet	цвет неба	1	5014	klovoj	синий	1
5015	klovoj	синий	5		ludə	серый	3
	ošalgə klovoj	светло-синий	1		ludikä klovoj	серовато-синий	2
	sotə klovoj	светло-синий	3		ludalgə klovoj	серовато-синий	2
	simsə	синий	1		siren'evəj	сиреневый	1
5021	žargə	зеленый	3		sotə klovoj	светло-синий	1
	simsə	синий	2	5022	cat simsə	насыщенный синий	1
	lazorevəj	лазоревый	1		černil'nəj	чернильный	2
	əžarikä klovoj	зеленовато-синий	1		pəckätä klovoj	темно-синий	1
	klovojikä žargə	синевато-зеленый	1		pəc klovoj	темно-синий	2
	klovojikä žargə	синевато-зеленый	1		fiol'etovəj	фиолетовый	1
klovoj	синий	1	pəckätä simsə		темно-синий	1	
5024	ludikä klovoj	серовато-синий	2	šimälgə klovoj	темно-синий	1	
	klovoj	синий	1	klovoj	синий	1	
	ošalgə klovoj	светло-синий	1	6004	šimikä žargə	темно-зеленый	1
	sotalgə klovoj	светло-синий	1		žargə	зеленый	1
	sotə klovoj	светло-синий	3		pəckätä žargə	темно-зеленый	2
	ludalgə klovoj	серовато-синий	1		šimälgə žargə	темно-зеленый	5
	simsə	синий	1		pəc əžargə	темно-зеленый	1
6012	pəc žargə	темно-зеленый	1		6018	sotə žargə	светло-зеленый
	šimə	черный	4	žargə		зеленый	4
	ludalgə šimə	серо-черный	1	simsə		синий	1
	šimikä əžargə	темно-зеленый	1	sotalgə žargə		светло-зеленый	2
	pəckätä	темно-	2	6019	sotə žargə	светло-	5

	êžargê	зеленый				зеленый	
	šimälgê žargê	темно-зеленый	1		simsä	синий	1
6026	cat žargê	насыщенный зеленый	1		ošalgê simsä	светло-синий	1
	žargê	зеленый	4		ludalgê žargê	серовато-зеленый	1
	pëc žargê	темно-зеленый	2		ošikâ êžargê	светло-зеленый	1
	pëckätâ êžargê	темно-зеленый	1		êžarikâ ludê	зеленовато-серый	1
	sotê žargê	светло-зеленый	1	6032	sotê žargê	светло-зеленый	2
	šimälgê žargê	темно-зеленый	1		žargê	зеленый	6
6033	simsä valgan	синий цвет	1		simsä	синий	1
	žargê	зеленый	2		ludikâ êžargê	серовато-зеленый	1
	ošalgê simsä	светло-синий	1	6034	klovoj valgan	синий цвет	1
	žaralgê klovoj	зеленовато-синий	1		klovoj	синий	1
	ludikâ êžargê	серовато-зеленый	1		ošalgê simsä	светло-синий	1
	ludalgê êžargê	серовато-зеленый	1		ludalgê klovoj	серовато-синий	2
	simsälgê žargê	синевато-зеленый	1		žarikâ klovojikâ ošê	зеленовато-синевато-белый	1
	žarikâ klovoj	зеленовато-синий	1		simsä	синий	1
	sotê žargê	светло-зеленый	1		šapkalanêšê klovoj	выцветший синий	1
6037	cat žargê	насыщенный зеленый	1		sotê klovoj	светло-синий	1
	žargê	зеленый	5	7004	ludê	серый	6
	simsä	синий	1		sotê ludê	светло-серый	2
	sotalgê žargê	светло-зеленый	2		sotalgê ludê	светло-серый	1
	sotê žargê	светло-зеленый	1		simälgê ludê	темно-серый	1
7006	këran	коричневый	4	7009	ludê	серый	3
	cat ludê	насыщенный серый	1		pëckätâ ludê	темно-серый	2
	pëc ludê	темно-серый	1		ludalgê šimä	серовато-черный	2
	pëckätâ ludê	темно-серый	1		êžaralgê ludê	зеленовато-серый	1
	ludê	серый	2		šimalgê	темно-	1

					žargê	зеленый	
	ludalgê kêrân	серовато- коричневый	1	7013	ludê	серый	4
7016	šimê	черный	7		kêrânikä	коричневатый	1
	pêc ludê	темно-серый	1		ludalgê šimê	серо-черный	1
	pêckätä ludê	темно-серый	2		šimälgê kêrân	темно- коричневый	1
7031	ludê	серый	6		kêrân	коричневый	1
	šimälgê ludê	темно-серый	1		ludalgê kêrân	серовато- коричневый	1
	ludalgê šimê	серовато- черный	1		sotikä kêrân	светло- коричневый	1
	šimälgê žargê	темно- зеленый	1	8000	ošalgê kêrân	светло- коричневый	2
	pêckätä ludê	темно-серый	1		ludikä žargê	серовато- зеленый	1
8002	ikporatka kêrân		1		gorčičnêj	горчичный	1
	kêrân	коричневый	4		vârgenê	медный	1
	pêckätä kêrân	темно- коричневый	1		kêrân	коричневый	1
	sotê kêrân	светло- коричневый	3		sotê kêrân	светло- коричневый	2
	kêrânälgê	коричневатый	1		ludalgê kêrân	серовато- коричневый	1
8012	kêrân	коричневый	6		ludê	серый	1
	pêckätä kêrân	темно- коричневый	3	8023	kêrân	коричневый	3
	kêrânälgê jakšargê	коричневато- красный	1		ošalgê kêrân	светло- коричневый	2
9003	ošê	белый	9		sotalgê kêrân	светло- коричневый	2
	ludikä ošê	серовато- белый	1		oranževêj	оранжевый	1
9004	šimê	черный	10		sotê kêrân	светло- коричневый	1
9011	šimê	черный	7		sarikä kêrân	желтовато- коричневый	1
	ludikä šimê	серовато- черный	1	9010	ošê	белый	7
	šimikä kêrân	темно- коричневый	1		ludikä ošê	серовато- белый	2
	cat šimê	насыщенный черный	1		saralgê ošê	желтовато- белый	1

Приложение 3

Инвентарь образцов (эксперимент 2):

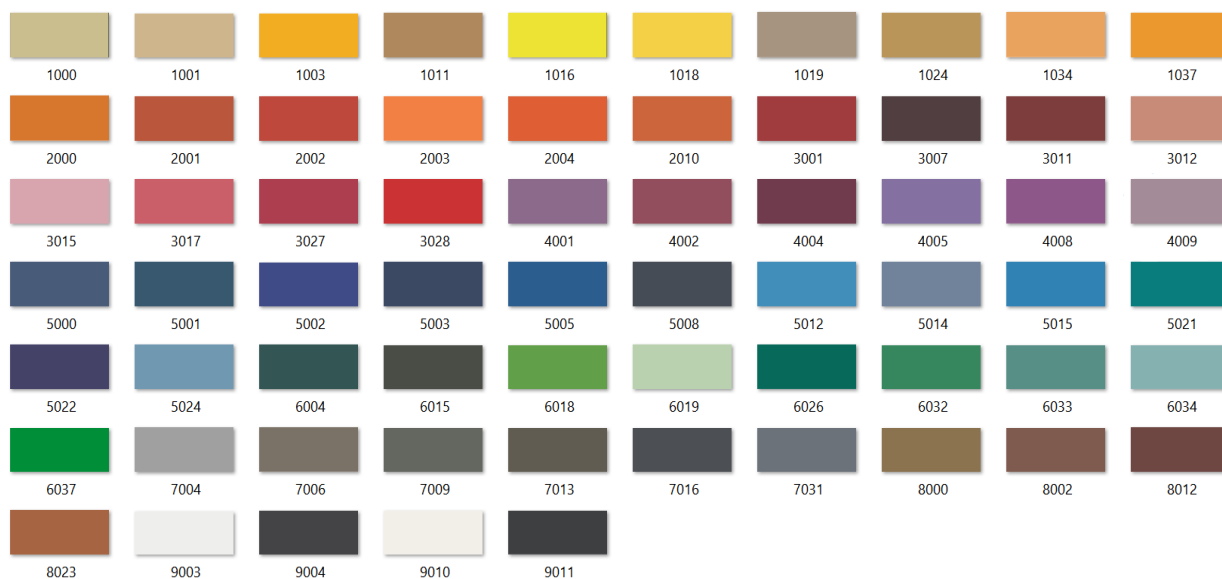

Рисунок 3. Инвентарь образцов во втором эксперименте

*Сибирева Анастасия Анатольевна,
студентка III курса ОТиПЛ Московского государственного университета им. М. В.
Ломоносова.*

E-mail: sibirevanastya@gmail.com

*Sibireva Anastasia Anatolyevna,
student of Lomonosov Moscow State University, department of theoretical and mathematic
linguistics.*

E-mail: sibirevanastya@gmail.com

УДК 81'23

Н. В. Стекольников
(Воронеж)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ДИСТРИБУТИВНОГО АНАЛИЗА ПРИ
РЕКОНСТРУКЦИИ ИНВАРИАНТА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА ©**

Аннотация: статья посвящена поиску лингвистического обоснования тождества вариантов одного фольклорного текста и предложению метода, основанного на дистрибутивном анализе, для выявления инвариантов сказок кумулятивной структуры.

Ключевые слова: дистрибутивный анализ, кумулятивные тексты

The method of distributive analysis and its application in the reconstruction of the invariant of folklore text

Abstract: the article is devoted to the search for the linguistic justification of the identity of variants of a folklore text and the proposal of a method based on distributive analysis to identify invariants of fairy tales of the cumulative structure.

Key words: distributive analysis, cumulative texts

Согласно теории Ф. де Соссюра, языковая система строится на двух главных типах отношений, соответствующих разным формам умственной деятельности человека (членению целого на части и группировке элементов языка на основе их ассоциативного сходства) – парадигматических и синтагматических [Соссюр, 1977]. Парадигматические отношения не линейны и не одновременны в потоке речи или тексте. Они представляют собой соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некими ассоциациями, они связывают эти элементы в силу общности их формы, либо содержания, либо на основе сходства того или другого одновременно. Синтагматические отношения характеризуют связи следующих друг за другом единиц и определяются их контрастом. Языковой элемент, поэтому может противопоставляться либо предшествующему, либо следующему за ним, либо и тому и другому одновременно. Для выявления этих отношений разрабатываются специальные процедуры сегментации или членения текста, которые позволяют отличить и отделить одну единицу от другой на основании свойства ее повторяемости и контраста с соседними единицами [Языкознание, 2000].

Дистрибутивный анализ был разработан учеными американской дескриптивной школы (см. работы Л. Блумфильда, Г. Глисона) в 40-60-е годы XX века и представлен в книге Зеллига Заббетаи Харриса “Methods in Structural Linguistics” [Harris, 1951]. Его суть – в исследовании и описании языка «изнутри». Основное внимание при этом сосредотачивается на языковых явлениях с регулярно повторяющимися признаками (свойствами, чертами). Этот метод ориентирован на использование внутренних собственно языковых признаков регулярности тех или иных явлений или их свойств.

Главная цель дистрибутивного анализа – классификация языковых единиц по их синтагматическим свойствам, то есть по их распределению относительно друг друга в потоке речи и по их окружению. Совокупность всех окружений, в которых встречается данная единица, называется ее дистрибуцией (англ. distribution). Дистрибуция – это сумма всех позиций языковой единицы относительно встречаемости других единиц. Понятие позиции эквивалентно понятию «окружение».

Дистрибутивный анализ применим на всех уровнях языка, поэтому его конечной целью должно быть компактное описание того или иного языка в единстве всех его структурных уровней. Основным алгоритмом дистрибутивного анализа сводится к двум операциям: а) выявлению языковых единиц (элементов) и б) определению их дистрибуции относительно друг друга.

Дистрибутивные отношения устанавливаются между двумя сегментами – отрезками речевой цепи (попарно). Установить дистрибутивные отношения между двумя сходными сегментами значит определить, в каких отношениях находится дистрибуция одного сегмента относительно дистрибуции другого. Существует три типа таких отношений:

1. Контрастная дистрибуция – это такой тип дистрибутивных отношений, при котором встречающиеся в одном и том же окружении первоначально выделенные одноименные сегменты могут заменять друг друга, непременно изменяя смысл высказывания. В этом случае они являются представителями разных языковых единиц. Например, на этом основании русские звуки [й] и [и] относят к разным фонемам. Ср.: *герои* и *герой*.

2. Дополнительная дистрибуция – это дистрибутивные отношения двух первоначально выделенных сегментов, которые никогда не встречаются в одном и том же окружении, несмотря на их формальное сходство. В отношении дополнительной дистрибуции находятся позиционные варианты одной и той же единицы языка. Примером этому может служить дистрибуция русских [и] и [ы]: [и] встречается в позиции а) между двумя пробелами – союз «и»; б) в начале слова – *игра*; в) после гласных – *мои*; г) после мягких согласных – *лилия*. Ни в одной из этих позиций не употребляется [ы]. Позиция звука [ы] – после твердых согласных, но она неприемлема для звука [и].

3. Дистрибуция свободного варьирования – это такой тип отношений двух первоначально выделенных сегментов, при котором они могут заменять друг друга в любом окружении, не меняя смысла высказывания. В таких дистрибутивных отношениях находятся факультативные (свободные) варианты одной и той же единицы языка. На фонетическом уровне таковыми оказываются русские звуки – взрывной [г] и щелевой [γ]: [гот] и [γ от] = *год*, звуки [ч] и [ш] в сочетании с [н]: *булочная* – *булошная*. На морфемном уровне: -сь и -ся (*встретилась*, *встретился*), корни *творог* и *творог*.

Таким образом, первый тип дистрибутивных отношений определяет разные (самостоятельные) единицы языка, а второй и третий – вариантные модификации одной и той же единицы [Алефиренко, 2005].

Дистрибутивный анализ позволяет раскрыть внутреннюю организацию структуры языка на всех его уровнях. Выявление различных типов дистрибутивных отношений при помощи субституций, реконструкций и перестановок, которые являются экспериментальными операциями, позволяют исключить субъективизм, который появляется обычно при анализе, исходящем из значения языкового знака.

Реконструируя инварианты сказочных сюжетов рекурсивной структуры, мы опираемся на указанные возможности дистрибутивного анализа. Под сказками рекурсивной структуры мы понимаем сказки, в которых основным структурным приёмом является многократное повторение, вследствие чего возникает либо «нагромождение» (Терем мухи), либо «цепь» (Репка), либо «последовательный ряд встреч» (Колобок) или же «отсылки» (Петушок подавился) [Пропп, 2000, с. 344].

Основанием для объединения множеств вариантов одного сюжета в один общий инвариант являются, следующие общелингвистические правила, которые используются и в фонологии, и в морфологии и на других уровнях языка: свободное варьирование и дополнительное распределение.

Переменные нового разных вариантов одной сказки находятся в отношениях *свободного варьирования*, если они выполняют одинаковую функцию. То есть, когда в одинаковой позиции и в одинаковом окружении в разных вариантах находятся разные по форме элементы, но значение, которое они имеют для развития сюжета, является тождественным, то такое различие по форме между ними не существенно, и им можно пренебречь. Мы исследовали 29 вариантов рекурсивной сказки «Пение волка» и определили, что элементы экспозиции, под которой понимается часть текста до первого повторяющегося структурного элемента сказки, находятся в отношениях свободного варьирования – это *волк* и *медведь*. Их функция состоит в выманивании песней у старика его хозяйства. Переменная нового *волк* встречается в двадцати трех вариантах, а переменная нового *медведь* – в шести вариантах.

Отношениями *дополнительного распределения* связаны сюжетные морфемы (т.е. повторяющиеся части текста) разных вариантов, сходные по форме, выполняющие

одинаковую функцию, но их появление в тексте обусловлено наличием или отсутствием каких-то других переменных. Так в одинаковом окружении в одном варианте сюжета «Пение волка» встречается переменная нового *кобыла* («Медвежья песня», Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова, 1961), а в другом варианте, ее нет, но, выполняя ту же функцию и находясь в подобном окружении, имеется переменная нового *жеребец* («Сказка про старичка и бирючка», Народные сказки Воронежской области, 1977). Переменная нового – это переменная часть сюжетной морфемы, которая содержит новую информацию по сравнению с предыдущими сюжетными морфемами. В таких же отношениях находятся переменные *корова* и *бык*, *песик* и *сучка*, *кот* и *кошка*, *кобыла* и *жеребец*. Если в одном варианте сказки встречается переменная нового *корова*, то в данном варианте нет места для *быка* и, наоборот, в другом варианте место данной сюжетной морфемы занято переменной нового *бык* и нет *коровы*.

Мы отказываемся от объединения вариантов в общий инвариант, если при замене элемента формы в конкретном варианте меняется функция, которую он выполняет в данном сюжете, занимая определенную позицию по отношению к другим вариантам. Примером такого различия вариантов является вариант «Волки воют» сказки «Пение волка» [Никифоров, 1961], где переменные *дед*, *баба*, *волки* занимают не характерные для инварианта позиции и выполняют отличные от свойственных инварианту функции.

Ориентируясь на логику развития сюжета, мы объясняем некоторое несовпадение позиционных характеристик переменных нового в текстах сказки, которые встречаются в ряде вариантов, особенностями бытования данного жанра. Разница возникает под влиянием разных обстоятельств, большую роль в данном случае играют личностные, возрастные особенности рассказчика, его гендерная принадлежность.

Таким образом, процедура построения инварианта сказки рекурсивной структуры заключается в сопоставлении лексических парадигм всех его вариантов и выборе из них наиболее подходящих лексем для выражения переменных нового инварианта. В том случае, если переменные нового не обладают содержательным или функциональным тождеством, мы осуществляем позиционный сдвиг переменных или их растяжение, или компрессию, или метатезу в зависимости от количества сюжетных морфем (и – как следствие – переменных нового) в каждом конкретном варианте. Мы учитываем отношения свободного варьирования и дополнительного распределения, в которых могут находиться переменные нового. Так мы поступаем, пока в каждом столбце, выделенном для определенного структурного элемента инварианта, не окажутся содержательно одинаковые или функционально эквивалентные переменные.

При выборе *лексемы*, передающей содержание конкретной сюжетной морфемы инварианта, мы останавливаемся на самом нейтральном, немаркированном варианте. Немаркированным вариантом признаётся а) самый распространённый, б) общенародный, в) стилистически нейтральный, г) семантически и словообразовательно более простой и д) грамматически немаркированный вариант. Например, парадигма лексемы *волк* в вариантах сказки «Пение волка» представлена следующими словами: *волк* – *волки* – *воук* – *бирюк*. Для инварианта мы выбираем – *волк*, как самый распространённый, стилистически и грамматически нейтральный, лишенный диалектных признаков вариант. Парадигма лексемы *корова*, в тех же вариантах, представлена словами: *корова* – *коровка* – *коровушка* – *телушка* – *телица* – *телка* – *телочка*. Руководствуясь теми же принципами, для инварианта мы выбираем лексему *корова*.

Анализ лексических парадигм сказки свидетельствует, что при условии идентичной экспозиции и тождественного лексического наполнения переменных нового эти тексты являются вариантами одного произведения. Очевидно, что тексты, которые не отвечают этим требованиям, не являются вариантами исследуемой сказки. Опираясь на эти данные, мы имеем возможность восстановить инвариант рекурсивного текста.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
2. Народные сказки Воронежской области : современные записи / [под ред. А.И. Кретьова]. – Воронеж, 1977. – 176 с.
3. Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / Изд. подготовил В.Я. Пропп. – М.-Л., 1961. – 386 с.
4. Пропп В.Я. Русская сказка : собрание трудов В.Я. Проппа / В.Я. Пропп / [науч. ред., коммент. Ю.С. Рассказова]. – М. : Лабиринт, 2000. – 416 с.
5. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 688 с.
7. Harris Z.S. Methods in Structural Linguistics / Z. Harris. – Chicago : University of Chicago Press, 1951. – 384 p.

Стекольниковна Нина Вячеславовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет
E-mail: ninavs@rambler.ru
Тел.: 8 (903) 656 62 29

Stekolnikova Nina Viacheslavovna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Voronezh State University
E-mail: ninavs@rambler.ru
Tel.: 8 (903) 656 62 29

УДК 81'44

К. А. Студеникина
(Москва)

ГЛАГОЛЫ СТУКА И УДАРА В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ^{©47}

Аннотация: статья посвящена лексической типологии глаголов стука и удара в горномарийском языке. Исследование основано на фреймовом подходе. Данные собраны методом анкетирования в полевых условиях. Итогом является распределение лексем по трем основным фреймам с использованием некоторых дополнительных семантических признаков.

Ключевые слова: лексическая типология, фреймовый подход, глаголы звука, полевая лингвистика, горномарийский язык

Verbs of hitting and knocking in Hill Mari

Abstract: this paper discusses lexical typology of hit and knock verbs in Hill Mari. The study relies on the frame-based approach. The data was collected by elicitation in fieldwork. As

© Студеникина К. А., 2017

⁴⁷ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а

a result, I provide frame inventories covered by each verb with some additional semantic features.

Key words: lexical typology, frame-based approach, verbs of sound, field linguistics, Hill Mari

I. Введение

Задачей данного исследования является разграничение глаголов, обозначающих наиболее дискретные звуки – удар и стук. По [Воронин, 1982, с. 46-48] эти звуки относятся к классу А типу I «Инстанты» и описываются как сверхкраткий шум или тон, воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар». Обычно в свете лексической типологии глаголов звука рассматриваются лексемы наподобие ‘звенеть’, ‘греметь’ и др., обозначающие в первую очередь звук, см. [Стойнова, 2008; Кашкин, Павлова, 2010], [Kashkin et al., 2012]. Однако в нашу область исследования пока попали не собственно звуковые глаголы стука и удара, а базовые глаголы удара, не особенно исследованные ранее, но значимые для осмысления того подкласса глаголов звука, за которым стоят ситуации удара. Были рассмотрены и некоторые лексемы, лежащие на пересечении этих областей.

Нами рассматривался и вопрос о том, какие из базовых глаголов удара (и в каких случаях) могут употребляться с фокусом на обозначение звука. В целом такая связь довольно естественна в силу высокой смежности звуковых и незвуковых ситуаций и продуктивных метонимических сдвигов между ними, см. об этом подробнее для русского языка [Падучева, 2004] и для близкородственного горномарийскому мокшанского [Kashkin, Nikiforova, 2015] (заметим, однако, что в этих работах в основном рассматривалась полисемия глаголов типа ‘скрипеть’ или ‘греметь’, исходно обозначающих именно звук).

Сбор данных осуществлялся в лингвистической экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е. В. Кашкина в июле 2017 г. в селе Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и близлежащих деревнях (Тюманово, Апшак-Пемяк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер) посредством анкетирования носителей. При анализе данных нами был использован фреймовый подход к лексической типологии [Рахилина, Резникова, 2013], предполагающий описание и сопоставление семантики лексических единиц на основе анализа их сочетаемости.

Было исследовано пять глаголов. Три из них имеют следующие дефиниции в горномарийском словаре [Саваткова, 2008]:

šičš ‘1) колотить кого-то, бить; 2) молотить что-л.’ [Саваткова, 2008, с. 138],

seväs ‘ударять, хлопать, наносить удар’ [Саваткова, 2008, с. 244],

läršas 1) ‘хлестать, хлопать, ударять’; 2) ‘махать’ [Саваткова, 2008, с. 343],

Еще один глагол встретился в [Галкин, 1990] – это лексема *ločkaš* ‘хлестать, бить, ударять кого-что-л.’, отнесенная в словаре к луговому марийскому языку. В [Саваткова, 2008, с. 138] приведен горномарийский вариант *lockas* ‘хлестать, бить’, однако на обследованной нами территории употребляется именно луговой вариант.

Также был исследован глагол *stičas* ‘стучать’. Он не упомянут в словарях (видимо, в силу того, что представляет собой недавнее русское заимствование), но был назван информантами как глагол того же семантического поля.

В предварительную выборку лексем для исследования также был включен глагол *peräs* ‘ударять’ [Саваткова, 2008, с. 198], однако впоследствии он был исключен из рассмотрения, поскольку в обследованных населенных пунктах информанты признают его устаревшим и не используемым в речи.

II. Семантика лексем поля

1. Немного об управлении

Исследуемые нами глаголы, за исключением глагола *läršas*, встречаются как в одноместных (‘X стучит’), так и в двухместных (‘X стучит по Y-у’) конструкциях.

Возникающие сочетаемостные различия, тем самым, определяются семантическими свойствами:

- (1) *cäš lu-at kok gänä ši-eš/ sev-ä/*
 час десять-DEC два раз бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Часы бьют десять раз’
- (2) *šištä ši-eš/ stuč-a/ ločk-a*
 дятел бить-NPST.3SG/ стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Дятел стучит’

Однако в тех конструкциях, где за описываемым действием стоит Агенс, предмет, создающий звук, не воспринимается как самостоятельный Эффектор, поэтому такие одноместные конструкции не употребляются. Так для описания ситуации «звонить в колокол» в горномарийском существенно более предпочтительна двухместная конструкция (3), а не одноместная (4):

- (3) *paša cang-äm ši-eš/ sev-ä*
 Паша колокол-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 **stuč-a/ ločk-a/ lăpš-a*
 стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Паша бьет в колокол’
- (4) *cang ???ši-eš/ ???sev-ä*
 колокол бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 **stuč-a/ ločk-a/ lăpš-a*
 стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Колокол звенит’

Для маркирования поверхности стука и удара при исследуемых глаголах существует три возможных стратегии: падежи аккумулятив, иллатив и пролативный послелог *măčkă* ‘по’:

- (5) *paša stöl-äm / stöl-ăškă/ stöl măč-kă măškândă*
 паша стол-ACC стол-ILL стол конец-ILL2 кулак
don ši-eš/ sev-ä/ stuč-a/
 с бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG / стучать-NPST.3SG /
ločk-a/ lăpš-a
 бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Паша стучит кулаком по столу’

2. Анализ фреймов

Нами было выделено 3 группы фреймов в зависимости от количества участников ситуации, их характеристик и типов их взаимодействия:

– удар одного предмета по другому – X ударяет Y: «стук в дверь/в окно», «удар ложки о тарелку во время еды», «дождь/град по крыше», «Петя бьет Васю», «забивание гвоздя», «бой напольных часов», «каблуки при ходьбе», «удар в барабан», «ложечка по стакану в поезде», «крышка по кастрюле». X может подразумеваться, но не называться. Тогда описывается лишь воспроизводимый звук: «стук колес поезда», «звон колокола».

– соударение – X и Y одинаковы, они ударяются друг о друга: «хлопать в ладоши», «соударение посуды при мытье», «стук зубов»;

– пульсация – X непроизвольно сжимается и разжимается: «стук сердца», «кровь в висках».

При дальнейшем описании сначала будет обозначено, какие группы фреймов в принципе доступны для того или иного глагола, далее будут перечисляться возникающие ограничения на сочетаемость, которые коррелируют с более тонкими семантическими различиями внутри групп фреймов. Для разграничения лексем были выделены такие дополнительные критерии, как приоритет физического удара (избить кого-то) vs. звука

(бой часов), цель нанесения удара (конкретно «удар с целью нанесения физического ущерба»), степень дискретности звука, интенсивность и эмоциональность удара.

Среди исследуемых глаголов обозначилось две непересекающихся группы: это классы центральных и периферийных лексем. Мы рассмотрим каждую подробно.

А. Центральные лексемы *šič* и *sev*.

У этих глаголов есть некоторые общие контексты: соударение предметов (6), удар одного предмета по другому (7), «избиение» (8). Также эти лексемы покрывают фреймы, где звук важнее физического удара – «бить в барабан», «бить в колокол», «бой часов» (9):

(6) *paša lapa-m šič-eš/ sev-ä*
 Паша ладонь-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

‘Паша хлопает в ладоши’

(7) *paša amasa-m šič-eš/ sev-ä*
 Паша дверь-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

‘Паша стучит в дверь’

(8) *paša pet'a-m šič-eš/ sev-ä*
 Паша Петя-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

‘Паша бьет Петю’

(9) *paša baraban-äm käm gänä šič-eš/ sev-ä*
 Паша барабан-ACC три раз бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

‘Паша бьет в барабан’

Однако между центральными лексемами есть и ряд отличий. Во-первых, у каждого глагола есть специфические контексты. Для лексемы *šič* это фрейм «пульсация» (10). Глагол *sev* в свою очередь отличается тем, что может в части идиолектов обозначать некоторую «типовую» ситуацию, для которой создание звука является не целью, а естественным сопровождением (см. примеры 11, 12, где для многих носителей приемлем глагол *sev*, но не глагол *šič*). Для некоторых из них оба глагола не являются абсолютно подходящими (самый «универсальный» глагол – *stič*, см. пункт Б), однако, если выбирать из центральных лексем, глагол *sev* для многих информантов в этих контекстах все же предпочтительнее. Кроме того, эти ситуации могут быть описаны без использования глаголов стука – тогда используется клауза *juk šakta* ‘звучит, слышно звук’ (13) или наречие *cotke*, образованное от глагола звука *cotkaš* ‘стучать’ (14).

(10) *vär vuj-äštä šič-eš/ ???sev-ä*
 кровь голова-IN бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

‘Кровь стучит в висках’

(11) *maša kačk-eš dä savala dono ???šič-eš/*
 Маша есть-NPST.3SG и ложка с бить-NPST.3SG/

?*sev-ä*

бить-NPST.3SG

‘Паша ест и стучит ложкой’

(12) *maša kabluk-vlä dono ???šič-n/ ?sev-en ašked-eš*
 Маша каблук-PL с бить-CVB/ бить-CVB идти-NPST.3SG

‘Маша идет, стуча каблуками’

(13) *paša kačk-eš savala juk vele šakt-a*
 Паша есть-NPST.3SG ложка звук только звучать-NPST.3SG

‘Паша ест, слышно, как стучит ложкой’

(14) *maša kabluk-vlä dono cotk-e ašked-eš*
 Маша каблук-PL с стучать-ADV идти-NPST.3SG

‘Маша идет, постукивая каблуками’

Также, судя по эксплицитным комментариям многих информантов, между глаголами *šič* и *sev* существует различие по интенсивности: *šič* обладает большей

интенсивностью, чем *seväš*, см. следующие примеры и приведенные при них пояснения носителей языка:

(15) *paša amasa-m ši-eš/ sev-ä*
 Паша дверь-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Паша стучит в дверь’ (Комментарий информанта: «*šieš* – колотит, сильно бьет, *sevä* – тихонечко»)

(16) *paša kačk-eš dä savala dono sev-ä/*
 Паша есть-NPST.3SG и ложка с бить-NPST.3SG/
ši-eš
 бить-NPST.3SG
 ‘Паша ест и стучит ложкой’ (Комментарий информанта: «*šieš* – сильно стучит, его за это могут отругать и заставить прекратить, *sevä* – немножко стучит»).

Кроме того, некоторые информанты запрещали описать глаголом *šiiš* ситуацию легкого похлопывания по плечу, так как это означало бы сильный удар. Разрешалось использовать только *seväš* (17), что также говорит о распределении лексем по большей/меньшей интенсивности.

(17) *ät'ä-žž ergä-žž-m pulâš mâč-kâ*
 отец-POSS.3SG сын-POSS.3SG-ACC плечо конец-ILL2
sev-ä/ #ši-eš
 бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Отец похлопал/#ударил сына по плечу’

Однако это различие легко стирается контекстом. Нами были проведены тесты на сочетаемость центральных лексем с наречиями большей (‘сильно’) или меньшей (‘слабо’) интенсивности. Так, вполне допустимы сочетания «более интенсивного» *šiiš* с наречием *olen* ‘тихо, слегка’ (18) и «менее интенсивного» *seväš* с наречием *kogon* ‘сильно’ (19), которые, как ожидалось, должны были бы быть запрещены. Сочетаемостных различий нет и в контекстах, которые сами по себе предполагают различия по интенсивности – фрейм «стучать пальцем по столу» с мальчиком в роли Агенса (20) и фрейм «стучать в окно (во время ветра)» с веткой в роли Эффектора (21) в равной степени допускают лексемы *šiiš* и *seväš*.

(18) *paša olen amasa-m si-eš*
 Паша слегка дверь-ACC бить-NPST.3SG
 ‘Паша тихонько стучал в дверь’

(19) *ukš kogo-n okn'a-m mardež-eš šev-ä*
 ветка большой-GEN окно-ACC ветер-LAT бить-NPST.3SG
 ‘От ветра ветка сильно стучит в окно’

(20) *stroitel' kuvaldâ don ši-eš/ sev-ä*
 строитель кувалда с бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Строитель стучит кувалдой’

(21) *ärvezäš parn'a don stöl-äm ši-eš/*
 мальчик палец с стол-ACC бить-NPST.3SG/
sev-ä
 бить-NPST.3SG
 ‘Мальчик стучит пальцем по столу’

Таким образом, мера интенсивности у лексем *šiiš* и *seväš* подавляема и может стираться контекстом, поэтому, в соответствии с [Падучева, 2004, с. 101-110], является имплицатурой, а не компонентом значения.

Б. Периферийные лексемы *stuč-aš*, *ločkaš* и *lâpšaš*⁴⁸

Данные глаголы могут употребляться в контекстах, обозначающих удар одного предмета по другому (22). Однако для разграничения периферийных лексем возникают оппозиции, которые не упоминались при описании глаголов *šič-aš* и *sev-aš*. К примеру, контексты «стук града» и «стук дождя», могли бы в силу своей семантической близости обладать одинаковой сочетаемостью, однако в нашем материале между ними наблюдаются очевидные различия, см. (22) и (23). По-видимому, они проистекают из некоторых различий между данными ситуациями: во-первых, град производит более дискретный звук, чем дождь; во-вторых, для звука дождя в горномарийском есть отдельный глагол *ložgaš*, из-за чего, возможно, центральные лексемы менее употребительны с этим фреймом.

(22) *šolem leväš-äm stuč-a/ lâpša-a/*
град крыша-ACC стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG

?*ločk-a*

бить-NPST.3SG

‘Град стучит по крыше’

(23) *jur leväš-äm ???ločk-a/ ?stuč-a/*
дождь крыша-ACC бить-NPST.3SG/ стучать-NPST.3SG

???*lâpša-a*

бить-NPST.3SG/

‘Дождь стучит по крыше’

Важно отметить, что, если добавить прилагательное *kogo* ‘большой, сильный’, то вариантов кодирования фрейма «стук дождя» возникает больше – становится допустимым использование глагола *lâpšaš* (24).

(24) *kogo jur leväš-äm lâpša-a*
большой дождь крыша-ACC бить-NPST.3SG

‘Ливень бьет по крыше’

Таким образом, данная лексема может обозначать более интенсивный удар (25). Кроме того, *lâpšaš* используется для описания эмоционального действия, которое также обладает повышенной интенсивностью, см. (26), (27).

(25) *ukš okn'a-m kogo mardež-eš lâpša-a*
ветка окно-ACC большой ветер-LAT бить-NPST.3SG

‘Ветка стучит в окно при сильном ветре’

(26) *paša šädešk-en amasa-m lâpš-en pitär-äš*
Паша злиться-CVB дверь-ACC бить-CVB закрыть-PRET

‘Рассердившись, Паша захлопнул дверь’

(27) *ävä-žä präžä don ergä-žä-m lâpša-a*
мать-POSS.3SG ремень с сын-POSS.3SG-ACC бить-NPST.3SG

‘Мать бьет сына ремнем’

Важно отметить, что у глагола *lâpšaš* также есть значение качания (28) и махания (29). Можно предположить, что интенсивность *lâpšaš* как глагола удара определяется включенной в его семантику идеей замаха, которая как раз исходит из других его значений.

(28) *püšängä mardež-eš lâpš-alt-eš*
дерево ветер-LAT качаться-MED-NPST.3SG

‘Дерево качается на ветру’

(29) *kek šäldâr-žä-m lâpša-a*

⁴⁸ Периферийных лексем исследуемого семантического поля в горномарийском, несомненно, больше, однако пока подробно рассмотрены только эти. При расширении выборки глаголов наверняка возникнут новые параметры.

птица крыло-POSS.3SG-ACC махать-NPST.3SG
 ‘Птица машет крыльями’

Также в группе «удар одного предмета по другому» важно выделить фрейм «избиение» – удар (или серия ударов) с целью нанесения физического ущерба. Из периферийных лексем в этом контексте не может употребляться только *stučaš* (30). Возможно, это связано с тем, что центральные контексты, где используется эта лексема, могли быть заимствованы из русского вместе с самой лексемой.

(30) *paša pet'a-m ločk-a/ lăpš-a/ *stuč-a*
 Паша Петя-ACC бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/стучать-NPST.3SG
 ‘Паша бьет Петю’

В. Ограничения на контексты

В группе «удар одного предмета по другому» есть также фреймы, в которых описывается наименее дискретный звук – удары крышки кастрюли при кипении (31), удары ложечки о стенки стакана при движении поезда (32). В них употребляются не исследуемые нами глаголы, а лексемы с фокусом на характеристике звука: *congârgaš* ‘гремять’, *šongârgaš* ‘бренчать’ и др. Очень редко в них также встречается лексема *stučaš*, что позволяет говорить о её широкой сфере употребления хотя бы в части идиолектов. При разграничении таких глаголов становятся важны другие параметры: характеристика материала, тембра и т.п.

Помимо того, контексты с наименее дискретными звуками встречаются в группе фреймов «соударение» (соударение зубов от холода (33)), однако в них не встречается не один из исследуемых глаголов, а глагол, описывающий частые колебания малой амплитуды *cätäräš* ‘дрожать’.

(31) *väd čajnik-âstâ šol-eš dä komdâš-âžâ*
 вода чайник-IN кипеть-NPST.3SG и крышка-POSS.3SG
congârg-a/ ???stuč-a / *sev-ä/
 греметь-NPST.3SG/ стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/
*ši-eš/ *ločk-a/ *lăpš-a
 бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘Вода в чайнике кипит, и крышка гремит/ ???стучит’

(32) *pojezd-âštâ izi savala šongârg-a/ ?stuč-a*
 поезд-IN маленький ложка бренчать-NPST.3SG/стучать-NPST.3SG/
*sev-ä/ *ločk-a/ *lăpš-a
 бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG
 ‘При движении поезда чайная ложка бренчит/ ?стучит’

(33) *paša pü-vlä-žä-m üšt-eš cätär-ä*
 Паша зуб-PL-POSS.3SG-ACC холод-LAT дрожать-NPST.3SG
?stuč-a/ ???sev-ä/ ???ločk-a/
 стучать-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/ бить-NPST.3SG/
*lăpš-a
 бить-NPST.3SG
 ‘У Паши зубы дрожат/?стучат от холода’

III. Заключение

В ходе нашего исследования было выявлено распределение глаголов по группам фреймов (таблица 1) и выделены некоторые дополнительные характеристики для разграничения лексем (таблица 2).

Таблица 1

Распределение глаголов по группам фреймов

	šišš	seväs	ločkaš	stučaš	lăpšaš
--	------	-------	--------	--------	--------

удар одного предмета по другому	+	+	(+типсовая ситуация)	+	+	+
Соударение	+	+		-	-	+
Пульсация	+	-		-	-	-

Знак «плюс» напротив глагола в строчке той или иной группы означает, что он употребляется не в любом контексте из данной группы, а хотя бы в каких-нибудь из таких. Знак «минус» – что глагол никогда не употребляется в этом контексте.

Таблица 2

Дополнительные семантические характеристики

	šišš	sevšš	ločkaš	stučaš	lǫpšaš
акцент на образовании звука	+	+	-	-	-
наименее дискретный звук	-	-	-	+	-
нанесение физического ущерба	+	+	+	-	+
Интенсивность	+	-	-	-	+
	снимается контекстом				

Список глосс

ACC – аккузатив, CVB – конверб, DEC – десятки (для числ.), GEN – генитив, IN – инессив, LAT – латив, NPST – непрошедшее время, PL – множественное число, PRET – претерит («1 прошедшее»), SG – единственное число.

Литература

1. Словарь марийского языка : в 10 т. Т. 3 / А.А.Абрамова, В.И.Вершинин, И.С.Галкин [и др.]; отв. ред. И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1990-2005.—497 с. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/
2. Воронин, С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – 2-е изд., стереотип. – Ленинград: издательство Ленинградского университета, 1982. – С. 46-48.
3. Кашкин, Е.В. Семантика глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках / Е.В. Кашкин, Е.К. Павлова // Acta Linguistica Petropolitana (Труды Института лингвистических исследований РАН).– СПб: «Наука», 2010. – Т IV, ч.3. – С. 70-74
4. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 609 с. – (Studia philologica).
5. Саваткова, А.А. Словарь горномарийского языка / А.А. Саваткова. – 2-е изд., перераб. и доп. — Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 405 с.
6. Стойнова Н. М. Семантика и морфосинтаксические свойства глаголов звука в русском языке / Н.М, Стойнова // Дипломная работа. — М., 2008.—142 с.
7. Kashkin, E.V. Verbs describing sounds of inanimate objects: towards a typology / E.V. Kashkin, E.S. Luchina, T.I. Reznikova, E.K. Pavlova// Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). – Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. – М., издательство РГГУ 2012. – С. 227-236.
8. Kashkin, E. Verbs of sound in the Moksha language: a typological account / E. Kashkin, S. Nikiforova // Nyelvtudományi Közlemények, vol. 111., 2015. – P. 339-361.

Студеникина Ксения Андреевна,
студентка МГУ им. М.В.Ломоносова, отделения теоретической и прикладной
лингвистики,
E-mail: xeanst@gmail.com

Studenikina Ksenia Andreevna,
student of Lomonosov Moscow State University, department of theoretical and mathematic
linguistics,
E-mail: xeanst@gmail.com

УДК 81'44

С. К. Стырина
(Москва)

“НЕ РЕБЕНОК, А ЧУДО”: РУССКАЯ КОНСТРУКЦИЯ “НЕ Y, А X” И ЕЕ АНАЛОГИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ^{©49}

Аннотация: цель исследования – рассмотреть идиоматичные оценочные конструкции *не Y, а X* и *an X of an Y* и *ein X von einem Y* в русском, английском и немецком языках, чтобы выявить общие черты и различия данных конструкций в трех упомянутых языках, опираясь на основные утверждения теории Грамматики конструкций.

Ключевые слова: грамматика конструкций, грамматическая идиома, семантика.

“Ne Rebenok, a Čudo” (a Wonder of a Child): The Russian “ne Y, a X” Construction and Its Equivalentents in English and German

Abstract: the study is focused on three constructions *не Y, а X*, *an X of an Y*, and *ein X von einem Y* in Russian, English, and German respectively, specifically their idiomatic use of voicing a certain judgement about an object by comparing it to another object. The author seeks to identify common traits and differences of these three constructions, based on the main principles of Construction Grammar.

Key words: construction Grammar, grammatical idiom, semantics.

1. Введение

Описание идиоматичных грамматических конструкций является обширной лингвистической задачей. Рассматривая лишь единичные употребления той или иной конструкции, невозможно выявить общие закономерности допустимых заполнений ее переменных и всевозможных значений, которые она способна принимать. Тем более затруднительным является сравнение похожих конструкций в разных языках, если сравнительный анализ опирается только на общее представление о допустимых

© Стырина С. К., 2017

⁴⁹ автор благодарен научному руководителю – к.ф.н., доценту Школы Лингвистики НИУ ВШЭ Резниковой Татьяне Исидоровне, а также участникам конференции за комментарии и идеи по дальнейшему исследованию.

употреблениях и на обобщенное значение конструкций. В силу этих причин при изучении грамматических идиом важно учитывать как можно больше контекстов их употребления.

Теория Грамматики конструкций (Construction Grammar) была сформулирована Чарльзом Филлмором, начиная с работы Fillmore et. al 1988 *Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions*. В этой статье Филлмор критикует традиционный – атомистический – подход к описанию грамматики языка (“the atomistic view of complex linguistic objects” [Fillmore et. al, 1988, с. 503]), согласно которому носитель языка имеет знания о словах, элементарных грамматических правилах комбинирования простых фраз в более сложные структуры, а также о семантических и прагматических принципах интерпретации значений слов и высказываний в сложных предложениях и различных ситуациях. Однако этой информации не всегда достаточно для исчерпывающей интерпретации грамматических структур любого вида. Согласно теории Филлмора, значение некоторых грамматических конструкций не может быть полностью интерпретировано на основе принципа композициональности, что делает их до некоторой степени идиоматичными. Филлмор утверждает, что в подобных конструкциях, помимо синтаксической информации, закодирована также информация о ее семантике, прагматике и лексическом заполнении, что нельзя извлечь из композиционального значения элементов конструкции.

Грамматика конструкций служила опорой нескольким монографиям Адель Голдберг [Goldberg, 1995; Goldberg, 2006], что способствовало распространению и росту известности теории Филлмора. К этой тематике обращались также и российские лингвисты, такие как Е.В. Рахилина (см. Рахилина (ред.) 2010) и Л.Л. Иомдин, называющий эту область исследования “микросинтаксисом”. Работы Л. Л. Иомдина направлены на изучение и описание нестандартных и периферийных синтаксических конструкций в русском языке, ср., например, его статью о фразеологических единицах *в силу, от силы, в х-овую силу* и двух различных предикативных единиц *в силах* [Иомдин, 2008].

Цель данного исследования – рассмотреть следующие идиоматичные конструкции, чтобы выявить их общие черты и различия, опираясь на основные утверждения Грамматики конструкций:

русская конструкция:	<i>не Y, а X</i>	<i>не ребенок, а чудо</i>
английская конструкция:	<i>an X of an Y</i>	<i>a wonder of a child</i>
немецкая конструкция:	<i>ein X von einem Y</i>	<i>ein Wunder von einem Kind</i>

Идиоматичность данных конструкций состоит в присваивании с ее помощью определенной оценки (выражаемой в позиции X) тому или иному объекту (выраженному в позиции Y). В качестве параметров сравнения конструкций трех языков были рассмотрены выражения, заполняющие позиции X и Y, а также коннотации самих оценок. Для исследования было задействовано собрание корпусов *Sketch Engine*, с помощью которого были найдены употребления конструкций в предикативной позиции.

2. Сравнительный анализ русской, английской и немецкой конструкций

Сперва стоит кратко описать данные, собранные для данной работы. В *таблице 1*, расположенной ниже, представлена информация о корпусах в составе *Sketch Engine*, в которых производился поиск употреблений конструкций, а также точные поисковые выражения и описание результатов выдачи корпусов.

Таблица 1.

Выборка исследования трех конструкций.

конструкция	корпус	поисковое выражение на языке CQL	кол-во результатов в	кол-во идиом	% идиом
-------------	--------	----------------------------------	----------------------	--------------	---------

Таблица 1.

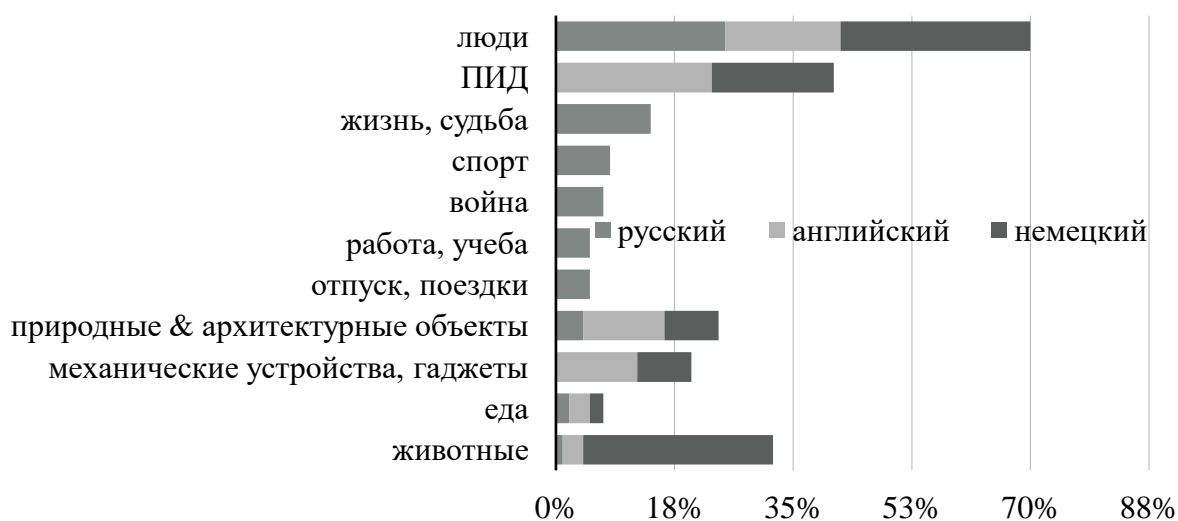
Выборка исследования трех конструкций.

<i>ein X von einem Y</i>	<i>deTenTen 2013</i>	[word="ist"] [word="ein eine"] [] [word="von"] [word="einer einem"]	5465	769	14 %
<i>an X of an Y</i>	<i>English Web 2013</i>	[word="is"] [word="a"] [] [word="of"] [word="a"] [] [word = "\.!\"]	9641	868	9 %
<i>не Y, а X</i>	<i>Russian Web 2011</i>	[word="был была было"] [word="не"] [tag="N.*"] [word = ","] [word="а"] [tag="N.*"]	10215	611	6 %

Немецкая конструкция употребляется в качестве оценочной идиомы в 14% примеров, найденных в корпусе, что слегка превосходит долю идиоматичного употребления аналогов в английском (9%) и русском (6%) языках.

В первую очередь мы рассмотрим оцениваемые объекты (выраженные в позиции Y), которые встретились в примерах выборки. Ниже представлен *график 1*, где перечислены частотные виды оцениваемых объектов трех конструкций. График также указывает процентную долю, которую образуют примеры с каждым видом объектов из всех примеров выборки конструкции. Группа объектов “ПИД” объединяет всевозможные продукты интеллектуальной деятельности: литературные произведения, музыку, и т.п.

График 1. Часто оцениваемые объекты (позиция Y)

Все три конструкции употребляются (как минимум в 30% идиоматичных контекстов) для оценки людей, животных, еды, а также зданий, населенных пунктов, заведений и объектов природы (группа на графике, указанная как “Места, здания, заведения”). В употреблении русской и немецкой конструкции оценке чаще всего подвергаются люди (в английском контексты оценивания людей количественно уступают описаниям книг, музыки, фильмов, и т.п.). Частотные группы оцениваемых объектов в английском и немецком языке полностью совпадают, хотя и различаются по процентной доле соответствующих примеров в своей выборке. Примеры 1-7 иллюстрируют типичные контексты употребления конструкций в трех языках:

(1) *Она засмеялась, чувствуя себя беспричинно счастливой. Это был не мужчина, а мечта.*

(2) *А ещё были прививки, частые расстройства желудка оттого, что на прогулке это был не щенок, а пылесос, который заглатывал всё, что попадалось на пути.*

(3) *Er ist ein Traum von einem Mann, aufmerksam, romantisch, liebevoll, lustig, sieht gut aus und tut alles für mich.*

‘Он **не мужчина, а мечта**: внимательный, романтичный, любящий, забавный, хорошо выглядит и делает для меня все.’

(4) *Er ist eine Seele von einer Katze, unglaublich kinderlieb [...] und macht uns täglich Spaß.*

‘Он **не кот, а душенька**, невероятно любит детей и ежедневно радует нас.’

(5) *Hamish is a joke of a journalist. My readership of the Cal Merc didn't last very long precisely because of the bizarre spin he would put on stories.*

‘Хэмиш – это **не журналист, а шутка**. Мое чтение *Cal Merc* было непродолжительным именно из-за причудливых закруток, которые он добавлял в репортажи.’

(6) *Claws by Will Weaver is a powerhouse of a novel. The plot twists cannot be outguessed and it ends with a heart stopping bang. Wow!*

“‘Когти’ Уилла Уивериса – это **не роман, а силовая станция**. Повороты сюжета нельзя предугадать, а заканчивается книга сердце-останавливающим взрывом. Yay!’

(7) *Candlestick Park is a monstrosity of a stadium. [...] the place was consistently cold, dark, dingy and windy [...]*

‘Candlestick Park – это **не стадион, а уродство**. В том месте постоянно холодно, темно, тускло и ветрено [...]

В контекстах русской конструкции, нередко описана жизнь и судьба (см. пример 8), спортивные мероприятия (см. пример 9), война и сражения, работа и учеба (см. пример 10), а также поездки и отпуск. Такие темы встречались в выборках английской и немецкой конструкций очень редко. И наоборот, тогда как в английском и немецком языках идиоматичные конструкции нередко встречались при оценке продуктов интеллектуальной деятельности и при описании автомобилей (см. пример 11), орудий, и электронных приборов (см. пример 12), то для русской конструкции такие контексты не являются типичными.

(8) *A бытовая жизнь? Это была не жизнь, а каторга! Женщины круглыми сутками стирали и отбеливали, с дрожью ожидая явления тети Аси.*

(9) *Вот и последний матч «Баварии» с дортмундской «Боруссией» показал, что Франц Беккенбауэр не зря кормит своих миллионеров. «Это был не футбол, а конфетка, которую хочется класть в рот еще и еще [...]*

(10) *В свое время работал генеральным менеджером в Нью-Йорке. В перуанском ресторане. Для меня это было не работа, а сказка. Просто выстроил отличные отношения с хозяевами бизнеса.*

(11) *Das M6 Gran Coupé ist ein Schiff von einem Auto: über fünf Meter lang, fast zwei Meter breit und 1.950 Kilo schwer.*

“‘M6 Gran Coupé’ – это **не машина, а корабль**: более пяти метров в длину, почти два метра в ширину и весит 1950 килограмм.’

(12) *The HTC EVO 4G is quite frankly a beast of a phone. Sprint and HTC managed to squeeze into it the best hardware you could conceive at this point in time.*

‘Модель HTC EVO 4G – это, честно говоря, **не телефон, а зверь**. Sprint и HTC смогли уместить в нее самое лучшее оборудование, доступное на данный момент.’

Таблица 2, расположенная ниже, показывает, что частотные группы на графике 1, охватывают 90% оценочных употреблений немецкой конструкции. Из этого можно заключить, что она обладает более узкой сферой употребления, чем ее английский и русский аналог. При этом английская конструкция выходит на первое место по разнообразию типов оцениваемых объектов.

Таблица 2.

Слова, заполняющие позицию Y в конструкциях

конструкция	% примеров вне всех частотных групп оцениваемых объектов
<i>an X of an Y</i>	34%
<i>ein X von einem Y</i>	10%
<i>не Y, а X</i>	28%

Далее следует рассмотреть коннотации оценок, возникающие при оценочном употреблении трех конструкций. Большинство контекстов употребления каждой из них содержит либо положительную, либо отрицательную оценку того или иного объекта. Небольшую долю выборки каждого языка занимают также оценки нейтрального тона (употребляемые для описания какого-то качества объекта, лишённого при этом осуждения или похвалы, см. пример 16). Ниже представлена *таблица 3*, где указаны процентные соотношения примеров употребления конструкций с различными оттенками оценок.

Таблица 3.

Коннотации оценок в конструкциях

язык	конструкция	% положительных оценок	% отрицательных оценок	% нейтральных оценок
английский	<i>an X of an Y</i>	79 %	11 %	8 %
немецкий	<i>ein X von einem Y</i>	81 %	5 %	14 %
русский	<i>не Y, а X</i>	32 %	55 %	10 %

Распределение типов коннотаций оценок в конструкциях трех языков получилось достаточно неоднородным. Немецкая и английская конструкция в большинстве случаев (в 81% и 79% примерах) передает положительную оценку (см. пример 13, 14), тогда как русская конструкция более чем в половине контекстов (55%) употреблений выражает отрицательную оценку (см. пример 15). Нейтральные оценки также присутствовали, не более чем в 10% примерах каждой выборки (см. пример 16)

(13) *Es ist ein Träumchen von einem Kuchen und ich backe ihn je nach Lust und Laune mal mit und mal ohne Eischnee.*

‘Это **не пирог, а мечтушка**, я пеку его по настроению то с яичным белком, то без него.’

(14) *Beasts of the Southern Wild is a triumph of a film. It does not shock to know that it won the Grand Jury Prize and the Award for Cinematography at the Sundance Film Festival and the Golden Camera Award at Cannes (to name a few).*

“Звери дикого юга” – это **не фильм, а триумф**. Неудивительно, что он выиграл приз Большого жюри на кинофестивале Sundance и премию “Золотая камера” в Каннах (и это даже не все.)’

(15) *Наступило завтра, и ребята начали работать, но их темпы меня не устраивали. Это была не работа, а муки адские [...]*

(16) *He stood 6'5. A mountain of a man.*

‘Он был ростом 6 футов и 5 дюймов. **Не человек, а гора**.’

Коннотация оценки, которую передают конструкции, определяется оценочным словом или выражением, заполняющим позицию X. В каждой из трех конструкций употреблялось немалое количество различных оценочных слов и словосочетаний, которые

также следует сравнить. В *таблице 4* перечислены оценочные слова и выражения, которые встретились в выборке каждого языка не менее трех раз. В таблице подчеркнуты слова, которые являлись частотным заполнением позиции X в конструкции другого языка (такие аналоги – близкие или совпадающие по значению оценочные слова, располагаются на одной строке таблицы).

Таблица 4.

Оценочные слова трех конструкций

	английские оценки	немецкие оценки	русские оценки
полож. оценки	<u>gem</u> <u>jewel</u> workhorse <u>treasure</u> brute <u>pearl</u> hunk <u>beast</u> tank <u>monster</u> <u>powerhouse</u> <u>bear</u> horse <u>dream</u> prince <u>sweetheart</u> honey dandy <u>beauty</u> beaut <u>masterpiece</u> genius <u>miracle</u> blockbuster marvel <u>triumph</u> stunner <u>whirlwind</u> cracker firecracker hoot feast	<u>Prachtstück</u> <u>Juwel, Schmuckstück</u> <u>Schatz</u> <u>Perle</u> <u>Tier, Biest</u> Hammer <u>Monster</u> Brocken <u>Kraftpaket</u> <u>Bär</u> Bulle <u>Traum, Bild</u> <u>Seele, Herz</u> <u>Schönheit</u> Sahnestück <u>Monument</u> <u>Wunder</u> Glücksfall <u>Pracht</u> <u>Wirbelwind</u>	загляденье песня удовольствие ангел сказка, мечта чудо
отриц. оценки	 shell failure disaster <u>monstrosity</u> disgrace stinker bitch <u>joke</u>	<u>Alptraum</u> Bastard Klotz <u>Witz</u>	<u>кошмар</u> мучение пытка избиение <u>чудовище</u> маска резня бойня ад каторга <u>комедия</u> спектакль лицедей дьявол демон побоище существование выживание черт знает что приговор кладбище

Оценочные слова трех конструкций

нейтр. оценки	<i>giant</i> <i>mountain</i>	<i>chameleon</i> <i>whale</i> <i>behemoth</i> <i>mammoth</i>	<i>Hüne, Riese</i> <i>Berg</i>	<i>Schrank</i> <i>Baum</i> <i>Monstrum</i>	<i>кремень</i> <i>машина</i>
---------------	---------------------------------	---	-----------------------------------	--	---------------------------------

Частотные оценки английской и немецкой конструкции имеют достаточно заметное пересечение. 19 из 46 английских и 24 из 30 немецких оценок имеют аналог в другом языке, и в большинстве случаев – как раз в немецком или английском. Чаще всего пересекаются положительные оценки в немецкой и английской конструкции. Например, оценочные слова, обозначающие драгоценности и сокровища, присутствуют в обоих языках: *gem* – *Prachtstück* ‘драгоценный камень’, *jewel* – *Juwel*, *Schmuckstück* ‘драгоценный камень’, *treasure* – *Schatz* ‘сокровище’, и *pearl* – *Perle* ‘жемчужина’. Также пересекаются оценки, описывающие необыкновенную силу и мощь: *beast* – *Biest*, *Tier* ‘зверь’, *monster* – *Monster* ‘монстр’, *bear* – *Bär* ‘медведь’ и *powerhouse* – *Kraftpaket* ‘силовая станция’. Два самых универсальных и самых частотных немецких оценочных слова *Bild* ‘идеал’, *Traum* ‘мечта’ имеют не только английский эквивалент *dream* ‘мечта’, но и два эквивалента в русской конструкции – *сказка* и *мечта*. Эквивалентными оценками в трех языках являются также *miracle* – *Wunder* – *чудо*.

Из других, близких по значению положительных английских и немецких оценок встречаются *sweetheart* – *Seele*, *Herz* ‘душенька’, *beauty* – *Schönheit* ‘красота’, *masterpiece* ‘шедевр’ – *Monument* ‘монумент’, *triumph* ‘триумф’ – *Pracht* ‘слава’ и *whirlwind* – *Wirbelwind* ‘вихрь’. Отрицательные и нейтральные оценки английской и немецкой конструкции тоже частично пересекаются, например, *joke* – *Witz* ‘анекдот, шутка’ (имеющие довольно близкий русский эквивалент – *комедия*), *giant* – *Hüne*, *Riese* ‘гигант’ и *mountain* – *Berg* ‘гора’.

В русской конструкции, помимо трех вышеупомянутых совпадений с английскими и немецкими оценочными выражениями, встретилось еще одно дополнительное пересечение с множеством немецких оценок: *Alptraum* – *кошмар* и один случай совпадения русского оценочного слова с английским: *чудовище* – *monstrosity*. Итого, всего 5 частотных оценочных слов в русской конструкции имеют частотные эквиваленты в остальных двух конструкциях.

Также стоит рассмотреть самые универсальные оценочные слова (т.е. которые встречались для описания любого или почти любого типа объектов) каждой конструкции. В немецком языке на первом и втором месте по частотности – конструкции *ein Traum von einem Y* ‘не Y, а мечта’ (см. примеры 3, 17, 18) и *ein Bild von einem Y* ‘не Y, а мечта/идеал’ (см. примеры 19-21).

(17) *Es ist ein Traum von einem Sommerurlaub unter Segeln. Dazu eine hohe Windwahrscheinlichkeit und selten viel Welle.*

‘Это не летние каникулы, а мечта: под парусом, и к тому же с высокой вероятностью ветра и на редкость большими волнами.’

(18) *Benni war ein Traum von einem Hund.*

‘Бенни был не собакой, а мечтой.’

(19) *Unser Hochwürden ist ein Bild von einem Seelsorger, hilfsbereit, nett, sympathisch.*

‘Наш Преподобный – это не пастырь, а картинка: готовый помочь, добрый, отзывчивый.’

(20) *Dieses Modell eines Silber Colliers mit Zirkonia Steinen ist ein Bild von einem Schmuckstück.*

‘Эта модель серебряного ожерелья с кубическим цирконием – это не украшение, а картинка.’

(21) *Freistil Black ist ein Bild von einem Buch. Eines, das man sich stolz ins Bücherregal stellt und hofft, dass es Besucher bemerken.*

“Freistil Black” – это **не книга, а картинка**. Одна из тех, которые с гордостью стоят на полке и ждут пока посетители их заметят.

Самые распространенные английские конструкции – *a gem of an Y* ‘не Y, а драгоценный камень’ (см. пример 22, 23) и *a beast of an Y* ‘не Y, а зверь’ (см. пример 12). В русском языке чаще всего встречается конструкция *не Y, а загляденье* и *не Y, а сказка*, также употребляемые в различных типах контекстов (см. пример 10, 24, 25). Немецкие *Traum* ‘мечта’ и *Bild* ‘мечта, идеал’ довольно близки по значению к русским универсальным оценкам *загляденье* и *сказка*.

(22) *A gem of a track! The title track, Best Kept Secret is a similarly jolly little ditty which can't fail to put you in a great frame of mind.*

‘**Не песня, а драгоценный камень!** А главный трек – “Best Kept Secret” – это тоже веселая песенка, которая непременно оставит тебя в отличном настроении.’

(23) *As Yon sparkles at any time of day and is a gem of a beach.*

‘**Ао Йон сверкает в любое время суток, это не пляж, а драгоценный камень.**’

(24) *[...] это была не женщина, а сказка. Слишком хороша во всём, чтобы быть похожей на правду, но это было так.*

(25) *Друзьям на радость, а судьбе назло Хотим, / чтобы тебе всегда везло, / Чтоб жизнь была не жизнь, а загляденье, / И чтобы каждый день был днем рождения*

Следует также уделить внимание тому, насколько свободным является заполнение позиции X. В этом отношении русская конструкция *не Y, а X* выходит на первое место среди остальных. Несмотря на то, что выборка примеров *не Y, а X* была самой малочисленной из трех, именно в ее примерах встретилось наибольшее количество различных оценочных слов – 366, тогда как в данных для английской и немецкой конструкции встретилось 202 и 146 разных оценочных слов соответственно.

Еще одной особенностью русской конструкции *не Y, а X* является возможность употребления деривата от Y в позиции X (т.е. в качестве оценочного слова, например, *не человек, а человечине; не суд, а судилище* и *не голос, а голосина*), что не встречается в английских и немецких примерах.

Кроме того, позиция X в русской конструкции допускает заполнение более чем, одним словом. Такие примеры составляли около 32% выборки конструкции *не Y, а X*, что делает данное явление довольно распространенным для русской конструкции (оценки такого вида встречались в примерах 9 и 15). В английской конструкции иногда встречаются такие оценки, как *a hidden gem of an Y* ‘не Y, а скрытый драгоценный камень’, и в немецком возможны такие конструкции, как *ein kleiner Traum von einem Mann* ‘не мужчина, а мечтушка’, однако подобные выражения встречаются очень редко.

3. Заключение

Сравнительный анализ трех оценочных конструкций выявил многие схожие и различающиеся черты их употребления. Первым и наиболее существенным сходством являются типы объектов, для оценки которых употребляются конструкции. В выборке трех выражений встречаются оценки людей, животных, еды и различных заведений, населенных пунктов и зданий. Однако некоторые частотные контексты употребления русской идиоматичной конструкции были свойственны только ей, почти или совсем не встречаясь в употреблении других конструкций. В таких контекстах говорящий использовал *не Y, а X* при описании жизни, спорта, войны, работы и отдыха. В то же время, все частотные группы оцениваемых объектов немецкой и английской конструкций полностью совпадали.

Английская и немецкая идиомы *ein X von einem Y* и *an X of an Y* также ближе друг к другу, чем к русской конструкции, в отношении типичного оттенка присваиваемой оценки. В большинстве случаев употреблений *ein X von einem Y* или *an X of an Y* звучит

положительный отзыв о том или ином объекте. В русском языке конструкция *не Y, а X* чаще встречается при выражении критического, отрицательного мнения.

Множество оценочных слов, чаще всего используемых для описания объектов, также в большей степени пересекаются в употреблении немецкой и английской конструкции. Тем не менее, в выборке присутствуют и такие оценочные слова, которые встречаются в конструкциях всех трех языков (например, *Traum – dream – мечта* и *Wunder – miracle – чудо*). Хотя все три грамматические идиомы допускают определенную свободу заполнения позиции X, содержащей оценку, в употреблении русской конструкции встречается наибольшее количество различных оценочных слов и выражений.

Анализ трех оценочных идиом показывает, насколько широким может быть спектр употребления грамматических конструкций, начиная от лексического заполнения переменных и контекстов употребления до особенностей коннотации отдельных употреблений. Подобная информация недоступна из общего знания о значении конструкции или из отдельно взятых употреблений. Тем самым, данная работа подтверждает основные положения Грамматики конструкций о некомпозициональности грамматических конструкций в идиоматичном употреблении и о способности конструкций содержать не только синтаксическую, но также и лексическую, семантическую и прагматическую информацию.

Литература

1. Иомдин Л. Л. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем : научная статья / Л.Л. Иомдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (Диалог 2008). Труды Международной конференции (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.) — М. : РГГУ, 2008. — с. 178-184.
2. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений : монография / Е. В. Падучева, отв. ред. В. А. Успенский. — 6-е изд., испр. — М. : Издательство ЛКИ, 2010. — 296 с.
3. Рахилина, Е. В. Лингвистика конструкций : монография / отв. ред. Е. В. Рахилина. — 1-е изд. — М. : “Издательский центр “Азбуковник”, 2010. — 584 с.
4. Стырина С. К. Конструкция "Ein X von einem Y" в немецком языке: сочетаемостные ограничения и семантика : курсовая работа / С. К. Стырина. — М. : НИУ ВШЭ, 2016. — 32 с.
5. Fillmore, C. J. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone : научная статья / Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.C. ; University of California, Berkeley. — Washington DC : Language, 1988. — с. 501-538.
6. Goldberg, A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure : монография / A. Goldberg. — 1-е изд. — Chicago : University of Chicago Press, 1995. — 271 с.
7. Goldberg, A. Constructions at Work: The nature of generalization in language : научная книга / A. Goldberg, I. Mani, J. Pustejovsky, R. Gaizauskas. — 1-е изд. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 280 с.

*Стырина Софья Константиновна,
студент 4 курса бакалаврской программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» НИУ ВШЭ, Москва
E-mail: phuuda@gmail.com*

*Styrina Sofia Konstantinovna,
4th-year student at the “Theoretical and Computational Linguistics” undergraduate program at NRU HSE, Moscow
E-mail: phuuda@gmail.com*

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЛИДЕРОВ ПАРТИЙ «MOVIMENTO 5 STELLE» (ИТАЛИЯ) И «PODEMOS» (ИСПАНИЯ)©

Аннотация: в статье рассмотрена реализация стратегий и тактик в современном испанском и итальянском политическом дискурсе. Приводятся примеры из корпуса исследования. Выделены стратегии и тактики, реализуемые П. Иглесиасом, лидером оппозиционной партии «Podemos» и Б. Грилло, лидером оппозиционной партии «Movimento 5 stelle». По результатам анализа дана характеристика наиболее частотных стратегий и тактик выступлений.

Ключевые слова: стратегия, тактика, политический дискурс Испании и Италии, лидер оппозиционной партии

Strategies and tactics in the political discourse of the leaders of parties «Movimento 5 stelle» (Italy) and «Podemos» (Spain)

Abstract: the article examines the problem of realization of strategies and tactics in the political discourse of Spain and Italy. The examples are given. Strategies and tactics used by Pablo Iglesias, the leader of the opposition party «Podemos», and by Beppe Grillo, the leader of the opposition party «Movimento 5 stelle», are picked out. The most frequent strategies and tactics are characterized.

Key words: strategy, tactics, political discourse in Italy and Spain, leader of the opposition party

Интерес у современных ученых к исследованию политической коммуникации не ослабевают. Выделяются различные направления, намечаются перспективы дальнейшей работы. В частности, представляют интерес сопоставительные и контрастивные исследования политического дискурса на материале разных языков. Собственно лингвистические исследования в этом направлении, посвященные современным политическим партиям Испании и Италии, являются единичными.

В качестве языкового материала для исследования были выбраны публичные политические выступления представителей оппозиционных партий «Podemos» в Испании и «Movimento 5 Stelle» в Италии за 2014-2016 гг. Обе партии появились относительно недавно, но уже завоевали популярность на политической арене. Представители партий активно ведут борьбу за увеличение числа сторонников. Отметим, что указанные партии обладают влиянием на политическом пространстве Испании и Италии, и их существование так или иначе воздействует на политический процесс, влияет на мнение избирателей.

Политический дискурс является разновидностью дискурса, которая выражает цель говорящего по завоеванию и удержанию политической власти. Оппозиционный политический дискурс, являясь частью политического дискурса, подразумевает четкую позицию адресанта, реализацию воздействия на избирателя, его ориентирование в политическом пространстве.

В ходе изучения политического дискурса необходимо обратить внимание на важное для исследователя противопоставление устного и письменного дискурса. В последние годы внимание лингвистов обращено в основном на устную речь. Ряд диссертаций выполнен на материале устного дискурса. Это нашло отражение в названиях исследований. Н.Г. Бабич (2015) анализирует президентское интервью как жанр политического дискурса и исследует его с точки зрения лингвопрагматики. И.Б. Кауфова (2015) изучает просодические характеристики незавершенности на материале видео- и аудиозаписей выступлений политиков. Ю.И. Плахотная (2014) анализирует диалоги (полилоги) предвыборных теледебатов, уделяет внимание языковым единицам (лексические, стилистические и синтаксические) как средствам речевого воздействия, а также темпу речи как характеристике устного выступления. Е.А. Филатова (2004) рассматривает лексико-стилистические и фонетические средства организации политического дискурса на материале речей политиков.

Воздействие в ходе устного выступления осуществляется на разных уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом, и в некоторых исследованиях отмечаются невербальные средства дискурса. Данные лингвостилистические средства участвуют в реализации тактик и, соответственно, стратегий в ходе выступлений ораторов перед аудиторией.

Задача политиков состоит в завоевании поддержки со стороны аудитории, причем не всегда посредством рационального убеждения и логики, а иногда и с помощью апеллирования к эмоциональной стороне психики. Для политической сферы «характерна информационная конкуренция». Следовательно, действия ораторов будут направлены на «вовлечение аудитории в коммуникационный обмен, цель которого состоит в информировании граждан или управлении их политической мотивацией» [Грушевская, 2011].

Изучение средств воздействия политического дискурса всегда интересовало ученых – как отечественных, так и зарубежных. Кроме того, отмечается «все возрастающая выразительность современной политической речи» [Современная политическая коммуникация, 2009, с. 84]. Анализ политического дискурса требует от исследователя рассмотрения всех находящихся в распоряжении оратора языковых ресурсов, которыми он пользуется.

Необходимо отметить, что в современной политической лингвистике активно разрабатывается ряд направлений, среди которых важное место занимает рассмотрение стратегий и тактик политической коммуникации, использование разнообразных образных средств и др. [Чудинов, 2006, с. 8-9]. В связи с этим изучение стратегий и тактик политического дискурса является актуальным и востребованным направлением политической лингвистики.

Несомненно, необходимость завоевания и удержания политиком поддержки аудитории влияет и на выбор средств воздействия на избирателя. В связи с этим, представляется оправданным проведение подробного анализа применяемых в политическом дискурсе стратегий и тактик.

Размышляя о соотношении стратегий и тактик, А.П. Чудинов оба эти понятия относит к планированию речевой деятельности, указывая, однако, что стратегия предполагает планирование в наиболее общем виде [Современная политическая коммуникация, 2009, с. 61]. Как отмечает О.Н. Паршина, «выбор стратегии является определяющим фактором выбора тех способов и средств, которые использует политик для достижения поставленной цели» [Паршина, 2005, с. 5].

Мы будем понимать под стратегией «направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [там же, 28]. Под тактикой понимается использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо, а также «выбор и последовательность речевых действий,

характеризующихся своей задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии» [Паршина, 2005, с. 28].

В данной статье проводится сопоставительный анализ и определяются сходства и различия реализации тактик в политических выступлениях лидеров оппозиционных партий «Podemos» (П. Иглесиас, Испания) и «Movimento 5 stelle» (Б. Грилло, Италия).

Анализ материала показывает, что в своих выступлениях политики используют практически один и тот же набор тактик, однако их частотность и значимость в структуре политического дискурса существенно различаются. Полученные результаты представим в Таблице 1 (в %):

Таблица 1.

Сравнительный анализ стратегий и тактик, используемых Б. Грилло и П. Иглесиасом

Стратегии	Тактики	П. Иглесиас	Б. Грилло
стратегия самопрезентации	тактика отождествления	6,7	11,3
	тактика солидаризации	11,5	14,4
	тактика оппозиционирования	12,7	13,8
	тактика оправдания	-	1,7
стратегия дискредитации оппонента	создание негативного образа	9,8	0,7
	тактика обвинения и критики действий оппонента	7,9	1,5
стратегия информирования и интерпретации	тактика признания существования проблемы	3,7	9,7
	тактика указания пути решения проблемы	5,9	13,5
	тактика акцентирования положительной информации	2,9	-
стратегия формирования эмоционального настроения адресата	тактика единения	8,6	4,7
	тактика учета ценностных ориентиров аудитории	4,6	7,3
агитационная стратегия	тактика обещания и указания на перспективу	6,3	7,2
	тактика призыва	10,4	6,5
Стратегия рационального аргументирования	тактика иллюстрирования, приведения примера	8,2	4,5
	тактика разъяснения, комментирования	0,8	3,2

Анализ публичных выступлений политиков показал, что создание положительного имиджа партий и их сторонников реализуется и у П. Иглесиаса, и у Б. Грилло через стратегию самопрезентации, которая является доминирующей у обоих ораторов. Она заключается в обозначении политиком позиции, формировании собственного имиджа, которое зависит от приемов, используемых говорящим «для оптимизации речевого воздействия» [Иссерс, 2008, с. 193]. Стратегия формирования эмоционального настроения адресата, как и агитационная стратегия, реализуется у ораторов с приблизительно одинаковой частотностью. Высокую частотность у П. Иглесиаса получила стратегия дискредитации оппонента, в ходе которой активно проводится подрыв доверия к политическим противникам, у Б. Грилло, наоборот, данная стратегия имеет более низкий показатель. Однако лидер партии «Movimento 5 stelle» активно реализует стратегию информирования и интерпретации, в ходе которой политик информирует аудиторию по актуальным вопросам, интерпретируя те или иные явления.

Тем не менее, стратегии реализуются через тактики, которые также могут иметь различную частотность в рамках одной и той же стратегии. Перейдем к тактикам,

реализуемым в выступлениях каждым политиком. Для рассмотрения функционирования тактик, которые отражают интересы П. Иглесиаса и реализуют его цели, обратимся к Таблице 2.

Таблица 2.

Тактики, используемые П. Иглесиасом в политическом дискурсе

%	П. Иглесиас (партия «Podemos»)
12,7	тактика оппозиционирования
11,5	тактика солидаризации
10,4	тактика призыва
9,8	создание негативного образа
8,6	тактика единения
8,2	тактика иллюстрирования, обоснованных оценок, приведения примера
7,9	тактика обвинения, критики и компрометации действий оппонента
6,7	тактика отождествления
6,3	тактика обещания, тактика указания на перспективу
5,9	тактика указания пути решения проблемы
4,6	тактика учета ценностных ориентиров адресата
3,7	тактика признания существования проблемы
2,9	тактика акцентирования положительной информации
0,8	тактика разъяснения, комментирования

Так, наиболее распространенными тактиками лидера партии «Podemos» являются: тактика оппозиционирования, тактика солидаризации, тактика призыва.

Высокая частотность тактики оппозиционирования объясняется принадлежностью выступлений к агональным жанрам, которые предполагают широкое проявление состязательности. П. Иглесиас отмечает, что правительство видит возможности партии «Podemos» и испытывает по этому поводу беспокойство: *A eso tienen miedo, a que vamos a demostrar que gestionando o que gobernando lo hacemos mejor que ellos!* (Iglesias, Cádiz). Политик высказывает оценку, которая, с одной стороны, относится к политическому противнику, а с другой – к действиям собственной партии, которую желает привести к власти оратор.

Тем не менее, для каждого политика важно завоевать расположение и поддержку избирателей, обозначить свою позицию в политической системе страны. В связи с этим высокую частотность в выступлениях П. Иглесиаса имеет тактика солидаризации, связанная с реализацией стратегии самопрезентации: *necesitamos en España un gobierno de gente que se preocupe por su gente* (Iglesias, Cádiz). Оратор обозначает устремления и интересы народа, в то же время себя и народ, с которым себя ассоциирует, противопоставляет современному правительству.

В ходе реализации тактики призыва оратор ориентирует избирателей на конкретные действия. Например, проголосовать за «Podemos»: *un esfuerzo más – todos a votar el domingo* (Iglesias, Dos Hermanas).

Проиллюстрируем в Таблице 3 функционирование тактик, которые отражают интересы представляемой Б. Грилло партии и используются для достижения политических целей.

Для лидера партии «Movimento 5 stelle» доминантной является тактика солидаризации, далее следуют тактика оппозиционирования, тактика указания пути решения проблемы.

Б. Грилло солидаризируется со слушателями, подчеркивая свое сходство с ними и называя общее с ними качество – неумение притворяться: *Io sono come voi, non riesco a fingere* (Grillo, Roma, Circo Massimo).

В рамках тактики оппозиционирования оратор делает акцент на поведении оппонента по отношению к партии «Movimento 5 stelle»: *... loro hanno paura dei grandi*

possibilità che ha il popolo italiano di manifattura... hanno paura, loro non sono come noi ... (они боятся больших возможностей, которые есть у итальянского производства... они боятся, они не такие, как мы) (Grillo, Sicilia). Противопоставление усиливается за счет повторяющихся конструкций.

В ходе реализации тактики указания пути решения проблемы Б. Грилло обозначает позицию партии по вопросу экологии, отмечая, что и каким образом необходимо улучшить: *E allora bisogna ridurre l'energia, risparmiare, mettere a norma tutti gli edifici, a norma efficienza energetica ... (Grillo, Piazza San Giovanni Roma). Политик обозначает проблемы, сложившиеся в стране, а затем делает вывод о необходимости изменить экологическую ситуацию, утверждая, что Италия обладает всеми ресурсами, которые позволят это сделать: Noi siamo in grado col sole, col vento, col geotermico, con le rinnovabili, con le case che fa l'energia, io ce l'ho di farci l'energia noi. Tagliare i fili di questi spacciatori di energia! (Grillo, Piazza San Giovanni a Roma).*

Таблица 3.

Тактики, используемые Б. Грилло в ходе выступлений

%	Б. Грилло (партия «Movimento 5 stelle»)
14,4	тактика солидаризации
13,8	тактика оппозиционирования
13,5	тактика указания пути решения проблемы
11,3	тактика отождествления
9,7	тактика признания существования проблемы
7,3	тактика учета ценностных ориентиров адресата
7,2	тактика обещания, указания на перспективу
6,5	тактика призыва
4,7	тактика единения
4,5	тактика иллюстрирования, обоснованных оценок, приведения примера
3,2	тактика разъяснения, комментирования
1,7	тактика оправдания
1,5	тактика обвинения, критики и компрометации действий оппонента
0,7	создание негативного образа

Как видим, П. Иглесиас и Б. Грилло пользуются определенным набором тактик, среди которых можно выделить наиболее частотные. У обоих политиков встречаются и тактики, употребительность которых не совпадает. Наличие общих частотных тактик объясняется принадлежностью обеих партий к оппозиционным, необходимостью построения собственного положительного образа и формирования негативного мнения о политических оппонентах. Очевидно, что для каждого политика важно завоевать расположение и поддержку избирателей, обозначить свою позицию в политической системе страны. В связи с этим высокую частотность имеют тактики, которые входят в стратегию самопрезентации. Она реализуется посредством определенных тактик, частотность которых у П. Иглесиаса и Б. Грилло значительно различается. Как видим, общая для двух партий тактика оппозиционирования является одной из ведущих. Цель тактики оппозиционирования состоит в противопоставлении себя политическим противникам, иногда сопровождается причислением себя к определенному кругу лиц. Отметим, что оба оратора прямо высказывают собственную позицию: П. Иглесиас причисляет себя к оппозиции, объединяет себя и со слушателями, и в целом с народом: *...somos la oposición, porque estáis con nosotros, porque la gente nos empuja, claro que sí!* (Iglesias, Dos Hermanas). П. Иглесиас указывает на то, что партия обязательно победит. Б. Грилло считает себя и слушателей стороной, противостоящей другим партиям: *Perché siamo la controparte ... (Grillo, Sicilia).*

Проведенное исследование представляет собой попытку описать и проанализировать стратегический и тактический репертуар, используемый

оппозиционными политиками Испании и Италии. При этом мы исходили из того, что важными особенностями оппозиционного дискурса являются четкая позиция адресанта, реализация воздействия на избирателя, его ориентирование в политическом пространстве.

Связь языка и политической деятельности состоит в том, что политическая система не существует без коммуникации и многие политические действия по своей сути неразрывно связаны с языком. Несомненно, значимы для политика его ораторские качества, а для отдельных партий важен их рейтинг. Язык является мощным средством борьбы политических направлений и деятелей. Именно через выступления, дебаты, тексты программ партии политические деятели получают возможность бороться за власть, располагать к себе избирателей и привлекать их на свою сторону.

Комплексный анализ языкового материала позволил установить, что необходимость завоевания и удержания политиком поддержки аудитории влияет на выбор средств воздействия на избирателя. Эффективность политического выступления обеспечивается не только набором разнообразных тактик, но и речевым воплощением.

Таким образом, анализ публичных выступлений лидеров партий «Podemos» и «Movimiento 5 stelle» позволил выявить ряд характеристик, свойственных выступлениям обоих политиков. Политику, представляющему оппозиционный дискурс, нужно обосновать преимущества именно своей партии. Указанные цели обуславливают выбор стратегий и тактик их реализации. Нами было выявлено, что в ходе выступлений в рамках оппозиционного политического дискурса сочетается противостояние и объединение, что позволяет политикам строить свой имидж, обозначать собственную позицию и вместе с тем отрицательно характеризовать политических противников, т.е. происходит ориентирование аудитории в политической ситуации в стране.

Для обеих партий характерна высокая частотность реализации тактики оппозиционирования и солидаризации. Далее у П. Илесиаса следует тактика призыва и тактика создания негативного образа. Однако для Б. Грилло важными оказываются тактики указания пути решения проблемы и отождествления.

Для реализации тактики солидаризации для обоих политиков характерно частотное использование морфологических, а также лексических средств. Тактика оппозиционирования реализуется преимущественно на морфологическом и лексическом уровнях. Тактика призыва у П. Илесиаса представлена средствами лексического и синтаксического уровней, а у Б. Грилло – лексического и морфологического.

Кроме того, выявлены тактики, которые задействованы только одним из двух политиков (тактика оправдания у П. Илесиаса; тактика акцентирования положительной информации у Б. Грилло). Несовпадение в употребительности тактик обусловлено конкретными целями, которые ставят перед собой ораторы, с учетом специфики слушателей и конкретной ситуации.

В отношении языкового воплощения в ходе оппозиционного политического дискурса реализуются средства разных уровней, происходит эффективное воздействие в комплексе, что в конечном итоге способствует преобразованию имеющегося у адресата отношения к политической ситуации и формированию у него определенного видения действительности.

Литература

1. Бабич Н.Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Бабич. – Москва, 2015. – 256 с.
2. Грушевская Т.М. Политический газетный дискурс сквозь призму языковых средств представления информации / Т.М. Грушевская, Т.Б. Самарская // Научно-практический журнал Краснодарского филиала РГТЭУ «Сфера услуг: инновации и качество». – Выпуск №2. – Краснодар, 2011 (http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_16.pdf)

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Кауфова И.Б. Просодическая экспликация незавершенности в политическом дискурсе (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / И.Б. Кауфова. – Пятигорск, 2015. – 252 с.
5. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 40 с.
6. Плахотная Ю.И. Моделирование политического предвыборного дискурса (когнитивно-прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Плахотная. – Челябинск, 2014. – 25 с.
7. Современная политическая коммуникация / Отв. ред. А.П. Чудинов // Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.
8. Филатова Е.А. Лексико-стилистические и фонетические средства организации англоязычного политического дискурса: На материале речей британских и американских политиков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Филатова. – Иваново, 2004. – 22 с.
9. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов // Москва. Изд-ва «Флинта», «Наука», 2006. – 254 с.

Список источников примеров

1. Canal de YouTube del partido político Podemos: <https://www.youtube.com/channel/UCtK7s89RJ9X9Nv9EQCMu9Lg>
2. Portal de Participación de Podemos <https://participa.podemos.info/es>
3. Movimento 5 stelle www.movimento5stelle.it
4. Il blog di Beppe Grillo www.beppegrillo.it

*Суханова Анастасия Сергеевна,
аспирант кафедры романской филологии Воронежского государственного университета.
E-mail: suhnastasia@mail.ru*

*Sukhanova Anastasia Sergeevna,
Post-graduate Student of the Romance Philology Department. Voronezh State University
E-mail: suhnastasia@mail.ru*

УДК 81-23

М. В. Суханова
(Воронеж)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ОБОРОТОВ КАСАТЕЛЬСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУСИСТОВ И ИСПАНИСТОВ©

Аннотация: в данной статье рассмотрены точки зрения русистов и испанистов в отношении оборотов касательства. Построения со значением касательства представляют собой конструкции, используемые для выделения объекта мысли, о котором будет идти речь. Части предложения с данными конструкциями имеют строго фиксированное положение по отношению друг к другу. На основе проведенного исследования автор отмечает, что ОК представляют собой единицы, принадлежащие к лексическому и

© Суханова М. В., 2017

синтаксическому уровням языка. Объект мысли, выделяемый ОК, выражается именем или предикативной единицей. Предложения с ОК в испанском и русском языках являются простыми.

Ключевые слова: обороты касательства; объект мысли; коррелят; лексический уровень; синтаксический уровень.

The interpretation of the nature of locutions of reference in the researches of specialist in the Russian and Spanish languages

Abstract: the article analyses points of view of specialist in the Russian and Spanish languages concerning locutions of reference. Constructions with the meaning of reference are used for indicating the contemplation object. The parts of a sentence with these constructions have a fixed order. According to the research, the author emphasizes that locutions of reference belong to lexical and syntactical levels of language. The contemplation object emphasized by locutions of reference, is expressed by noun or predicative unit. Sentences with locutions of reference in Spanish and Russian are simple.

Key words: locutions of reference; contemplation object; correlate; lexical level; syntactical level.

Вопрос о месте оборотов касательства (ОК) в системе языка, структуре предложений с ними, объекте мысли, выделяемом этими конструкциями, относится к дискуссионным в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

Под ОК мы понимаем разнообразные по структуре языковые единицы, которые принадлежат к различным лексико-грамматическим классам, участвуют в оформлении актуального членения предложения и обеспечивают таким образом связность текста на уровне предложений или сверхфразовых единств. Базовым смысловым компонентом для ОК является «иметь отношение», быть связанным по какому-либо параметру. С.И. Ожегов трактует «касательство» как «причастность к чему-либо, отношение к кому-либо» [Ожегов, 1968, с. 263]. В испанском языке лексема «касательство» имеет соответствие – «referencia» [Испанско-русский словарь, 1988, с. 653]. Со значением, приближенным к русскому, термин «referencia» встретился нам у Ф. Алваро Франсеса – «отношение, связь или сходство одного предмета с другим» [Alvaro Francés, 1976, II, p. 484]; а также у Торо и Хисберта – «связь одного предмета с другим» [Toro y Gisbert, 1981, p. 682]. Нам представляется, что значение касательства входит в более широкое абстрактное понятие «отношение к чему-либо» и выступает как сектор общего поля «отношения». По замечанию И.Н. Кручининой, это значение присутствует в таких построениях, как *a что касается ...; a вот ...*, в образованиях с союзом *a* [Кручинина, 1984, с. 209].

В отношении места ОК в системе языка у лингвистов нет единого мнения. Некоторые лингвисты указывают на принадлежность ОК к лексическому уровню. Под уровнями языка понимаются «подсистемы общей языковой системы, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, регулирующих их использование и группировку в различные классы и подклассы» [ЛЭС, 1990, с. 539]. Так, по мнению Н.С. Валгиной, обороты типа *что касается ..., то ...* – это «особые лексические элементы», которые выступают в качестве средства связи в структуре сложноподчиненного предложения [Валгина, 1973, с. 202]. Этой же позиции придерживается В.Г. Гак, который наряду с выделительными частицами *же, – то* расценивает оборот *что касается ..., то ...* в качестве лексических средств коммуникативной организации предложения [Гак, 1989, с. 210].

Другие лингвисты говорят об ОК как о единицах синтаксического уровня. Как указывает Г.П. Уханов, обороты *a что ...; что касается ..., то ...* объединяются в один синтаксический класс конструкций [Уханов, 1966, с. 50]. По мнению В.И. Кодухова, «синтаксическое функционирование получает сочетание *что касается ...*» [Кодухов,

1967, с. 133]. Б.П. Ардентов называет *что касается ... , то ...* особой синтаксической конструкцией [Ардентов, 1973, с. 44]. Это же отмечают В.В. Бабайцева [Бабайцева 1979, с. 22] и С.П. Васильева [Васильева, 1982, с. 49]. М.В. Ляпон подчеркивает принадлежность оборота *что касается ... , то ...* «к сфере связующих средств русского синтаксиса» [Ляпон, 1988, с. 78]. М.И. Черемисина и Т.А. Колосова квалифицируют *что касается ... , то ...* в качестве фрагмента синтаксического построения [Черемисина, 1987, с. 124]. К специализированным синтаксическим средствам И. Н. Кручинина относит «тематические» падежи со значением и касательства: *о + П. п., про + В. п., насчет + Р. п.* [Кручинина, 1976, с. 33]. Как отмечает Г.А. Золотова, *о + П. п., про + В. п.* являются делиберативными синтаксемами, которые синонимичны делиберативным синтаксемам, образованным с помощью производных предлогов *насчет, по поводу, относительно* [Золотова, 1988, с. 9]. Условием осуществления синтаксической фразеологизации В.И. Кодухов считает наличие «двух элементов синтаксической модели (а не двух лексем-словоформ, как при лексической фразеологизации)» [Кодухов, 1967, с. 130]. В отношении оборота *что касается ... , то ...* В.И. Кодухов утверждает, что «синтаксическая конструкция создается устойчивым сочетанием служебного слова и лексемы (словоформы) в результате лексико-синтаксической фразеологизации» [там же, с. 133].

Полагаем, что единицами синтаксического уровня в русском языке являются построение *что касается ... , то ...* и образования с союзами *что до ... , (то) ... , а что ... , (то) ...*, которые тоже представлены двумя элементами синтаксической модели и являются фрагментами синтаксической конструкции, а также обороты с инфинитивами (*помнить-то* помню). Многие лингвисты определяют союзы (*а, но* и т. д.), частицы (*- то, же*) и предлоги (*насчет, про* и т. д.) как слова [Щерба, 1957, с. 175; Ожегов, 1968, с. 570, с. 743, с. 863; Гак, 1986, с. 302], а, следовательно, они являются принадлежностью лексического уровня. Только в сочетании с именами (существительными, местоимениями), которые представляют собой объект мысли, построения с союзами, частицами и предлогами можно рассматривать в качестве ОК.

По поводу отнесенности ОК к одному из разрядов слов следует отметить, что большинство русистов обращается только к рассмотрению оборота с ядром-глаголом *что касается ... , то ...* и квалифицирует его как союзное образование наряду с такими союзами, как *а ... , но ... , что до ...* и т. д. И.Г. Чередниченко называет *что касается ... , то ...* и *что до ...* союзными сочетаниями [Чередниченко, 1948, I, с. 116-117], Я. Бауэр – ограничительными союзами [Бауэр, 1957, с. 9]. Н.А. Андрамонова указывает на приобретение союзной функции оборотами *что до ...* и *что касается ... , то ...* в ходе исторического развития уже с XVIII века [Андрамонова, 1971, с. 93]. В.И. Кодухов квалифицирует *что касается ... , то ...* как устойчивое сочетание служебного слова и лексемы (словоформы) [Кодухов, 1967, с. 137], В.А. Белошапкова – как «особое служебное слово, выполняющее выделительную функцию» [Белошапкова, 1977, с. 152], Русская Грамматика – как двухместную скрепу, которая внесена в список союзов [Русская Грамматика, 1982, II, с. 684], М.В. Ляпон – как двухместное союзное сцепление [Ляпон, 1988, с. 78], М.И. Черемисина и Т.А. Колосова – как союзную скрепу [Черемисина, 1987, с. 124], Н.Н. Лапынина – как межфразовую скрепу, совмещающую в себе функции союзных и несоюзных средств связи [Лапынина, 1996, с. 18].

Поскольку ОК в испанистике практически не исследовались, нет того разнообразия мнений, которое существует в русистике. По нашим данным, лингвисты относят ОК к единицам синтаксического уровня. О.М. Калустова называет ОК фразеологизированными конструкциями, которые «могут использоваться для выделения темы при грамматикализованном актуальном членении», а также «называть тему в широком смысле» [Калустова, 1984, с. 14]. Ю.А. Рылов квалифицирует ОК как «эндоцентрические синтаксемы, ориентированные на замещение приглагольной позиции» [Рылов, 1985, с. 108]. Следует отметить, что в испанском языке построения с ядром-глаголом (*en lo que se refiere a ... , por lo que toca a ... , etc.*), а также образования со сложными предлогами (*con*

respecto a ..., etc.) представляют собой фрагменты синтаксических конструкций и являются единицами синтаксического уровня.

К этому же уровню принадлежат конструкции с инфинитивами (*entender como entender*) и плеонастические образования (*amí me ...* etc.). Что же касается союзов (*como*, etc.), простых предлогов (*de, sobre*, etc.), союза-частицы (*pues*), то они соотносятся с лексемами и рассматриваются в качестве оборотов только при объекте мысли. В отношении принадлежности ОК к одному из разрядов слов, укажем, что наряду с оборотами с ядром-существительным, прилагательным, наречием (*respecto a ..., tocante a ..., acerca de ...* и т.д.), построения с ядром-глаголом (*por lo que respecta a ..., en lo que respecta a ...* и др.), тоже расцениваются как предложные образования. Ф.П. Балабан относит эти конструкции к сложным предложениям [Балабан, 1983, с. 60]. Аналогичной точки зрения придерживаются лингвисты Испанской Королевской Академии [Diccionario de la lengua española, 1992, p. 1080, p. 1416, p. 1264].

Мнения языковедов относительно структуры предложений с ОК, в частности, с конструкцией *что касается ..., то ...*, во многом сходны. Как указывает В. А. Белошапкова, предложения построены «по жесткой схеме: «*что касается* + *Р. п.* существительного + *то* + предикативная единица любого строения и лексического наполнения» [Белошапкова, 1977, с. 152]. Аналогичной точки зрения придерживается Т. А. Колосова, указывающая, что в таких предложениях заложена фразеосхема: «*что касается* + *N2*, *то* + предикативная единица любого лексического наполнения и любой структуры» [Колосова, 1980, с. 33].

Таким образом, в структурном плане русское предложение с оборотом *что касается ..., то ...* выглядит так: лексема *что* и десемантизированная форма глагола *касается* в третьем лице единственного числа настоящего времени, находящиеся в I части предложения в препозиции к объекту мысли, во II части – коррелят *то* (или *так*), который используется факультативно, и предикативная единица (ПЕ) любого лексического наполнения: *Что касается* + объект мысли, *то (так)* + ПЕ.

В постпозиции к ОК находится выделяемый им объект мысли. Е.Т. Черкасова называет объектом речи, мысли, чувства существительное в родительном падеже, стоящее после предлога «насчет» [Черкасова, 1955, с. 113]. А. А. Гасанов трактует его как первое окружение ядра *что касается ... – то*, которое «выражается именем (или его заменителем) в родительном падеже» [Гасанов, 1967, с. 19]. Р. П. Рогожникова употребляет несколько терминов: объект высказывания, предмет высказывания, объект, «о котором идет речь в первой части» [Рогожникова, 1969, с. 119]. Что же касается терминологии в отношении слова-понятия, находящегося в постпозиции к другим видам ОК (с предлогами, союзами, частицами, конструкциями с инфинитивами), то этот вопрос русистами вообще не затрагивался.

В испанистике же Ю. А. Рылов употребляет термин «объектный» (*cuanto a la soberanía*) и «субъектный» компоненты (*en cuanto a la aviación*) [Рылов, 1985, с. 108], которые стоят в постпозиции к таким ОК, как *por lo que se refiere a, por lo que respecta a, en cuanto a, acerca de*. Мы же в своем исследовании применительно к обоим языкам используем термин «объект мысли» для определения понятия, выраженного именем или предикативной единицей, на которых акцентируется внимание при помощи ОК.

В сопоставляемых языках объект мысли присутствует после ОК в I части предложения, во II части содержится сообщение об этом объекте мысли. В испанском языке в постпозиции к ОК с предлогами и глаголом-ядром объект мысли имеет форму, соответствующую русскому родительному падежу; а в ОК с союзами – объект мысли стоит в форме, соответствующей одному из падежей русского языка. Вообще объект мысли может иметь любое лексическое наполнение.

Таким образом, в простом предложении объект мысли может быть выражен именем с определением или без него:

Что касается **телохраниителей**, то это только кажется, что они постоянно маячат рядом с министром (Известия).

Объект мысли в сложном предложении с сегментированной конструкцией представляет собой предикативную единицу.

А насчет того, что **он убил**, то он еще наделает много добрых дел, так, что все это загладится (Достоевский, с. 486).

По нашим наблюдениям, в испанском языке встречаются сегментированные конструкции, аналогичные русским.

Por lo que hace al tercer cazador, sorprendiose el jinete al notar que era el sacerdote (Bazán, 150). Что касается **третьего охотника**, то ...

En lo que toca a lo que dicen ésta es bacía y no yelmo, ya yo tengo respondido (Cervantes, I, 350).

Что касается того, что **говорят, что это таз, а не шлем**, то ... (Сервантес, I, 463).

Вторая часть предложений с ОК, может начинаться коррелятами *то* или *так*. Это отмечают в своих работах многие языковеды, используя для определения коррелятов *то* и *так* разнообразную терминологию: частицы [Герасимов, 1961, с. 26], частицы, являющиеся «структурными элементами предложения»; соотносительные союзы, которые «расчленяют главную и придаточную части» [Рогожникова, 1969, с. 123, с. 125]; компонент старого окружения ядра оборота [Гасанов, 1967, с. 5]; компоненты второй части предложения [Андрамонова, 1971, с. 42], факультативный коррелят (*то*) [Лапынина, 1996, с. 12].

По свидетельству Н. А. Андрамоновой, «опущение *то, так*» чаще наблюдается при наличии в начале второй части оборота со значением касательства какой-либо местоименной формы» [Андрамонова, 1971, с. 92].

Что же касается администрации Иркутской области, **она настаивает на акционировании предприятия** (Коммерсант-DAILY).

Что же касается испанского языка, то в нем коррелятам *то* или *так*, аналогичный элемент, входящий в состав ОК и употребляемый во второй части предложения, отсутствует.

ОК примыкают к предикативной синтаксеме (в данном случае это II часть предложения с ОК). Рассматриваемый вопрос на материале испанского языка нашел отражение в работах Ю. А. Рылова, который отмечает особенности этого примыкания: ОК «всегда предшествуют сказуемому», поскольку они тематизируют объектный и субъектный компоненты [Рылов, 1985, с. 108; Rylov, 1989, p. 97].

Por lo que se refiere al punto de vista artístico la bibliografía nos da algunos datos (González, Alonso, Ortega, p. 100).

Con respecto a los participantes es algo completamente abierto (El País).

Примыкание ОК может осуществляться в «чистом» виде.

En cuanto a la entrada de este caballero en la Orden, venga en buena hora (Galdós, p. 44).

В качестве лексических показателей связи между частями предложения с ОК может использоваться анафорическое местоимение *это*. В. В. Виноградов квалифицирует *это* как логическую связку: *А что он не моется - это от отчаяния*» [Виноградов, 1947, с. 615].

В этой же функции анафорические местоимения используются и в испанском языке. Как отмечает Ю. А. Рылов, имеет место «повторение опорного субстантивного компонента оборота в виде местоимения-подлежащего» [Рылов, 1985, с. 108; Rylov, 1989, p. 97]: *los primeros – éstos*.

Por lo que concierne a los primeros, éstos se elevan sobre zócalo (González, Alonso, Ortega, p. 108).

Как лексические показатели связи в начале второй части предложения с ОК могут употребляться соотносительные наречия *там, тут*. В русистике этот вопрос затрагивает Р. П. Рогожникова [Рогожникова, 1969, с. 121], а в испанистике – Ю. А. Рылов [Рылов, 1985, с. 108].

Что касается профессиональной деятельности, тут Близнецов будут отличать хорошая умственная организованность и редкостная усидчивость (Российская газета).

En cuanto a 15 jóvenes de la Poble Vallbona, en Valencia, allí están en libertad bajo fianza por vestir uniforme militar durante una centenaria fiesta que celebran al concluir el servicio militar (El País).

На наш взгляд, противоречивость суждений русистов об отнесенности предложений с ОК к простым или сложным, об их структуре, особенностях выражения объекта мысли и использования коррелятов во II части предложения с одной стороны, и отсутствие исследований по этому вопросу в испанистике, с другой стороны, обуславливают необходимость проведения дальнейших исследований сопоставительного характера, посвященных ОК.

Подводя итог сказанному ранее, отметим, что, в русском языке построение с ядром-глаголом (*что касается ..., то ...*) лингвисты относят к классу союзов. В отношении же испанского языка, отметим, что в нем образования с ядром-глаголом (*en lo que toca a ..., etc.*) рассматриваются в качестве предлогов. Это накладывает отпечаток на функциональное своеобразие таких ОК и их национальную специфику.

По нашему мнению, предложения с ОК в испанском и русском языках являются простыми. Они монособытийны в плане содержания и полипредикативны в плане выражения. Объект мысли, выделяемый ОК, выражается именем или предикативной единицей. Корреляты *то* и *так* присущи только русскому языку и не имеют аналогов в испанском языке. Лексическими показателями связи в русском и испанском языках служат анафорические местоимения и наречия. Это относится как к предложениям с оборотом *что касается ..., то ...* и соответствующими испанскими образованиями с ядром-глаголом, так и к построениям с предлогами в обоих языках. По своему статусу в русском и испанском языках ОК представляют собой разноуровневые единицы и являются принадлежностью лексического и синтаксического уровней языка.

Литература

1. Андрамонова Н.А. Предложения со значением касательства в русском литературном языке XVIII века / Н.А. Андрамонова // учен. зап. – Сб. 7: Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Казань: Изд-во Казан. гос. пед. ин-та, 1971. – С. 91-96.
2. Ардентов Б.П. «Что» в современном русском языке / Б.П. Ардентов. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 90 с.
3. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В.В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1979. – 270 с.
4. Балабан Ф.П. Функциональная значимость предлога / Ф.П. Балабан. – Кишинев: Штиинца, 1983. – 108 с.
5. Бауэр Я. Русские союзы в сопоставлении с чешскими / Я. Бауэр // Sborník prací filosofské fakulty Brněnskéun' versty Pócnik, VI. 1957. – С. 9-12.
6. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – М. : Просвещение, 1977. – 243 с.
7. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1973. – 302 с.

8. Васильева С.П. Преимущество и перспективность при изучении предлога / С.П. Васильева // Русский язык в школе, 1982, № 6. – С. 48-52.
9. Виноградов В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М. – Л., 1947. – 740 с.
10. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка : Морфология / В.Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1986. – 312 с.
11. Гасанов А.А. Сложные предложения с фразеологически связанными частями в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Гасанов. – Баку, 1967. – 22 с.
12. Герасимов Г.И. К истории оборота «что касается ..., (то) ...» / Г. И. Герасимов // Русский язык в школе. – 1961. № 1. – С. 26-29.
13. Золотова Г.А. Синтаксический словарь / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
14. Испанско-русский словарь // Загорская Н. В., Курчаткина Н. Н., Нарумов Б. П. и др. – М. : Рус. яз., 1988. – 832 с.
15. Калустова О.М. Явление синтаксической эмфазы в современном испанском языке / О.М. Калустова. – Автореферат ... дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1984. – 16 с.
16. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация / В.И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда : Северо-западное книжное изд-во, 1967. – С. 123-137.
17. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т.А. Колосова. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1980. – 163 с.
18. Кручинина И.Н. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра / И.Н. Кручинина // Синтаксис и стилистика. – М., 1976. – С. 24-43.
19. Кручинина И.Н. Textoобразующие функции сочинительной связи / И.Н. Кручинина // Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII. – М. : Наука, 1984. – С. 204-210.
20. Лапынина Н.Н. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизированных предикативных единиц / Н.Н. Лапынина. – Автореферат ... дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1996. – 18 с.
21. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) // Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
22. Ляпон М.В. Лексикографическая интерпретация служебных слов / М.В. Ляпон // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М.: Наука, 1988. – С. 78-83.
23. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.
24. Рогожникова Р.П. О соотносительных конструкциях простого и сложного предложения, построенных по принципу сегментации / Р.П. Рогожникова // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 118-125.
25. Русская грамматика : 2 т. – М.: Наука, 1982. – 710 с.
26. Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении / Ю.А. Рылов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 188 с.
27. Уханов Г.П. Типы предложений разговорной речи, соотносительные со сложными синтаксическими единствами (предложения с препозитивной придаточной частью) / Г.П. Уханов // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 26-52.
28. Чередниченко И.Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке / И.Г. Чередниченко // Вопросы славянского языкознания. – кн. II. – Львов-Харьков, 1948. – С. 116-119.
29. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 198 с.

30. Черкасова Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов / Е.Т. Черкасова // Исследования по грамматике русского литературного языка. – М.: изд-во АН СССР, 1955. – С. 113-114.
31. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1957. – 360 с.
32. Alvaro Francés F. Cervantes Diccionario manual de la lengua española / F. Alvaro Francés. – 2 t. – La Habana: Pueblo y Educación, 1976. – 434 p. (I); 498 p. (II).
33. Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1992. – 1515 p.
34. Rylov Y.A. Sintaxis de relaciones del español actual / Y.A. Rylov. – León: UniversidaddeLeón, Serviciodepublicaciones, 1989. – 157 p.
35. Toro y Gisbert M. Larousse Básico Escolar / M. Toro y Gisbert. – La Habana: Editorial Científico – Técnica, 1981. – 868 p.

*Суханова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского
государственного университета.
E-mail: suhmarina@mail.ru*

*Sukhanova Marina Viktorovna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Romance Philology Department. Voronezh
State University
E-mail: suhmarina@mail.ru*

УДК 811.134.2'373.21

Д.Б. Тужикова
(Воронеж)

ОЙКОНИМЫ С ТОПООСНОВОЙ «ВОЗВЫШЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ТИП РЕЛЬЕФА»©

Аннотация: в статье анализируются названия испанских населенных пунктов с топоосновой «возвышенность», на их основе описываются структурные модели образования топонимов и их топоформанты.

Ключевые слова: топоним, топоформант, топонимация, словообразование.

Oikonyms with toponymy base “height as a special type of relief”

Abstract: the article focuses on the spanish inhabited localities' names with toponimy base "height". On their basis the structural toponyms formation models are described as well as their topoformants.

Key words: place-names, toponymy, toponymic nominations, word-formation.

В современном испанском языке, как и в других романских языках, лексико-семантическая группа «возвышенность» довольно многочисленна. Наряду с конкретными видами гор, скал и холмов в процессе номинации также участвуют слова, имеющие обобщенную семантику 'возвышенность'. К их числу относятся лексемы – гиперонимы *altura* 'высота, вышина' и *elevación* 'возвышенность'. Анализ их семантики показывает, что принципиальное различие между этими словами заключается в том, что *altura* актуализирует вертикальное измерение объекта (*distancia vertical de un cuerpo respect a la tierra o cualquier otra superficie tomando como referencia* 'удаленность тела (расстояние) в вертикальном измерении от земли или другой точки отсчета' [DRAE 2001], что сохраняется ввиду прозрачности внутренней формы слова и в производном значении 'возвышенность'. *Elevación*, в отличие от лексемы *altura*, подобной семантики не имеет и обозначает любую возвышенность. Следовательно, *altura* является маркированным членом оппозиции.

Согласно результатам исследования, данные лексемы обладают достаточно высокой продуктивностью при образовании топонимов (55 единиц). При этом на долю названий с топоосновой *altura* приходится 28 единиц, а на долю названий с топоосновой *elevación* – 27.

Примечательно, что среди названий с гиперонимом «возвышенность» можно выделить слова самого разного происхождения, относящиеся к древнейшим пластам испанской топонимии. Среди них названия, содержащие:

доиндоевропейские топоосновы: *Toloriu, Tolosa* (доиндоевр. *tul. mil. tal. toll* = *elevación del terreno* 'возвышенная местность');

докельтские: *Barbian, Barbarín, Barbens*, (докельт. *bar-* = *altura, elevación del terreno* 'высота, возвышенное место'), *Barbalimpia* (*bar-, barb-* = *altura + limpia* 'чистая гора');

кельтские: *Montalván* (*alb-* = *altura, elevación del terreno, ladera o cuesta* 'высота', 'возвышенная местность'), *Coristanco* (*cor-* = *altura roqueña* 'скалистая возвышенность');

баскские: *Garay, Garray* (*gara* = *altura* 'высота, вышина');

доримские: *Toranzo, Tordoya / Tordoia, Touro, Toledo, Tolibia, Torelló, Teruel* (*tor-, ter-* = *elevación del terreno* 'возвышенная местность'); *Cotes* (*cottu* = *elevación del terreno, collado, cuesto* 'возвышенная местность, холм'), *Altamiro* (*alt-* = *elevación, altura* 'высота, возвышенность' + *mir-* = *colina, collado* 'холм' (тавтологический повтор в топонимациях (ТН) основ разного происхождения);

латинские: *Altura* (*altus* = *alto, elevación del terreno* 'высокий', 'возвышенность'); *Poyales* (*podium* = *elevación del terreno, colina, cerro* + суф. принадлеж. *-alis* 'возвышенное место, холм'), *Poyotello* (*podium* = *elevación, altura, colina, royo* 'возвышенность, высота, холм' + антропоним *Tello*);

галисийские: *Bollo, [Viana del] Bollo* (гал. *bolo* = *elevación pequeña, o cabezo* 'небольшая возвышенность, вершина горы, холм'). Галисийскими являются также топонимы, в которых актуализируется характер происхождения небольшой возвышенности – естественный или искусственный с топоосновой *molla*: *Mota, Motade Altarejos, Mota del Cuervo, Mota del Marqués*: *multe elevación natural o artificial del terreno* 'природная или искусственно созданная возвышенность'; *molla* = *colina* 'холм');

германские: *Cotillas* (*kotta* = *elevación del terreno* 'возвышенность');

арабские: *Olula [de Castro], Olula [del Río]* (*al-awa, ulawa* = *altura, elevación* 'высота, возвышенность'), *Olías, Olías [del Rey]* (*ulivya* = *altura*), а также единичные случаи гибридных форм каталанский – доримский *Guardiola de Berguedá, Guardiola de Berga* (катал. *guardiola* = *hucha* 'копилка' + дорим. *berga* = *altura, tierras altas* 'возвышенность'),

кастильский + баскский *Alturriaga* (каст. *altura* + баск. суф. *-aga* = *las alturas* ‘высоты’ – ‘вершина горы’, ‘высота’).

При анализе семантики топонимов-универбов обращает на себя внимание тот факт, что для современного носителя испанского языка ввиду затемненности внутренней формы слова – топоосновы номинации и неопределенности значения топоформантов они, по сути, предстают как простые непроемные названия, то есть фактически в случаях такого рода можно говорить об опрощении морфологической структуры топонима. Ср. толкования приведенных выше географических названий в топонимическом словаре: *Toloriu* (доиндоевр. *tul. mil. tal. toll* = *elevación del terreno* ‘возвышенная местность’), *Garay* (баск. *gara* = *altura* ‘высота’), *Toranzo* (дорим. *tor-, ter-* *elevación del terreno* ‘возвышенная местность’), *Altura* (лат. *altus* = *alto*, *elevación de l terreno* ‘высокий’, ‘возвышенность’), *Cotillas* (герм. *Kotta* = *elevación del terreno* ‘возвышенная местность’).

Приведенные данные интересны тем, что они отражают процесс онимизации – переход имен нарицательных в имена собственные. Они также свидетельствуют о том, что в начальный период становления испанской топонимической системы для выделения географического объекта из окружающего пространства было достаточно общего указания на возвышенную местность. Дальнейшая дифференциация топообъекта могла осуществляться введением в структуру топонима дополнительных характеристик (параметров), для обозначения которых в теории номинации используется термин «ономасиологический признак», на основании которых топообъект выделяется из окружающего географического пространства. Можно выделить следующие параметры-характеристики:

- локализация в пространстве (7): *Outes* (лат. *altus* = *elevado*), *Altis* (лат. = *en los altos* ‘наверху’), *Sober* (лат. *superatum* = *parte alta* ‘высокая часть’, от наречия *super* = *encima* ‘наверху’), *Tresviso* (лат. *Trans visu más allá del viso* = *altura o eminencia en el terreno* ‘высота’, ‘возвышенность’ – ‘за возвышенностью’). Пространственная локализация может также осуществляться путем указания на наличие воды, как в топониме *Taraña* (дорим. *tar-* = *altura* ‘высота’ + суф. *-aña*, лат. *amnis* = *corriente de agua* ‘поток воды’, ‘течение’, ‘высокое место, где течет вода’).

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассмотренных топонимах-универбах средством репрезентации пространственной семантики могут быть и топоосновы (как в названиях *Sober*, *Sobrado*, *Soniontín*), и топоформанты / аффиксы (как в примере *Tresviso* от лат. *Trans visu – más allá del viso* = *altura o eminencia en el terreno* ‘высота, возвышенность’ – ‘за возвышенностью’), причем маркером локализации чаще выступает вертикаль (5 примеров), тогда как горизонталь представлена 1 примером. Тем самым на новом языковом материале подтверждаются выводы В.В. Корневой о семантических доминантах испанской языковой картины мира (см. [Корнева, 2006; 2011]).

В составных ТН локализация в пространстве осуществляется за счет второго компонента названия, имеющего форму атрибутивной конструкции, который может указывать, в частности, на род занятий обитателей этого места (1) *Barbadillo de Herreros*, на наличие в нем или поблизости другого топообъекта (5) *Barbadillo del Mercado*, *Olula de Castro*, в том числе водного источника *Talamanca del Jarama* (*tal* = *altura* ‘высота’, *Jarama* ар. *Arroyo osorriente* ‘поток’, ‘течение’ + ‘высокое место, где течет вода’), *Olula del Río*, *Mota de Altarejos*.

В ТН с компонентом *altura* представлена также характеристика возвышенности по цвету (2), причем в названиях фигурирует только белый цвет: *Montalbo* / *Montalvo*, (*montem álbum* = *elevación, cuesta o ladera de color blanco* ‘возвышенность, склон, косогор белого цвета’).

Такое же количество репрезентаций имеет параметрическая характеристика возвышенности по высоте, она отмечена в двух однословных ТН (2) арабского происхождения: *Oliana* (*al-'ulva* = *la más alta o ilustre* ‘самая высокая’, ‘выдающаяся’), *Ulea*

(*uliyya*: 'ulayya = pequeña altura 'небольшая высота'), а также значение принадлежности (2): *Mota del Marqués*, *Poyotello*.

Материал возвышенности (1), равно как и фауна (1), оказываются наименее значимыми, они актуализируются лишь в топонимах *Coristanco* (*cor-* = altura roqueña 'скалистая возвышенность') и *Mota del Cuervo* (место обитания ворон) [Celdrán, 2009, p. 510, 526].

Синкретичность семантики отмечается в названии *Moral de Calatrava* (*mor + al* = elevación del terreno, montón de piedras 'возвышенная местность', 'груда камней'), в котором наряду с материалом (камень) актуализируется также значение принадлежности; в ТН *Montalvo de Cameros* фиксируется и цвет, и название населенного пункта (*Cameros*).

Наряду с объективно присущими возвышенности зрительно воспринимаемыми параметрами (высота, цвет и пр.), а также ее локализацией относительно других топообъектов, осуществляемой человеком, в составе названий с данной основой могут присутствовать и другие характеристики, в частности, оценочные. Так, топоним *Barbalimpia* (*bar-*, *barb-* = altura + limpia 'чистая гора') можно трактовать как метафорическое выражение отсутствия растительности.

Следует также указать, что столь частотное в ТН с топоосновой «гора» метонимическое указание на топообъект, находящийся на горе, отмечено и в названии с топокомпонентом *altura* 'высота', как в примерах *Lérida / Llcida* (*lareda* = altura, fortaleza en la altura 'высота', 'крепость на возвышенности'); *Turleque* (лат. *turris* + суф. места –*que* lugar de torres 'место, где расположены башни' + доримск. суф. *tor-* = altura, elevación del terreno 'высота', 'возвышенность').

Таким образом, анализ ТН с компонентами *altura* и *elevación* позволяет сделать следующие выводы.

Ойконимы с топоосновой «возвышенность», репрезентируемые лексемами *altura* и *elevación*, отражают знания субъекта номинации об окружающем мире и о признаках и связях, присущих отдельным природным реалиям. В испанских географических названиях с данной топоосновой широко представлено, с одной стороны, недифференцированное обозначение возвышенности как определенной природной реалии, а с другой стороны, в структуре исследуемых топонимов появляются новые признаки, главными из которых являются локализация в пространстве и цветовая характеристика. Сам факт появления в ТН этих и других новых признаков именованного объекта есть результат расширения знания субъекта о нем и его отличии от других реалий окружающей действительности. Изменение когнитивной структуры как результат изменения знания об объекте находит отражение в семантической структуре названия.

Топоосновы *altura* и *elevación* обладают разной топонимической продуктивностью, что может служить доказательством их разного статуса в испанской языковой картине мира.

Литература

1. Корнева В.В. Лингвистика на просторах пространства (обзор публикаций последних лет) / В.В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. – №1. – С. 154-164.
2. Корнева В.В. Семантические доминанты испанской картины мира в структуре многозначного слова / В.В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011. – №1. – С. 37-41.
3. DRAE – Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2001. – Vol. 1, 2. – 2448 p.
4. Celdrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios / P. Celdrán. – 5ª edición. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2009. – 1059 p.

*Тужикова Дина Борисовна,
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии
Воронежского государственного университета,
E-mail: dina_menyailova@mail.ru*

*Tuzhikova Dina Borisovna,
Candidate of Philology, Lecturer of the Romance Philology Department, Voronezh State
University,
E-mail: dina_menyailova@mail.ru*

УДК 811.131.1

Ю. А. Филипацци
(Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОГА НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТЯЖЕННЫХ ТЕКСТОВ (ПРОЦЕДУРЫ АВТОМАТИЗАЦИИ)©

Аннотация: в статье рассматривается алгоритм подготовки и анализа текстов, написанных на ряде итальянских диалектов, с целью их деления на слоги и получения корпусов слогов живой речи. Подчеркивается важность использования именно протяженных текстов, так как они содержат значительное количество слогов, возможных только на синтаксическом уровне.

Ключевые слова: итальянские диалекты, слог, протяженные тексты, фонологическая транскрипция, слоговоеделение.

Analysis of syllables based on extended texts (procedures of automation)

Abstract: the article considers the algorithm of preparation and analysis of texts written in some of Italian dialects, with the purpose of their syllabication and derivation of the spoken language syllabic corpora. The importance of using extended texts in particular is stressed since such texts contain a significant quantity of syllables appearing only at the syntax level.

Key words: Italian dialects, syllable, extended texts, phonologic transcription, syllabication.

Слог – дискуссионная единица, статус которой в фонологии до конца не прояснен и не признан. Несмотря на это слоги изучаются на материале самых разных языков и диалектов [Лекомцева 1968; Панфилов 1994; Степанов 1974; Vogel 1982 и многие другие].

Слог как единица речи характеризуется отсутствием смысловой нагрузки; его функция – нести ударение (или не нести его) и организовывать фонемы речевого потока в блоки разной протяженности. Морфемы и служебные слова, относящиеся к значимым единицам языка и речи, используют слоги в качестве рамки, под которую они подстраиваются: они могут быть шире или уже границ слога, но не должны нарушать общего принципа организации синтагматического ряда. Силлаботактика включает в себе как универсальные черты всех языков, так и специфические черты того или иного языка или диалекта.

Изучать слоги можно и нужно не только на материале словаря, но и на материале протяженных связных текстов, чтобы не упускать из вида те из них, которые, при общем лексическом фонде, возникают на синтаксическом уровне, при комбинировании знаменательных слов между собой или со служебными словами. В этом случае корпус слогов оказывается полнее и через него явственнее ощущаются различия между родственными диалектами.

Продемонстрируем этот тезис на примере из итальянских диалектов.

Если, по предложению А.А. Кретьева [Кретьев, 1999], записать фонемы символами Т – взрывные и аффрикаты, S – сибиланты, N – сонанты /m/, /n/, /ñ/, R – сонанты /r/, /l/, /j/, /lj/, A – гласные, то итальянское словосочетание *figlio di un dottore* «сын доктора» будет иметь следующий вид в различных диалектах (жирными шрифтом выделен участок, возникший из комбинации предлога и неопределенного артикля, дефис показывает деление на слоги внутри словоформ, знак || показывает синтаксическую границу между словами):

в венецианском: *fio de un dotor – SA-A||TA||AN||TA-TAR;*

в тосканском: *figlio d'un dottore – SA-RA||TAN||TAT-TA-RA;*

в римском: *fijjo de 'n dottore – SA-RA||TAN||TAT-TA-RA;*

в неаполитанском: *fijjo 'e nu dottore – SA-RA||A||NA||TAT-TA-R(ь) (ь – редуцированный гласный призвук);*

в сицилийском: *figghiu ri nu dottori – SA-TA||RA||NA||TAT-TA-RA.*

Таким образом, если рассмотреть место «встречи» предлога и артикля, то можно увидеть наибольшее количество количественных и качественных изменений от диалекта к диалекту; на втором месте – слово *figlio* и его аналоги, в которых отмечаются только качественные различия фонем, восходящих к латинскому /lj/ (*filius*); меньше всего различий наблюдается в слове *dottore* < лат. *doctus, doctoris*.

Стык предлога и артикля в венецианском диалекте сохраняет отдельность слогов несмотря на контактное расположение двух соседних гласных: *de un*, утрачен сонант в слове *fio*, произошла дегеминация *tt > t* в слове *dotor*, отпал конечный гласный. По-видимому, этот диалект не допускает компрессии слогов внутри синтагмы.

Тосканский и римский диалекты при записи примерами символами полностью совпадают, несмотря на то, что в месте стыка предлога и артикля действуют разнонаправленные фонетические процессы: афрезы в римском диалекте (*de (u)n → den*), элизия в тосканском (*d(i) un → dun*), а в словах *figlio* и *fijjo* сонант реализован разными фонемами. Очевидно, что для обоих диалектов допустима компрессия в ситуации контакта гласных фонем.

В неаполитанском и сицилийском диалектах фраза представлена 7-ью слогами, в отличие от вышеописанных, где их всего 6. В сицилийском наблюдается переход фонемы > lj в фонему gj: *figghju*, отсюда слог TA, а не RA, как в других диалектах (в венецианском противоположный процесс – абсолютная утрата фонемы > lj). Принципиальные особенности в структуре слогов, тем не менее, отмечаются на стыке предлога и артикля: в обоих южных диалектах неопределенный артикль репрезентирован открытым слогом NA, в отличие от всех остальных диалектов, где AN. Что касается предлога *de*, то здесь интересна редукция интервокального /d/, который перешел в разряд сонантов в сицилийском и полностью утратился (пройдя через ту же стадию) в неаполитанском. Важно, что здесь компрессия служебных слов оказывается невозможной.

Из приведенных примеров очевидно, что различия между итальянскими диалектами заключены не в последнюю очередь в характере комбинирования служебных слов между собой, а эти процессы можно исследовать, только прибегнув к тексту, где полноценно реализуется синтаксический ярус языка.

К счастью, итальянская языковая ситуация такова, что в стране очень распространена диалектная литература, которую можно изучать. Однако большим препятствием к свободному изучению диалектного синтаксиса, особенно в его

фонологическом аспекте, выступает словоцентричная ориентация графики: на письме, как правило, не отражаются изменения, происходящие в речи при сочетании слов.

Поэтому исследование слога на материале итальянских диалектных текстов предполагает несколько этапов предварительной работы, которая может быть частично автоматизирована:

Этап 1. Отбор аутентичного текста с помощью проведения лингвистической экспертизы: текст оценивается специалистом на предмет соответствия его грамматики, синтаксиса и лексики диалектной норме. Только после установления синтаксической диалектности текста можно переходить к оценке фонологической достоверности: иногда бывает, что фонетические черты накладываются на итальянские (тоscanские) синтаксис и грамматику, и в этом случае невозможно признать текст аутентичным. Данная процедура не может быть автоматизирована, поскольку данные о грамматических системах итальянских диалектов недостаточно систематизированы.

Этап 2. Оценка соответствия фонологических черт текста действующей диалектной норме: специалист составляет перечень признаков и оценивает их отражение в тексте с учетом прагматических, внутридиалектных и естественных колебаний диалектной нормы. Данная процедура не автоматизирована.

Этап 3. Фонологическая правка: речь не идет о транскрибировании в полном смысле слова, то есть текст не записывается в виде набора знаков фонетической транскрипции, поскольку для целей фонологического анализа знаки традиционного алфавита вполне подходят. Для многих авторов письменный характер текста служит барьером, препятствующим отражению фонетических процессов ассимиляции, ротацизма, апокопы, внешнего сандхи, элизии, афезы и т. д. Пользуясь звучащими образцами диалектной речи, мы вносим в текст фонологическую правку, отражающую эти живые речевые явления. Данная процедура может быть частично автоматизирована, так как речь идет о поиске в тексте определенных фонотактических контекстов.

Этап 4. Полученный после проведения процедур 1-2-3 текст обрабатывается программой СЛОГС, разработанной в ВГУ на кафедре ТИПЛ [Кузнецова, 2001], в результате чего исследователь получает разбитый на слоги текст и перечни слогов с отсылкой к соответствующим словам. Это полностью автоматизированная процедура.

Заключительные этапы работы могут заключать в себе:

Этап 5. Составление баз данных слогов и статистики их употребления по каждому тексту в отдельности и по каждому диалекту в целом. Такой метод позволяет получить пространственную модель слога с учетом частотных валентностей, как на рисунке 1:

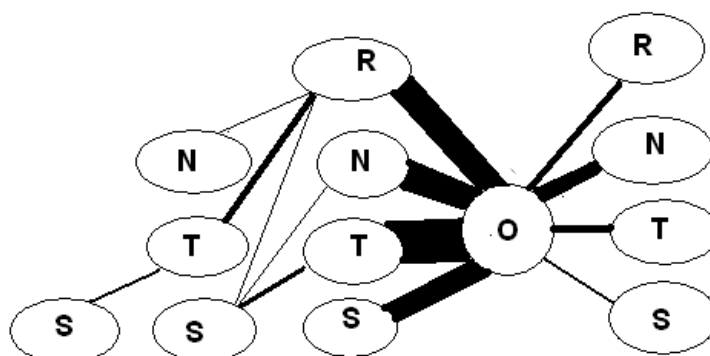

Рис. 1: Модель частоты комбинирования фонем внутри слога.

Этап 6. Дальнейшие процедуры должны быть направлены на сопоставительный анализ структур слога в различных диалектах и на поиск оптимальных способов их графической репрезентации с учетом реальных статистических параметров. Здесь компьютерная лингвистика может оказать значительное подспорье.

Литература

1. Кретов А.А. Закон возрастающей звучности в славянском слоге и его теоретические последствия / А.А. Кретов // Язык и национальное сознание. Вып. 2. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – С. 118-122.
2. Кузнецова Е.С. Система лингвистического определения границ слога / Е.С. Кузнецова, А.А. Кретов, И.Е. Воронина // Математическое обеспечение ЭВМ. Межвуз. сб-к научн. трудов. Вып. 3, Воронеж, 2001. – С. 39-46.
3. Лекомцева М.И. Типология структур слога в славянских языках / М.И. Лекомцева. – М.: Наука, 1968. – 224 с.
4. Панфилов Е.Д. Место слога в словоформе. (Исследования в области силлаботактики на материале классического латинского языка) / Е.Д. Панфилов. – Спб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 1994. – 144 с.
5. Степанов Ю.С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции / Ю.С. Степанов. – Вопросы языкознания, 1974, № 5. – с. 96-106.
6. Vogel I. La sillaba come unità fonologica / I. Vogel. – Nicola Zanichelli S.p.A., Bologna, 1982. – 134 p.

*Филипацци Юлия Александровна,
кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры романских и редких языков
ВКИЯ (Центр) Министерства Экономического развития Российской Федерации.
E-mail: juliaflip@gmail.com*

*Filipazzi Julia Alexandrovna
PhD, Italian Teacher in Higher language training courses of Ministry of Economic Development
of Russian Federation.
E-mail: juliaflip@gmail.com*

УДК 811.134.2'373.21

Т. Н. Филиппова
(Воронеж)

НЕКОТОРЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА©

Аннотация: в статье рассматриваются дискурсивные слова с точки зрения их способности формировать имплицитную семантику высказывания. Исследование выполнено на материале испанского языка.

Ключевые слова: дискурсивные слова, имплицитная семантика, контекст, коммуникация.

Some functional features of the discourse markers of Spanish

Abstract: the article looks at discourse markers from the point of view of their ability to form the implicit semantics of a statement. The research is based on the Spanish language.

Key words: discourse markers, implicit semantics, context, communication.

Среди многообразия средств языка, которые помогают наиболее полно передать весь спектр «скрытых» компонентов смысла высказывания, значительную роль играют дискурсивные слова. Это сравнительно недавно выделенный класс слов, включающий наречия, предлоги, частицы, междометия, вводные слова и выражения, союзы и другие единицы языка, однако привлекающий все большее внимание исследователей [Киселева, Пайар 1998, 2003, Bazzanella 2006, Bordería 2006, Portolés, Zorraquino 1999].

Дискурсивы отличаются высокой частотностью употребления в речи, широкими коннотативными возможностями, играют важную роль в коммуникативном процессе. Однако они не участвуют в выражении пропозитивной информации и выполняют вспомогательные функции. В дискурсивах «в свернутом виде» представлена дополнительная смысловая информация, обусловленная контекстом, ситуацией, фоновыми знаниями коммуникантов, связанная с выражением мнений и оценок, эмоциональной реакции, расстановкой акцентов, но не вытекающая из буквального состава предложения.

Корпус дискурсивов постоянно пополняется за счет языковых единиц, которые под влиянием определенных коммуникативных ситуаций теряют однозначность, но при этом расширяют свой функциональный диапазон, становятся функционально многозначными. Десемантизация языковых единиц ведет к их полифункциональности. Полифункциональность дискурсивов может быть преодолена под влиянием контекста или коммуникативной ситуации [Кобозева, 2007]. Именно эти параметры определяют имплицитный потенциал дискурсивных слов. Дискурсивы определяют способность дискурса порождать новые смыслы. Широкие возможности этих языковых единиц в плане передачи эмоциональных, оценочных и иных «скрытых» смыслов, не представленных в высказывании в явном виде, но подразумеваемых говорящим и воспринимаемым слушающим, позволяет говорить о дискурсивах как о своеобразных маркерах дополнительной семантической информации. С их помощью отправитель информации стремится привлечь внимание к определенному компоненту содержания. При этом кодировка и декодировка «скрытой» информации осуществляется с опорой на пресуппозиции, интенции и фоновые знания участников коммуникации, определенное мировосприятие, присущее той или иной культуре.

В рамках богатого корпуса дискурсивов можно отметить единицы с выделительной семантикой.

В основе выделения лежит противопоставление акцентируемого компонента высказывания имплицитному компоненту, формируемому в нашем сознании благодаря имеющимся знаниям, обобщающим опыт, принятые в обществе нормы. Помимо информации, непосредственно вытекающей из значения высказывания, они указывают на наличие в нем дополнительного смыслового содержания, выступая при этом в качестве «мостика», соединяющего эти два пласта информации, и выводя реципиента за пределы высказывания «в более широкую прагматическую сферу» [Николаева, 2004, с. 65]. Имплицитная информация может носить объективный характер, выражая отношение к норме или обобщению, либо указывая на некую дополнительную информацию о других компонентах события и других ситуациях. При этом, вводя дискурсив в высказывание, говорящий выражает свое субъективное отношение к сообщаемому, оценивая его и придавая определенную эмоциональную окраску. Характеризуя человека или событие, автор выражает свое к нему отношение со знаком + либо со знаком -. Оценивая же нечто мы, как правило, выражаем свой эмоциональный настрой. А поскольку речь идет о дискурсивах с выделительной семантикой, присутствует в высказывании и момент акцентирования определенных черт человека или аспектов события через отрицание всех

иных возможностей и противопоставление им выделяемого элемента. Все это позволяет говорить о эмоционально-оценочной нагрузке рассматриваемых дискурсивов.

Использование в высказывании дискурсива может указывать на наличие некоторых дополнительных обстоятельств, заставляющих отказаться от характерного в данной ситуации поведения: *Ni siquiera se permitió un día de descanso al cabo de largo viaje*. Лексема *nisiquiera* указывает на нечто важное, что заставило героиню пренебречь отдыхом, столь необходимым после долгой дороги. Благодаря наличию дискурсива в примере *Acabo de regresar. Ni siquiera me he bañado aún* мы понимаем, что после возвращения, по мнению героини, прошло совсем мало времени или нечто очень важное заставило ее отложить привычное в данной ситуации мероприятие.

Передаваемая дискурсивным словом информация может быть связана с несоблюдением объективной нормы или прескрипции или несоответствием норме, прескрипции, оценке. *Pasan los meses y la desesperación me pica en los ojos y hasta en las puntas del pelo*. У героини романа отчаяние «выжигает» кончики волос. Через метафору, гиперболизацию события автор передает отчаяние, душевную боль, переживаемую персонажем.

В примере *Sólo al día siguiente te diste cuenta de lo sucedido* мы наблюдаем аксиологическое несоответствие, которое основывается на выделении, эмфатизации темпорального компонента: *Только на следующий день понял, что произошло* – мог бы понять раньше.

В высказывании *Muchos no sabían ni siquiera por qué peleaban* наблюдается противоречие ситуации и обычной практики. *Ni siquiera* выполняет эмфатическую функцию. При этом здесь явно присутствует аксиологический компонент (они не знали даже, за что сражались – “плохо”) и сообщение эмоционально окрашено (это, по крайней мере, удивляет). Возможность соединения в высказывании одновременно фактивной и эмоционально-оценочной имплицатур объясняется свойством дискурсивов акцентировать внимание адресата на определенном компоненте высказывания. В предложении *No solo llegaron, sino que fueron de casa en casa decomisando armas de cacería, machetes, y hasta cuchillos de cocina, antes de repartir entre lo shombres mayores de 21 años las papeletas azules con los nombres de los candidates liberales* кроме несоответствия накопленному обществом опыту (обычно кухонные ножи у населения не конфискуют, т.к. они не являются оружием, используемым в военных действиях), явно присутствует эмоционально – оценочный компонент (отрицательное отношение к описываемому событию, возмущение действиями военных).

Дискурсив *hasta* в примере *“Primero los huevos – dijo Bill – despues, el pollo. Hasta Brayan sabía esto. – Ha muerto. Lo leí ayer en el periódico”* несет информацию квалификативного характера, позволяет охарактеризовать Брайана как недалекого человека. Также можно догадаться, что говорящий невысокого мнения о собеседнике.

Присутствие дискурсива *nisiquiera* указывает на характеристику героини как сильной, уверенной в себе натуры, умеющей сдерживать свои эмоции, не потерять самообладания даже в столь сложной и неприятной ситуации: *“Ella se comportó con tanta naturalidad, con tanta discreción, que no perdió la compostura. Ni siquiera cuando Aureliano dejó caer el anillo al tartar de ponérselo”*.

Мы коснулись лишь некоторых аспектов, связанных с функциональными особенностями испанских дискурсивных слов. Дискурсивы, функционируя в рамках высказывания, способствуют формированию в сознании коммуникантов параллельных «теневых» высказываний. Имплицитность, как особое свойство дискурсивов, предполагает выход за пределы высказывания, в контекст, в ситуацию, в фоновые знания участников коммуникативного акта. Обладающие выделительными функциями дискурсивы соотносят содержание высказывания с контекстом. Причем в контексте могут быть представлены маркируемые ими смысловые компоненты. В процессе интеракции дискурсивные слова выполняют вспомогательные функции, позволяют говорящему дать

оценку событию, действиям персонажа, отразить эмоциональное состояние, а реципиенту правильно понять предлагаемую информацию и адекватно на нее отреагировать. Помогая коммуникантам правильно воспринимать и трактовать информацию, они способствуют успешной реализации речевого замысла.

Литература

1. Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство : сб.статей / сост. К.Киселева, Д.Пайар. – М. : Азбуковник, 2003. – 206с.
2. Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания : сб.статей / под ред. К.Киселевой, Д.Пайара. – М. :Метатекст, 1998. – 446с.
3. Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) / И.М. Кобозева. – режим доступа : www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/38.htm
4. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения / Т.М. Николаева. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104с.
5. Bazzanella C. Discourse markers in Italian: towards a ‘compositional approach’ / C. Bazzanella // *Approaches to Discourse Particles/* – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P.449 – 464.
6. Bordería S.P. A functional approach to the study of discourse markers / S.P. Bordería // *Approaches to Discourse Particles/* – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P.77 – 99.
7. Portolés, J. – Martín Zorraquino (1999), “Los marcadores del discurso”, en Bosque, I. y Demonte, V. (dirs.), *Gramática descriptiva de la lengua española*, Madrid, Espasa Calpe, capítulo 63.

Филиппова Татьяна Николаевна,
кандидат филол.наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета.
E-mail: tanifi54@mail.ru

Filippova Tatiana Nikolaevna,
Associate Professor of the Roman Philology Department
E-mail: tanifi54@mail.ru

УДК 81'322.6

О. Д. Черепанова
(Москва)

ОЗВУЧИВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО СИНТЕЗА «ТЕКСТ-РЕЧЬ» С ПОМОЩЬЮ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ©

Аннотация: практически в любом русскоязычном тексте встречаются словосочетания на английском языке – названия компаний, средств массовой информации, брендов, программного обеспечения и т.д. Чтобы озвучивать такие текстовые единицы в русскоязычной системе синтеза речи по тексту, необходимо перевести их в графическую или фонетическую систему записи, с которой синтезатор может работать. Для решения данной задачи в настоящей работе предлагается метод

англо-русской практической транскрипции. Этот метод позволяет переводить английские слова в кириллическую запись с учетом их произношения в английском языке и озвучивать их с помощью звуков русского языка, не расширяя систему англоязычным звуковым материалом. В статье приведены результаты перцептивного эксперимента по оценке качества синтеза речи английских слов, озвученных по предлагаемым правилам транскрипции.

Ключевые слова: синтез речи по тексту, нормализация текста, практическая транскрипция, оценка, разборчивость речи, естественность речи, русский язык, английский язык

Phonetization of English Words in Russian Text-to-Speech Synthesis by Means of Orthographic Transcription

Abstract: Russian texts often contain English words and word combinations. These are mostly names of companies, mass media, different brands and computer programs. As English words are written in the Latin alphabet they must be rendered into a graphic or phonetic system that the Russian synthesizer can interpret. In our work we propose to use the English-Russian orthographic transcription in order to transform English words into the Cyrillic alphabet. This method relies on word pronunciation and allows to phonetize English words using only Russian sounds without extending the TTS-system with English phonemes or extra acoustic databases. We also describe a perceptual experiment that was carried out in order to assess the quality of English words synthesized in this way.

Key words: text-to-speech-synthesis, text normalization, orthographic transcription, evaluation, intelligibility, naturalness, Russian, English

1. Введение. Метод практической транскрипции

Сегодня практически в любом русскоязычном тексте, будь то научная или публицистическая статья, новостной сайт в сети Интернет или инструкция по эксплуатации технического прибора, встречается большое количество вставок на латинице, чаще всего – на английском языке. В первую очередь это институциональные имена собственные: названия компаний и организаций, издательств, средств массовой информации, брендов, программного обеспечения. Чтобы в системе русскоязычного синтеза речи по тексту озвучивать англоязычные словоупотребления, которые представляют собой последовательность знаков латинского алфавита, необходимо перевести их в ту же графическую (или фонетическую) систему, которая используется для озвучивания обычного русскоязычного текста, написанного на кириллице. Для решения данной задачи нами предлагается **метод практической транскрипции**. В отличие от транслитерации, которая широко используется в ситуациях, когда через другую графическую систему требуется передать *написание* последовательности знаков определенного языка на кириллице, практическая транскрипция позволяет передать ее *звучание*, и именно это важно при озвучивании английских словоупотреблений русскоязычной системой синтеза речи по тексту. Действительно, с помощью практической транскрипции мы переводим последовательность символов графической системы *языка-источника* *L1* (здесь – латиницы) в последовательность символов графической системы *языка-восприемника* *L2* (кириллицы), произношение которой в языке-восприемнике ближе всего к произношению исходной последовательности в языке-источнике [Успенский, 2002]. Имея в распоряжении фонетическую транскрипцию английского слова, по предложенным в настоящей работе правилам англо-русской практической транскрипции можно получить следующие примеры обработки англоязычных вставок:

- (1) *Bloomberg* ['blu:mbərg] – /блү+мберг/
- (2) *Microsoft* ['maɪkrəʊsɒft] – /ма+йкрософт/

(3) *British Airways* ['brɪtɪʃ 'eəweɪz] – /бри+тиш э+рвэйс/⁵⁰.

Система правил англо-русской практической транскрипции была разработана нами на основе работ [Ермолович, 2009], [Гиляревский, Старостин, 1985]. Полный перечень правил приведен в таблице 1 в конце работы.

Нужно отметить, что изначально правила создавались указанными выше авторами для графической передачи английских имен собственных в русских текстах. В целях адаптации оригинальных правил Д.И. Ермоловича и Р.С. Гиляревского к возможностям и требованиям русскоязычного синтеза речи мы провели несколько перцептивных экспериментов на разборчивость англоязычных словоупотреблений, озвученных русскоязычным синтезатором с использованием предложенной ими системы практической транскрипции. С учетом анализа речи телеведущих и дикторов российских новостных каналов (см. ниже раздел 2) и результатов проведенных экспериментов (см. ниже раздел 3) исходные правила были скорректированы под задачу синтеза речи и протестированы дополнительно в озвученном синтезированном варианте.

К важным преимуществам предлагаемого нами способа обработки слов на латинице относится среди прочего его *оптимальность*: вместо составления обширных словарных списков или написания дополнительного языкового модуля в системе русскоязычного синтеза мы используем сравнительно небольшой набор правил англо-русской практической транскрипции для перевода английских слов на кириллицу. Кроме того, предлагаемый метод *универсален*, то есть может быть использован в любой русскоязычной системе синтеза речи: после того, как вставка на латинице переведена в кириллическую графическую систему, она может обрабатываться на всех дальнейших этапах синтеза речи по тем же правилам, что и обычные (нормализованные) русские слова на кириллице. Однако, поскольку озвучивание англоязычных вставок на основе правил практической транскрипции осуществляется с помощью звуков русского языка (в популярных конкатенативных синтезаторах аллофонного типа), принципиально важной становится оценка качества и приемлемости такого способа озвучивания с точки зрения русскоязычных пользователей данных систем. Этой задаче посвящена основная часть настоящей работы.

2. Основные критерии оценки качества синтезированной речи

Существует большое количество различных подходов к оценке систем синтеза речи по тексту (например, см. [Campbell, 2007]). Чтобы оценить качество озвучивания английских слов и словосочетаний в русскоязычной системе синтеза, вероятно, стоит обратить внимание на две основные качественные характеристики синтезированной речи: **разборчивость** (количество правильно распознанных единиц) и **естественность** (оценка близости синтезированной речи к естественной).

2.1. О разборчивости озвученных англоязычных вставок

Обычно оценка качества синтезированной речи начинается с параметра разборчивости. В этой связи нужно отметить, что около 90% англоязычных вставок в русских текстах – это институциональные имена собственные и любые другие названия, обычно в той или иной степени знакомые пользователю (*The New York Times, Forbes, Apple, Bloomberg*). Соответственно, под разборчивостью (или распознаваемостью) синтезированного словоупотребления в проведенном нами исследовании понимается способность слушателя определить, о какой сущности идет речь, или же (в ситуациях, когда название или слово слушателю незнакомо) воспроизвести примерное написание озвученного фрагмента. Для оценки разборчивости англоязычных вставок, озвученных с помощью практической транскрипции, нами были проведено несколько целевых перцептивных экспериментов.

⁵⁰ Здесь и далее практическая транскрипция выделяется с двух сторон косой чертой («/»), а знаком «+» после гласного обозначается ударение. По умолчанию ударение ставится на тот же слог, что и в фонетической транскрипции английского слова.

Систематические ошибки испытуемых при восприятии определенных словоупотреблений позволили выделить ряд спорных вопросов в оригинальных правилах практической транскрипции, на которых имеет смысл остановиться подробнее, что будет сделано в разделе 3.

2.2. Естественность озвученных англоязычных вставок в русскоязычном контексте

Второй параметр качества синтеза английских словоупотреблений – **естественность** – является с нашей точки зрения более неоднозначным и субъективным. С одной стороны, метод практической транскрипции в русскоязычном синтезе, при всех его достоинствах, «обречен» на малую естественность озвученных англоязычных вставок относительно норм произносительного стандарта английского языка. С другой стороны, если понимать под естественностью «соответствие норме, эталону», то каким именно нормам должны соответствовать озвученные английские словоупотребления? Нормам произношения английского или русского языка? Можно ли вообще четко определить, как произносительные нормы русского языка распространяются на английские слова в русскоязычном контексте?

Для того чтобы изучить, как русскоговорящие дикторы произносят английские названия в русском контексте, нами был проанализирован аудио- и видеоматериал новостных сайтов и технические обзоры Интернет-магазинов. Выбор данных ресурсов объясняется тем, что произношение телеведущих и дикторов в официальных источниках информации зачастую рассматривается как некий произносительный стандарт, который влияет на распознаваемость акцентно окрашенных английских слов носителями русского языка и который, следовательно, надо учитывать при озвучивании англоязычных вставок русскоговорящим синтезатором.

Анализ материала показал, что русскоязычные дикторы имеют привычку фонетически модифицировать английские слова, заимствованные в русскую речь. Для английских звуков, отсутствующих в русском языке, подыскиваются ближайшие по звучанию звуки-замены: вместо *Twitter* [ˈtwɪtə] и *Forbes* [fɔːbz] произносятся «русифицированные» [тв'йтър], [фóрпс]. В окончании *-ing* на месте сочетания [ɪŋ] в британском английском произносится русское [ьнк] («консалтинг», «драйвинг» – [кансáлт'ьнк], [дрáй'в'ьнк]), а в союзе *and* не происходит редукции, поэтому в названии компании *Ernst & Young* мы слышим отчетливое [энт] вместо английского [ən].

В результате анализа нами было выделено несколько факторов, которые влияют на степень выраженности русского произносительного акцента при озвучивании англоязычных фрагментов. Безусловно, большое значение имеет **уровень владения английским языком** говорящего. Но, как показал анализ аудиоматериала, говорящий лишь в редких случаях полностью переключается на английский язык вне зависимости от его уровня владения языком. Не менее важным фактором является **распространенность** англоязычной вставки в повседневной жизни носителей русского языка. Чем выше частотность слова, тем больше вероятность того, что оно будет озвучено диктором «по-русски». Так, в проанализированных материалах социальная сеть *Twitter* действительно произносится всегда русифицировано. То же самое можно сказать о *Bluetooth*, *Word*, *Amazon*, *Microsoft*, *Facebook* и многих других англоязычных вставках. Однако даже менее распространенные слова (*WhatsApp*, *Verge*, *Silencer* и др.) в проанализированном материале часто произносятся говорящими «по-русски». Еще один существенный фактор – **длина** англоязычной вставки. Целые фразы на английском языке и просто длинные словосочетания редко употребляются в русскоязычных текстах, но во всех прослушанных записях они озвучиваются диктором с английским произношением (насколько это позволяет уровень владения английским языком говорящего): *we are hunted*, *Glass Explorer Edition*; *News of the world*. Тем не менее, длинные англоязычные фрагменты иногда озвучиваются русифицированно, особенно если данные словосочетания достаточно известны: *Work & Travel*, *Windows Phone 7*, *Amazon Kindle Paperwhite*.

Таким образом, если говорить о естественности синтеза речи по тексту, можно сделать вывод, что при озвучивании отдельных английских слов и не очень длинных словосочетаний вполне допустимо (а иногда даже желательно) использовать звуковой материал русского

языка. С этой точки зрения практическая транскрипция как способ передачи англоязычных вставок при синтезе речи кажется вполне оправданной.

3. Разборчивость синтезированных англоязычных вставок (экспериментальные данные)

3.1. Материал и методика эксперимента

Чтобы оценить качество синтеза англоязычных вставок по предложенным правилам практической транскрипции и проверить текущие корректировки исходных правил, был проведен перцептивный эксперимент с участием 16 русскоязычных испытуемых (с неоконченным или окончанным высшим образованием, в возрасте от 18 до 54 лет). Два участника эксперимента практически не владели английским языком, остальные же знали английский на уровне не ниже начинающего. Из русских новостных текстов было отобрано 27 англоязычных слов и словосочетаний на латинице. Практическая транскрипция, написанная вручную для всех 27 словосочетаний, была озвучена с помощью русского синтезатора «Агафья»⁵¹. Каждому испытуемому необходимо было прослушать 27 озвученных англоязычных словосочетаний и после каждой записи выполнить контрольное задание: выбрать правильный ответ из нескольких вариантов или самостоятельно написать услышанное слово / словосочетание.

3.2. Результаты эксперимента

Для каждого из 27 словосочетаний был подсчитан процент его распознаваемости испытуемыми. Если определять разборчивость озвученных англоязычных вставок как относительное количество испытуемых, успешно их распознавших, то с помощью правил англо-русской практической транскрипции, использованных в настоящем исследовании, достигается средний уровень разборчивости 86,6%.

Отметим еще раз, что значительная часть озвученных словосочетаний – имена собственные, в той или иной степени знакомые носителям русского языка. Как и следовало ожидать, названия известных компаний (*Dream Works, Adidas Global*), компьютерных программ и сервисов сети Интернет (*Microsoft Word, Web Money*), спортивных команд (*Manchester United*) испытуемые успешно распознали. Тем не менее, среди идентифицированных в 100% случаев словосочетаний оказались и явно менее распространенные *Market Watch* и *Drag and Drop*, в то время как популярная социальная сеть *Twitter* была распознана лишь каждым третьим испытуемым. Как видно из вышеприведенных примеров, известность названия не влияет напрямую на его распознаваемость.

Систематические ошибки испытуемых позволили выделить следующие спорные вопросы в использованных правилах англо-русской практической транскрипции:

1. Место словесного ударения. Целый ряд английских слов был заимствован в русский язык со смещением ударения на последний (или предпоследний) слог. Речь идет о таких словах как *email, Facebook, Android, YouTube, Manchester* и многих других. Оказалось, что озвучивание подобных вставок с ударением «по-английски» понижает их распознаваемость⁵²:

(4) *Email* ['i:meɪl] /и+мейл/ – распознаваемость 45%
/имэ+йл/ – 96%

(5) *Facebook* ['feɪsbʊk] /фе+йсбук/ – 67%.
/фэйсбу+к/ – 78%.

2. Фонема [w]. Гиляревский и Старостин предлагают передавать фонему [w] через /в/ перед буквой «у» и через /у/ во всех остальных случаях (*woods* – /вудс/, *windows* – /уи+ндоус/). В связи с систематическими ошибками испытуемых в таких словах как *Twitter* («тулитер», «tuitер»), *Windows* («уинданс»), *Paperwhite* («paperlight») данную

⁵¹Разработан речевой группой ОТиПЛ МГУ [Кривнова, 1998], [Бабкин, Захаров, 1999].

⁵² Следует отметить, что распознаваемость примеров (4) и (5), скорее всего, повысилась также из-за более удачной транскрипции дифтонга [eɪ] как /эй/.

фонему мы предлагаем передавать только через /в/. Откорректированные правила транскрипции позволили улучшить разборчивость синтезированных слов, содержащих звук [w]: *Microsoft Word* /ма+йкрософт ворд/, *Market Watch* /ма+ркет вотч/ и *Web Money* /вэб ма+ни/ были успешно распознаны в 100% случаев, *Black and White* /блэк энд ва+йт/ – в 97%, *swift* /свифт/ – почти в 85%.

3. Суффиксы *-er* и *-ed*. Изначально по правилам Д.Е. Ермоловича фонема [ə] передавалась транслитерацией (*Twitter* ['twɪtə] – /тви+тер/, *Amazon* ['æməzən] – /э+мазон/, *Russian* ['rʌʃən] – /ра+шиан/). Но в таких словах, как *Twitter* или *partner* ['pɑ:tnə] /па+ртнер/, участники перцептивного эксперимента допускали большое количество ошибок. Так, при озвучивании синтезатором практической транскрипции /па+ртнер/ зубной [т] перед мягким [н'] по правилам ассимиляции смягчался ([пáрт'н'ер]), что привело к таким ответам испытуемых, как «партиз», «partes», «parties», «partiers», «partirs», «parteurs». Как показал анализ русской речи дикторов (см. выше), телеведущие при произнесении англоязычных вставок часто смягчают согласные так же, как и в русском языке: *Christies* – [кр'йс'т'ьс]; *Acoustic* – [ък'ус'т'ьк]. Однако есть ряд суффиксов, перед которыми (или в которых) смягчения обычно не происходит. Сюда относятся суффиксы *-er* (*Warner Brothers*, *partners*), *-ed* (*associated*, *limited*), *-ment* (*entertainment*). В связи с этим по откорректированным нами правилам практической транскрипции суффиксы *-er*, *-ed*, *-ment* транскрибируются как /эр/, /эд/, /мэнт/ соответственно.

4. Транскрипция фонем [ð] и [θ]. Передача английского [θ] через /с/ в *BBC Earth* [bi: bi: si: z:θ] /би би си эрс/ привела к низкому уровню различимости вставки (31%): многие участники эксперимента услышали вместо *earth* слово *ears*. Учитывая, что состав согласных звуков в русском и английском языках не позволяет установить однозначного соответствия между ними, подобных трудностей при практической транскрипции англоязычных вставок на кириллицу избежать нельзя. При передаче фонем [ð] и [θ] приходится так или иначе выбирать между русскими согласными [д], [т] (по Р.С. Гиляревскому), [з] и [с] ([Мещеряков et al., 2011]) или [в], [ф] ([Potarov, 2003]), с помощью которых также транскрибируются английские [d], [t], [z], [s], [v], [f]. Анализ речи русских дикторов говорит в пользу передачи фонем [ð] и [θ] через /з/ и /с/, об этом же свидетельствует и уже укоренившаяся в русском языке форма «блютуз» для английского *Bluetooth*. В откорректированных правилах англо-русской практической транскрипции мы остановились именно на этом варианте передачи фонем [ð] и [θ].

Полный перечень правил англо-русской практической транскрипции с учетом внесенных изменений представлен в таблице 1. Структура правил практической транскрипции взята из работы Д.И. Ермоловича ([Ермолович, 2009, с. 52-55]). Внесенные в правила изменения и дополнения выделены заливкой.

Таблица 1.

Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ)

1.1. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) гласных фонем

Англ. фонема	Примечание	ПТ	Примеры
ʌ		а	<i>sun</i> [sʌn] – /сан/ <i>honey</i> [hʌni] – /ха+ни/
	основной вариант	э	<i>capital</i> ['kæpɪtəl] – /кэ+питал/
æ	после /ж/, /ч/, /ш/	е	<i>Jackson</i> ['dʒæksən] – /джексон/
aɪ		ай	<i>light</i> [laɪt] – /лайт/
aɪə		айр	<i>wire</i> ['waɪə] – /вайр/
aʊ		ау	<i>now</i> [naʊ] – /на+у/

	основной вариант	ауэ	<i>trowel</i> ['traʊəl] – /тра+уэль/
аʊэ	если обозначается сочетанием с буквой г	ауэр	<i>tower</i> ['taʊə] – /та+уэр/
	основной вариант	а	<i>castle</i> ['kɑ:sl] – касл
а:	если обозначается сочетанием с буквой l	ал	<i>palm</i> [pɑ:m] – /палм/
	если обозначается сочетанием с буквой г	ар	<i>car</i> [kɑ:] – /кар/
э	передается транслитерацией; при наличии буквы г последняя записывается как р		<i>Amazon</i> ['æməzən] – /э+мазон/ <i>Russian</i> ['rʌʃən] – /ра+шиан/ <i>partner</i> ['pɑ:tnə] – /па+ртнер/
	в некоторых морфемах – см. раздел (в)		
	основной вариант	оу	<i>motor</i> ['məʊtə] – /мо+утор/
əʊ	без ударения, если обозначается буквой о в конце слова или перед слоговой гласной	о	<i>Delano</i> [di'lənəʊ] – /дила+но/ <i>Roanoke</i> ['rəʊə,nəʊk] – /ро+аноук/
ε	в начале слова; после гласной	э	<i>empire</i> ['ɛmpaɪə] – /эмпайр/
	после согласной	е	<i>special</i> ['speʃəl] – /спешл/
eɪ		эй	<i>aim</i> [eɪm] – /эйм/ <i>mail</i> [meɪl] – /мэйл/
eə		эр	<i>airways</i> ['eəweɪz] – /э+рвэйс/
	в начале слова; после гласной	эр	<i>earth</i> [ɜ:θ] – /эрс/
	после согласной	ер	<i>Percy</i> ['pɜ:si] – /перси/
z:	если обозначается сочетанием our, or	ор	<i>journal</i> ['dʒɜ:nl] – /джо+рнал/ <i>work</i> [wɜ:k] – /ворк/
ɪ		и	<i>British</i> ['brɪtɪʃ] – /бритиш/ <i>event</i> [ɪ'vent] – /ивент/
i:		и	<i>steel</i> [sti:l] – /стил/
	основной вариант	иа	<i>ideal</i> [aɪ'diəl] – /айди+ал/
iə	если обозначается сочетанием с буквой г	ир	<i>Geer</i> [giə] – /гир/
ɒ		о	<i>lock</i> [lɒk] – /лок/
	основной вариант	о	<i>Fawkes</i> [fə:ks] – /фокс/ <i>Albany</i> ['ɜ:lbəni] – /о+лбани/
ɔ:	если обозначается сочетанием с буквой г	ор	<i>Gore</i> [gɔ:] – /гор/ <i>Norton</i> ['nɔ:tən] – /но+ртон/
ɔɪ		ой	<i>oil</i> [ɔɪl] – /ойл/
ʊ		у	<i>book</i> [bʊk] – /бук/
u:		у	<i>tool</i> [tu:l] – /тул/

1.2. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) согласных фонем

b	б	d	д	ŋk	нк	h	х
p	п	t	т	g	г	dʒ	дж
f	ф	ð	з ⁵³	k	к	tʃ	ч
v	в	θ	с ⁵⁴	l	л	ʒ	ж
m	м	n	н	r	р	ʃ	ш
		ŋ	нг	s	с		

1.3. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) согласных фонем [j], [w], [z]

Англ. фонема	Примечание	ПТ	Примеры
j	основной вариант	й	<i>York</i> [jɔ:k] j
	вместо сочетания *йа	я	<i>Young</i> [jʌŋ] /янг/
	то же, после согласной	ья	<i>Trevelyan</i> [trə'veljən] /треве+льян/
	вместо сочетания *йу	ю	<i>eugenics</i> [ju:'dʒɛnɪks] /юдже+никс/
	то же, после согласной	ью	<i>new</i> [nju:] /нью/
w		в	<i>Windows</i> ['wɪndəʊz] w
z	основной вариант	з	<i>easy</i> ['i:zi] z
	допустимый вариант в конце слова, если обозначается буквой s	с	<i>woods</i> [wɒdz] /вудс/

4. Заключение

В настоящей работе рассматривается одна из задач нормализации русскоязычного текста – обработка англоязычных слов и словосочетаний на латинице. Предлагаемый метод практической транскрипции позволяет решать поставленную задачу, пользуясь только звуковым материалом русского языка. Основными преимуществами метода практической транскрипции являются его доступность и универсальность. Данный метод позволяет озвучивать английские слова и словосочетания на латинице в русскоязычной системе синтеза без дополнения синтезатора отдельным модулем для английского языка, как это делается, например, в синтезаторах-полиглотах polySVOX. В последнем случае для добавления звуковых единиц английского языка в звуковую библиотеку русскоязычного синтезатора приходится либо использовать два разных голоса для разных языков, либо искать для записи материала донора-билингва. Универсальность метода практической транскрипции заключается в том, что на выходе блока нормализации текста

⁵³ Bluetooth - /блутус/, GoogleEarth - /гуглэрс/

⁵⁴ Brothers - /бразэрс/

формируются «нормализованные» слова на *кириллице*, которые на всех дальнейших этапах синтеза обрабатываются программой по тем же правилам, что и обычные слова русского языка. Благодаря этому одни и те же правила практической транскрипции можно включить в любую русскоязычную систему синтеза речи по тексту, независимо от прочих правил фонетизации текста, которые в ней используются.

Как показывают результаты анализа речи телеведущих, носители русского языка привыкли озвучивать и воспринимать на слух английские слова в их русифицированной форме. Таким образом, озвучивание английских слов с помощью звукового материала русского языка, подобранного по правилам англо-русской практической транскрипции, может повысить не только разборчивость, но и естественность синтезируемой русской речи.

Литература

1. Бабкин А. В. Оценка качества системы синтеза речи, разработанного в МГУ / А. В. Бабкин, Л. М. Захаров // Труды Межд. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям "Диалог'99". – Таруса, 1999. – С. 12-25.
2. Гиляревский Р. С. Иностранные имена и названия в русском тексте : Справочник. / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин – 3-е изд. – М., 1985. – 303 с.
3. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. / Д. И. Ермолович – М. : ВЦП. – 2009., 86 с.
4. Кривнова О. Ф. Автоматический синтез русской речи по произвольному тексту (вторая версия с женским голосом) / О. Ф. Кривнова // Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'98». – Казань : Хэтер, 1998. – С. 498-511.
5. Мещеряков Р. В. Речевые технологии в задаче обучения студентов-носителей русского языка произношению на иностранном языке. / Р. В. Мещеряков [и др.] // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2011): Труды пятого междисциплинарного семинара. – СПб.: ГУАП., 2011. – С. 78–82.
6. Успенский В. А. Труды по нематематике. / В. А. Успенский – М. : ОГИ. – 2002. – 1409 с.
7. Campbell N. Evaluation of speech synthesis. From Reading Machines to Talking Machines. / N. Campbell // Evaluation of Text and Speech Systems / L. Dybkjoer [et al.] – Springer Verlag, 2007. – Chapter II. – P. 29-64.
8. Potapov V. The American English Interference in Russian on the Segmental Level / V. Potapov // Proc. of the intern. workshop "Speech and computer" (SPECOM'2003) – Moscow : Moscow State Linguistic University. – 2003. – P. 283–290.

Черепанова Ольга Д,
аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического ф-та
МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: cherepanova.od@gmail.com

Cherepanova Olga,
postgraduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State
University.
E-mail: cherepanova.od@gmail.com

ГИБРИДНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ МОДЕЛЕЙ АНАЛИЗА, СИНТЕЗА И КОРРЕКЦИИ©

Аннотация: в статье продемонстрированы возможности экстраполяции фонологических идей в морфологию. В качестве морфологического объекта выступают гибридные слова типа причастий. Специфика гибридных слов позволяет применить для определения их языкового статуса разработанные в фонологии модели анализа, синтеза и коррекции. В результате выявлено соответствие принципов описания частей речи данным моделям: модель анализа отражает структурно-семантический принцип, модель синтеза – грамматический принцип, а модель коррекции – лексический принцип. В системном описании классификации частей речи эти три принципа дополняют друг друга.

Ключевые слова: морфология, гибридные слова, фонологические модели, принципы классификации частей речи.

Hybrid words in terms of analysis, synthesis and correction models

Abstract: the article looks into the possibility of extrapolation of the principles of phonology into morphology. Hybrid words of the class of Participles are the morphological object of the research. Hybrid words specificity makes it possible to implement the models of analysis, synthesis, and correction used in phonology to identify their linguistic status. Correlation between the principles of description of Parts of Speech and the models under investigation has been found. Thus, the model of analysis corresponds to the structural semantic principle, the model of synthesis corresponds to the grammatical one, and the model of correction corresponds to that of lexical. It is concluded that while describing the classification of Parts of Speech these three principles are complementary to each other.

Key words: morphology, hybrid words, phonological models, principles of classification of parts of speech.

Понятие гибридности по отношению к словам, а точнее, по отношению к частям речи, включающим их в свой состав, получило обоснование, прежде всего, в грамматических трудах В.В. Виноградова. Наиболее полно это обоснование было представлено в осмыслении и описании связки *быть*. По его мнению, «связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь ономим связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т. п.) представляют собою гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки» [Виноградов, 1972, с. 529]. В. В. Виноградов выделил также и ряд других гибридных типов слов, которые реализуют совмещение разных функций. В частности, наиболее наглядно это демонстрируют причастия и деепричастия. В.В. Виноградов писал: «Те причастия и деепричастия, которые сохраняют свою глагольную силу и глагольные свойства, остаются гибридными формами-словами: они лежат в смешанной глагольно-

именной или глагольно-наречной зоне» [Виноградов, 1972, с. 342]. Однако при этом, определяя их частеречный статус, В.В. Виноградов относил причастие и деепричастие все же к формам глагольного слова, хотя и тяготеющими к отрыву от него (там же). Впоследствии это «тяготение» некоторыми исследователями было расценено как разрыв не только с глаголом, но и с именем, что, в конечном счете, позволило им рассматривать причастие и деепричастие как самостоятельные гибридные части речи. В настоящее время число таких смешанных частей речи, имеющих самостоятельный частеречный статус, расширяется. Так, например, П.А. Лекант выделяет в качестве такой самостоятельной части речи «предикатив». По его мнению, «в современном русском языке сформировалась аналитическая «гибридная» часть речи *предикатив* с собственным категориальным значением **состояния**» [Лекант, 2002, с. 29].

Целью настоящей статьи является не столько решение вопроса о частеречном статусе гибридных слов, образующих или не образующих гибридные части речи, сколько взгляд на вопрос о статусе гибридных слов с точки зрения рассмотрения трех моделей (аспектов) – анализа, синтеза и коррекции. Такой взгляд был представлен в 1975 г. профессором В.Г. Руделевым в отношении фонем русского языка. Существование этих трех типов моделей обусловлено тем, что, по его мнению, две из них – модели анализа и синтеза – связаны с отражением коммуникации как двустороннего процесса, включающего говорение (синтез) и восприятие (анализ) речи. «Они должны учитывать также единство анализа и синтеза в процессе коммуникации, единство, без которого процесс коммуникации был бы невозможен, и наличие в языковом устройстве механизмов, корректирующих речь, нейтральных в смысле анализа – синтеза» [Руделев, 1975, с. 38].

Причем, оказалось, что основные фонологические школы в значительной степени сориентированы на описание какой-то из трех указанных выше моделей: модель синтеза по существу представлена в Пражской фонологической школе, модель синтеза – в Ленинградской школе, а модель коррекции – в Московской школе. В результате данные школы оказываются не в отношениях антагонизма между собой, как принято их порой представлять в научной и учебной литературе, а в отношениях, дополняющих описание фонологической системы русского языка в целом, поскольку ими описывается, по существу, какой-либо аспект этой системы.

В результате появилась заманчивая идея использовать фонологическую идею трехаспектного описания и для других участков (уровней) языковой системы. Такое внимание к фонологическим идеям было вполне закономерным, учитывая фундаментальный и универсальный характер оппозитивного метода, впервые примененного в фонологии. Дело в том, что именно в рамках фонологии получили свое первичное содержательное наполнение такие понятия, как «оппозиция», «нейтрализация», «дифференциальный» и «интегральный» признаки как показатели взаимосвязи оппозиций. Но впоследствии фонология с ее первоначальным оппозитивным методом и понятийным аппаратом оказалась не только самостоятельной дисциплиной, но и «методом исследования языкового материала вообще» [Руделев, 1982, с. 9], поскольку сам по себе оппозитивный метод не заключал в себе ничего специально фонологического (см.: [Дриняева, Каменская, Руделева, 1987, с. 142-162]. Более того, фонология с ее методом стала определять «современное лингвистическое мировоззрение» [Журавлев, 1982, с. 172]. Это было ожидаемо и закономерно, учитывая, что понятие противоположения, или оппозиции, отражает общий диалектический закон познания. Поэтому оппозитивный метод не является только собственно фонологическим методом [Шарандин, 2001, с. 5], а приобрел статус фундаментального понятия и тем самым статус философского понятия. И в настоящее время большинством лингвистов признается фундаментальный характер основных фонологических понятий. При этом фундаментальность определяется как «то, что работает и в других областях знания, на чем может строиться здание науки в целом, что обладает концептуальной универсальностью» [Журавлев, 1982, с. 172]. По этому

поводу В.К. Журавлев писал: «Фонология как демиург, создает лингвистику XX века по образцу и подобию своему» (там же).

Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Причем специфичность следует обнаруживать не только в различиях между объектами исследования, но и в характере тех отношений, которые возникают внутри объекта, т.е. в системе сближений и различий, лежащих в основе различного рода оппозиций. Именно оппозиция позволяет увидеть системный и функциональный характер объекта, определить значимость и место того или иного члена оппозиции, да и самой оппозиции в целом, в системе языка. По мнению В.Г. Руделева, самым ценным в оппозитивной теории Н.С. Трубецкого «были не сами оппозиции, а способы их обоснования. Таковыми оказывались нейтрализации, которые характеризовали не только оппозиции, но и корреляции и даже релевантные признаки» [Руделев, 1995, с. 447].

Оппозитивный метод, или метод оппозиций, наиболее ярко и наглядно демонстрирует таксономическую (классификационную) деятельность человека, связанную с его определенной когнитивной способностью – способностью категоризировать мир. По мнению Е.С. Кубряковой, это «главный способ придать воспринимаемому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различий других» [Кубрякова, 1997, с. 85].

Оппозитивный метод позволил нам представить иерархическую систему частей речи русского языка [Шарандин, 1998], в которой части речи оказались в определенных отношениях друг с другом, имеют определенное место и частеречный «вес», что и дало возможность увидеть и описать взаимодействие частей речи в коммуникативном процессе. В результате система частей речи предстала не только в статическом виде, но и в динамическом виде, позволяющем выявить и описать результаты их взаимодействия [Шарандин, 2013; 2013a]. Но поскольку части речи являются не односторонними сущностями, как фонемы в фонологии, представленные только планом выражения, то и результаты этого взаимодействия оказались интегративными по своему характеру. Это значит, что когда мы говорим о межчастеречном взаимодействии, то должны иметь в виду следующее. *Во-первых*, как отмечалось выше, это взаимодействие является динамическим по своему характеру, сущность которого определяют иерархические отношения между взаимодействующими частями речи, каждая из которых имеет свой ранг (значимость) в системе частей речи. *Во-вторых*, части речи – это когнитивные сущности и, следовательно, в этом взаимодействии проявляются интегративные процессы как в плане концептуализации, так и в плане категоризации действительности в языке. *В-третьих*, межчастеречное взаимодействие имеет не только процессуальный, но и статический характер, показателем которого оказываются результаты данного взаимодействия. Поэтому возникает вопрос о том, что отражают результаты межчастеречного взаимодействия – процесс формообразования или словообразования.

Межчастеречная интеграция интересна тем, что взаимодействуют в коммуникативном акте различные стороны двух частей речи: с одной стороны, абстрактная лексическая семантика, представленная в интегративном образовании основой слова, а с другой – грамматическая семантика той части речи, которая определяет форму существования (объективирования) этой лексической семантики (примером этого являются причастия и деепричастия). Другими словами, мы можем иметь развитие языкового знака либо в плане уподобления по форме языковому знаку из состава взаимодействующей части речи, либо в плане уподобления по лексическому содержанию. На этом основании по существу и представлено разграничение формообразования и собственно словообразования. Согласно определению, которое принимается большинством русистов, формы слова – это такие образования, которые лексически тождественны, но различаются грамматически. С этих позиций формы слова

представляют собой языковые единицы словесного типа, т.е. оформленные, структурированные как слова, которые имеют асимметрию между планом содержания и планом выражения. Такого рода языковые знаки иногда называют «противоречивыми» знаками. Например, причастие *читающий* оказывается в плане содержания соотношенным с глагольной семантикой, а в плане выражения (словоизменения) – с атрибутивной (адъективной) семантикой. Это и дает основание рассматривать их как слова со смешанной семантикой, как гибридные слова.

Функционирование особых (гибридных) форм в составе той или иной части речи наиболее ярко характеризует лингвокреативную деятельность человека, когда он может, «строит текст, сфокусировать внимание на разных деталях происходящего, поместить фокус внимания в какую-либо одну из граней ситуации, *профилировать* одного из участников ситуации или совершаемое им действие, или результат последнего. Описываемый референт остается, собственно, одним и тем же, но ракурс его рассмотрения изменен» [Кубрякова, 2004, с. 399-400].

Изменение этого ракурса связано с синтаксической позицией слова в высказывании или тексте, в результате чего образуются когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы слова-лексем. Существование и функционирование этих форм обусловлено концептуализацией и категоризацией не только мира в языке и языка как специфической части этого мира, но и самого коммуникативного процесса, в котором часть речи может иметь как бы своих представителей (репрезентантов) для выполнения определенных коммуникативных задач [Шарандин, 2016]. По мнению А.А. Потебни, «каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям говорящего, разумеется, если предполагать в нем знания своего языка» [Потебня, 1977, с. 112]. Это позволяет выделить сильные и слабые синтаксические позиции, в которых актуализируются или нейтрализуются семантико-грамматические свойства той или иной части речи. *Сильные позиции* – это первичные синтаксические позиции частей речи, в которых их частеречная сущность выявляется наиболее однозначно и полно, чему способствует факт эксплицитной морфологической оформленности частей речи в данных позициях и представленность их прототипическими лексемами, которые являются образцами частеречного значения. *Слабые позиции* – это такие синтаксические позиции, в которых происходит смешение частей речи, результатом которого оказывается появление в слабых позициях особых форм той части речи, которая была маркированной в оппозиции. Данный процесс сопровождается грамматическими изменениями. Например, первичной синтаксической позицией для глагола является позиция предиката, представленная личными (спрягаемыми) формами. Употребление же глагола в атрибутивной позиции оказывается возможной, но в этом случае глагол предстает в форме той части речи, для которой данная позиция является первичной. В результате в этой позиции глагол теряет некоторые свои грамматические признаки и вступает в интегративное единство с прилагательным, структурируя свое содержание в соответствии со словоизменением прилагательного. Образовавшееся когнитивное коммуникативно-дискурсивное образование оказывается своего рода репрезентантом глагольного содержания в этой синтаксической позиции.

Как гибридные слова могут быть квалифицированы с позиций моделей анализа, синтеза и коррекции?

Для этого напомним, как решается вопрос о том, чем является фонема (о), например, в слове *вода* (*вада*). С точки зрения анализа в слабых позициях представлены не фонемы, а архифонемы, поэтому (о) – это архифонема (о/а), поскольку, находясь в слабой позиции, она отличается как от фонемы (о), так и от фонемы (а). С точки зрения синтеза, звук (а) в первом предударном слоге в материальном (звуковом) отношении в большей степени похож на (а), чем на (о), и поэтому мы имеем с точки зрения восприятия звукотипа фонему (а). С точки же зрения коррекции звук (а) соотносится с фонемой (о), поскольку проверка (коррекция) сильной позицией показывает фонему (о) – вОды.

Принимая эти рассуждения, рассмотрим для примера глагольный материал, наиболее богатый с точки зрения его речевой репрезентации в коммуникативном процессе. Взаимодействие глагола с другими частями речи позволяет, на наш взгляд, выделить следующие *гибридные слова* в его составе: *статив, причастие, деепричастие, девербатив* [Шарандин, 2009, с. 186-215].

В лингвистической литературе к *стативу* относят языковые образования, которые представлены аналитической формой, состоящей из связки *быть*, которая выражает значения наклонения, времени, лица (рода – в прошедшем времени), числа, и краткой формы на *-н / -т*, частеречный статус которой определяется по-разному (*Магазин был закрыт на ремонт; Дом был построен давно*). Мы рассматриваем статив как особую форму глагола.

Что же концептуализирует статив как глагольная форма? Для этого целесообразно сравнить статив с пассивной акциональной или результативной формой. На наш взгляд, категоризация посредством залога, представленного противопоставлением активной и пассивной конструкций, связана с осмыслением двух взаимосвязанных ситуаций – актуальной, целенаправленной, наблюдаемой и неактуальной, пассивно-результативной, которая содержит как бы информацию о предыдущей ситуации с активным деятелем. В случае же отсутствия информации о такой взаимосвязи, мы имеем стативное значение, то есть «статив представляет завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел» [Золотова и др., 1998, с. 334]. Статив – это «выродившийся» акциональный процесс, по своему значению он ближе к понятиям «состояние», «свойство», «качество», что и делает его значение в какой-то степени концептуально самостоятельным. Попадая в позицию качественно-предикативных слов, для которых значение неакциональности (статальности, качественности) является категориальным, глагол теряет признак вида, представленный видовым противопоставлением (видовой парой), и признак залога, представленный залоговым противопоставлением, т.е. те признаки, которые наиболее полно реализуют значение акциональной процессуальности. В результате глагол, используя причастие, предстает в форме статива. Статив в этом случае как бы демонстрирует статическое представление признака предмета (носителя предикативного признака), делая предмет фигурой, а позиция деятеля оказывается устраненной, обеспечивая тем самым фон для реализации стативного значения.

Таким образом, с точки зрения анализа статив, например, *был прочитан* (Этот роман *был прочитан* еще весной) – это архиформа «глагол / качественно-предикативное слово», т.е. это – и не глагол, поскольку изменяется как качественно-предикативные слова, и не качественно-предикативное слово, поскольку лексически он ближе к глаголу. С точки зрения модели синтеза статив может быть квалифицирован как качественно-предикативное слово, потому что его словоизменение в большей степени соотносится с изменениями родовых слов (*прочитан, прочитана, прочитано*). С точки зрения коррекции статив *был прочитан* должен быть признан формой глагола *читать*, лексическая тождественность с которым подтверждается наличием общности лексической основы – как части слова без формообразующих аффиксов.

Причастие, например, *читающий* с точки зрения анализа представляет собой архиформу «глагол/прилагательное», с точки зрения синтеза – это форма прилагательного, а с точки зрения коррекции – это форма глагола.

Деепричастие, например, *читая* оказывается архиформой «глагол/наречие», в плане синтеза – формой наречия, будучи неизменяемой формой, а в плане коррекции – формой глагола, поскольку лексическая основа этой формы тождественна лексическому содержанию глагола *читать*.

Девербатив в этом плане представляет особый интерес, поскольку большинством лингвистов он рассматривается как отглагольное существительное, т.е. в данном случае признается результат словообразования. Не вдаваясь в детальную дискуссию

относительно языкового статуса девербатива, ибо этот вопрос подробно рассматривается в наших работах, отметим, что мы рассматриваем девербатив не как факт словообразования, а как результат синтаксического формообразования, как результат номинализации, который позволяет нам видеть в девербативе особую форму глагола – субстантивную. Данное решение вполне соответствует модели коррекции. На наш взгляд, *девербатив* как субстантивная форма глагола объективирует в сознании глагольный признак безотносительно к модально-временным его проявлениям и представляет это в форме существительного, которое в частеречной иерархии противопоставляется, прежде всего, глаголу. Форма существительного в наибольшей степени приспособлена для отражения глагольного признака без модально-временных характеристик, поскольку, лишая глагольный признак его наиболее ярких в содержательном аспекте признаков (модально-временных). В этом случае она позволяет в какой-то степени осмысливать и воспринимать данный признак как некую самостоятельную сущность, видеть нерелевантность его проявления в связи с носителем признака, ибо сам признак становится предметом мысли и оказывается носителем предцизируемых признаков.

Девербатив в качестве номинализационной единицы может рассматриваться как свернутый текст, упакованный в субстантивную форму в составе анализируемой текстовой структуры. Эта текстовая структура будет хранить в своей памяти когнитивно-пропозициональную информацию, отраженную в референтной семантике субстантивной формы (по Кубряковой, «отсылать к действительности»), и в то же время будет позволять оперировать этой формой как существительным, отражая его грамматические возможности как дискурсивной единицы, т.е. как морфолого-синтаксического образования (по Кубряковой, «отсылать к языку»). В результате в девербативе мы имеем интеграцию концептуального содержания в виде его связи с лексическим значением глагола-предиката и концептуальной структуры в виде грамматических значений существительного.

Результаты коррекции подтверждаются отсутствием в мотивации лексического компонента, который перевел бы девербатив, например, *чтение* в существительные. Поэтому не случайно в толковых словарях русского языка мы имеем толкование следующего типа: *чтение* – действие по значению глагола *читать*» (МАС). Что же касается наличия в его морфемной структуре различного рода суффиксов, то, как известно, суффиксы в русском языке выполняют не только словообразовательную функцию, но и формообразовательную (причастия, деепричастия).

С точки же зрения модели анализа девербатив – это архилексема «глагол/существительное» (*читать/чтение*), с точки зрения синтеза – существительное (*чтение*), поскольку имеет словоизменение существительного.

О чем свидетельствует данный материал? В этом плане обратимся к истории изучения и описания частей речи русского языка. Ведь именно гибридные слова в составе той или иной части речи вызывают наибольшие споры. И особенно наглядным оказывается материал о гибридных словах с точки зрения их частеречного представления в соответствии с принципами классификации частей речи в русском языке. Как известно, в качестве основных принципов выделяются три принципа, которые были реализованы и в теоретическом изучении частей речи, и в плане изучения их в школе и вузе. К ним относят лексический, грамматический и семантико-грамматический (структурно-семантический) принципы. Как и в свое время в фонологии, в морфологии ведутся достаточно оживленные дискуссии о правомерности и научной обоснованности того или иного указанного выше принципа. Но, как и в фонологии, мы можем обосновать позицию, согласно которой целостное и полное описание проблемы частей речи русского языка оказывается в том случае, когда представлены в системном описании частеречной классификации все эти три принципа, поскольку они дополняют друг друга, акцентируя специальное внимание на той или иной стороне их рассмотрения. Другими словами,

данные принципы классификации отражают результаты трех моделей (аспектов) – анализа, синтеза и коррекции.

Модель коррекции отражает классификацию частей речи с лексических позиций. По существу в этом случае мы имеем рассмотрение частей речи в плане отражения ими предметов и явлений действительности. За каждой частью речи оказывается закрепленным «кусочек действительности». В результате то, что не укладывается в рамки лексической классификации (например, девербативы), должно было бы находиться за пределами классификации, т.е. необходимо было признать, что есть слова, которые находятся за пределами классификации частей речи, не включаются ни в одну из выделяемых частей речи [Щерба, 1957]. Однако при лексическом подходе к частям речи все слова включались в части речи. В результате по отношению к девербативам (да и к деадъективам типа *доброта*) было принято решение относить их к существительным, что нарушало последовательность применения лексического принципа.

Сторонники грамматического подхода по существу реализовали модель синтеза, которая позволяла объединять в составе одной части речи слова с одинаковым набором грамматических признаков. Но и этот принцип не был последовательно реализован, поскольку в этом случае, например, глагол предстал бы не как единая часть речи, а как совокупность частей речи. Поэтому данный принцип был дополнен лексическим подходом, что позволило видеть в таких образованиях, как причастие, деепричастие, инфинитив, императив, презенс, перфект формы, входящие в состав глагола как единой и целостной части речи.

Модель же анализа стремилась учесть соответствие планов содержания и выражения. Однако по отношению к гибридным образованиям также пришлось учитывать результаты лексического и грамматического подходов. В противном случае все гибридные образования должны были бы остаться за пределами семантико-грамматической классификации, поскольку они с точки зрения анализа не могли однозначно квалифицироваться как лексемы, а оказывались архилексемами, т.е. оказывались результатом нейтрализации маркированной части речи в слабой позиции.

В результате дискуссия о частях речи продолжается. В настоящее время она активно обсуждается в рамках когнитивного подхода к частям речи. Действительно, когнитивный подход позволяет объяснить содержание частей речи с точки зрения процессов концептуализации и категоризации мира в языке и языка как части этого мира, а также учесть дискурсивный (морфолого-синтаксический, по Кубряковой) характер частеречных образований. Однако и при этом открытым и не до конца решенным оказывается также вопрос о гибридных словах в составе частей речи.

Итак, на наш взгляд, изучение и описание гибридных слов в русском языке с позиций анализа, синтеза и коррекции позволяет сделать следующий *вывод*. Данные модели в теоретическом и практическом отношении состоятельны и имеют свои решения, которые необходимо учитывать при описании частей речи. Другое дело, что каждая из этих моделей имеет свои цели, позволяющие получить более глубокие знания в плане их использования. Поэтому и важно учитывать эти цели. В учебных целях, на наш взгляд, наиболее приемлем структурно-семантический подход к частям речи, результаты которого находят отражение в модели коррекции. По отношению к гибридным словам корректирующий механизм связан с лексическим значением слова: если обнаруживается в результате коррекции лексическая тождественность гибридного слова со словом, от которого оно образовано, то мы имеем концептуальную структуру (форму), оформляющую (структурирующую) концептуальное содержание лексемы.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

2. Дриняева О.А. Фонологические методы, их универсальность и применимость за пределами фонологии / О.А. Дриняева, Н.В. Каменская, О.А. Руделева // Исследования по русской фонологии. – Тамбов: ТГПИ, 1987. – С. 142-162.
3. Журавлев В.К. Фундаментальный характер фонологических идей / В.К.Журавлев // Фонология. – Тамбов: ТГПИ, 1982. – С. 171-177.
4. Золотова Г.А. и др. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова и др. – М.: МГУ, 1998. – 528 с.
5. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С.Кубрякова. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 332 с.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Лекант П.А. Часть речи предикатив / П.А.Лекант // Очерки по грамматике русского языка. – М.: МГОУ, 2002. – С. 29-30.
8. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.4. Вып.2. Глагол / А.А.Потebня. – М.: Просвещение, 1977. – 406 с.
9. Руделев В.Г. Предисловие / В.Г. Руделев // Фонология. – Тамбов: ТГПИ, 1982. – С. 3-12.
10. Руделев В.Г. Открытие, не осмысленное веком / В.Г.Руделев // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – Т.2. – М.: МГУ, 1995. – С. 446-447.
11. Руделев В.Г. Фонология слова / В.Г.Руделев. – Тамбов: ТГПИ, 1975. – 127 с.
12. Шарандин А.Л. Оппозитивный метод в филологических исследованиях / А.Л.Шарандин // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. – Вып. 6. – СПб.– Ставрополь: СГУ, 2001. – С.56 – 61.
13. Шарандин А.Л. Динамическая теория частей речи как отражение взаимодействия мышления, языка и коммуникации / А.Л.Шарандин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – № 1 (30).– 2013. – С. 42-46 .
14. Шарандин А.Л. Динамическая теория частей речи русского языка в аспекте межчастеречного взаимодействия / А.Л.Шарандин // Исследования по семантике. – Выпуск 25. – Уфа: БашГУ, 2013 а. – С. 232-244
15. Шарандин А.Л. Когнитивно-дискурсивное пространство слова в аспекте взаимосвязи концептуализации и категоризации / А.Л.Шарандин // Когнитивные исследования языка. – Вып. 26. Тюмень: «Айвекс», 2016. – С. 295-299.
16. Шарандин А.Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка / А.Л.Шарандин // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Вып.1. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 20-27.
17. Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание / А.Л.Шарандин. – Тамбов: Изд-во Першина, 2009. – 587 с.
18. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба// Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63-84.

*Шарандин Анатолий Леонидович,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р.Державина.
E-mail: sharandin@list.ru*

*Sharandin Anatoliy Leonidovich,
Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
e-mail: sharandin@list.ru*

ОТ А ДО Я, ИЛИ РУССКИЙ АЛФАВИТ И ЗВУКИ РЕЧИ ПО-НОВОМУ©

Аннотация: статья посвящена проблеме обучения иностранных учащихся русскому языку на начальном этапе.

Ключевые слова: алфавит, фонетика, буквы, звуки, интонация, произношение, правила чтения, знаки пунктуации.

From A to Я, or the Russian alphabet and the sounds of speech in a new way

Abstract: the article is devoted to the problem of Russian language teaching to foreign students at the initial stage.

Key words: alphabet, phonetics, letters, sounds, intonation, pronunciation, reading rules, punctuation marks.

Многолетняя практика преподавания русского языка как иностранного и общения с инофонами позволяет утверждать, что почти в ста процентах случаев в обыденном, нефилологическом, сознании иностранной язык ассоциируется прежде всего с алфавитом.

Известно, что первичное предъявление букв русского алфавита вызывает стресс у большинства иностранцев. Несмотря на то, что в Интернете можно найти множество курсов, обучающих русскому языку с алфавита, читая иноязычные блоги, убеждаешься в том, что непривычное начертание кириллицы воспринимается представителями других языков и культур как чуждое и даже враждебное и часто вызывает неприятие.

В 2005-2007 гг. я преподавала русский язык в Леонском университете, как когда-то преподавал там Владимир Тихонович Титов, в далёком прошлом бывший моим преподавателем на факультете РГФ.

Во время первого года работы с испанскими студентами, которых я обучала русскому языку впервые не в России, а в Испании, мне стало понятно, что знакомство с кириллицей вне русской языковой среды представляет особую трудность.

Для облегчения предъявления русских букв и соответствующих им звуков студентам факультета философии и филологии Леонского университета я создала методическую разработку, представлявшую собой рукописную презентацию алфавита, с буквами, организованными, как в традиционном порядке, так и особым образом. Необходимость такого приема была продиктована тем, что овладение иностранным языком у взрослых учащихся происходит на рациональном уровне. При обучении взрослых требуется использование не только прием имитации, но и помощь в осознании закономерностей соотношений между русской буквой и звуком, который она может обозначать в различных позициях и комбинациях.

По возвращении я решила оформить эту разработку в виде компьютерной презентации в формате программы PowerPoint.

Мною был создан инвариант четырёхмодульной ознакомительной презентации под названием «Русская фонетика для начинающих», которая охватывает следующие необходимые для начальной стадии изучения русского языка компоненты:

- 1) русский алфавит с традиционным расположением пронумерованных букв;
- 2) классификацию пронумерованных букв русского алфавита в зависимости от обозначаемых ими звуков в изолированной позиции (как гласных, так и согласных);
- 3) основные правила произношения гласных, простых и йотированных;
- 4) основные правила произношения согласных в разных позициях;
- 5) способы передачи на письме характерных дифференциальных признаков русских согласных (твёрдости/мягкости и глухости/звонкости);
- 6) правила орфографии гласных после согласных Ж, Ш, Ч, Щ, Ц;
- 7) графическую и фонетическую презентацию пяти основных интонационных конструкций русской речи;
- 8) демонстрацию основных знаков препинания и правил их постановки.

Первый модуль – «Алфавит: буквы и звуки» – знакомит с буквами русского алфавита и звуками, передаваемыми ими.

Второй модуль – «Звуко-буквенный строй русского языка» – знакомит с основными фонетическими характеристиками русских звуков, с их трансформациями в потоке речи (двумя видами редукции, оглушением, озвончением) и вытекающими из этих фонетических закономерностей правилами чтения русских слов.

Третий модуль – «Интонационные конструкции русской речи» – знакомит с пятью основными типами интонационных конструкций и важностью их использования в устной форме речи.

Четвёртый модуль – «Знаки русской пунктуации. Элементарный уровень» – знакомит с шестью главными знаками пунктуации (точкой, запятой, двоеточием, вопросительным и восклицательным знаками и тире), с прописной и строчной буквами, знание которых необходимо для письменного оформления русской речи и адекватного понимания печатного текста.

Три первых модуля сопровождаются аудиофайлами, иллюстрирующими все примеры, начиная с букв алфавита и соответствующих им звуков в изолированной позиции и заканчивая интонационным оформлением речи. Первый модуль содержит также видеофайл с песенкой «Алфавит», облегчающий процесс запоминания названий и порядка букв.

Все четыре модуля презентации, включая примеры, переведены на английский, испанский, французский и китайский языки, что позволяет учащимся до начала собственно процесса обучения русскому языку познакомиться с русским алфавитом и правилами русского произношения.

Предварительное знакомство на родном языке или языке-посреднике с этим «странным» и непривычным для иностранцев кириллическим алфавитом и правилами чтения позволяет уменьшить степень тревожных ожиданий учащихся и расширяет диапазон их возможностей по совершенствованию фонетических навыков в дальнейшем.

Лёгкость многократного воспроизведения презентации адаптирует её к особенностям восприятия любого контингента (будь то молодые или возрастные учащиеся, носители европейских или восточных языков), а также к различным целям обучения.

Данная презентация выполняет несколько функций:

- I. *первично-информативную* –
  - 1) оперативно знакомит начинающих с русским алфавитом и терминологией, называющей фонетические явления;
  - 2) даёт систематизированное представление о звуко-буквенном строе русского языка;
  - 3) демонстрирует эталонный инвариант русского произношения и интонации;
  - 4) знакомит с правилами орфографии, релевантными на начальном этапе;
  - 5) знакомит с основными правилами пунктуационного оформления русского предложения;

б) обеспечивает быстрое овладение навыками чтения;

II. *обобщающе-коррекционную* – помогает студентам обобщить и упрочить свои знания в области фонетики и правил русской орфографии, а также скорректировать приобретенные ранее навыки русского произношения и интонации, сверив их с эталоном;

III. *контрольную*– даёт возможность учащимся самостоятельно убедиться в адекватности своего слухового восприятия и воспроизведения аудиоматериалов презентации;

IV. *репетиционную* – служит многократно воспроизводимым по желанию учащегося пособием по правилам русского произношения, интонирования, чтения и орфографии.

При создании презентации был осуществлён учёт принципа методической целесообразности в отборе фонетических явлений и иллюстрирующих их примеров на основе Лексического минимума 1 Сертификационного уровня и применена дискретная форма организации материала посредством использования модульной структуры.

Компьютерная презентация, размещенная на сайте Лаборатории новых образовательных технологий Института международного образования ВГУ [1], позволяет иностранным учащимся самостоятельно воспользоваться ею с удалённого рабочего места, что, в конечном счёте, служит цели оптимизации процесса овладения правилами русского произношения и чтения на начальном и их коррекции на последующих этапах обучения.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

1. «Русская фонетика для начинающих» (на русском, английском, испанском, французском, китайском языках) : [сайт]. – URL : <http://interedu.vsu.ru/index.php/ru/institut/20-laboratoriya-novykh-obrazovatelnykh-tekhnologij/> [дата обращения : 31.08.2017].

*Шигина Ирина Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры русского языка довузовского этапа обучения
иностранных учащихся Института международного образования Воронежского
государственного университета.*

E-mail: shigina@interedu.vsu.ru

*Shigina Irina Evgenievna,
Senior Lecturer of the Russian Language Department at the Pre-university Stage of Foreign
Students Teaching at the Institute of International Education, Voronezh State University.*

E-mail: shigina@interedu.vsu.ru

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И ТИПОЛОГИИ**

Сборник научных трудов

В ы п у с к 6

Издано в авторской редакции

Подписано в печать XX.XX.XXXX. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 000000 Уч.-изд. л. 00000

Тираж XXX экз. Заказ № XX.

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3